

Благословлённые Тьмой, проклятые Светом

К. Снежинская

Война не синоним страха, крови и боли. Это просто другая жизнь. Но и в ней есть места дружбе, верности, рождению детей. И любви, конечно же, любви. Ну а кто-то может раскрыть в себе новые таланты и, например, стать пророком. Но, главное, только пройдя через огонь, можно избавиться от всего лишнего и наносного. Поняв, наконец, что действительно важно, а чем можно и пожертвовать.

Катерина Снежинская

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕМОН.

БЛАГОСЛОВЛЁННЫЕ ТЬМОЙ, ПРОКЛЯТЫЕ СВЕТОМ

*Ты, сын мой, полагаешь себя рождённым Светом? А ты, дочь
благодетельная, называешь своей матерью Тьму? Так скажите же,
премудрые, кем станут дети ваши, ежели объединитесь вы в одно,
полутьмой или полусветом?*

*Не рождается тень без луча солнечного. Но и света вы не
познаете, не увидев вначале мрака. Так и души не имеют цвета
единого. Всё понамешано, всё сплетено, позапутано — не разберёшь,
не расправишь. Смиритесь Тьмой, и со Светом в душах своих. Только
так вы счастье обретёте.*

Из проповеди странника Бэхора

Глава первая

Фраза: «Ну не буду вам мешать» — означает, что помочь вам никто не собирается.

Из наблюдений мистрис Шор

За тонкой перегородкой грохнуло, зазвенев пустыми жестянками. В стену бухнуло, как будто с той стороны по ней тараном вдарили — доски аж прогнулись. Кто-то вздохнул словно огорчённый слон, тяжело переступив по полу. Теперь уж скрипнули половицы.

— Тётя Арха, а тётя Ю опять жёрдочку съе... Ай! — звонкая затрещина напомнила неугомонной Ируш, что она находится в приличном месте. — Ну чего сразу драться-то? Я ж хотела сказать, мол, снесла тётя Ю жёрдочку. Чё, неправа я разе?

— Дурдом! — буркнула под нос ведунья. — Зверинец на выгуле.

Лекарка с ненавистью глянула на льняные лоскуты, укоризненной грудой лежащие на столе. И от всего своего большого сердца пожелала им сгореть. Корпию^[1] щипать девушка ненавидела. Уж лучше сутками горшки выносить, чем выдёргивать колкие упрямые нитки.

Странно, но все остальные полностью разделяли её мнение. Желających мыть судна находилось предостаточно. Готовить корпию не было ни одного.

— Иду! — крикнула Арха.

Видимо, получилось слишком громко, потому что за стенкой опять ботнуло, покатилося и финальным аккордом разлетелось с радостным стеклянным звяканьем.

— Тётя Ю, да что ж ты как корова-то?!

— Чтоб вам всем во Тьму провалиться!

Сердце у девушки было действительно большое и добрых пожеланий в нём хватало на всех.

Ведунья сгребла с колен кучку нащипанных ниток, переложив её на стол. По сравнению с горой лоскутов кучка выглядела неубедительно.

За перегородкой ударил гонг. Видимо, Ю добралась до бака с кипячёной водой.

— У-у-у!

Мычание лекарки вышло малоинформативным, но очень эмоциональным. Арха с досады грызнула подсохшую уже мозоль на большом пальце. Из вскрытого пузыря немедленно потекло. Пальцу стало больно. Ведунья со злости сунула его в рот, мстительно обкусывая оставшуюся корочку. Встала, стряхнув с фартука сор и пух. Чище он, конечно, от этого не стал.

— Ар, извини, я тут... того...

Кипенно-белая занавеска, закрывающая дверной проём, отодвинулась в сторону, демонстрируя девушке виноватую физиономию грахи.

Лекарка похвалила себя за сунутый в пасть палец. Вовремя она это сделала, честное слово. Прекрасной великаншу в последнее время считал исключительно Тхия. Все же остальные при виде отёкшего лица с заплывшими глазами и носом-пуговкой пугались. Вот и Арха едва не взвизгнула. Хотя должна была уже и привыкнуть. Но физиономия Ю, словно только что извлечённая из дупла с дикими пчёлами, действительно ужасала.

— Честно, не хотела я, — гудела граха, кажется, собираясь зайти в коморку.

— Да всё нормально!

Правда, из-за пальца, зажатого в зубах, получилось нечто вроде «т усё нырнальна». Но, главное, смысл понятен.

— Как же, нормально! А жёрдочку-то снесли! — нажаловалась Ируш, шаркая веником.

— Да не жёрдочку, а этажерку! — рявкнула ведунья. — Сколько раз повторять?

— А мне всё едино, — невозмутимо отозвалась вредная беса. — Тока снесли — и снесли. Зачем встають? Говорят же: покой нужон. Нет, скачуть, что твоя корова на льду! И всё сносят.

Ю покраснела ещё гуще, переливаясь всеми оттенками багрянца.

— Ты зачем встала, действительно? — вздохнув, проникновенно поинтересовалась Арха.

— Душно... — пожаловалась великанша и едва ли ножкой не шаркнула.

— Душно ей! Пойдём, провожу. Сразу позвать не могла?

— Да неудобно мне. Все делом заняты, одна я как дура.

Граха, конечно, была на пару голов выше лекарки. Раза в три шире и, кажется, раз в пять тяжелее. Но за последнее время они приноровились. Арха не столько подпоркой служила — на ногах-то Ю и сама держалась неплохо — сколько задавала верное направление.

Ведунья подсунулась под локоть великанши, тычком в богатырские рёбра указывая, куда повернуть надо.

— Ей неудобно, а мне тут подбирай всякое, — словно старая бабка бубнила Ируш, собирая с пола осколки.

— Выдеру, — пообещала Арха, шаркая мимо перевёрнутого стеллажа. Беса, ничуть угрозой не напуганная, презрительно фыркнула в ответ. — Иррашу пожалуйюсь! — пустила в ход тяжёлую кавалерию лекарки.

Второй фырчок вышел ещё более презрительным. Маленькая зараза самой Тьмы не боялась. И очень быстро бегала. Что самое удивительное, действительно обгоняя шавера. Да ещё и по деревьям лазала, как белка.

— И вот что с ней делать, а?

— Вправду выдрать, — меланхолично посоветовала Ю, сосредоточенная на последовательности переставления ног, которых за огромным животом просто видно не было.

— Выдерешь её...

Задача и впрямь казалась нетривиальной. Как только Ируш начинали угрожать всерьёз, она корчила жалостливую физиономию и заявляла, что: «Несчастливого ребёнка с глубокой психологической травмой каждый обидеть норовит!». При этом ещё в больших, голубых и чистых, как ясное небо глазах появлялись такие же кристально чистые слезы.

Никто из демонов так и не признался в авторстве фразочки. Но, наверное, даже сам сочинитель горячо пожалел о содеянном. Поэтому девчонка наглена день ото дня всё больше, искренне считая и лазарет, и все Дубки своей исконной вотчиной. И с этим оставалось только смириться.

Выбравшись из бывшего общинного сеновала, а ныне служебной каптёрки^[2] при госпитале, Арха осторожно усадила граху на лавку и сама пристроилась рядышком, опершись спиной о стену. Идея подышать свежим воздухом показалась заманчивой. В сеннике и вправду было душно, пахло сухой травой, камфорой, йодом и эфиром. И сколько ни драй полы, а травяная труха, превратившаяся в пыль, всё равно висела в воздухе.

— Тьма, когда же это кончится-то? — тоскливо протянула Ю, с ненавистью глядя на нежно зеленеющие берёзки.

— Да ведь совсем немножко осталось, — привычно успокоила великаншу лекарка.

Граха в ответ также привычно кивнула.

Ну а что тут другое скажешь? Беременность Ю переносила плохо. Наверное, не унаследуй детёныш от мамы гораздо больше, чем от папы, всё давно бы уже кончилось. И весьма печально. Когда Арха сообразила, что у великанши не обычные недомогания будущей мамочки, ей захотелось счастливых родителей лбами стукнуть. Чтобы в следующий раз подумали, прежде чем на размножение решиться. Ведь кровь любого демона для арифедов настоящий яд. А в животе у Ю, между прочим, наполовину арифед обитал.

Ошарашенный такой новостью Тхия, растерянно пролепетал, что у жён его брата, в смысле, его собственных жён, ничего подобного не было. А потом пошёл биться головой об стену. Ведунья его от стены оторвала и отправила в бывшие владения бывшего же лорда Сареш. Вернулся оттуда рыжий с маленьким Данашем и полным отсутствием информации. Грахи по этому поводу ничего умного сказать не сумели. Они, оказывается, о несовместимости папочки и мамочки тоже не задумывались. Само всё получалось.

У Ю само не получалось.

Пришлось экспериментировать на свой страх и риск. Зато Арха теперь заслуженно гордилась первым, наверное, в этом мире опытом по переливанию демону человеческой крови. Впрочем, как и по переливанию крови вообще кому бы то ни было. Перспективы такая практика открывала богатые.

Правда, во время эксперимента лекарка чуть подопытную не потеряла. Оказывалось, что не вся кровь ей и подходит. И для лечения годилась исключительно та, которая по выражению Тхия «пахла особенно вкусно». Причём только для него. Ю разделяла гастрономические предпочтения супруга, игнорируя пристрастия других арифедов. Проверая данную теорию на практике, Арха своего «кролика» чуть вторично во Тьму не отправила.

Зато теперь при госпитале обитали три «тёлки» с подходящей кровью. И ведунья от них даже шарахаться перестала.

А закончиться всё должно буквально со дня на день. Правда, это всех не столько радовало, сколько пугало.

* * *

Сидеть на лавочке и впрямь было хорошо. Природа разбуянилась вовсю: пригревала пушистым солнышком, ублажала безумным птичьим гомоном, перекрывающим даже привычный гвалт ставки. Радовала яркой зеленью только что распустившихся листочков.

Причём и нагрянула-то весна неожиданно. Вчера ещё берёзы торчали хмурые и мокрые. А сегодня насквозь пронизанный светом березняк на пригорке за деревенскими домами пушился, как птенец. И грязь, тщательно взбитая обозными колёсами в густую без комков кашу, подсохла, покрылась корочкой. Правда, стоило кому-нибудь по ней проехать, и из-под этой корки брызгала прежняя жижа. Но брызгала она тоже по-весеннему задорно.

Флаги и значки на полосатых шатрах в ставке главнокомандующего развернулись гордо, воинственно рея на ветру, словно в бой готовясь. Хотя спешить вроде и не стоит. Весенняя кампания всё никак не начиналась. Впрочем, она как осенью завязла, так с тех пор с места

не двинулась.

В полк господина Ханшара Великолепная Пятёрка прибыть так и не успела. Собственно, им, оказывается, и успевать-то некуда было. Этот самый полк, добираясь до осаждённого принцем Горкола, умудрился налететь на отборный спец-отряд арелимов^[3] в сопровождении трёх рот ишимов. Куда направлялись светлые, так и осталось невыясненным. Но от полутора тысяч солдат едва половина осталась. А сам храбрый полковник предусмотрительно сдался в плен. Откуда теперь и слал Его высочеству Адашу слёзные письма с мольбами заплатить за него выкуп.

Письма, изложенные на надушенной бумаге с золотым обрезом, могли растрогать даже самое чёрствое сердце. Мучения и лишения господина Ханшара живописались с душераздирающими подробностями. Но продвижению военной кампании не помогали никак. Остатки полка кронпринц объединил с собственным, прикомандировав его к главной ставке. Но без возмещения потерь, а, желательно, ещё и пополнения, Горкола он взять не мог.

Правда, большинство генералов сомневалось, что он город и с подкреплением возьмёт.

Послания императору принц писал не менее регулярно, чем Ханшар ему самому. И наверняка подробности в них были не менее душераздирающими. Но и толку от писем выходило примерно столько же.

В результате жители Горкола, начавшие уже ощущать сложности осады на своей шкуре, всё чаще отбивали вялые атаки не с помощью кипящей смолы, а дерьма, заботливо разбавленного водой. Маги Тёмных расслабленно пуляли по неприступным башням огненными мячиками, делая ставки, кто вышибет во-он тот кирпичик с третьего по счету зубца. Солдаты при первой возможности расползались по землянкам, где большую часть суток дрыхли, как впавшие в зимнюю спячку сурки. Генералы многозначительно молчали. Адаш психовал и матерился.

В подытоге всё оказались довольными. Не считая, конечно, горколцев и принца. Но их в расчёт принимать и не стоило. Потому что количество ошастливленных явно преобладало перед несчастными. Соответственно, среднеарифметическое число присутствующих на берегах сонной Ячменки на жизнь не жаловалось.

И всё это не имело никакого отношения госпиталю. Лазарет, интендантские и штабные службы разместили в ближайшем к городским стенам большом селе — Дубках. От них до Горкола было примерно с два часа неспешной пешей прогулки. Так что, обитатели лагеря могли даже время от времени наблюдать огненные представления, устроенные упившимися в очередной раз магами...

Вот, кстати, одна из армейских загадок, разгадку которой для Архи Тьма скрывала. Спиртное в армии находилось под строжайшим запретом. И взять его вроде бы неоткуда — ближайший город, принадлежащий Хапранской империи, находился аж в четырёх днях конного пути. То есть, на добычу веселительного потребовалось бы никак не меньше восьми суток. Такую самоволку не заметить просто не могли. А проходы через Тьму зорко отслеживали жрецы, находящиеся в ставке. Но именно боевые маги умудрялись напиваться до поросячьего визга не реже, чем раз в неделю. Причём всем ротным составом.

Впрочем, эта тайна медиков тоже особенно не касалась. Если не считать разбитой физиономии лейтенанта, которому кронпринц в очередной раз объяснил преимущества трезвого образа жизни. Но и лейтенант в лазарет заглядывал не столько для того, чтобы подлечиться, сколько поплакаться на всеобщую несправедливость и непонимание

утопчённых душ магов.

Больных и раненных в госпитале было мало, тяжёлые отсутствовали вовсе. Хирурги в Дубках практически не появлялись, предпочитая проводить время в ставке главнокомандующего, где собралось весьма изысканное общество. Так как большинство вышестоящих офицеров приволокли с собой на войну не только личные шатры, гардеробы, мебель, лакеев, поваров, но и личных любовниц.

Коренные жители Дубков медиков тоже особенно не беспокоили. Их и осталось немного — мужики да старики в основном. Несмотря на то, что мародёрство и насилие над мирным населением в хашранской армии находилось под запретом не менее строгим, чем винопитие, крестьяне, подчиняясь данной от рождения предусмотрительности, баб и детей от солдат предпочитали держать подальше. А то, не ровён час, оставишь в деревне первых, сразу же и вторых прибавится.

Да и сами крестьяне предпочитали с армейскими не общаться. Хотя, конечно, и не шарахались как прежде. Вообще-то, деревня считалась человеческой. Впрочем, Арха тут не только ни одного получеловека, но и существа с четвертью людской крови не видела. Зато встречались такие «полу», что не сразу и разберёшь, чего же в нём помешано. Например, староста деревни в предках явно имел ишима, а с другой стороны к его генеалогическому древу бесы пристроились.

Но побережье Ячменки, как и весь Зеленодол, уже второе столетие периодически попадало то под протекторат Хашрана, то Света. Так что, наверное, тут даже помеси хомячка с волком удивляться не стоило.

А вот само население почитало себя человеками. А, значит, детей Тьмы, равно как и детей Света, им от рождения бояться положено было. Вот они и... Ну, не боялись, но опасались. И госпитальных зазря не беспокоили.

Только скучать всё равно не приходилось. Начальник госпиталя, арифед строгий, предусмотрительный и во всём любящий порядок, периодически спускался с холма, на котором реяли под солнцем флаги ставки, и раздавал новую телегу указаний. При этом, гад такой, обязательно проверял, выполнены ли предыдущие распоряжения.

И лишь потом отбывал обратно в нежные объятья леди Варс, скучающую без лорда Кашер, который отбыл в отпуск, навестить недавно родившую супругу, да потерявшегося по дороге. Впрочем, вполне может быть, что это всё злословие и ложные наветы. И в скором времени принц должен получить ещё одно послание, живописующие страдания генерала тоже встретившего в пути кого-нибудь не того.

Собственно, вот этим самым, то есть, обсуждением кто, кого, куда, с кем и почему госпитальные и занимались большую часть дня. А что ещё делать? Скука смертная. Ну и Арха потихонечку сходила с ума, дожидаясь, когда же у Ю «всё закончится».

Причины же для нервного обгрызания ногтей имелись самые веские. К лазарету было приписано аж пятеро хирургов. Причём — без всяких шуток! — весьма неплохих. И всего одна повитуха — сама ведунья. А как принимать ребёнка, которого организм собственной матери травит, лекарка понятия не имела.

Главное, что и спросить-то совета не у кого.

Блаженное ничегонеделанье закончилось быстро. По мнению Архи, чересчур быстро. Она даже толком и пригреться на весеннем солнышке не успела, как из-за угла бывшего сенника вырулило... Ну, нечто вырулило, что уж там. А как по-другому можно назвать демона, посередь бела дня разгуливающего, закутавшись с ног до головы в чёрный плащ? Да ещё и натянувшего капюшон едва не до подбородка. Причём капюшон этот, словно рогульки сохнувшую рыболовную сеть, изнутри растягивали рога. Просто чудеса скрытности! Никто не заметит.

— Добрый день, Ваше высочество, — недовольно поздоровалась вежливая ведунья, со старушечьим вздохом вставая со скамейки.

— Рад! — гавкнул в ответ хаш-эд.

— Чему?

— Тому, что он у тебя доброе.

— А у вас разве не так? Неужели милейшая Лилейша наконец-то одарила вас не только своей благосклонностью, но и чем похуже? А я всегда говорила: сельдерей — лучшее средство от дурных болезней.

— Устарела.

— Лилейша? Не спорю, она уже немолода.

— Шутка устарела.

— Хорошие шутки не хорошенькие женщины. С годами прелести не теряют.

— Так то хорошенькие.

— Женщины?

— Шутки.

— Ну, тут я с вами спорить не возьмусь. Сложно спорить с существом, напрочь лишённым чувства юмора.

— Мистрис Арха! — не выдержал принц, тщательно прячущийся под личиной никем, естественно, неузнанного инкогнито. — Ты как со мной разговариваешь?

— На хашранском, мессир, — искренне удивилась ведунья, — а непонятно разве?

Его Высочество, в точности скопировав давешний лекарский вздох, устало привалился к стене сарая.

— И как тебе Дан терпит, а?

— Да никак не терпит! — огрызнулась Арха. — Сложно «терпеть» кого-то, если видишь его одну ночь в десять дней!

— Зато как романтично! «Они разглядывали друг друга ночь напролёт...» — писклявым и крайне неубедительным голосом передразнил кого-то кронпринц.

— Мимо! По ночам мы находим гораздо более интересные занятия, — злобясь всё больше, ответила ведунья.

И даже уже и не покраснела. Дурно на неё война влияла.

— Сама же сказала, что ты его видишь одну ночь из десяти, — попытался парировать остроумный Адаш.

— Я сказала, что я вижу его в одну ночь из десяти. «Видеть» и «смотреть» — вещи разные. На вас вон тоже все смотрят, но никто не видит.

— Знаешь, в кого ты превратилась? В склочную бабу, — покачал рогами принц. — А была такой миленькой лекаркой.

— А вы разве не знаете? Женщины обычно и превращаются в склочных стерв, если у них мужчин отбирают!

— В неудовлетворённых склочных стерв, ты имела в виду?

— Одно вытекает из другого.

— Пойду я, пожалуй, — прогудела Ю. — А то лай тут ваш слушать... Хуже собак. Гав-гав, гав-гав! Голова разболится...

— Меня тут, вообще, кто-нибудь уважает? — расстроено протянул Адаш, глядя вслед грахе.

— Нет, — отрезала вредная Арха и кивнула в сторону осторожно, придерживаясь стенок, бредущей Ю. — Она тоже своего мужа видит крайне редко. Так что уважения тут вы точно не найдёте, Ваше высочество.

— Да мать вашу! — выверился принц. — Это война, а не увеселительная прогулка!

— Серьёзно?

Ведунья подняла палец, призывая хаш-эда прислушаться. И, словно по заказу, тёплый ветерок, пахнувший сырой землёй, донёс до них нежное пиликанье скрипок. В главной ставке накрывали столы, готовясь к обеду штабных.

Кронпринц досадливо сплюнул, едва не попав на полу собственного «тайного» плаща.

— Ладно, я тоже пойду...

— Ты мне больше не подружка, ты мне больше не дружок! Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок, — пробормотала Арха.

— Чего?

— Оставайтесь, говорю, — повысила ведунья голос. — Действительно, обедать пора.

— Ну, если ты так просишь... — усмешку хаш-эда можно было даже из-под плаща разглядеть.

— Умоляю просто! — заверила его лекарка, развернулась и пошла к своему дому.

Благо шагать недалеко. Сразу за бывшим сеновалом, на вытоптанном до гладкости площади Империи пятачке, стояли лазаретные палатки. Но четыре из них в данный момент пустовали, как крыльями хлопая незакреплёнными краями тентов. И только в одной маялись страдальцы. Двое с дизентерией, один со сломанным в драке запястьем, да ещё бес, скатившийся во сне в костёр. И уверяющий, будто сделал он это «с устатку», а вовсе не по причине спёртой у магов браги.

А вот сразу за палатками и стояла изба, принадлежащая ведунье. Точнее, староста выделил дом для неё, Ю, Ируш и ещё трёх санитарок. Но Ю почти сразу перебралась на склад, поближе к медикаментам. Наглая девчонка предпочитала неотлучно находиться возле грахи. Одна из санитарок нашла свою большую любовь в солдатском лагере. А двух других лекарка в глаза не видела и подозревала, что они существуют исключительно в штабной отчётности. Поэтому изба и перешла в безраздельное пользование Архи.

Вообще-то, такие апартаменты ей и не нужны были. Но, всё же, мысль о том, что она владеет «собственным домом» душу грела.

Девушка приоткрыла калитку и тут же предусмотрительно придержала её плечом. Со стороны двора в хлипкий штакетник ботнули с такой силой, что жёрдочки жалобно затрещали, а Арху едва не унесло вместе с воротинной. Во дворе обиженно и разочаровано заскулили.

— Если ты на меня прыгнешь, я тебе хвост выдеру, — скулёж сменился настороженным тяжёлым дыханием. — И есть не дам! — мстительно добавила лекарка.

Во дворе затихло. Видимо, угроза подействовала.

Прислушавшись и злобно зыркнув на тихо посмеивающегося хаш-эда, Арха осторожно

открыла калитку. Чёрная туша выскочила на улицу с проворством шаровой молнии. И примерно с такой же грацией. Правда, надо отдать ей должное, прыгать она не стала. Просто нежно положила пудовые лапы на плечи девушки, заставив её присесть, и, вывалив фиолетовый язык, умильно и жарко задышала в лицо вонью нечищенных зубов.

— Ир, фу! — недовольно скривилась Арха, пытаясь скинуть с себя собачьи лапы.

Но пёс, во-первых, не считал, что уже достаточно наобнимался с любимой хозяйкой. А, во-вторых, щенок пребывал в твёрдой уверенности: он кто угодно, но только не «фу».

— А Ирраш^[4] до сих пор не в курсе, как ты собачку назвала? — ехидно поинтересовался Адаш.

— Не-а, — спихивая с себя неспихуюмую тушу, пропыхтела Арха. — Дан его Лордом зовёт, Адин — Псом, Шай — Сволочью.

— А он сам на что отзывается?

Принц потрепал монстра по могучей холке, за что немедленно был облизан. А, заодно, поплатился скинутым и повисшим на кончиках рогов капюшоном.

— А сам он отзывается на: «Есть иди!».

Щенок немедленно уселся мохнатой задницей в пыль, насторожил один треугольный огрызок уха, второй поставив горизонтально земле, и преданно уставился на ведунью.

— Ну, я же говорила, — развела руками лекарка.

Вообще-то, предполагалось, что Ир будет грозным охранником и бескорыстным защитником Архи. Именно с этой целью Дан и преподнёс подарочек. Собственно, панкийские волкодавы были знамениты на всю империю не только своими совсем не собачьими размерами, но и свирепость. А также безусловной преданностью одному лишь хозяину.

За полгода щенок успел вымахать до размеров взрослого пса, то есть, крупного телёнка. И отличится искренним обожанием всего сущего за одним-единственным исключением. А если предложение дружбы подкреплялось чем-то вкусненьким, то обожание немедленно превращалось в обоготворение.

Дан уверял, что характер питомца есть зеркало сущности его хозяина.

* * *

Накормив несчастного, заморённого перепелами и тушёной в белом вине косулятиной принца гороховой похлёбкой и кашей с солониной, Арха отправила Его Высочество за перегородку — спать. За девять месяцев, проведённых в Дубках, ритуал успел не только сложиться, но и отполироваться до полной гладкости.

Когда наследник трона проходил в дом Архи днём, то сначала наедался от пуза при этом едва не урча, словно уличный кот, потом заваливался спать до вечера. Ну а ближе к ночи являлась Великолепная Пятёрка. Или часть её. Но Дан приезжал непременно. Собственно, по официальной версии для встречи с лордом Харратом Адаш и являлся. Так как считалось, будто принимать его доклады в ставке не слишком надёжно — чужих ушей много.

Ведунья же искренне полагала, что кронпринца просто тошнило от его генералов. Но, понятно, эта версия вслух не озвучивалась.

В любом случае лекарка оставалась не внакладе. Прежде всего, ей действительно было

жалко принца, который за последний год, кажется, усох. И напоминал призрака самого себя прежнего. Как-то так получилось, что все его столичные миньоны^[5] оказались раскиданными по разным гарнизонам и полкам. Великолепную же Пятёрку он всё-таки с детства знал. Вот и вышло, что бывшие гвардейцы для него ближним кругом стали.

А уж когда ведунья Его Высочество начала «своим» воспринимать — этого она и сама сказать не могла. Ну, вот так сложилось.

Да и накормить его большого труда не составляло. Поскольку готовить Арха так и не научилась и все её встречи с продуктами неизменно заканчивались преждевременной смертью последних, она наняла маркитантку, которая и кухарила. А, заодно, стирала, убирала дом, чинила одежду и топила, когда требовалась, большую печь. И эдакое счастье всего за империал в неделю.

И, в конце концов, визит принца означал возвращение Дана из очередной разведки, экспедиционной, а, может, ревизиционной поездки. Или только Тьма да сами демоны знали, откуда ещё. Главное — он приезжал. Да и по остальным гвардейцам ведунья скучала. Иногда у неё складывалось впечатление, что во всей армии делом заняты исключительно эти пятеро и Адаш.

Не прошло и двух часов, наполненных богатырским храпом кронпринца, как Ир во дворе сначала заколотил хвостом по стене дома, а потом и залаял, демонстрируя хозяйке, какой он бдительный охранник. Но гулкий, словно в бочку, гав тут же перешёл в недовольный рык. И за дверью, в сенях, по половицам заклацали когти. Храбрый охранник пошёл в пустующий хлев — прятаться.

Арха поморщилась, поспешно сдирая с пояса фартук и приглаживая кудрявую шапку волос, которые по-прежнему не желали отрастать.

Демона она была рада видеть. Его сопровождение — нет.

— Ты бы хоть разулся, — поприветствовала вошедшего Ирраша лекарка.

— Не думаю, что тебе это доставит большое удовольствие, — буркнул шавер, направляясь прямо к умывальнику. — Я сапоги уже двое суток не снимал.

Ведунья скептически глянула на запylённые, покрытые крапинами серой подсохшей грязи ботфорты демона. И решила, что он, пожалуй, прав. Полы ей не мыть, а вот обязанность вдыхать амбре настоявшихся двухсуточных портянок никому не передашь.

Спрашивать, будет ли демон есть, Арха не стала. И без того понятно: он не только усталый, не выспавшийся и злой, но и голодный. Впрочем, злым он и сытый не переставал быть.

Проворно накрывая на стол, лекарка выглянула в сени. Но ничего, кроме чёрного носа бравого защитника, сунутого между дверью в хлев и притолокой, там не обнаружила.

— А где Шхар? — осторожно поинтересовалась ведунья, ломая свежий каравай.

Почему-то гвардейцы, пользующиеся в столице десятком разных вилок за одним обедом, тут предпочитали ломанный, а не резанный хлеб.

— На улице остался, — отозвался Ирраш.

Арха искоса глянула на шавера, который, никого не стесняясь, успел уже раздеться, оставшись только в брюках и сапогах. К виду полуголых демонов она тоже успела привыкнуть. Ну, почти успела.

— А, может... — начала лекарка неуверенно.

— Не может! — отрезал демон, усаживаясь за стол.

— Ну, можно я ему хоть воды дам? — возмутилась Арха.

— Воды дай, — согласился Ирраш, подтягивая к себе тарелку и обхватывая её ладонью, как будто у него еду кто-то отобрать собирался, — если тебя Тьма ничему не учит.

— Учит, — огрызнулась ведунья. — Например, тому, что мучить кого-то — последнее дело.

Шавер в ответ неопределённо хмыкнул. В данный момент философские диспуты о гуманизме его не занимали. Ирраш уплетал кашу с таким энтузиазмом, что даже уши шевелились.

Лекарка вздохнула, выбирая миску побольше и наполняя её свежей водой. Она и молока бы не пожалела, но Ирраш его скорее в окошко выплеснул, чем разрешил брату дать. Воровато оглянувшись и стащив с кухонного стола остатки копчёного окорока, Арха вышла во двор. Странно, но он тоже пустовал. Лишь у забора копалась неосторожно забрёдшая соседская курица. Сделала она это абсолютно зря. В доме ведуньи хватало желающих побаловаться курятиной.

— Шхар, — тихо позвала Арха, едва удержавшись, чтобы не добавить «кис-кис», — Шхар, иди сюда.

Прошлогодние сухие лопухи, только подсвеченные зеленью новых побегов, зашуршали, но из них никто так и не вылез. Девушка могла поклясться: никого там и не было — просто тень от покосившего старого сарая.

— Шхар, он разрешил. Иди сюда, — ещё тише сказала ведунья, ставя миску на землю.

Кошачья голова показалась совсем не там, где лекарка ожидала её увидеть. Шавер низко пригнул лобастую морду к земле, глядя на девушку снизу вверх. Гладкая, бархатисто-матовая кожа на носу морщилась. Но не в оскале. Скорее уж это стоило назвать виноватой миной.

— Пей, — Арха подтолкнула миску к морде, положила окорок рядом. — Немного, конечно, но что смогла. Я вечером ещё принесу.

Девушка поднялась с корточек, повернулась, собираясь уходить. При ней Шхар никогда не ел и ни пил. И в целом ведунья его понимала. Облик-то у демона был истинным, а вот разум почти прежним оставался. Неприятно, наверное, когда другие наблюдают, как ты водичку лакаешь. Но шавер лекарку остановил, прихватив подол зубами.

— Что?

Кот носом поддел её ладонь, сунув морду под руку. Для этого ему пришлось пригнуться. Горбатые лопатки «кисы» торчали выше плеча Архи. Тихо звякнул амулет на ошейнике, утыканном вывернутыми внутрь шипами. Эта металлическая побрякушка и не давала шаверу принять нормальный вид.

Арха погладила шкуру, которая и на ощупь оказалась бархатной, словно покрытой короткими мягким подпушком. И, не удержавшись, почесала за круглым ухом. Шхар тихонько заурчал, как будто внутри его большого тела камнепад начался.

— Эх ты... — вздохнула ведунья, — Ну вас, с ваши демоническими заморочками. Ладно, придумаем что-нибудь.

Шхар аккуратно, едва коснувшись, лизнул руку лекарки. Язык у него был тёплый и странно сухой.

— Арха! Ты где, роза моего разбитого сердца? — завопили от калитки. — Ты нас не ждала, а мы припёрлись!

— Вот обязательно так орать? — буркнула ведунья под нос. — Наверное, в самом Горколе уже знают, что вы припёрлись. Иду! — проорала она ничуть не тише развесёлого Шая.

Шхар шумно вздохнул и попятился, опять прячась под лопухами. С остальными демонами он предпочитал не встречаться вовсе.

Глава вторая

Не надо мне как лучше. Оставьте как хорошо.

Из наблюдений старого ловеласа

Арха, лёжа на плече у Дана и ткнувшись носом ему в шею, улыбалась, сама толком не понимая, чему. Наверное, просто оттого, что ей было очень хорошо. И спокойно, уютно. Он здесь, рядом. Под ладонью гулко, размеренно бухает сердце. От чуть влажной кожи пахнет мускусом и лимонной водой. Руки демона — большие, твёрдые, надёжные, как каменное кольцо — обнимают за плечи, прижимая к такому же твёрдому и очень горячему боку. И тень его рогов, сливаясь с едва шевелящимися тенями кустов за окном, темнеют над кроватью.

В доме тихо — дом спит. Только на улице возится Ир, трётся мохнатым боком о брёвна стены. Может, псу снилось, как он кошек гоняет. А, может, беспокоило соседства с шавером, так за весь вечер и не вылезшим из-под лопухов.

Тихо, деликатно шорхнула о порог дверь, скрипнули ступеньки крыльца. Шваркнуло огниво, затрещал трут, и за тёмным оконным стеклом проплыло облачко, похожее на маленького призрака. Это Адин вышел выкурить трубочку. Ему-то что не спится?

— А ты чего не спишь? — как будто мысли её прочитав, шепнул Дан.

Губы демона шевельнулись рядом с виском, тёплое дыхание щекотно приподняло прядки. Арха в ответ только плечами пожала. Повертела головой, то ли ластясь, потёршись, как кошка. То ли устраиваясь поудобнее. Хотя плечо хаш-эда, впадина под ключицей, как будто для неё самой Тьмой созданы были. Затылок уютненько устраивался в ямке, а щека и подбородок лежали на крутой выпуклости груди — никакой подушки не надо.

— Не хочу. Мне так хорошо сейчас. Жалко спать.

Демон промолчал. Арха подумала, что вовсе ничего не ответит. Но и объяснять не хотелось. Как такое объяснишь? Это чувствовать надо. Просто чувствовать полное, безграничное, не имеющее конца счастье. Которое действительно переполняет тебя, густой медвяной волной перетекает за край. Заливает постель, дом, луг за забором — до самой кромки леса, до горизонта.

И знаешь, что это мгновение вечно не продлится, закончится. Да и не надо растягивать его на вечность. Оно ценно именно таким — коротким, острым, даже чуть болезненным. Но просто заснуть, превратить его в обыденность, жалко. Пусть уж оно будет столько, сколько отмерено.

— Если б я только сказать мог, как хорошо мне, — тихо-тихо признался демон. — Пытаюсь слова подобрать, а не могу. Пустые они какие-то.

Арха улыбнулась, слушая, как раскатисто и ровно, словно барабан, отбивающий ритм, бьётся сердце Дана.

— Давно хотел сказать тебе, но всё не к случаю приходилось. Я раньше понятия не имел, что такое счастье, — демон усмехнулся в темноте, повозился, почесал затылок о шероховатую стену. Смутился, наверное. Подобные признания ему нелегко давались. А он, бедный, даже пятерню в шевелюру сейчас запустить не мог — руки Архой заняты. — Не сказать, что я об этом вообще когда-нибудь задумывался. Знаешь же, весь этот романтичный

бред...

«О да! — съехидничал здравый смысл ведуньи. — Мы в курсе: всю Тьмой отпущенную сентиментальность ты в своём письме потратил. И теперь от тебя цветочного лепесточка не дождёшься!».

— Только вот эти восемь месяцев... В общем, теперь-то я знаю: есть оно, счастье. Оно не какое-то глобальное. Нельзя сказать, например: «Я был счастлив со вторника по четверг». Или что с тобой я всегда счастлив. Сама знаешь, всякое бывает.

Он потёрся носом о макушку Архи. Ведунья, затаившись у него подмышкой, молчала. Конечно, гордость после эдаких-то слов немедленно выиграла. Почти нестерпимо захотелось ответить: «О да! Бывает всякое! Вот помнишь, как ты?..». Потому что, действительно, без колдобин не обходилось.

А демон не извинялся никогда и ни при каких обстоятельствах. Конечно, если речь не об их лордском этикете шла, когда извинения стоили не больше сотрясаемого воздуха. И обычно все эти «колдобины» просто замалчивались. Разошлись по разным углам — точнее, демон отбывал в очередную разведку — а потом как будто ничего и не случилось.

Но лекарка молчала, понимая, что пойдя она на поводу своей гордыни — и шансов услышать подобные признания будет ещё меньше, чем извинения.

— Счастье оно из кусочков состоит. Когда ты мне навстречу бежишь. Когда на стол накрываешь с таким серьёзным видом, будто оперируешь. Когда ты спишь рядом. Когда... Ладно, это мы опустим, у нас серьёзный разговор, — Дан снова усмехнулся в темноте, а кончики ушей Архи сами собой вспыхнули горячим — ведунья прекрасно поняла, что именно он имел в виду. Ну, неконкретные вещи, а общий смысл уловила. — Даже когда ты уши прижимаешь, злясь — это тоже счастье. Я эти кусочки, как скряга коплю, между прочим. А потом перебираю, перебираю... Дурак?

Арха, по-прежнему молча, кивнула. Хаш-эд обнял её сильнее, плотнее прижимая к своему боку.

— Но счастье — это не только ты. Наверное, звучит не очень, но как есть. Я ведь только тут понял, что для меня парни значат. Да многое до меня дошло. Эдакая глобальная переоценка ценностей.

— Неужели помощники в создании карьеры были повышены до доверенных лиц? — буркнула ведунья, несколько разочарованная, что признания об отношении к её драгоценной персоне закончились.

— Язва, — Дан нежненько чмокнул лекарскую макушку. — Только я кое в чём тебе признаться должен. Вообще-то, стоило сказать раньше, но... В общем, я не подавал прошение в столицу. В смысле прошения о возвращении ко двору не подавал.

Ведунья прихватила зубами губу, раздумывая над сказанным. Не сказать, что откровения демона её удивили. В принципе, о возвращении Арха как-то и не задумывалась. Хотя, помнится, императрица говорила, будто её устроит, если демоны пропадут месяцев на восемь. Которые, между прочим, прошли уже.

— И что ты собираешься делать дальше? — осторожно поинтересовалась лекарка.

— Вообще-то, я хочу дождаться окончания этой компании. Или, по крайней мере, снятия осады. Но если ты хочешь, то прошение будет отослано хоть завтра.

«Аттракцион невиданной щедрости! — взвыл внутренний голос на манер зазывалы, бурно аплодируя. — Его лордство интересуется нашим мнением! Спешите видеть! Такого вы больше нигде и никогда не увидите!».

— Просто я подумал... В общем, тебя же это тоже касается. Тебе, наверное, надоел лазарет. Да и жить тут неудобно, я понимаю.

Предложение казалось всё более и более заманчивым. Страх, что Дан вяжется, в конце концов, в какую-нибудь стычку, едкой щёлочью заливал Арху, стоило демону за порог выйти. Но, с другой стороны, до сих пор всё было спокойно и развитие боевых действий в ближайшее время не планировалось. А что их ждёт в столице? Ведунью — жизнь любовницы при лорде. Дана — его драгоценная карьера. И видеться они будут не чаще, чем тут. Да и про Адашу забывать не стоило. Мало ли... И матушка демона лекарку откровенно пугала.

— Знаешь что? — буркнула Арха, решившись. — Ну, эту столицу. Давай пока здесь останемся.

— Спасибо! — облегчённо выдохнул демон. — Ты моё счастье...

Лекарке даже стыдно стало. Она-то согласилась отнюдь не из-за альтруистичных побуждений. Но, на минуточку, кто она такая, чтобы хаш-эда разубеждать? Пусть побудет благодарным.

* * *

На следующий день счастье никуда не ушло. Видимо, в доме у ведуньи ему понравилось. Естественно, когда Арха проснулась, демона рядом уже не было. Про то, что любимую женщину с утра необходимо приветствовать проникновенным взглядом, рогатый явно ничего не слышал. Но зато хаш-эд изволил приготовить завтрак. Правда, до еды лекарка рисковала не дожить, растаяв от умиления. Зрелище суесящегося возле печи полуголого Дана с фартучком, трогательно повязанным вокруг обнажённого торса, её слабое сердце могло и не выдержать.

Рогатый мельком улыбнулся и приглашающим жестом указал на стол. Арха решила, что заставлять себя упрашивать в данном случае будет не слишком выгодно. Гвардейцев поблизости не наблюдалось, но свежим хлебом и жареной ветчиной пахло так заманчиво, что Великолепная Пятёрка просто обязана явиться с минуты на минуту в полном составе.

Пахло, кстати, не только ветчиной. В воздухе висел странный, едва уловимый, но довольно приятный аромат. Нечто вроде смеси ванили, цитрусовой цедры и чуть-чуть корицы.

— А что это такое? — поинтересовалась лекарка, настороженно пригнувшись к кувшину, накрытому чистой салфеткой.

— Чай из Илогии, — отозвался демон, подхватывая с огня огромную, размером, наверное, с Луну, сковородку. — Это провинция у светлых. Мы недавно лазутчика взяли. Вот у него и прихватили. Попробуй, действительно вкусно.

Арха, со скепсисом глянув на кувшин, всё-таки решилась и налила в кружку светло-зелёной жидкости. Запах стал сильнее, но на чай это походило мало. Скорее, на травяной отвар. Но на вкус напиток оказался куда приятнее, чем на вид. И ведунья, довольно кивнув, подтянула поближе тарелку с омлетом, поставленную перед ней Даном. Омлет размерами напоминал половинку Луны. Готовил демон с размахом.

— А ты их видел? — наплевав на все правила столового этикета, девушка разом засунула в весьма приличный кусок.

И зашипела — еда оказалась горячей.

— Кого? — Дан уселся напротив, не забыв расстелить на коленях — прямо поверх фартука — чистую салфетку. — Светлых? Да не торопись ты. Никто у тебя еду не отберёт.

— Угу, как же! — проворчала лекарка не слишком внятно. — Сейчас какой-нибудь Шай прискачет и всё сметёт, — она поковырялась, пытаясь подцепить на ложку сразу и ветчину, и кусочки грибов, и яйцо. Почти получилось, но шмат едва не шлёпнулся ей на колени. Пришлось ловить едва не на лету. — Да, я про светлых. Они какие?

— Да обычные, — пожал плечами демон, ловко орудуя ножом и вилок, — как мы.

— С рогами, что ли? — вытаращилась Арха.

Не потому, что удивилась. Просто омлет остыть всё ещё не успел.

— Нет, без рогов. Но руки две, ноги две, голова — одна. Ну, у некоторых ещё крылья есть.

— Как крылья? — обалдела лекарка и даже ложку до рта не донесла. — А я слышала, что их истинный облик — это чистый свет?

— Нет, не свет. Они вполне материальны, просто у них очень яркая аура. Но арелимам не надо облик менять, чтобы у них крылья появились. Считается, что это промежуточная форма между обычной и истинной.

— А какие у них крылья?

— Обычные. Вот типа таких. Побольше только.

Демон указал вилок в окно. За которым вчерашняя курица, чудом выжившая, но ума не набравшаяся, с полоумными воплями пыталась удрать от охотящегося Ира. Упомянутые крылья пеструшки в панике взбивали воздух, пытаясь поднять раскормленное тело вверх. Но в итоге птица только подпрыгивала над землёй, судорожно перебирая когтистыми лапами.

Пёс подпрыгивал вслед за ней, клацая могучими челюстями с грохотом захлопывающегося сундука. От каждого приземления щеночка пол дома ощутимо вздрагивал. А двор медленно затягивали клубы пыли, словно по нему отряд кавалерии галопом пронёсся.

— А летают они также? — задумчиво поинтересовалась Арха, наблюдая в окно за появляющейся и исчезающей чёрной мохнатой задницей.

Демон критически посмотрел на курицу исподлобья.

— Нет, летают они лучше, — подумал и добавил. — Гораздо лучше. В этом главная проблема. Мы-то не летаем, только планируем. Тяжёлые слишком. И арифеды им противостоять не могут — наоборот, массы не хватает. Хорошо, что этих сволочей не больше, чем хаш-эдов. Встречаются нечасто.

Арха мысленно поблагодарила Мать за то, что у арелимов тоже проблемы с демографией. И искренне пожелала им исчезнуть совсем. Наверное, думать так ведунье не полагалось. Ведь любая жизнь священная. Но как-то жизнь одного отдельно взятого демона казалась священнее, чем всех куриц-переростков скопом.

— Слушай, Данаш, — протянула Арха, толстым слоем размазывая по ломтю хлеба масло, — я вот только одного понять не могу. Мы воюем со светлыми. Знаю, что высокие материи тут не при чем. Но всё же, почему при этом и Тьма, и Свет против Жизни? Не логичнее ли одной из сторон заключить договор и того... А?

— Арха, тебе мало было? — Дан, буравя лекарку взглядом, даже вилок с ножом на стол положил. И пальцы сцепил в замок. — Будь добра, забудь вообще про Жизнь. И не вспоминай никогда.

— Да мне просто интересно, — насупила ведунья. — Я же не на улице ору, а у тебя спрашиваю. Чего сразу «мало»?

Хаш-эд помолчал, играя желваками. Арха, борясь с горячим желанием нырнуть под стол, сосредоточила всё внимание на кружке со странным чаем. Правда, когда тебя сверлят красными глазенапами, не подавится, умудряясь выглядеть невинно, довольно сложно.

— Давай я попытаюсь объяснить тебе ещё раз. И мы закроем этот разговор раз и навсегда, — тяжело, будто камни ворочая, заговорил, наконец, демон. — И Тьма, и Свет претендуют на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Конкурент может быть только один — враг. Жизнь стать врагом неспособна по определению.

— Понятно, она же их и породила, — вставила Арха.

И всё-таки поперхнулась. Потому что руки Дана сжались в кулаки. Видимо, осведомлённость некоторых ведуний ему не нравилась.

— Именно, — глухо ответил хаш-эд. — Она не третья сторона, а изначально. То, с чего всё началось. И изменить это гораздо сложнее, чем просто отрицать её существование. Поэтому никакой Жизни нет, не было и не будет. В начале была только Тьма. Или Свет.

— Но даже дети же знают, что есть существа Жизни и... — робко пискнула Арха.

— Даже дети знают, что императрица Хашрана — шлюха. Но никто об этом вслух не говорит! — рявкнул Дан, грохнув кулаком по столу.

С этим утверждением лекарка могла бы поспорить. Личную жизнь и моральный облик матушки хаш-эда народ обсуждал довольно оживлённо. Но в данном случае разумнее было промолчать.

Дан раздражённо провёл языком по зубам, дыша глубоко и размеренно.

— Котёнок, я тебя очень прошу, пойми, пожалуйста. Такое положение вещей рано или поздно изменится, — заговорил он уже спокойнее. — Жизнь — забудут, её детей — истребят. Или они перестанут считаться порождениями твоей Матери. Но пока это не произошло, ересь будут выжигать калёным железом. И к тебе это железо очень близко. Один раз едва не прижгло. Поэтому, пожалуйста, не затрагивай данную тему никогда, нигде и ни с кем. Хорошо?

Ведунья усиленно — аж в шее что-то хрустнуло — закивала. В этот момент Арха могла пообещать всё что угодно. Так допекать демона ей удавалось нечасто.

Но, собственно, во многом она с Даном была согласна. Повторения опыта с обвинениями в ереси девушке хотелось меньше всего. Ради такого и помолчать можно.

* * *

Больше всего в войне Ирраша раздражало отсутствие дорог. Со всем можно смириться: с вечным холодом и не менее вечной сыростью, какое бы время года ни стояло на дворе. С дрянной едой и неизменной дизентерией. С грязью, невозможностью даже умыться. С необходимостью спать в одежде и сапогах. Это тогда, когда поспать всё же удаётся. С недостатком сна тоже можно смириться. А уж такие мелочи, как ранения и Тьма, чей провал — вот тут, слева, только руку протяни, шавера вообще беспокоить не должны. Они и не беспокоили.

А вот дороги, которые вроде бы есть и одновременно их как бы нет, бесили всерьёз. В ярость приводили высохшие до твёрдости камня колдобины. Или, наоборот, моря жидкой

грязи, под которыми скрывались всё те же колдобины. Злили подковы, потерянные Мраком не меньше чем в двух днях пути от ближайшей кузницы. Черепашья скорость заставляла нервничать. Какая это во Тьму разведка, когда кучка мужиков тащатся с проворством подышающих мулов посередине дороги? Уж лучше перекинуться — и чёрной тенью в кусты, никем не виденный, не услышанный, и незамеченный.

Злила, конечно, и общая мировая несправедливость. Остальные-то сейчас в тепле и уюте, архиными харчами отъедались. А шавера, не успел вернуться, опять послали: «Давай, Ир, проверь!..». А что ему? Проверит. Иррашу не отсыпаться, ни отдыхать не надо. Он же от рождения «боевой кот хаш-эдов»...

Но по-настоящему заставляли нервничать демона придорожные трактиры. И объехать их невозможно. Каждая корчма — это шанс переночевать если не в постели, так хоть на сеновале. Умыться тёплой водой, а не в ручье, почистить лошадей. Поужинать горячим. Ну и выпить, конечно.

Но и заезжать в них не стоит. Вместе с мягкой периной ты обязательно получишь клопов. После умывания непременно захочешь постирать рубашку и подштанники, а до утра они, конечно, не высохнут. И придётся дальше вояжировать с мокрой задницей. И почти со стопроцентной гарантией добрый трактирщик тебя траванёт. Не со зла. Просто традиция такая — подавать гостям самую дерьмовую еду, сварганенную исключительно из тухлятины.

Поэтому когда узкая колея, смахивающая гладкостью на морские волны в шторм, начала расширяться, а Шхар, бегущий впереди, на мгновение застыл, втягивая влажным носом воздух, и сиганул в кусты, Ирраш выругался. Подумал немного, выругался ещё раз и сплюнул.

Он и сам, ничуть не хуже кошака, чуял запах печного дыма. А ближайшие поселения часах в пять пути отсюда — одно впереди, другое за их спинами. Значит, это точно трактир. И дело к вечеру движется. Логичный вывод напрашивается сам собой: корчму объехать не удастся.

— Лейтенант, — опасно окликнул его Вереск, — может, того, на постой, а? Лошадки притомились.

Шавер мрачно глянул на беса. И ничего приятного для себя в нём не обнаружил. Наверное, Вереск сержантом и родился. Прямо вот так и вылез из мамки: с чёрными, как смоль, усищами, перебитым носом и кабаньими глазками убийцы. Надёжный, как скала. Верный помощник командира. Отец солдатам. Заноза в заднице.

Ирраш раздражённо дёрнул ухом. В похрапывании коней и позвякивании сбруи за его спиной слышалось настороженное ожидание. В трактир хотели все, даже лошади. Точнее, все, кроме командира. Демон выругался ещё раз — финальным аккордом. И кивнул.

Его подозрения оказались полностью обоснованными. Хозяин, не пойми какого происхождения, был любезен до приторности. Комнат нашлось всего две, но одна с кроватью — для лорда лейтенанта, а в остальные проворные слуги мигом натащили тюфяков. Выглянувшая из кухни кухарка сверкнула красной распаренной физиономией и, дружелюбно вильнув толстым задом, заявила, что: «Стряпать для таких мужчин одно удовольствие!». Ну, и чтобы совсем уж добить несчастного шавера, прислуживать им взялась сама дочка трактирщика. Девушка молодая, а оттого не успевшая поистаскаться, но разбитная и симпатичная.

Правда, после хорошего куса окорока, большой миски гороховой похлёбки, почти половины каравай хлеба, щедро сдобренного топлёным маслом, и кувшина тёмного хмельного пива лейтенант особого разведывательного подразделения роты Харрата

подобрел.

То есть, тяжело навалившись грудью на стол, молча прихлёбывал из глиняной кружки, поглядывая по сторонам исподлобья, молчал и непристойности сквозь зубы не цедил. Вечер становился всё теплее и приветливее. Развешанные возле очага грязные солдатские плащи чуть парили, испуская вонь мокрой псины и сизоватый туман. Хозяин, морщась и загораживаясь ладонью от дыма, вертел над огнём целый говяжий бок. Кувшины на столе менялись с такой быстротой, что даже солдатские глотки, страдающие от хронической жажды, не успевали просохнуть.

Ирраш зыркнул на подавальщицу, убирающую со стола объедки. Шнуровка на блузке девицы под изрядно засаленным корсажем распустилась до пределов разумного. И налитые молодой дурью груди едва не вываливались на столешницу. Щёчки обольстительницы покраснелись от сальных шуточек, отпускаемых солдатами. Хотя, может, она просто запыхалась? В трактире-то действительно было жарковато и душно. А рыжие её кудряшки, выющиеся мелким бесом, прилипли к покрытым испариной вискам. И заставляли желать странного.

Шавер встал, кивнул Вереску и, ни слова не говоря, сграбастал девку за запястье, волоча за собой — она едва блюдо с огрызками успела на стол поставить. Трактирщик рыпнулся было в их сторону, но мгновенно передумал. Ему даже сигналов подавать никаких не пришлось. Сам додумался, что целая рожа стоит куда ценнее, чем сомнительная честь доченьки.

Правда, и девушка изображала собой ошарашенную невинность ровно до тех пор, пока дверь трактира не захлопнулась. Стоило им очутиться во дворе с копошащимися в кучках конского навоза курицами, девка забежала вперёд и сама потащила Ирраша, то и дело оглядываясь, облизывая пухлые губки. Глаза у неё горели как у кошки.

Сеновал в этом трактире находился прямо над конюшней — пришлось ещё и лезть по приставной шаткой лестнице. Зато темно тут было, хоть глаз выколи. Душно,пряно пахло сухой травой.

Девка опрокинулась на спину, как в воду, и мелко призывно захихикала. Демон себя не стал утруждать даже сниманием сапог. Навалился сверху всем своим немалым весом, вжимая мягкое тело в сено. И гулко мурлыкнул у неё над ухом. Заурчал, завибрировал грудью так, как это только шаверы и умеют. А ничего больше и не требовалось. Хозяйская дочка охнула, задышала тяжело.

Задирая юбки, Ирраш совсем не ко времени вспомнил, как демонстрировал Архе особенности их расы. Ну, в данный момент ему даже особые умения не понадобились. Хватило... Да ничего ему не понадобилось.

Девка пискнула, завозилась под ним. Видимо, начал демон резковато. Но, с одной стороны, ему было плевать на её удобства. А, с другой, трактирщицкой дочке не привыкать к такому обращению. Шавер только поддал жару, чтобы быстрее соображала, как и что от неё требуется. Деваха попалась сообразительная. И старательная. Обхватила демона за шею обеими руками, жарко и влажно выдыхая в ухо. Это к числу приятных ощущений Ирраш бы точно не отнёс. Уши поджались сами собой, а затылок свело судорогой.

Но что поделаешь? У любой медали существует две стороны.

Хотя без таких неудобств Ирраш бы, пожалуй, обошёлся.

— Ох, миленький, — девка потянулась сдобным телом, разгребая вокруг солому, — как хорошо-то! Охо-хох.

Шавер молчал, глядя в крошечное оконце, за которым одна за другой, подмигивая, загорались звёздочки. Как будто зажигались свечи — восковых столбиков не видно, только дрожащие, неуверенные новорождённые огоньки.

— Какой же вы мужчина обходительный! — не дождавшись от него ответа, закурылкала хозяйская дочка. — Давненько у меня...

Ирраш поморщился. Сунул пальцы в кошель, не глядя выудив монету, и бросил её на смутно белеющую в темноте грудь девицы. Та болезненно охнула — девица, не грудь. Хотя, может, обе сразу. Всё-таки империалы весили немало.

— Это что же? — медленно натягивая сорочку на голое плечо, протянула непонятливая крестьянка. — Откупаетесь от меня или что? Так я непродажная какая!

— Проваливай! — сквозь зубы процедил демон.

— Да что это вы такое о себе возомнили?!

— Быстро проваливай, — посоветовал Ирраш довольно равнодушно.

Хотя попытки защитить девичью честь не умиляли, а начинали раздражать.

Девка осторожно, прощупывая почву, шмыгнула носом.

— Помочь? Тогда без лестницы обойдёшься...

Пятиминутная любовница, может, уже и успевшая намечтавшая себе невесть что, всхлипнула уже всерьёз. Но крестьянская смекалка оказалась сильнее оскорблённых чувств. Она даже одеваться не стала. Сгребла свои тряпки в охапку и неуклюже, пятясь задом, слезла с сенника.

Монету, кстати, умница с собой прихватила.

Ирраш прислушался к уютной мягкой тишине, разбавленной только похрустыванием сена, вздохами да тяжёлыми шагам переступающих с ноги на ногу коней вниз. Зарылся поглубже в сено — всё-таки ночью ещё подмораживало совсем не по-весеннему. Сунул травинку в зубы, уставившись на россыпь желтоватого бисера в волоковом окошке.

Тоска от привычной бессмысленности навалилась душным одеялом. Демон ей не сопротивлялся. По опыту знал, что нужно только переждать — и всё вернётся, как было. И перетерпеть вот так — в тишине, темноте, никого и ничего не видя. Думалось о странном и вспоминалось опять не к месту и не ко времени.

Он не хотел подсматривать — ещё не хватало. Просто искал Тхия и всезнающий рыжий Данах сказал, что он пошёл на госпитальный склад. Вот и шавер тоже пошёл. Рыжий действительно был там. Не один только. Страшная, расплзшаяся во все стороны, похожая на страдающего ожирением бегемотом Ю сидела на лавочке. А арифед, стоя на одном колене, пристроился рядышком, нежно держа ручку своей «красавицы» в ладонях.

Ирраш хотел уже съязвить, но отчего-то промолчал, даже назад шагнул, погладив Мрака по носу.

— ... только давай не Дан, ладно? — донёсся до шавера голос Тхия. — Двоих Данов точно уже хватит. Третьего этот мир не выдержит.

— Так, может, я ещё девчонкой разрожусь, — басовито хохотнула Ю. — А ты всё

только про мальчишек думаешь.

— У меня — и не мальчишка? Смеёшься? С моей-то меткостью? Нет, солнце, и не надейся даже.

— Ну, тогда и придумывай сам, — огрызнулась граха. Вот только улыбка её да пальцы, нежненько перебирающие волосы Тхия, недовольному тону не соответствовали совершенно. — Я ваших арифедских имён не знаю.

— Почему арифедских? — говорил рыжий с расстановкой, после каждого слова целуя костяшки на руке великанши. Между прочим, до сих пор сбитые и мозолистые. — Например, как тебе Фемистоклюс? Или Арохновет?

— Это что ещё такое? — подавилась смехом Ю.

— Это не что, — наставительно поправил её муж, — это имена. Нормальные светлые имена. Правда, древние. Но всё новое — это хорошо забытое старое. Стоит вам это зарубить себе на носу, студентка.

— Как-как? Фемистоклюс? А ты знаешь, мне нравится! — веселилась граха. — Вот у нас с тобой точно родится Фемистоклюс. Хотя — нет. Лучше Арохновет — на Арху похоже. Если бы не она со своими дурацкими идеями, то никакого Фемистоклюса не получилось.

— Как это «не получилось»? Всё бы обязательно получилось. Разве я мог пройти мимо такой бедовой дамы?

Говоря всю эту сопливую чушь, Тхия так смотрел на свою жёнушку и так провёл кончиками пальцев по её щеке, что Ирраш поклясться мог — не видел рыжий ни отёкших щёк, ни спрятавшихся под опухшими веками глаз, ни синюшных губ. А вот что он там по-настоящему видел, только Тьма и знает.

— Ты у нас специалист по дамам в беде, — засмущавшись, гигантша скрючилась над своим необъятным животом, лбом ткнувшись арифеду в плечо.

— Нет, я бо-ольшой специалист именно по бедовым дамам, — заверил Тхия, обнимая Ю за могучие плечи. — Просто для того, чтобы понять разницу, мне пришлось тебя подождать.

Великанша выпрямилась так резко, что чуть не боднула муженька в подбородок. От злости у неё даже лицо разгладилось, и скулы резче стали.

— Это что ещё за «бедовые дамы»? — прошипела она. — Уважаемый муж знает, что я с этими дамами сделаю?

— Ну, поручиться за последовательность действий уважаемой жены я не могу. Но примерный ход событий представляю, — абсолютно серьёзно заверил граху рыжий. — А со мной что сделаешь?

Ю насупив брови смотрела на демона и молчала.

— Издеваешься? — выдавила она, в конце концов.

— Это на меня Дан дурно влияет, — искренне покаялся Тхия. — Зачем мне какие-то другие дамы, если в моем полном распоряжении такое счастье?

— Опять издеваешься?

— Нет, — теперь голос рыжего стал по-настоящему серьёзным. — Нет, Ю, не издеваюсь и не шучу. Ты и есть счастье. И семья. Не потому, что ты моя жена, а потому, что я целый только, когда ты рядом. Ты мой дом, мой род, мой клан, понимаешь?

— Не очень... — всхлипнула граха, опять утыкаясь в плечо мужа.

— Это потому что беременные женщины глупеют, — заявил рыжий авторитетно. — Романтические бредни, страсти — чушь это всё, Ю. Любовь — когда дом там, где твоя

женщина. На осознание этой истины у меня много времени было.

— Из-за меня... — жалобно прогундосила великанша.

— Благодаря тебе. А это две огромные разницы. Ты и Фемистоклос у меня уже есть. А всё остальное будет, если захотим.

— Арохновет, — поправила его Ю выпрямляясь.

И улыбаясь так, что несчастной её сейчас бы никто не назвал. Несмотря на мокрые щеки.

— Да хоть Акакрус! — согласился Тхия. — Кстати, я всё решил. Ты, пока меня нет, составь список понравившихся имён. А потом мы просто воплотим его в жизнь. Ну, одному же мальчишке скучно будет. Надо ему компанию настрогать.

— Ты только вернись, ладно? — тихо-тихо, так, что Ирраш едва расслышал, попросила Ю.

— Естественно, вернусь. Ведь вы меня ждёте, — также тихо ответил рыжий. — Если я не вернусь, получится, что я вас обманул. А такой долг на самое дно Тьмы утянет, — арифед усмехнулся и снова принялся перецеловывать костяшки своей жёнушки. — Но вы всё-таки с Архой подумайте, как бы так извернуться, чтобы Арохновет не сразу вслед за Фемистоклосом появился. Против кадетского корпуса сыновей я, конечно, ничего не имею. Но исполнение супружеского долга раз в год — маловато.

— Дурак! — обиделась Ю.

Дальше Ирраш смотреть не стал. Чужими страстными поцелуями любоваться у него ни малейшего желания не было. Поэтому шавер просто развернулся, придерживав Мрака, и пошёл Данаша искать. Пусть он выдирает папочку из нежных супружеских объятий.

Только вот к чему именно сейчас ему это вспомнилось? И увидел-то не сегодня, не вчера — уж больше месяца прошло.

Тоска и бессмысленность. Хотя, возможно, тоска от бессмысленности?

Все мужчины мученики. Они страдают либо от недостатка женского внимания, либо от его переизбытка.

Но чаще всего мужчины мучаются фигней.

Из наблюдений профессиональной принцессы

Таких пациентов Арха любила. Бес спокойно а, главное, молча выполнял все указания лекарки. Переворачивался, когда его просили, поднимал — опускал руки по первому требованию и только всё поглядывал на ведунью снизу вверх. Ну, точно как Ир, поймавший-таки курицу. В чём перед ней солдат провинился девушка не знала. Может, его смущало, что она вынуждена тратить на него своё время. Может, подозревал, что его версия падения в костёр никого не убедила. Не мешал работу делать — и ладно.

Закончить же госпитальные дела хотелось побыстрее. Демоны во главе с принцем вчера чего-то там недоговорили и «военный совет» отложили на вечер. Это значило, что до завтра Дан никуда из Дубков не денется. И в планы Архи входило, чтобы никуда он не девался ещё дня три. А такие цели требовали тщательной подготовки.

Сорвать переговоры в первый вечер дело несложное. Под предлогом заботы о гигиене и собственном обонянии загоняешь мужиков в баню — и готово. Дальше нужно лишь следить за наполненностью холодных кувшинов с пивом. Ну, и за тем, чтобы расслабились до кондиции, когда о делах уже и не говорится, но на совершение подвигов ещё не тянет. А напоить демонов сложно и местный хмель с этой задачей справлялся с трудом.

Во второй вечер гвардейцев следовало накормить так, чтобы организм был занят исключительно перевариванием съеденного и на мыслительные процессы возможностей не оставалось. Понятно, что готовить нанятые маркитантки будут. Но за процессом необходимо проследить. А для этого нужно поскорее домой попасть...

— Готово! — облегчённо выдохнула ведунья, затягивая последний узелок на повязке с мазью. — В принципе, завтра вы уже можете отправляться обратно. Я вам дам с собой травки, заваривайте их каждый вечер и...

Взгляд беса стал ещё более жалостливым и просящим. Пожалуй, сейчас его стоило сравнить с Иром, сгрызшим хозяйские туфли.

— Ну, хорошо, — улыбнулась лекарка, потрепав пациента по руке, — думаю, ещё денька три мы вас полечим.

Солдат разулыбался во весь зубной частокол и благодарно закивал головой. По-прежнему молча. Нет, таких пациентов ведунья определённо любила.

— Ежели позволите, то я скажу, всё же, — подал голос бес со сломанной рукой.

Которая, кстати, ему нисколько не мешала сутками резаться в кости с дизентерийными страдальцами. И неизменно у них выигрывать. Лекарка раньше и не подозревала, что кишечные инфекции способны влиять на мозг. Однако противники покалеченного до сих пор не могли уловить связи между их частыми отлучками по нужде и неизменными выигрышами солдата.

— Да позволю, почему нет? — согласилась Арха, пристраивая на крючок госпитальную косынку с красным крестом и чёрный фартук.

— Ежели позволите, — прогудел шулер, — то хорошая вы баба, леди. Душевная.

Ведунья дёрнула ухом, соображая, как к сказанному отнестись. Вроде бы и комплимент отвесили, а вроде и оскорбили. Но настроение было уж больно хорошим, чтобы обижаться.

— Спасибо. Только вот я не леди.

— Как не лядь? — меланхолично отозвался один из дизентерийных. — Как есть благородная лядь! По всему видать. Обходительная и добрая. Понимающая такая.

Арха от такого вывода аж поперхнулась, длинно выпустив воздух через зубы. И борясь с горячим желанием поблагодарить засранца. Между прочим, каковым он фактически и являлся.

Но к счастью, развить тему лядей и страдающих кишечными заболеваниями, ей не дали. Потому что, кажется, штурм неприступных стен Горкола начался-таки. Правда, стены эти оказались как-то неожиданно близко от лазарета. Так или иначе, а за тонкой парусиновой стеной, которую как котёнок лапкой трогал тёплый ветер, оглушительно лязгнул металл. Потом грохнуло, снова лязгнуло, и послышался топот. Видимо, в дело вступила кавалерия.

— Ты думал, что спрятаться от меня сумеешь, кот недокастрированный?! Да я тебя из-под земли достану, кобель! Я тебе лапы-то твои загребущие повыдергаю и вместо ног присобачу, скотина!

Снова бухнуло. На лазаретный шатёр посыпалось, будто гигант щедрой горстью песок швырнул. Пронзительно, так, что в ушах зазвенело, завизжала женщина. И запахло палёной шерстью.

— Ку-уда? — грозным басом взревела та, которая собиралась делать пересадку конечностей. — А ну стоять, трус! Ты мужик или не мужик?! Или у тебя причиндалы в штанах для красоты висят?

— Вот и именно, что не для красоты, — придушенно, словно его за горло схватили, отозвался Шай. — Но после встречи с тобой, счастье моё, я их могу лишиться. Поэтому отступление в этом случае не трусость, а разумная предусмотрительность.

Арха закрыла глаза, для надёжности ещё и ладонью их прикрыв. Собственно, уже после вопля про «недокастрированного кота» следовало догадаться, кто виновник учинённого бедлама. И лично ведунья ничего не имела против полного холощения животного. В смысле, ифовега.

Потому что у блондина весна началась строго по календарю — в марте. То есть, если раньше он менял подружек как перчатки, то теперь он их чередовал парами. В смысле, сегодня две подружки — утром одна, вечером другая — завтра ещё две розы. Но уже новые.

Где он их умудрялся брать в условиях жёсткого дефицита женского пола, знал только сам садовник.

За шатром мелькнула тень, подсвеченная ярко-красным, потом опять бахнуло и посыпалось. А следом понеслись новые эпитеты, красочно описывающие моральный облик Шая. Они были такими цветастыми и яркими, что Арха невольно уши поджала. Хотя за последние месяцы ей чего только слушать не доводилось.

Ифовет сравнения тоже не оценил.

— Любимая, — обиженно прогудел Шай, — твой нежный ротик излагает явную напраслину! Кроме того, двух упомянутых тобой органов у демонов в принципе не бывает. А уж на лбу тем более. И даже с двумя так извернуться я не сумею. Это технически невозможно! Хотя, если приложить некоторые усилия...

— Любимая?! — истерично взвизгнула женщина. Явно не та, что обладала такой

богатой фантазией. — Ты посмел мне изменять? Да как у тебя наглости на это хватило? Ради тебя я обманываю лорда Ракшеса, эту честнейшую душу, а ты... Ты же уверял, будто я — единственная!

Последние слова вышли несколько невнятными. Их заглушили бурные рыдание и звонкая пощёчина.

— Розочка моя, но ты и правда — единственная. Другой такой нет, — засюсюкал несколько растерянный Шай.

— Ах, нет, значит? — не вовремя разбуженным медведем взревела фантазёрка.

Как и следовало ожидать, после рёва опять ботнуло. До Архи, наконец, дошло, что за лазаретной палаткой кто-то огненными шарами раскидался.

— Лилия моя нежная, так ведь и ты единственная. Вы все неповторимы!

— Слышь ты, садовник, а я кто, значит?

Появление третьего женского голоса ведунью уже и не удивило. Она морально готова была относиться к происходящему с философским хладнокровием. Постулат «За что боролись — на то и напоролись» с её точки зрения прекрасно подходил ситуации.

— Бутончик мой, брось палочку, — дрогнувшим голосом проникновенно попросил Шай.

Видимо, с перепугу забыв названия цветов.

— Я ща брошу, — нежно пообещала «бутончик», — Я ща так брошу, костей не соберёшь!

И на стене палатки выросла тень, напоминающая гигантского лесоруба, собирающегося одним богатырским ударом рубить дерево. Только вместо топора в руках он держал бревно.

Такого исхода Арха допустить не могла. Нет, её не одолело беспокойство за жизнь Шая. Пожалуй, чугунная голова ифтора прекрасно пережила бы встречу и с бревном. А вот госпиталю мог быть нанесён существенный ущерб.

* * *

Драма, развернувшаяся за лазаретским шатром, была достойна стать сюжетом трагедии. Или, в зависимости от точки зрения, комедии. Но сцену однозначно стоило бы назвать эпичной.

Главный герой — он же вероломный возлюбленный — боязливо выглядывал из-за пустой телеги, ткнувшейся одной-единственной оглоблей в прошлогоднюю траву. Шай взволновался явно не на шутку. Его глаза не только горели, но ещё и помаргивали, словно он кому-то световые сигналы подавал. Плёночка третьего века дёргалась, то и дело зашторивая радужку. Блондинистый хвост волос съехал с затылка набок, вися над левым ухом неаккуратной метёлкой. А на щеке красавца багровел чёткий отпечаток пятерни.

Чуть в стороне от него, изящно раскинув вокруг себя юбки и пряча лицо в ладонях, рыдала ивторка. Образ страдающей демонессы можно было смело назвать удавшимся, если бы не сложная, украшенная жемчужным букетиком, но несколько подпалённая причёска.

Прямо перед телегой, широко расставив ноги, уперев кулаки в бедра и набычившись, словно готовая броситься на врага коза, стояла беса. В этой даме ничего необычного не наблюдалось. Если, конечно, не считать чёрного мундира с сержантскими нашивками спецподразделения боевых магов. Ну и того, что на взгляд Архи, мистрис следовало не

огненными шарами кидаться, а в куклы играть.

И довершала сцену девушка неопределённого происхождения, зато весьма внушительных форм. Одна её коса была толщиной с бедро ведуньи. А бедро вполне могло поспорить объёмом с грудной клеткой лекарки. Вместе с грудью. Но больше всего впечатляли не формы крестьянки, а оглобля в её руках. Видимо, только что выломанная из телеги.

— Арха! — облегчённо выдохнул Шай. — Как я рад тебя видеть!

Огненная беса развернулась на каблуках, вперив разъярённый взгляд в лекарку. Леди чуть раздвинула пальцы и снизила накал рыданий, разглядывая новую соперницу. А дрын в руках великанши качнулся в сторону ведуньи.

— Спокойнее, дамы, спокойнее, — попросила Арха, невольно отступая на шаг. — Я к этому господину никакого отношения не имею. И у меня свой мужчина есть.

— Ах, кому это когда мешало?! — патетично воскликнула леди.

— М-да, действительно, чего это я? — смутилась лекарка. — Но давайте разберёмся спокойно, а? Вы считаете, что он вас обманул, так? — три красавицы несколько не в лад, но кивнули. — А теперь подумайте. Хоть одной из вас он говорил, что-нибудь вроде: «Ты у меня единственная!»? Или он говорил: «Ты единственная роза!»? Или там лилия, ромашка, кактус? — Дамы, переглянувшись между собой, ничего не ответили и опять подозрительно уставились на Арху. — Ну, так ведь он не врал! Посмотрите на себя! Вы действительно единственные в своём роде. Можно сказать, букет из разных цветов! Так какие претензии?

— Кто как, а я в венике жить не желаю, — сплюнула себе под ноги беса. — Всех благ, короче!

Она помахала ручкой и, кажется, собиралась отправиться восвояси. Шай с видимым облегчением выдохнул. Вероятно, он считал огненную магичку самой опасной из собравшейся троицы. Но демон не оценил должным образом женского коварства. Юная беса явно не считала плевков достойной платой за обман. Она, уже сделав шаг вперёд, резко развернулась в бёдрах, выбросив перед собой напряжённую руку с развёрнутой к Шаю ладонью. В мгновение ока между скрюченными, как когти, пальцами родился клубок огня. Пламя с едва слышным свистом сорвалось с ладошки и метнулось к демону.

К счастью, магичка убивать коварного любовника не желала. Или, может, у неё прицел сбился. Но огонь только подпалил демону волосы, обкорнав хвост наполовину. Горящий мячик зарылся в песок за спиной ифовега, мгновенно погаснув. А сам Шай как стоял, так и остался стоять столбом, намертво вросшим в землю. Наверное, пытался осознать, что он до сих пор жив.

Беса хмыкнула, ещё разок сплюнула и убралась-таки восвояси, гордо повиливая обтянутой брючками задницей.

Архе показалось, что раздосадованная леди даже зубами скрипнула от злости. Ведунья, конечно, имела не слишком большой опыт общения с дамами высшего света. Но насколько лекарка знала, они стремились всегда и во всём превосходить других. А столь эффектный уход соперницы не оставлял демонессе шансов. Но всё же и она постаралась покинуть сцену красиво.

Леди изящно, как настоящая балерина, поднялась. При этом лицо её отливало безупречной кукольной красотой. словно это и не демонесса вовсе только что тут рыдала, оглушая окрестности.

— Не надейтесь, мессир, что в моём сердце найдётся хотя бы маленькое местечко для

вашей подлой особы, — гордо заявила она.

И отвесила ифтору ещё одну пощёчину. Шай, бедняга, даже покачнулся, едва на ногах устояв. А его щека, только начавшая бледнеть, вновь вспыхнула фонарём.

— Ну, дела... — удивлённо протянула крестьянка, глядя вслед удаляющейся ивторке. — Ладно уж, живи, что ли, болезный.

Она бросила оглоблю на землю. Арха с облегчением выдохнула — у неё эта девушка вызывала наибольшее опасение.

Но как оказалось, облегчение было преждевременным. Статная красавица размяла шею, как борец перед поединком и, не размахиваясь, даже с какой-то ленцой, двинула Шая кулаком в челюсть. Ифтора унесло под телегу.

— Не моги больше девок обманывать! — наставительно прогудела «барышня». — А не то я тебе хребет-то переломлю. Я теперь за тобой следить стану.

Гигантша, сложив из двух пальцев «козу», ткнула в сторону телеги, указала на свои глаза и снова на телегу. Вероятно, демонстрируя, что теперь демон находится под пристальным наблюдением. Правда, впечатлило ли это ифовега, Арха сказать не могла. Со стороны горе-любownika никакой реакции не последовало.

Убедившись, что грозная мистрис покинула поле столь бесславно закончившегося боя, ведунья, подхватив подол, метнулась к телеге. Но наверное, её предположения, что Шай и встречу с бревном переживёт, оказались верными. Ничего страшного с демоном не случилось. Только челюсть его распухла буквально на глазах. Да след от пощёчины темнел, наливаясь фиолетовым.

Сам ифовега лежал на спине, раскинув руки крестом, и элегически созерцал небо. А глаза у него и так большую часть суток были бессмысленными. Если не маслились при виде очередной юбки.

— Ты как? — осторожно поинтересовалась лекарка.

— Арха, вот скажи, почему мне так не везёт в любви? — меланхолично поинтересовался у облачка демон. — Я к ним со всей душой, а они...

— Сказала бы я, с чем ты к ним и в чем тебе не везёт, — хмыкнула ведунья, облокачиваясь на телегу — да воспитание не позволяет.

— Нет, ты не права... — всё так же задумчиво парировал Шай. — Как раз с душой. Я ведь что делаю? Я любви ищу. А как её можно найти, не зная, какая она, твоя половинка? Женщину понять надо, почувствовать, услышать сердцем!

— И, конечно, для этого нужно всех перебрать.

— Конечно! — ничуть не смутился демон. — Вдруг мне покажется — она! А потом я пойму, что ошибся? Я сделаю несчастной и её, и себя. Моё же предназначение в этом мире — дарить радость и счастье.

— Болтун, — фыркнула неромантичная ведунья. — Пойдём, я хоть лёд приложу. Пока не появилась ещё одна претендентка на сердце. И не проломила тебе дурную башку.

Шай тяжело вздохнул, подцепил остатки своей некогда роскошной шевелюры, грустно разглядывая опалённые кончики. И вздохнул ещё раз.

— Никто не понимает поистине тонкую и ранимую душу поэта! — вынес вердикт, разочарованный в любви ифовега.

Арха молча подала ему руку, помогая встать. Зачем ранить и без того истерзанное сердце ехидными замечаниями? Лучше от синяков его избавить.

Арха, вполуха слушая романтически завывания Шая, пыталась решить практически нерешаемую, но крайне важную задачу: как, а, главное, где к ужину вина добыть. Лордская трапеза без благородного напитка — не трапеза вовсе. А спиртное во всей округе имелось только при ставке. В прошлый раз, когда ведунья устраивала демонам праздник желудка, желаемое для неё Ируш достала. Как это девчонке удалось, лекарка не уточняла. Но подозрения, конечно, закрадывались.

Просить бесу о помощи вторично девушке не хотелось. Ну, неудобно как-то. Взрослые должны подавать подрастающему поколению пример достойного поведения, а не потворствовать развитию преступных наклонностей и всё такое. Но вино-то нужно!

— Тебе сложно сказать, как лучше? — обиделся Шай, выворачиваясь из-под кулька со льдом, который у его челюсти лекарка держала.

— Что лучше? — вполне искренне удивилась ведунья, полностью утратившая суть пространных рассуждений демона.

— Ты меня не слушала, что ли? Сердца у тебя нет, Арха! И, вообще, друг из тебя фиговый!

— Сердце у меня есть — это я тебе как лекарь говорю. И друг из меня вполне ничего. Я добрая.

Девушка глянула на свёрток в своей руке, критически осмотрела слегка припухшую физиономию ифовета и решила, что лучше всё равно не станет. А стремиться к совершенству ради самого совершенства было лень.

— Ты просто повтори свой вопрос и не устраивай трагедий на пустом месте, — примирительно посоветовала ведунья, отправляя остатки льда в чайник. Не пропадать же добру.

— Ничего я у тебя спрашивать не буду. Всё равно ты ни Тьмы в поэзии не понимаешь, — надулся блондин.

— А ты в поэты решил податься? Ты же можешь срифмовать только «любовь» и «кровь».

Арха отобрала у демона гребень, с помощью которого он пытался реанимировать подпорченную причёску, и взялась за ножницы. Принципиально улучшить опалённые концы расчёска в принципе не могла. Шай страдальчески поморщился, как будто ведунья ему не локоны собиралась обстричь, а что-то гораздо более ценное.

— Вот неправда твоя! Мои таланты гораздо глубже и разнообразнее.

— Например?

— Ну, например... «Жопа» и «попа»! «Сиянье глаз» — «унитаз». Или...

— Не надо! Общее направление твоего творчества я уловила. Это гениально! Просто новое слово в поэзии!

— А я что говорю? — приосанился ифовет. — Просто публика ещё не созрела до понимания всех глубин аналогий и аллюзий, вложенных мной в рифму и...

Рассуждения о гениальности Шая были прерваны самым беспардонным образом. Дан е каптёрку влетел с такой стремительностью, что едва рогами притолоку не задел. Но, кажется, даже не заметил этого. Ни слова не говоря, он схватил Арху за руку и поволок наружу. Причём и без того мало эмоциональное лицо демона сейчас вообще посмертную

маску напоминало.

— Кто? — едва смогла выдохнуть ведунья, старательно перебирая ногами.

— Адаш, — гавкнул хаш-эд.

Лекарка прибавила ходу.

А поспешить стоило. Кронпринцу действительно было плохо. Так плохо, что при их появлении он даже головы от подушки поднять не смог. Его Высочество лежал на диване, свернувшись в позе эмбриона, старательно прижимая обе руки к животу, словно боялся потерять внутренности. Лицо его отливало бледностью до серости, на лбу поблёскивала испарина, а губу демон закусил так, что под клыком выступила алая бисеринка.

Арха, не рассуждая, опустилась рядом с диваном на колени, осматривая страдальца.

— Что вы ели сегодня?

Принц хотел ответить, но только скривился. И это была даже не гримаса боли, а самая настоящая судорога.

— Он завтракал вместе со всеми, я уже спросил, — мрачно ответил Дан, стоящий у входа в шатёр и поглядывающий на улицу. — Отдельно ему ничего не подавали.

Ведунья рассеянно кивнула и села на пятки, нервно теребя подол фартука.

— Данаш, тут хирургов надо звать. Я не могу ничего сделать...

Хаш-эд уставился на неё так, словно она призналась в убийстве младенца.

— Ну а что я сделаю?! — от чувства собственной беспомощности у девушки слезы на глаза навернулись. — Похоже на отравление. А если у него внутреннее кровотечение? Я же только наврежу! Пока не узнаем, что с ним...

— А со своим кристаллом смогла бы? — перебил её демон.

Простую вроде бы фразу он выговорил так, как будто слова силком из горла выталкивал. При этом его перекосило едва ли не сильнее, чем принца. Арха только кивнула, снова поворачиваясь к Адашу.

Цепочку-то ей Дан вернул. А вот о кристалле лекарка даже заикаться боялась. Понятно, что и демоны о нём не упоминали. Скорее всего, амулет давно сгинул в подвалах инквизиции. Или его вовсе уничтожили. Думать об этом было физически больно — в затылке ломить начинало. Как будто бабушку второй раз похоронила — своими руками закопала.

— Держи.

На колени девушки тяжело, как будто из стали отлитая, шлёпнулась сосулька. Сглаженная, будто оплывшая грань, поймала случайный солнечный луч и сверкнула зеленоватым бликом, кольнув зрачок. Арха машинально сжала ладонь на кристалле, чувствуя, как внутри него пульсирует тепло, и подняла голову, глядя на демона.

Дан отвернулся, словно то, что происходило снаружи палатки, его интересовало гораздо больше. Каменнее физиономия хаш-эда быть просто не могла — некуда. Ведунья проглотила вопросы вместе с бурными благодарностями. Ей показалось, что демон их не оценил бы.

Не прошло и часа как принц, выглядящий ещё более измученным и бледным, чем до прихода ведуньи, спокойно растянулся на своём диване, явно намереваясь отправиться в царство снов. По крайней мере, спазмы его не корёжили.

— Больной остро нуждается в уходе лекаря, — пробормотал Адаш, облегчённо закидывая руку за голову. Но вторую ладонь он по-прежнему держал на животе, словно боясь, что резь вернётся. — И чем дальше лекарь уйдёт, тем легче будет больному.

— Стыдно, Ваше Высочество, — отозвалась ведунья. — Я, конечно, и раньше знала, что

чувство юмора у вас отсутствует напрочь. Но повторять бородастые анекдоты просто стыдно. Вы хоть шута при себе держите, чтобы он вам остроты придумывал.

Лекарка, посматривая на пациента, прибирала шатёр. Будь ты хоть трижды наследник трона, а промывание желудка всё равно дело грязное и дурно пахнущее. Странно, но у особ королевской крови внутри тоже не розарии цвели. А звать слуг Дан запретил. Правда, надо отдать ему должное, сам же рукава закатал и самую неприятную работу на себя взял.

— Оттого, что она старая, истина не перестаёт быть истиной, — наставительно изрёк принц, закрывая глаза.

— Его отравили? — тихо спросил Дан.

— Это отравление — да, — так же тихо ответила Арха. — Но отравили его специально или просто несвежий кусок попался, сказать не могу. Да и несильна я в ядах, — добавила ведунья самокритично.

— А со слухом у меня полный порядок, — подал голос Адаш. — Дан, не страдай паранойей. Во-первых, кому нужно меня травить? А, во-вторых, сам знаешь, при желании всё можно сделать гораздо чище. Так, чтобы скорбящим близким оставалось только гадать, с чего это покойному прихотнулось скопытиться. А тут слишком... грязно.

Кронпринц поморщился, то ли недовольный методами потенциальных убийц. То ли ему запах в шатре не нравился.

* * *

Ирраш привык полагаться на свои инстинкты. Но, к сожалению, они тоже иногда засыпали. Чаще всего вместе с хозяином. Предел выносливости есть даже у шаверов. И, в конце концов, наступает утро, когда все недосыпы, хроническая усталость и не долеченный ещё с зимы бронхит наваливаются разом. А последняя бессонная ночь оказывается той самой каплей, перелаamyвающей хребет стойкости.

Утро выдалось пасмурным и сырым. Кони брели почти бесшумно — мокрые космы тумана скрадывали звуки, делая их глуше, словно подушкой накрывали. Вязкая молочная каша ходила тягучими волнами у лошадиных колен. Черные плоские силуэты деревьев выныривали из дымки неожиданно, заставляя Мрака испуганно коситься, всхрапывать.

Сырость пробирала до костей. За три часа пути разведчики, кажется, успели промокнуть до нижних порток. Ирраш нахохлился в седле, кутаясь в тяжёлый набрякший влагой плащ, то и дело кляя острым носом. Надоевший кашель не давал нормально дышать. Но и толком откашляться не получалось. Так и ехал, время от времени кхекая в унисон с галкой, навязчиво и монотонно орущей за туманными космами.

А расслабляться не стоило. Крестьяне говорили, что в здешних местах видели каких-то подозрительных товарищей. Вполне возможно, это были только личные глюки, крепко настоянные на местном пойле. А, скорее всего, в сырых лесах бродили стайки дезертиров, выискивающих добычу подступнее. Но вполне возможно, что в кустах шныряли разъезды светлых, расчищающие дорогу для отрядов, идущих к осаждённому городу. В любом случае спать в седле не стоило. Но в веки какой-то умник свинец залил.

Ирраш откашлялся в очередной раз, крепко растёр шею под плащом — не помогло. Перед глазами всё равно плескалась муть, точь-в-точь как этот Тьмой проклятый туман. Демон открыл уже рот, чтобы приказать сержанту подтянуть солдат и прибавить ходу. И

только тут понял, что в лесу стало совсем тихо. Даже галка заткнулась. И шороха кустов, через которые пробиралась большая кошка, не слышно тоже.

Шавер поднял руку, останавливая отряд, и откинул капюшон с головы, настороженно прислушиваясь. И едва успел шарахнуться в сторону, почти свесившись с седла. Спасибо, хваленая интуиция проснулась вместе с хозяином. А то бы схлопотал стрелу прямо в глотку.

Бесы шаверским чутьём не обладали. За спиной демона кто-то захрипел. Взвилась на дыбы, дико заржала напуганная намертво натянутыми вожжами лошадь. Что-то пронзительно, коротко рывкнул Вереск. И воздух стал густым, словно желе. Ирраш почти видел следы от стрел, прошивающих туман длинными стежками.

Демон птицей слетел с седла, наотмашь хлестнув Мрака по чёрному задку. Конь всхрапнул, разом ударил передними копытами и единым длинным махом перелетел темнеющие кусты. Перед лицом Ирраша мелькнула стрела, запутавшаяся в лошадиной гриве. Но наслаждаться видами времени не оставалось вовсе.

— Шхар! — крикнул шавер, не на что, в общем-то, не надеясь.

И правильно не надеялся. Потому как ответа не получил. Если не считать за ответ удар тесака, едва не раскроивший череп. Недаром Ирраш не признавал ножен. Чтобы выхватить меч из кольца на поясе и мгновения не потребовалось. Парировать клинок, больше похожий на мясницкий нож. Перехватить самой серединой лезвия, уйти в сторону. Да не влево как ожидает противник, кем бы он ни был, а вправо. Выхлестнуть кистью, обходя тесак. И рубануть по чужой харе. Прямо по выпученным глазам, по раззявленном провалом рту.

На всё и удара сердца не потребовалось.

Разворот. И ещё один, призраком вынырнувший из тумана. Что ж вы все так орёте-то? Страху пытаетесь нагнать или себя накручиваете? Неважно! Распахнутые пасти — чудесный ориентир, точка, за которую взгляд цепляется, когда всё вокруг мельтешит, бурлит ведьмовским котлом.

Ткнуть клинком вперёд — коротко, экономно. Разворот на пятках, прикрывая грудь. Не потому, что нового врага увидел. Просто он там может быть. Собственно, он там и есть. Выхлест — короткий. Не задирая локтя, не открывая бок. И тут же в сторону. Крутись, двигайся, не стой на месте. Бой не танец. Акробатическими этюдами поражать некогда. Экономь движения, не открывайся. Тьма, как же щита не хватает! Какого не взял с собой баклер^[6]? Расслабился, отвык...

Двигайся, двигайся, двигайся!

Но эти мысли поверхностны, как рябь на воде, под которой ходит, ворочается громадная рыба. Опять? Кто один раз предал — предаст во второй? «Брат» — только слово? Получается, прав Дан? Нельзя прощать, нельзя наказывать. Верить можно исключительно мёртвым. От них подлости можно не ждать. Не принял правду чужих слов — учись на собственной шкуре.

Удар — уход. Укол — разворот. Отмашка!.. А-а, неловко то как! Трава скользкая от росы, как каток. Ну, на по ногам! Тьма, ещё глаза своей кровищей залил. Кто орёт? Он сам? Они? Неважно! Двигайся!

И ещё ниже ряби сиюминутных мыслей, вовсе уж в глубине притаился монстр — огромный, тёмный охранник Бездны. А, может, плюнуть на всё? Дёргаться, учиться, думать? Нужно только опоздать. Совсем чуть-чуть не успеть — и не будет больше ничего. Ни мыслей, ни бессмысленности, ни тоски, ни бессонницы. Всего-то и надо, что вывернуть кисть, слегка податься вперёд и...

Нет, ушёл. Топор цвиркнул над самой макушкой. Хочешь жить? Хочешь...

Не успел решить. Показалось, что крыло коснулось лица и груди мягко. Перья проехали по коже ласковыми кусочками меха. А удар как будто позже последовал, словно бы из-под крыла. Зато какой! Будто наковальней в морду получил. Отлетел, как пушинка. Едва успел сгруппироваться и всё равно всю задницу отбил. А обиднее всего — сам же и налетел. Тьмой отодранный арелим не специально его шибанул. «Птички» свои пёрышки берегут. Просто этот придурок не вовремя решил крылышки выпустить.

А вот демоны так не могут. Время нужно, чтоб перекинуться. Двигайся, двигайся, мать твою! Некогда рассусоливать, потом харю оботрёшь!

Поздно. Вот и опоздал. Всего на один удар сердца опоздал. Светлый завис в воздухе, распахнутые во всё небо крылья закрыли деревья, закрыли горизонт. Кончики перьев светились, как будто их сзади солнце подсвечивает. Пожалуй, это даже красиво.

На своё «поздно» Иррашу жаловаться не приходилось. Но и трепетно ждать демон не мог. Рыча и скалясь так, что клыки до самых дёсен видно, шавер перекатился на бок. Развернулся упруго, как отпущенная пружина. Вытянулся в струну — продолжение меча. Понятно — не достанет, даже сияющих перьев не собьёт. Но пытаться надо. Потому что просто надо. По крайней мере, может, заденет, когда светлый пикировать станет и...

Светлый не стал пикировать. Гортанно и неразборчиво крикнув, он вспыхнул, как лампа. Крестовина высоко поднятого меча ослепила бликом — шавер даже глаза ладонью заслонил. А потом всё пропало.

Ирраш даже удара не почувствовал. Он вообще не ощутил ни-че-го. Просто только что перед ним сиял, переливался ёлочной игрушкой арелим. А в следующий миг наступила Тьма, заполнившая весь мир, сколько его имелось. Кажется, демон летел. Или, может, падал. В любом случае это было неплохо. Совсем неплохо.

Он ожидал гораздо худшего.

Глава четвертая

Бывает, просто молчишь. А тебя уже неправильно поняли

Из наблюдений старого ловеласа

Толпу, собравшуюся у лазарета, Арха разглядела, стоило ей из дома выйти. Да и сложно было не увидеть такое сборище. Похоже, на вытоптанном пятачке собрались не только все Дубки, но и подтянулось население ещё из трёх — четырёх сел. Конечно, в реальности такого случиться не могло. Никто бы не пропустил сюда чужих. Просто до сегодняшнего дня ведунья не представляла, сколько в деревне живет народу. Обычно-то улицы пустовали. И если лекарка видела местных, то только издалека.

Сейчас же крестьяне стояли плотно и, кажется, чему-то с большим интересом внимали.

— А ты всё ж мне ответь! — услышала голос деревенского старосты. — Может, ты тут и дело глаголешь. Но от как нам быть? Ты, малец, одно толкуешь. А, вишь ты, проповедники-то светлых другое грят. А?

— Так нет тут никаких тайн, уважаемый, — бойко отозвался Данаш — не тот, который с рогами, а рыжий. — Вот ты же сам сказал: про Свет тебе проповедники толкуют. А видели они его? Были с ним или, может, разговаривали? Не-ет. А я тут, перед вами. Если что хотите знать — спрашивайте. Отвечу без утайки.

Пробраться сквозь крестьян делом оказалось непростым. Жители стояли плотно. Но, что странно, оглядываться-то они оглядывались. И даже смотрели недовольно. Но в ответ Арху никто не пихнул, локтем в ребра не дал и не обругал. Поворачивались, теснились, а протиснуться в первые ряды дали.

И делалось это не из какого-то особого пиетета к лекарке, а исключительно по доброте душевной мол: «Раз лезет вперёд, то ей, видать, нужнее!». В столице наглой ведунье давно и ноги отдавили, и подробно рассказали не только об её собственной интимной жизни, но и всех предков по женской линии помянули бы вплоть до седьмого колена. Пожалуй, столичным жителям было чему поучиться у местных.

— А ты сам-то со Тьмой чего? Вась-вась? Да вроде молод ещё, — хохотнула разбитная деваха, которую Арха никогда не видела.

Предположение о странных отношениях Данаша с Тьмой общественность поддержала одобрительным ворчанием и смешками. А девушка, наконец-то, протолкалась в первые ряды зрителей. И едва за голову не схватила. Кажется, демоны решили, что девиз: «Ни дня без спектакля!» — весьма актуален. И если вчера гастроли давал Шай, то сегодняшней звездой сцены стал рыжий Данаш.

Маленькая пакость не только собрала вокруг себя всю деревню. Демонёнок ещё и на бочку взобрался, встав в картинную позу оратора. И видимо, чтобы внушительнее выглядеть, обмотал вокруг себя зелёную бархатную тряпку. Лекарка заподозрила, что в прошлой жизни эта импровизированная тога — или мантия? — была юбкой одной из леди, живущих при ставке.

— Мне васиться ни с кем не нужно, — Данаш шутки не оценил. Хотя, скорее всего, по молодости лет он её и не понял. — Замыслы свои мне Тьма открывает. Этот дар у меня с рождения.

Для убедительности рыжик постучал себя костяшкой пальца по лбу.

— С чего такая великая честь? — скептически прищурился староста.

— С того, что я сын бога! — гордо заявил паскудник. — И я вам сейчас это докажу! Но потом вы меня слушать станете безоговорочно!

Данаш напыжился, даже, кажется, щеки надул. Мордаха его покраснела, как зрелый помидор. И вроде бы, кудряшки от напряжения приподнялись. А потом демонёнок... пропал. Вместо него на бочке замерцала линза, полная клубящейся, гипнотизирующей тьмы. Она покачивалась на остром конце. Словно раздумывая — упасть ей или постоять ещё. Но смешного в этом зрелище было немного. Пожалуй, это колебание только усиливало завораживающий эффект.

По крайней мере, крестьяне трюк оценили. Надо отдать им должное, визжать и грохаться в обморок никто не стал. Но толпа слаженно ахнула и шатнулась назад. Все, кроме Архи, сложившей руки на груди и глядящей на представление не без скепсиса.

— Что? — послышался недовольный голос из-за мерцающей завесы.

— Ничего. Восхищаюсь божественными умениями, — честно призналась вредная лекарка. — И очень бы мне хотелось узнать, к чему же нас призывает божественный сын. И как мы ему служить должны? Кстати, вы личико-то своё верните, а то мы тут того... ужасаемся.

В воздухе громко хлопнуло, будто гигантские ладони ударили, и даже ветерок поднялся. А «божественное дитя» вернулось на бочку, отправив мерцающую завесу в небытие. Выглядел новоявленный пророк неважно. Данаш вспотел, как будто вокруг деревни раза три обежал. И дышал тяжело. Да и колени у него вроде бы подрагивали. Что и не удивительно. Для прямого оперирования Тьмой силы нужны — энергию она сосёт, как сами арифеды кровь.

— Служить мне уважаемые должны просто! — насупившись и глядя на не ко времени появившуюся ведунью исподлобья, пропыхтел пророк. — Дары дарить и ублажать меня всячески.

— И какие же дары предпочитает уважаемый сын бога? — поспешно перебила его Арха, опасаясь, что кто-нибудь из местных сосредоточит своё внимание на «ублажении».

Быть причастной к посвящению, пусть и теоретическому, мелкого арифеды в некоторые тайны взрослой жизни, Арха не желала категорически. Вряд ли папуля «пророка» такое бы оценил.

— Ну, какие... — рыжий застенчиво шаркнул ножкой и даже глаза отвёл. Не подготовился заранее, бедолага. Но всё-таки выход из положения он быстро нашёл. — Всекие!

Он победно глянул на девушку и, кажется, едва удержался, чтобы язык не показать.

— А какие откровения Тьмы нам поведаст сын бога? — прищурилась ведунья.

Зря щурилась. Данаш ухмыльнулся весьма пакостно. Снова принял одухотворённую позу — даже руку вперёд выставил. И, возведя очи к небу, начал вещать.

— Грядёт свет, который пожрёт нивы наши и пашни, укроет непроницаемой пеленой дома и хозяйства. Отравит воду, землю и небо ядом своим. Затуманит разум и каждого свободного превратит в раба! — проповедовал он с воодушевлением, а не тарабанил, как обычно. Даже с драматическим подвыванием. — И прольют тогда слезы и младенцы, и девы, и старики. А мужьям лишь останется защищать с железом в руках дворы. Только

поздно будет! Ибо когда Тьма грядёт — ничто не укроет, ни спрячет, и не спасёт!

— Свет, — поправила Арха, когда оратор взял паузу, чтобы дыхание перевести.

— Чего? — не понял пророк, видимо, охваченный вдохновением.

— Я говорю, поздно будет, когда Свет грядёт, а не Тьма. И мне кажется, что «непроницаемая пелена» звучит не очень. Если речь, конечно, о свете идёт. Уж лучше сияющая.

— Много ты понимаешь в пророчествах! — буркнул Данаш и, сопнув носом, утёрся кулаком.

— Да куда мне! — не стала спорить Арха. — Пойдём, лучше у папеньки твоего спросим и про Свет, и про Тьму. И кто кого чем укроет.

Лекарка многозначительно подняла брови, самым подлым образом намекая «пророку», что она его с бочки и за ухо стащить может. Миссия такого подхода к проблеме не оценил и глянул на предательницу враждебно. Но, всё же, слез.

— Эй, девка, погоди, — преградил им дорогу деревенский староста. — Это что ж получается? Раз вот это сын Бога, а ты его к батюшке ведёшь, значит, Бог-то рядом иль как? А, может, ты сама из этих?

Мужик мотнул головой куда-то в сторону. Видимо, показывая, что «эти», по его мнению, в березняке обитают.

— Потрясающая логика! — оценила выводы староста ведунья.

Но пояснять ничего не стала. Способствование зарождению, как, впрочем, и уничтожению новых религий в её компетенцию не входило.

* * *

Данаш топал чуть позади Архи, сопя, как рассерженный бычок, но сильно не отставал. Даже иногда шагу прибавлял, придерживая свою мантию, как придворная дама шлейф — перекинув через руку. И не забывал при этом бросать на лекарку обиженные взгляды, которые, видимо, должны были пробудить в ведовской душе совесть.

Совесть спала, и ничто её не тревожило.

— Мы, правда, к уважаемому отцу идём? — как о совсем ничего незначащем, поинтересовался демонёнок.

— Для начала мы зайдём в лазарет. А там ты мне в подробностях и красках распишешь, где всю эту ересь услышал. И кто тебя надумил проповедовать, — успокоила его девушка. — А, заодно, поведаешь, как это ты, такой талантливый, самостоятельно научился во Тьму ходить, да ещё и жрецов обманывать?

— Каких жрецов?

Вот тут Арха и встала, как вкопанная, медленно-медленно повернувшись к «пророку».

— Только не говори мне, что никакого секрета нет. И ты просто не подумал о том, что все перемещения через Тьму жрецами отслеживаются, — проникновенно попросила ведунья.

Сын бога был ребёнком послушным, поэтому ничего он говорить не стал. Только таращился на девушку преданными белёсыми глазами. Лекарка застонала, хлопнув себя ладонью по лбу. И тут же схватила Данаша, волоча его за собой в каптёрку, к их счастью пусовавшую. Демонёнка она не слишком нежно впихнула внутрь. Захлопнула за своей

спиной дверь, да ещё сверху навалилась на неё, подсматривая за тем, что на улице происходило, в щель между досками.

Убрались они вовремя. И минуты не прошло, как к толпе крестьян, расходится, кажется, и не собирающихся, притопали двое жрецов в сопровождении отряда штабной охраны.

— Толку-то бегать? — проворчала ведунья, глядя, как служители тьмы общаются с местными жителями. Надо сказать, что делали они это исключительно надменно. Их постные и в то же время высокомерные рожи даже из бывшего сарая хорошо видно было. — Можно подумать, что тут рыжие дети с белыми глазами толпами ходят.

— Да чего я сделал-то? — обиженно загудел за её спиной «пророк». — Все же так делают, я сколько раз видел!

— Где ты это видел, проклятье рыжее?

Крестьяне от общения со жрецами явно не в восторге пребывали. Судя по хмурым физиономиям, мины служителей не оценили. А некоторые пейзажи уже успели и смыться под шумок.

— Как где? Уважаемая совсем того, да? — кажется, маленький наглец даже пальцем у виска покрутил. — У шатров и видел. Когда курьеры отправляются и приходят.

— И тренировался во Тьму ходить ты тоже там?

— Ну да. Я там спрятался, смотрел, как другие делают и повторял.

— Поня-атно... — протянула Арха.

Между прочим, перед девушкой нарисовалась приличная дилемма: сообщать Его Высочеству о такой дырке в охране штаба или не сообщать? То, что жрецы передвижение на территории ставки не отслеживают, не удивляло. Каждого вестового регистрировать — голова закружится. Но лазейкой и злоумышленники могли воспользоваться.

С другой стороны, помнится, ещё Адин говорил, что все эти слежки рассчитаны не на защиту от врагов. Светлые во Тьме не ходят. Скорее уж жрецы пристально наблюдали за принцем, его окружением и генералами. И кому служители доклады строчили, догадаться несложно. А «закладывать» демонёнка ей не хотелось. Всыпят же юному таланту по первое число.

Пока она раздумывала, терпение жрецов, так и не нашедших подход к крестьянам, явно заканчивалось. Один из них — высокий и тощий, похожий на подставку для пугала — властно махнул рукой, подзывая сержанта стражи. Видимо, уговоры готовы были перейти в невербальную стадию.

Мирное население угрозу просекло моментом и тут же пошло на контакт. В воздух взметнулся сразу лес рук, указующих, куда скрылся злоумышленник. Правда, указывали все в разные стороны. Ведунья не сомневалась, что и описание нарушителя будет отличаться разнообразием.

Лекарка отлипла от щели, но, всё же, задвинула щеколду.

— Ну и что с тобой делать? — проникновенно поинтересовалась она у преступника.

— А что со мной делать? — снова засопел демонёнок.

— Казнят ведь тебя теперь!

— Ка-анешно, — усмехнулся рыжий, не испытывая никакого трепета перед наказанием.

С воспитанием подрастающего поколения у Архи наблюдались явные проблемы. Ей определённо не хватало педагогического таланта.

— Ладно, — тему наказания ведунья решила обойти мудрым молчанием, — Ну а где ты этой чуши наслушался и с чего вдруг решил проповедовать начать?

— Ну а что? Они живут хорошо. Все их слушаются. Что не скажут — всё сделают. И едят вкусно. Вот самые лучшие куски — им. Чес-слово, лично видел! Кабатчик сам не съест и лордам не даст, а тем, кто на площади рассказывает про Тьму — даёт. И бесплатно! Нет, пусть уважаемая скажет, разве плохо?

Уважаемая озадаченно потёрла лоб, разглядывая воодушевившегося сына бога.

— Кабатчик? На площади? — тихо-тихо переспросила она, начиная подозревать, что происходит тут что-то очень нехорошее. — Ты где тут умудрился найти площадь, кабатчиков и светлых проповедников?

Рыжий снова насупился, завозил по дощатому полу ногой, старательно косясь в сторону.

— Я вообще много чего вижу, между прочим, — буркнул демонёнок, явно не желая отвечать на заданный вопрос. — Меня-то никто не видит, а мне ещё дома говорили, что я приметливый.

— И что же ты ещё видел?

Честно говоря, девушка уже сомневаться начала, хочет ли она услышать ответ на заданный вопрос.

— Ну вот, например, я видел, как один такой... Из этих самых, из говорящих, денег бесу давал и бутылочку такую, непрозрачную. А бес тот на кухне у принца подвизается. И как бутылочку-то эту он увидал, так вроде и на попятную пошёл. Мол: «Нет, не буду я такое творить!». А тот, который говорител, ему ещё кошелёк дал — больше прежнего. И бес-то тот...

— Погоди, — остановила поток сознания лекарка, чувствуя, что во рту становится кисло. — Где ты это видел? И откуда знаешь, что бес при кухне служит?

— Я же говорю, что много вижу, а меня никто не видит, — гордо ответил Данаш. — А видел — там.

Демонёнок неопределённо мотнул головой, указывая на только ему ведомые дали. Но, как назло, расспросить всезнающего сына бога ведунье не позволили. Запертая дверь содрогнулась так, словно её тараном высаживали.

— Тётя Арха! — белугой взывала Ируш. — Открывай, давай! Гони любовника в шею и открывай! Тама раненных привезли. Работы непочатый край. Ещё не все того. Окочурились в смысле не все.

Лекарка выругалась сквозь зубы, поспешно отодвигая засов, пока на вопли полоумной девчонки вся деревня не сбежалась. Её шутки мог понять не каждый и обязательно нашлись бы принявшие это за чистую монету. А поскольку большинству находящихся в ставке, кроме как трепать языками, делать нечего, слухи расползутся с безумной скоростью.

И что-то девушке подсказывало, чувство юмора у некоторых отдельно взятых хаш-эдов могло и в отпуск отправиться. По крайней мере, шутки про любовников Дан вряд ли оценит.

* * *

Такого количества раненных Архе видеть ещё не доводилось. Собственно, именно с ранениями она тут почти и не сталкивалась. Были обожжённые, встречались поломанные во время неудачного штурма. Но всё больше обычные больные и покалеченные в драках.

Да ещё из всех хирургов в госпиталь смогли прибыть только двое. Старший буркнул что-

то про то, что они массово отравились обедом в ставке. Впрочем, такие отравления, называемые в народе «птица перепил», случались регулярно. Особенно когда прибывал новый обоз со свежей партией вин. И то, что вместо пяти положенных санитарок в наличии имелись только две, дела не облегчало. Раненых привезли явно больше, чем им было под силу принять.

— Куда ты волочёшь? Это труп уже! — рывкнул метр Тахеш, раздражённый куда больше обычного.

— Так хрипит же ещё, — промямлил растерянный солдат, пытающийся пристроить носилки на стол.

— Арха! Бегом наружу и без сортировки мне на стол не подавать!

Ведунья кивнула, тяжело сглотнув слюну, вдруг ставшую вязкой. Этого момента она ждала. С ужасом. Знала, что рано или поздно он наступит — и боялась дико. Одно дело не суметь спасти. И совсем другое решать, кому жить, а кому умирать. Это точно не её. Но не Ируш же посылать — у бесы просто знаний не хватит.

Лекарка отёрла мигом взмокшие ладони и скользнула под полог операционной палатки.

Снаружи царил бедлам. Две телеги — обычные, обозные, а не госпитальные фургоны, стояли перед лазаретом. Удерживать нервничающих, испуганных суетой и страшными запахами тяжеловозов солдатам удавалось с трудом. А смрад в воздухе стоял знатный: коктейль из крови, содержимого кишечника и мочевого пузыря — аромат военного госпиталя. Только гнилой вони ещё не имелось.

Раненных на телеги грузили как попало, вповалку. И теперь тем же макарон ёрзающие из бесающихся лошадей подводы разгружали. Те раненные, кто смогли добрести сами, потихоньку подтягивались, устало садясь, а то и падая на нежно зеленеющую травку. Стоны, крики — настоящая Бездна.

Арха снова сглотнула, заметив, как с днища телеги на землю тягуче капает кровь. В ушах у лекарки тонко, по-комариному, звенело.

— Стрисс, скоро ли меня-то посмотрят? — окликнул её бес, сидящий у самого полога.

Солдат поднял руку, демонстрируя кисть, обмотанную насквозь мокрой тряпкой. Чересчур маленькую и слишком плоскую кисть. Кажется, именно это и называлось «поражение ударно-дробящим оружием». Очень «ударно» и сильно «дробящим».

Взгляд лекарки скользнул по лицу беса, машинально отметил бледную кожу, испарину, синюшные губы и «плавающие» зрачки. «Вторичная фаза болевого шока характеризуется учащённым сердцебиением...» — заунывно затянул под черепом голос профессора Кшерра.

Взгляд ведуньи метнулся к телегам, потом снова к солдату с покалеченной рукой, к телегам — к солдату, к телегам — к солдату.

В ушах пищало всё громче.

— Ар, иди туда, — невесть откуда взявшаяся Ю тряхнула девушку за плечи так, что зубы клацнули. — Слышишь? Лекарство я и без тебя дать смогу.

Арха кивнула, впустую шевельнув пересохшими губами. И, подобрав подол, метнулась к подводам. «В столицу, в столицу, в столицу!» — колотилась в виски.

Арха за собой как будто со стороны наблюдала. И удивлялась, как спокойно и практично эта девица взялась за сортировку раненых. Быстрый осмотр и — направо, налево, к грахе, в палатку. Даже суета успокоилась, преобразившись в осознанную деятельность. И раненные перестали надсадно орать, лишь некоторые постанывали тихонечко, будто стесняясь. И лошади спокойно встали, только нервно дёргая шкурами.

Лишь раз она и пришла в себя, когда раненный, которого она велела отнести влево — к умирающим — вдруг схватил её за руку. Он что-то говорил, но лекарка его не слышала. Просто слух отключился. Арха ещё раз глянула на развороченный живот, в котором пропитанные кровью лоскуты и комки ткани перемешались с обрывками кольчуги и чем-то слишком живым. Ласково улыбнулась и расцепила пальцы солдата у себя на запястье. Только тогда и заметив, что раненый шавером был.

Наверное, это недолго продолжалось. Не так много времени и нужно, чтобы рассортировать тридцать — сорок раненных. Телеги отогнали в сторону, а ведунья, развернувшись на пятках, помчалась к операционной палатке. И споткнулась. Взгляд наткнулся на того самого шавера, лежащего в стороне. Он молчал, даже не стонал. Просто смотрел в небо. Лишь потому, что веки его медленно опускались, а потом снова поднимались, и можно понять — он всё ещё жив.

Нет, Архе не стало его жалко — все эмоции вообще куда-то подевались. Просто он ей напомнил кого-то. Не Ирраша — они с раненым походили друг на друга как любые два «кота». Кого-то другого...

«Нет, не помню... — всплыло откуда-то. И её собственный ответ, ехидный и колкий. — Не поверите, я тоже».

Ведунья медленно, с трудом переставляя вдруг ставшие деревянными ноги, подошла к лейтенанту — теперь-то она заметила нашивки. Но даже на колени не встала, смотрела сверху вниз. Шавер с явным трудом сфокусировал на ней взгляд.

— Узнала? — губы у него скривились, наверное, улыбнуться попытался. — Я знал, что так и встретимся. Когда услышал, что тебя сжечь собирались, а потом про отмену приговора, тогда и понял: встретимся. Я подыхать буду, а ты смотреть. Мне ещё твоя бабка высшую справедливость обещала.

Говорил он спокойно и ровно, даже дыхание было чистым, словно это и не у него вместо живота дырка до позвоночника. И это могло означать только одно — дышать ему осталось недолго.

Сказать, что дальше Арха действовала обдуманно — сильно преувеличить. Под черепом только бахнуло один раз: «Еретические высказывания и действия, принесение жертв лже-Богине, ведовство, чаровство...». Но она отмахнулась от гундосящего голоса, как от назойливой мухи. А больше никаких связных мыслей и не было.

Просто ведунья опустилась-таки на землю, доставая из-за пазухи кристалл, которые не разгорелся, а сразу и очень ярко вспыхнул зелёным, превратившись в шар чистого света. Она даже и не молилась, а будто руку протянула в сияние. Мысленно протянула — обе её ладони лежали по бокам от раны. Но пальцы лекарки сжали дружелюбно и ободряюще. А потом осталось только тепло и запах яблок.

Очнулась Арха от того, что кто-то отвесил ей чувствительного пинка. И только пару секунд спустя до неё дошло, что никто её не пинал. Это она сама на задницу села. А земля твёрдая.

Девушка огляделась, соображая, что по-прежнему находится на площадке перед лазаретом. Только тихо вокруг. Все, кто тут был — солдаты, раненые, возчики — молчали и пялились на неё. И старший хирург, стоявший, придерживая рукой полог операционной палатки, тоже молчал.

Но именно он первым голос и подал.

— Насколько вас ещё хватит с этим вашим сиянием? — строго поинтересовался метр

Тахеш.

Ведунья неуверенно пожала плечами, не слишком хорошо поняв сути вопроса.

— Значит, будете работать, сколько потребуется, — отрезал медик. — Прощу к столу.

Арха неловко поднялась, сжимая в ладони слегка пульсирующий кристалл, послушно направившись к палатке. И только на пороге догадалась обернуться. Её отец спал — лекарка видела, как спокойно и ровно поднимается его грудь.

Тогда-то до неё и дошло, что она первый раз исцелила! Не помогла, не подпитала Жизнь, не посмотрела, что там внутри творится, а исцелила!

Правда, ведунья не была уверена, что сможет повторить этот трюк.

* * *

Впервые за всё время жизни в Дубках, Арха обрадовалась, увидев свой дом тёмным. Раньше неосвещённые окна становились прямым приказом к унынию и началу сожаления о собственной загубленной молодости в духе: «Никто меня не любит, никому я не нужна!». Сегодня же вечером она очень хотела быть никому не нужной. Разговоры на извечные и, несомненно, актуальные темы «Опять?», «Сколько можно?!» и «Ты дура!» в данный момент вполне могли заменить колесование. Или четвертование. В общем, лишними они казались.

Но, уже привычно придерживая калитку, ведунья осознала: не пронесло. Во-первых, Ир на неё так и не прыгнул. А отвлечь щенка от любимой развлекухи способен только ещё более любимый рогатый, видимо, засевший в доме. А, во-вторых, лекарка хаш-эда чувствовала — тут он, рядом совсем. Завис всего в нескольких шагах провалом в Бездну, в сердце которой бушует тёмное пламя.

Арха аккуратно прикрыла за собой калитку и с минуту пыталась справиться с запором. Щеколда всё никак не желала вставать на своё место. В конце концов, поняв, что замок она сейчас выдерет с мясом, девушка тяжело вздохнула и, нога за ногу, поплелась в дом. Никогда раньше она не жалела о том, что не курит. Был бы повод задержаться на крыльце. А за это время демон, может, и делся куда. Например, провалился в эту самую Бездну с пламенем.

Не делся. Сидел, опершись рогатым затылком в бревна стены. Руки, понятное дело, на груди сложил. А глаза в темноте подсвечивались красным. Бесится.

В ногах Его лордства гордым сфинксом замер Ир, демонстративно отвернув от хозяйки морду. И этот предатель.

— Ты ужинал? — обречённо спросила Арха, ни на какой ответ, естественно, не надеясь.

Лекарка его и не получила. Пришлось вздохнуть ещё тяжелее. А что ещё делать, если в качестве воспитательных мер твой любимый мужчина прибегает к методике «Я всё решил — слушать меня и строиться в три шеренги»? Вот сейчас помолчит-помолчит, а потом как выдаст эдакое, отчего только вешаться и останется.

И сил спорить нет никаких. Ведунья себя не то, что усталой — выжатым жмыхом чувствовала. Вот всё масло до капельки из неё выдавили, оставив сухую труху. Арха села на скамью, поставив локти на стол и с силой потеряв ладонями лицо. И только тогда поняла, что она из лазарета уплелась, как была — в косынке и фартуке. Между прочим, грязных и заляпанных всяким — разным.

Этот-то факт её и взбесил. Основательно так взбесил, с места в карьер, до стиснутых зубов и багровой пелены перед глазами. Ей бы вымыться, закинуть в пусто сосущий желудок

что-нибудь и рухнуть в постель. А не в очередной раз выслушивать объяснения, почему она идиотка.

Лекарка сцепила пальцы в замок — до побелевших костяшек сцепила — и аккуратно, как будто они стеклянными были, положила на стол. И вот когда она себя практически убедила, что воплями с проблемой не справиться, демон решил заговорить. Нашёл, конечно, время!

— Арха, я не знаю, как ещё донести до тебя мысль...

— Дан, скажи мне, пожалуйста. Вот то, что я ведуныя, тебе сильно мешает жить? В смысле то, что я лезу, куда меня не просят, помочь всем пытаюсь и конспирацию нарушаю, сильно мешает?

— Сейчас речь не о моём комфорте, а о...

— Нет, речь именно о нём, — Арха уже второй раз перебила демона, чего раньше не случалось. Наверное, поэтому хаш-эд и заткнулся — от неожиданности. — Ответь, пожалуйста, на мой вопрос и без всяких: «Я о тебе забочусь» и «Боюсь тебя потерять». Просто факт. Тебе это сильно мешает?

Естественно, свой ответ Его Лордство предварил паузой. Может, действительно слова обдумывал. А, может, обстановку нагнетал. Честно говоря, ведуныя было плевать. У жмыха эмоций не бывает.

— Сильно, — наконец, выдавил из себя Дан.

— Отлично, — тут же откликнулась лекарка. — Осталось выяснить, насколько сильно. Потому что если ты не можешь с этим смириться, то нам остаётся только помахать друг другу ручкой и пожелать счастья в дальнейшей жизни.

— Не понял... — тяжело ответил демон.

— А я сейчас объясню, — кивнула Арха. — Даже спорить не буду, бросаться на помощь кому ни попадя, при этом кристаллом размахивая — это идиотизм. Я даже не буду говорить, что в большей или меньшей степени мы все тут... Первой попавшейся юбку задирать даже имени не спросив, тоже не слишком умно. Или, например, громогласно заявлять, что вам с императрицей не по пути, — Дан дёрнулся было, возразить, вероятно, хотел. Но лекарка упрямо мотнула головой, — Нет, ты выслушай, пожалуйста. Итак, это глупость чистой воды. Только вот это я — такая, какая есть. Когда-то я тебе уже говорила: к святым себя не отношу. Например, я в курсе, что сейчас в Горколе не сахар. И больных хватает. Вполне возможно, что и дети там с голоду умирают. Но я их не вижу. Поэтому мне всё равно. Подкоп рыть не полезу и хлеб через стены кидать не стану. Честно говоря, их страдания мне спать не мешают. Потому что, ещё раз: я их не вижу.

Дан, как его и просили, застыл неподвижной, а, главное, молчаливой статуей в своём углу — даже тень рогов на стене не шевелилась. Только два уголька в провалах глазниц медленно пульсировали. Честно говоря, выглядело это жутковато. Бледное лицо белело во мраке, как череп. И две огненные, живущие точки.

— Но есть те кто... Как вы их называете? — Арха досадливо прищёлкнула пальцами, пытаясь подобрать слова, — В зоне вашей ответственности? Я не совсем демон, но, всё-таки, наполовину шаверка. Видимо, у меня эта «зона ответственности» тоже есть. Раньше в неё попадали те, кому я просто могла помочь. Вот тут и сейчас. Могу помочь, значит, должна, — лекарка для убедительности постучала костяшкой пальца по столу. — Вы мне много и долго рассказывали, какая я «умная», что ломанулась ту девчонку в госпитале спасать. Попробуй сейчас понять: не думала я тогда ни об инквизиции, ни о студентах. Да я даже не думала о

том, что к Богине взываю. Просто был тот, кого я могла спасти. И были методы, которыми я могла спасти. Всё, ничего больше! Вы называете это идиотизмом. В принципе, я с вами согласна. Но знаешь, что мне сегодня старший хирург сказал?

Дан послушно помотал головой.

— Он сказал: «Вы очень профессионально работаете». Не «применяете незаконные методы», не «занимаетесь ересью», а «профессионально работаете». Ему плевать, как и почему раненные в живых остаются. Кстати, больным на это тоже наплевать. Для них религия — это: «Да помогите мне кто-нибудь!».

— Это демагогия, — глухо подал голос Дан.

— Хорошо, — легко согласилась Арха, — Только ни когда я Адаша лечила, ни когда я Адина оперировала, ни когда я тебя самого из Тьмы вытаскивала, ты это демагогией не считал. И не надо зубами скрипеть. Оттого, что мы это не вспоминаем, истина не перестаёт быть истиной, как говаривает принц. Вот такая я. У меня тоже есть своя зона ответственности. Наверное, сейчас она стала поуже. Не знаю, честно говоря. Не узнай отца, стала бы помогать? Не знаю... Но я лечила, лечу и лечить буду. Всеми доступными мне методами.

— Ты не понимаешь! Речь о твоей жизни идёт и...

— Прекрасно понимаю, — снова перебила его ведунья. — Речь действительно идёт о моей жизни. Дан, у тебя был шикарный шанс воспитать из меня комнатную болонку. Ты им не воспользовался. А теперь уже я не хочу становиться просто «любовницей лорда Харрата». И, раз уж пошёл такой разговор, попробуй оценить всё с моей точки зрения. Я никогда тебя ни о чём не просила. Один раз поклялась не идти вразрез с твоими желаниями — и не шла.

— Кроме как сегодня.

— Да, кроме как сегодня. Но! Ты сказал: «Ничего не жди!» — я не ждала. Ты сказал: «Будешь со мной!» — я была. Ты чётко дал понять, что есть наша жизнь, а есть твоя жизнь. Я жила в том кругу, который ты для меня очертил, и за его пределы не лезла. Я хотела быть с тобой, и была — на твоих условиях. Но теперь, если ты хочешь быть со мной, то примешь меня такой, какая я есть.

— Ты сама понимаешь, о чем говоришь? Из-за твоей прихоти размахивать стекляшкой и посылать лучи добра, я тебя вообще потерять могу! — пророкотал демон.

— Неужели? — ведунья выпрямилась и усмехнулась. — А сколько у меня шансов потерять тебя, пока ты в войнушку играешь? Или мне напомнить, что лорду Харрату место не в патрулях, разведках и вылазках, а в штабном шатре? Я тебе по этому поводу хоть слово сказала?

— Не сравнивай! Это не одно и то же! — Кажется, демон начал всерьёз заводиться. — Я мужчина!

— Тьма, разве я это отрицаю? Ты мужчина — я женщина. Ты принимаешь решения — я им следую. Ты защитник — я у тебя подмышкой. Ты воин, поэтому я доспехи на себя не цепляю и воевать не лезу. Но я женщина, лекарь и ведунья!

— Вот именно, — зарычал Дан так, что Ир даже к полу припал. — А в этом мире для ведуний нет места!

— Так если ты мужчина и так дорожишь мной, создай мир, где мне есть место! — заорала в ответ Арха, вскакивая, упираясь обоими кулаками в стол. — Ты же всемогущий! Ты же всегда добиваешься того, чего хочешь! Или, может, ты не меня хочешь, а постельную грелку, куклу послушную? Так поищи, при чем тут я?!

Хаш-эд тоже вскочил, буравя лекарку разгорающимися алым глазами. Постоял молча и широкими шагами вышел за порог. Едва не снеся по пути дверь.

«Если не хочешь мужчину унижить — не бей его ниже пояса, — глубокомысленно протянул здравый смысл. — А если хочешь, тем более не бей. Не оценит!».

Ведунья тяжело опустилась обратно на скамейку. Ир подполз, тихо поскуливая, положил на колени тяжёлую башку.

Даже плакать, почему-то не хотелось.

* * *

Демон и сам не знал, где находился — в бреду, реальности или насланных галлюцинациях. Кажется, вырубился он всего на мгновение. А потом опять слышал звуки уже затихающего, но боя. Случайный лязг оружия, судорожные всхрипы дорезаемых раненных, гортанные приказы арелима. Или всё же это была женщина? Кажется, когда её крылья загородили от него неба, Ирраш заметил выпуклости груди под неизменным жилетом...

А потом он почувствовал, как его тащат. Тянут за шиворот, волочат по земле. И мелкие веточки вместе с прошлогодней травой и мокрыми склизкими, словно компресс, листьями забиваются под задравшуюся на спине куртку. На лицо ему капало горячим, пахнущим медью. И от вони звериной пасти горло перехватывало. И ещё привычно, почти уютно навевало мокрой кошачьей шерстью.

Может быть, это и был тот Предок, который встречал всех шаверов на пороге Тьмы? Только вот почему он волочил Ирраша, вместо того, чтобы позволить встать на ноги? Мало чести въехать в вечность, собирая задницей лестной мусор.

Но подняться он так и не сумел. Наоборот, снова начал тонуть в чернилах, пока они не накрыли с головой, заглушив все звуки.

Тьма никуда не делась и потом. Демону показалось, будто он очнулся. По крайней мере, такую боль в груди придумать сложно. Да и лицо горело, словно его мордой в костёр сунули, а вытащить забыли. И тело своё, избитое и покорёженное, Ирраш воспринимал вполне реально. Не видел только ничего.

Шавер попытался сесть, поднял руку. Кажется, на глаза какой-то шутник намотал толстую тряпку. Но определиться ему не дали. Запястья перехватили и пихнули в плечо, заставляя улечься обратно. Не сказать, что доброхот был силен. Это демон ощущал себя слабым, словно котёнок.

— Ложитесь, вам нельзя вставать, — раздался во Тьме голос.

Который Ирраша, мягко говоря, озадачил. Предполагалось, что в Бездне обитают ушедшие демоны и их предтечи — ребята малоприятные. А голосок ну никак не мог принадлежать когтисто-зубастому существу, если шавер вообще что-то понимал. Скорее он напоминал... да Тьма знает, что он там напоминал! И Арху, когда она над пациентами ворковала. И няньку из прочно забытого детства.

Но приятный голос, ничего не скажешь. Молодой, но не слишком высокий, на ухо он ложился приятно, с лаской.

— Я где? — хотел спросить демон.

Но толкового у него ничего не вышло. Так, хрип невнятный. И вдобавок ко всему

заболело ещё и горло. Но, всё же, что-то понятное он выдать сумел.

— Вы в поместье лорда Хэрд ашэр Наош арш Карсаш. А я его дочь, мистрис Ллил арун Наош.

Мозги хоть и нехотя, с ленцой, но переварили любезно предоставленную информацию. Карсаш — маленький и ничего не значащий надел на самой границе Зеленодола и долины Кенгарш. Почти территория Света. К слову сказать, находился этот земельный клин почти в двух сутках конного пути от того места, где на отряд Ирраша напали. Хорошо это или плохо, шавер оценить оказался не в состоянии. Привычная сетка ценностей работать отказывалась.

Ну а девица, судя по фамилии, незаконнорождённая, но признанная дочка какого-то провинциального мельхома. Только имя странное. Ллил? Непонятно. Да и Тьма с ней.

— Как я тут очутился?

Ну, в смысле этот вопрос для шавера сейчас казался наиболее актуальным. Правда, озвучить ему удалось едва ли половину фразы. Да ещё и рот ему заткнули. В горло полилась тягучая, тошнотворная, пахнувшая мёдом жидкость. Ирраш хотел её немедленно выплюнуть, но кисель смягчил горло, словно волной прошёлся. Пришлось глотать.

— Добрые крестьяне нашли вас рядом с дорогой, — как будто мысли его прочитав, закурлыкала девица, — сначала, конечно, они испугались. Не стоит их винить за это. Шаверы в наших местах гости нечастые. Но потом они вернулись и привезли вас сюда. Вы трое суток были без сознания. Но сегодня с утра жал прошёл и вот вы пришли в себя. Теперь, надеюсь, быстро пойдёте на поправку.

— С глазами... что? — выдавил-таки Ирраш почти связно.

Видимо, зелье действительно оказалось целебным.

Девица замаялась. Демон ничего не услышал и, понятно, не увидел. Даже не учуял — нос забивала вонь трав и снадобий. Он почувствовал неуверенность этой... Ллил.

Шавер не без труда нашарил на постели её руку, сжал так, что сиделка испуганно пискнула.

— Говори! — приказал.

И вот это вышло как надо — чётко и властно.

— Я не могу вам сказать ничего определённого, добрый господин, — промямлила она. — У вас сильно обожжено лицо и веки. Кожа уже подживает, но...

— Та-ак, — Ирраш глубоко втянул воздух и длинно выдохнул через нос, заталкивая разбухающую панику подальше, — ладно. Посмотрим.

— Если Тьма будет к нам добра...

— Ты не слишком на доброте заиклилась? — усмехнулся шавер. Всё же возможности свои он переоценил. Голос звучал как у охрипшей вороны. — И крестьяне-то у тебя добрые, и я. Даже Тьма на доброту способна.

— Так ведь злых существ и не бывает, — ответила блаженная и даже, кажется, плечами пожалала.

— Угу. А отделали меня так то же, несомненно, добрые светлые. По доброте душевной.

По правде говоря, Иррашу было плевать и на её бред, и на всю доброту на свете. Не вскочить бы, да не начать крушить, что под руку попадётся. Или биться башкой о стену. Или выть. Или выкинуть что-нибудь ещё столь же осмысленное и полезное.

— Злых существ нет. Но любой способен на злой поступок. Только сейчас, я думаю, вам стоит поспать и ни о чём не думать. Всё равно изменить то, что уже случилось, мы не в состоянии. Нужно подождать несколько дней. И только потом думать, как поступить

дальше. Может, я могу кому-то сообщить, что с вами стряслось, и где вы находитесь?

— Нет! — ответил Ирраш слишком поспешно и снова сжал руку девчонки.

Ещё не хватало, чтобы его в таком состоянии кто-нибудь видел! Тогда Дан, естественно, исходя из добрых побуждений, его точно отправит гусей пасти. А, может, крестиком вышивать. Шавер ему и так в последнее время не слишком нужен...

Нет уж, лучше сдохнуть.

— Нет, — повторил демон уже спокойнее, — не надо никому сообщать. Пока не станет понятно, что там с глазами.

— Как скажете, — покорно согласилась сиделка. — А теперь попробуйте поспать.

Предложение выглядело совсем неплохо. Если бы его ещё можно было в жизнь воплотить. Лучше бы он вообще в себя не приходил.

*Когда мне советуют быть самой собой, я всегда теряюсь.
Просто не знаю, которой из себя мне быть.*

Из наблюдений профессиональной принцессы

Жара донимала с настойчивостью опытного палача. Раскалённое, белым мячиком висящее посередине такого же белого неба, солнце лупило по затылку, как молотом. Сероватый камень, чуть припорошённый похожим на пудру песком, отражал свет, бил по глазам, выжимая слезу. Горячий воздух лип к мокрой коже, забивая не только нос, но и поры. Очень хотелось попросить, чтобы закрыли духовку. А желание вывалить язык, как собаке, становилось все сильнее.

Сначала Арха даже обрадовалось тому, что её в паланкин усадили, а не заставили ехать верхом. Но радость прошла почти мгновенно. Во-первых, в коробке, со всех сторон обтянутой несколькими слоями кисеи, оказалось не только жарко, но и невероятно душно. А, во-вторых, проклятые носилки, подвешенные между двумя тяжеловозами, непрерывно раскачивались. Лекарка раньше понятия не имела, была ли у неё морская болезнь. Случая не было это проверить. Теперь же ведунья знала твёрдо — страдала она тошнотами. Да ещё как страдала! Словно мученица за веру.

Девушка покопалась в колышущихся занавесках, отыскивая щель. И кончиками пальцев отвела ткань в сторону. Просто высунуться она не рисковала. Встретивший их шавер, больше всего смахивающий на драного уличного кота, предупредил, чтобы она не смела никому лица показывать. Не принято у них так, видите ли! Но, как говорится, в чужой монастырь...

Впрочем, осторожничала лекарка абсолютно зря. Снаружи ничего не изменилось: белое небо, сияющий камень и одуряющая жара. А ещё чей-то резкий каркающий окрик.

— Опустите занавески, — перевёл Адин, покачивающийся в седле рядом с лошадью, которая перла паланкин.

Арха вздохнула и откинулась на подушки. А Дан, ехавший впереди, даже не обернулся ни на окрик, ни на слова ивтора. Просто прек-рас-но! Для того чтобы представить, что может быть хуже, чем уже есть, нужно серьёзно потрудиться. Ирраш пропал. Шхар пропал. Весь отряд разведчиков пропал. Причём в районе, где светлых в принципе быть не могло. А это значило...

«Да ничего это не значило, — огрызнулся внутренний голос. — Ровным счётом ничего! Случится могло всякое. А братцы найдутся — это дело времени. И не смей думать по-другому. А то ещё рыдать начнёшь...».

Да уж, рыдать сейчас точно не стоило. Хотя и очень хотелось. Вокруг творилось непонятно что. Дан всю ночь где-то пропадал и объяснять ничего не пожелал. Хотя, справедливости ради стоит заметить, что ведунья его ни о чём и не спрашивала. Но факт остаётся фактом — явился демон только утром. И с порога новостями огорошил. Первое: шаверы исчезли. Второе: они отправляются к жрецу рода Ирраша, потому что у него существует тайно-секретный способ с ушастым связаться. Или, по крайней мере, узнать, где он. Третье: Арха едет вместе с ними. И это не обсуждается.

На робкие попытки напомнить, что у лекарки, вообще-то, обязанности есть — раненные

там, лазарет, Ю, в конце концов — демон ответил веско, хоть и не по существу.

— Я поклялся, что пока ты захочешь, я буду с тобой. В это понятие входит и защита. В том числе и от тебя самой. Поэтому либо ты идёшь, либо...

Это многозначительное «либо» озвучено так и не было. Собственно, и самой догадаться несложно. А поскольку отдать кристалл хаш-эд не потребовал, то можно сделать вывод, что он попросту решил пристегнуть Арху к своим штанам и глаз с неё не сводить. При этом ни претензий, ни заявлений, ни шантажа он лекарке не простил и в ближайшее время прощать явно не собирался.

Весь их дальнейший контакт заключался в её согласном кивке. Ну и ещё Дан девушку обнял, когда через Тьму проносил. Но стоило им ступить на этот проклятый камень, тут же отпустил и в сторону отошёл.

Где вы, прекрасные героини романов, по одному движению бровей складывающие к ногам любимой весь мир и себя в качестве бонуса? Реальные демоны куда неприятнее. Луну-то он, может быть, и достанет. Но только потом тебя вместе с подарочком в карман запрячет. Чтобы не делась никуда.

— Адин, а далеко ещё? — подала голос Арха, даже попытки сесть не сделал.

Тонкая кисея звуки пропускала прекрасно, а лёжа мутило не так сильно.

— Да нет, — тут же отозвался демон. — Вон уже деревья показались.

— А тут есть деревья? Ну, надо же! — буркнула себе под нос ведунья и, повысив голос, добавила. — Слушай, а почему у них такие строгости? В смысле, почему я прятаться должна? Потому что полукровка?

— Нет, потому что ты девушка. У шаверов инстинкты работают быстрее головы. Поэтому от посторонних они своих женщин скрывают. А то упрут.

— Но я же вроде как Дану принадлежу?

— А это они потом с Даном будут выяснять, кто кому принадлежит, и сколько это будет стоить, — безмятежно ответил Адин. — Поэтому я очень рекомендую следовать местным правилам и законам. Они не просто так придуманы.

— Скучаешь? — весело поинтересовался с другой стороны Шай. — На вот. Это как-то на голову цепляют. Сейчас ворота проезжать будем, и солдатам придётся твои носилки осмотреть. Так что — цепляй.

Демон просунул между занавесками руку, попав комом ткани едва не в лицо девушке. Тряпка оказалась сложносочинённым мешком, правда, пошитым из гладкого нежно-голубого шелка и украшенная какими-то золотыми висюльками. Только благодаря им Арха и сумела разобрать, как это все надеваться должно. Но, напялив мешок на голову, она засомневалась.

— Издеваешься? — подозрительно спросила ведунья у тени, маячившей слева.

— Понятия не имею, — безмятежно откликнулся блондин, — я же тебя не вижу. Но, по идеи, открытыми должны остаться только глаза. Волосы и руки тоже под покрывало спрячь.

Лекарка сильно сомневалась, что у неё хотя бы глаза видно. Потому что прорезь — эдакая смотровая щель, как в шлеме — тоже была затянута вышитой сеточкой. Причём вышивки там оказалось гораздо больше, чем сеточки.

— Так?

Наплевав на разумность, лекарка откинула занавеску в сторону. Шай критично оглядел её от макушки до пяток, едва высовывавшихся из-под складок шелка. При этом губы демона подозрительно кривились, как будто он пережёвывал что-то.

— Примерно, — выдавил блондин и, не выдержав, заржал. — Прости, просто ты похожа на куль с мукой. Ладно, на дорогой куль с дорогой мукой.

— А ты как был, так и остался идиотом, — гавкнула Арха.

И хотела было задёрнуть полог, но забыла, засмотревшись на виды за спиной демона.

Надоевший камень и серый песок заканчивались неожиданно, как будто разбившись о стены густого кровавого цвета. Эти стены, абсолютно гладкие, словно отлитые, а не выложенные из блоков, поднимались высоко-высоко в белёсое небо. Гораздо выше, чем в замке Тхия — раза в два выше, не меньше. Да и опоясывали они территорию явно большую, чем Ладонь Тьмы.

За нагромождением красного камня ничего видно не было, кроме одинокого и кажущегося очень тонким, шпиля. А впереди огнём горели, словно их действительно подожгли, гигантские ворота, окованные бронзовой чешуёй.

И над всем этим ужасающим великолепием тоненько-тоненько плыл хрустальный перезвон колокольцев.

* * *

Дорогу Арха толком и не разобрала. Только и заметила, что улицы были узкими — лошади, несущие её паланкин, едва протиснулись между красными, как и крепостная стена, домами. Кстати, ни одного окна в них лекарка не заметила. Впрочем, кажется, они вообще попали в город-призрак. Потому что жителей тут тоже не наблюдалось.

Потом паланкин, не вынимая из него лекарку, отцепили от лошадей и перекладины на плечи взвалили восемь бесов. Между прочим, обряженных исключительно в набедренные повязки. В принципе, девушка их понимала. Она тоже не отказалась разоблачиться. А вот меняться с ними местами у ведуньи никакого желания не возникало — бесы явно были рабами.

Потом её куда-то понесли и несли долго. Так долго, что ведунья уже хотела плюнуть на все, вылезти из этой проклятой коробки и пойти своими ногами. Просто на лошадях укачивало куда меньше. Но, в конце концов, паланкин поставили на пол — ручки клацнули о камень. А судя по шлёпанью босых ног, носильщики удалились.

Арха поседела ещё немного, успокаивая взбунтовавшуюся в желудке муть, а, заодно, дожидаясь дополнительных указаний. Но их не последовало. Поэтому ведунья, на свой страх и риск, решила вылезти из носилок.

Оставили её посередь огромного, круглого и абсолютно пустого зала. Если, конечно, не считать за обстановку фонтан, журчащий посередине; окна, выходящие в сад, который больше джунгли напоминал и каменную мозаику — на полу, стенах, потолке.

Оставалось только понять: на кой девушку сюда приволокли, и что она теперь должна делать.

— Здесь фередже можно снять, — сообщил нежный голосок, прозвучавший, понятно, за спиной Архи.

Ведунья обернулась, да так и застыла.

— Феридже, — пояснила девушка, не дождавшись ответа, и указала на мешок, закрывающий ведунью с макушки почти до пола. — Тут женская половина, поэтому лицо можно не закрывать.

Лекарка, ухватив ткань в кулак, медленно стянула с себя что-то-там, во все глаза таращась не шаверку. Волосы от трения о шёлк у ведуньи буквально дыбом встали. Но, наверное, они и без дополнительного стимула бы поднялись. Потому что Арха пялилась на собственное отражение. Может, слегка полноватое и гораздо более ухоженное и лощёное, но отражение. А оно с таким же обалдевшим видом уставилось на ведунью. Даже подкрашенные губки сложило буковкой «о» и ладонку к пышной груди прижало.

— Ты кто? — первой отмерла, как ни странно, видение.

— Арха, — очень информативно представилась лекарка.

— А-а... — кажется, шаверка тоже мало что поняла из объяснений. — Ты приехала с теми лордами? Которые хотят видеть жреца?

Ведунья несколько заторможено кивнула.

— А ты кто?

— Я Арруша, хозяйка... — девушка запнулась и совершенно неожиданно рассмеялась. А вот ведунье происходящее смешным не казалось. — В смысле, хозяин тут Ирраш, конечно. Но он меня оставил за старшую. Вот я и привыкла считать себя главной. Смешно, правда?

— Обхохочешься, — согласилась лекарка. — Только я всё равно ничего не поняла.

— Ой, ну я вечно так, — махнула рукой шаверка. — Двух слов связать не могу. Я хотела сказать...

И следом она выдала поток звуков, напоминающих птичий щебет, кошачье мурлыканье и щёлканье кнутом одновременно. Арха очумело помотала головой.

— Я опять ничего не поняла, — жалобно призналась ведунья.

— Ты не говоришь на истинном?

Девушка так изумилась, как будто лекарка призналась, что ходить не умеет. В этом было что-то обидное.

— Истинный — это шаверский, надо полагать? — огрызнулась лекарка. — Нет, я на нём не говорю, не пишу и не читаю. Как и на всех прочих «истинных». Объясняюсь исключительно на имперском. Поэтому ты не могла бы повторить все то же самое, только на хашранском?

— Извини, — Арруша огорчилась вполне искренне, даже уши прижала, — я думала... В смысле, извини, в общем. Я сказала, что Ирраш — мой старший брат. То есть, один из братьев. И когда он уезжает, то я управляю всем этим. Ну, хозяйством.

Она обвела рукой зал, как будто приглашая полюбоваться «хозяйством».

— Угу, — Арха любоваться мозаиками не стала. Её гораздо больше занимали другие вопросы. — А остальные братья где?

— Живые? — непосредственно уточнила девушка. — Так Шхар с Ирром. А тут только я и сестры остались.

— Сколько? — изнемогая, спросила ведунья.

— Сестёр? Э-э... двенадцать, кажется, — Арруша наморщила лобик, как будто пытается сообразить что-то. — А, нет! Одиннадцать! Эршу же замуж выдали!

— Дети, жены?

Ведунья остро пожалела об отсутствии в зале мебели. Не считала она себя готовой адекватно воспринимать подобную информацию. Для неё и наличие Шхара в своё время шоком оказалось. А уж такое обилие родственников и вовсе с ног сшибало. Все лекарке мерещилось, что её демоны из Тьмы вылезли такими, как сейчас были. И в гордом одиночестве — без пап-мам и прочих сородичей.

— У кого? — не поняла девушка.

— У Ирраша, — кисло пояснила Арха.

— Нет, что ты, — снова засмеялась Арруша. Видимо, этой шаверке досталась вся смешливость их рода. Включая уже неживых братьев. — Он не женат. «Некогда!» — говорит. И детей у него нет. Старейшины его за это пилят, понятно. Но ты же знаешь Ирра. Рывкнет — и все вопросы решены.

— Да уж, это точно, — лично лекарка бы методику решения проблем ушастым назвала по-другому. Но эта девица явно гордилась своим «милым» братиком. Зачем же её разочаровывать? — Я только не поняла, почему... — она хотела спросить: «Почему мы с тобой так похожи?», но это могло показаться слишком невежливым. — Почему ты на братьев не похожа?

— Да он просто в папу пошёл, а я — в маму. Она у меня с севера. А там все светленькие, — видимо, под «светленькими» имелись в виду шаверские мерки. Хотя, конечно, девушка была гораздо светлее своего братика. — А у Шхара мама другая. Он тоже на неё похож, а не на отца.

Вопрос: «Сколько у вашего папы жён имелось?» — Арха запихала туда, откуда он вылез. Помнится, Ирраш говорил, что мамуля Шхара матушку вот этой смешливой во Тьму отправила. А ушастый шаверке доходчиво объяснил, что так делать нехорошо. В общем, отношения Дана с матерью на фоне царившей тут любви вполне могли показаться близкими и трогательными.

— Ой, ну я опять разболталась! Ты устала, наверное. Вы, конечно, тоже сообразили — днём ездить. Не могли вечера дожждаться? И почему сам Ир вас не проводил? По пустыне и вечером-то шлёпать не самое большое удовольствие. Но сейчас мы все исправим. Ты в наших банях была? Я вот в столицу не уезжаю только потому, что там таких бань нет...

Все это она щебетала на ходу, вцепившись в запястье Архи и волоча её за собой на буксире. Не сказать, что ведунья сопротивлялась. Просто притормаживала слегка.

А ещё Арха твёрдо решила, что о пропаже брата эта девушка пусть узнаёт от кого угодно, но только не от самой ведуньи.

* * *

Шаверские бани — это шаверские бани. Архе и сравнить-то их было не с чем. Хотя поначалу она честно хотела отсюда под шумок удрать. Потому что оказалось, что самой тут делать ничего не принято. А прислуживали девушкам семь бес разом. И, понятно, в одежде мыться было неудобно. Ведунья же привыкла обнажаться исключительно... Да не перед кем она обнажаться не привыкла. Даже Дана до сих пор стеснялась.

Но смущение быстро куда-то ушло. Сначала её засунули в настоящую душегубку. От разогретых докрасна камней в очаге шёл такой жар, что лекарка пустыню вспомнила с тоской и светлой ностальгией. Потом её отёрли. Настолько чистой Архе себя чувствовать ещё не приходилось. Пожалуй, следующий уровень чистоты — это содранная кожа. Затем последовательно были три бассейна — с горячей, тёплой и прохладной водой соответственно. И снова душегубка. Массаж, после которого кости стали не только гибкими, как ива, но ещё, кажется, и прозрачными. И, наконец, вот этот последний бассейн. В котором лекарка до печёнок прочувствовала слово «счастье».

Прохладная вода, покрытая плёнкой пахнущего жасмином масла, ласкала измученное тело гораздо умелее любого мужчины. Тихий плеск, полумрак и зеленоватые отблески на мозаичном потолке убаюкивали. Станный кисло-сладкий напиток в высоких запотевших бокалах, кажется, гладил горло изнутри. И лекарка чувствовала себя лёгкой и звонкой, как снежинка.

— Хорошо? — лениво спросила Арруша.

— Угу, — кивнула ведунья, не поднимая головы с подушки, положенной на край бассейна.

Двигаться активнее было лень.

— За это, кстати, тоже стоит Ирраша поблагодарить. Тут были старые купальни его матери. Он их велел переделать. Для меня, — в голосе девушки звучала ничем не прикрытая гордость.

— Да я уже поняла, что братишка для тебя главнее императора и божественнее Тьмы. Будешь продолжать в том же духе — и я решу, что ты в него влюбилась.

— Решай, — великодушно разрешила Арруша. — То, что он, скорее всего, будет единственным мужчиной в моей жизни — это точно.

От такого признания Арха аж поперхнулась, едва с головой под воду не уйдя. Кажется, о демонах и их «домашних» нравах ей предстояло узнать многое. И большую часть этого «многого» лекарке знать абсолютно не хотелось.

— Ты чего? — шаверка лениво приоткрыла один глаз, глядя на надсадно кашляющую ведунью. — Да нет, не в этом смысле, не пугайся. Он мой любимый брат, я его обожаемая сестрёнка — не больше, — скромность, видимо, была присуща всем членам рода Нашкас. — Просто я замуж не выйду. И Ир меня в этом полностью поддерживает, чтобы там Старейшины не шипели.

— Почему?

— А зачем? Только про любовь не надо, ладно? Любовь мне все равно не светит. Я мужа-то в первый раз на свадьбе увижу. Принято у нас так, — пояснила шаверка, прихлёбывая из своего бокала. — Да что-то мне кажется, переоценили её, любовь эту. Подчиняться какому-то мужику и при этом ещё и сопли пускать? Пфе-е, увольте.

— А сейчас ты никому не подчиняешься? — спросила Арха не без ехидства.

Насколько она знала демонов вообще и Ирраша в частности, их страсть все контролировать вряд ли могла позволить девушке самостоятельность.

— Нет, подчиняюсь, конечно. Иру в первую очередь. Но это такое... — она поболтала рукой в воздухе, подбирая подходящее слово, — договорное подчинение. Я знаю рамки, за которые мне выходить не стоит. А братик эти рамки слишком сильно не сужает. В итоге я живу так, как хочу. И позволит ли мне это муж — ещё не известно.

— А самостоятельной стать нет желания?

— Нет, спасибо, — теперь Арруше пришлось давиться и кашлять. — С ума сошла? Во-первых, мне же тогда придётся брата на поединок вызывать и доказывать, что я ему равна. Представляешь, что из этого выйдет? А, во-вторых, на кой это вообще надо? Самой себя обеспечивать, решать проблемы, защищать... Да ну! Мне и тут неплохо. Тем более, если постараться, то можно и без запретов обойтись. Если нельзя, но очень хочется, то можно.

Шаверка подмигнула насупившейся лекарке.

— Все-таки мне кажется, что самостоятельность куда важнее удобств, — буркнула ведунья.

Спорить с этим милым и неглупым, несмотря на первое впечатление, существом ей не хотелось. Обижать её тем более. Но постулаты звучали уж слишком обидно. Хотя, что в них такого оскорбительного, Арха и сама не понимала.

— Может и важнее, — пожалала плечами Арруш, откидываясь на подушку. — Нам-то с тобой откуда это знать?

— Ну, я, наверное, могу судить, — фыркнула лекарка. — Все же самостоятельно живу.

— Да ну? — шаверка, которая, кажется, задремать собралась, не открывая глаз, иронично приподняла брови. — И обеспечиваешь ты себя сама, и решения принимаешь сама и, вообще, никому не подчиняешься? У тебя разве мужчины нет? Я думала, что кто-то из этих лордов...

— Есть, — неохотно ответила Арха, — лорд Харрат.

Дрёму с Арруши как рукой сняло. Она захохотала так, что эхо пошло гулять под потолком. В порыве веселья шаверка хлопнула ладонью по воде, подняв столб брызг, который даже до ведуньи долетел.

— Прости, — едва выговорила девушка, отсмеявшись, — но это правда... В общем, извини. Тебе виднее, конечно. Я мужчин не знаю. Говорят, что женщина любого из них изменить может. Не обращай на меня внимания. Иногда я того... неадекватная.

И Арруш ещё раз хихикнула, начисто уничтожая искренность своих слов.

А ведунья уже готова была пересмотреть собственное мнение о приятности сестры Ирраша. Кажется, несмотря на всю смешливость, она была такой же занозой, как и её братик.

Но, с другой стороны, если подумать... Лекарка сама говорила Дану, что подчиняется его решениям и не спорит с ним. Позиция: «Как я сказал — так и будет» — давно стала аксиомой. И это сама ведунья старается подстроиться, подладиться под демона. Он же ни шага навстречу не делает. Живёт Арха за его счёт. Да даже квартира в столице им куплена.

С самостоятельностью как-то все не слишком гладко выходило.

— Да что ты так переживаешь? — помолчав, попыталась успокоить Арруша. — Это как раз и нормально. Такой норма и должна быть. Просто у нас все честнее, чем у столичных лордов. Не могут самка и самец быть партнёрами. Иначе это уже деловые отношения какие-то, а не любовь. Один всегда слабее. Ты сама хочешь мужиком стать и рядом с собой дамочку держать? Вот и я думаю, что не хочешь. Иначе бы хаш-эда не выбрала. Так расслабься и получай удовольствие! Нам цветочки — им удобрения. В смысле, мы снимаем сливки, а они пусть с проблемами разбираются.

— Просто логика паразита... — пробормотала ведунья.

К счастью, шаверку это замечание не слишком задело.

— Можно и так сказать, конечно. Если смотреть на вещи только с одной стороны. Ты считаешь, что для своего демона мало делаешь? Прости, но никто не будет платить за пустоту. Раз он платит, значит, и получает достаточно. Я в ваши отношения лезть не собираюсь. Но зная Дана... А, поверь, я его знаю прекрасно, хоть и не видела никогда. Мне братик им все уши прожужжал. Так вот, зная твоего хаш-эда, могу сказать: он от тебя берет не только за постельные утехы. При себе он даже самую разумелую любовницу держать не будет. Скорее уж, купит ей миленький домик и станет туда наведываться по надобности.

«Так он и купил!» — фыркнул здравый смысл.

Только вот даже просто умелой Арха себя назвать не могла. Как-то все запутанно

Сон был мерзкий. Реалистичный, а оттого мерзкий вдвойне. Ирааш понимал, что спит, но и проснуться не мог никак. Словно сама Тьма прокручивала перед ним сцену, заставляя досматривать до конца. Хотя никакого конца у неё не было. Да и сюжет подкачал. Ни тебе ужасов, ни рек крови, ни монстров.

... только тянущая боль, которая даже не внутри. Он сидел в боли, как в пузыре, впитывая каждой порой, глазами, ушами, дышал ей. Тошнит от неё. А беспомощность не только добавляет «удовольствия».

Всего-то с лошади свалился, неудачно взял барьер. Зато удачно приземлился. Так, что все переломы, которые ему на память оставил тот сухой ров, решили напомнить о себе: «Ау-у, привет! Мы с тобой!».

Тьма, можно подумать, что он когда-нибудь о них забывал.

И сон тянется, как тянулось время на лазаретской койке в кадетском училище — бесконечно, словно прокисшее, вылежавшееся под солнцем тесто. Погружаешься во мрак, но не до конца. Так, плаваешь где-то на дне пузыря. А потом всплываешь, ощущения становятся чётче, острее. И снова опускаешься.

В конце концов, это надоедает настолько, что легче взять ножечек и самому себе по горлу черкануть. Ну, нет сил терпеть! Но стоит дойти до грани, как то ли благословением, то ли проклятьем из-за тонкой стены боли доносится: «Я здесь, здесь. Терпи, Ир! Это пройдёт. Главное, переждать...».

Он терпит, погружается — всплывает, погружается — всплывает — и терпит. Пока это воняющая собственным бессилием мерзость снова не догрызает до печёнок. Но: «Терпи, это пройдёт».

Нет, все же, то, что он сидит рядом — благословение. Не было бы его, и Ирааш точно все закончил, не выдержал. Понятно, что ни к чему хорошему такие выборы не приводят. Во Тьме легче точно не станет. Да и позор это — уйти, обычной боли не выдержав. Даже не пыток, а банальных переломов. Нет, хорошо, что он здесь. И очень хорошо, что именно он. Почему-то перед ним не стыдно. Знаешь, что поймёт, не осудит, приизирать не станет и не отвернётся. Перед ним можно побыть слабым. Хотя свихнуться от боли — слабость?

Ещё какая! Но как же перетерпеть-то, когда сил больше нет?

— Терпи, Ир. Лекарь сказал — до утра.

Дожить бы до этого утра.

— Сколь...

Даже «сколько» выговорить не получается. Для этого надо зубы разжать, а страшно. Кажется, что внутренности немедленно вывернутся наружу.

— Два часа ночи. Я с тобой буду, не волнуйся.

Хочется сказать, что он и не волнуется. Что сам справится. Что сочувствие ему нужно, как пятая лапа. Только вот скажешь такое — уйдёт. А остаться в этом пузыре одному страшно. Страх сильнее гордости. Потому и молчит.

— Я здесь, не уйду, — как будто мысли подслушивает, душевед, Тьмой отодранный! — Терпи, я рядом. Я всегда рядом...

Адину он даже пошлого «спасибо» ни разу так и не сказал. Боялся, что после этого самого «спасибо» придётся ещё много говорить. А это многое разрушит. Легче сделать вид, что благодарить не за что.

— Вы проснулись?

Проклятый голосок выдрал в реальность. В которой боль была и вполовину не так мучительна, как во сне. А вот мрак кругом никуда не делся. Сплошная тьма без единого лучика света.

— Давайте, я вам помогу...

Что-то негромко брякнуло с жестяным звуком, словно деревяшку металлом задели. Вот что это может быть? Может, девчонка мечом размахивает?

Ирраш сжал кулаки так, что кончики отросших ногтей впились в мякоть ладони, прорезали мозоли. Чернота перед глазами никуда не делась. Беспомощность тоже.

— С чем ты мне помогать собралась?

— Справить естественные надобности, — невозмутимо ответила девчонка.

— Да пошла ты... — от изумления вместо рыка вышло нечто удивлённое.

— Как скажете. Если мокрые простыни вас смущают меньше, чем моя помощь, то настаивать я не буду.

Кажется, Ирраш впервые в полной мере осознал значение фразы: «Нечего ответить». В смысле, сказать-то ему захотелось многое. Но, во-первых, в этом «многом» ценной информации не набралось и на медную монету. А, во-вторых, материться при этой блаженной сикилявке казалось как-то... Не стоит, в общем, этого делать.

Кстати, о них. О сикилявках, в смысле.

— Я сам, — рявкнул Ирраш, откидывая покрывало.

И судорожно соображая, если на нем хоть что-нибудь, кроме собственной кожи. Судя по холодному воздуху, как языком прошедшемуся по телу, на демоне даже нитки не имелось. Рука сама дёрнула угол, прикрывая самое сокровенное. Со стороны это, наверное, выглядело по-идиотски. Шавер окончательно сдёрнул одеяло, да ещё и ногой его отпихнул.

Во Тьму все!

— Где тут... — слово «сортир» выговариваться не желало. Как там по вежливому? Клозет?

— Туалет слева. Если вы встанете с кровати, то слева же будет стол. Вам надо сделать шаг вперёд, повернуться и ещё три шага до стены. Там дверь.

Его сиделка была безмятежна, как майское утро. Словно ей каждый день доводилось видеть психующих голых демонов. А Ирраш, между прочим, ещё и скалился.

Шавер вздохнул, заставляя себя успокоиться. Нащупал край кровати, сел, медленно, одну за другой спустив ноги на пол — каменный. Голова немедленно закружилась, но не сильно, вполне терпимо. А вот проклятая, слишком тяжёлая повязка на глазах немедленно съехала на нос. Ирраш попытался напарить узел, но пальцы только путались в волосах.

— Вам помочь?

— Я сам!

— Сам так сам, — не стала спорить сиделка.

И даже вроде отступила. По крайней мере, ткань точно зашелестела и каблук щёлкнул по полу.

Демон послал повязку туда же, куда и все остальное — во Тьму, и выпрямился. Получилось неплохо. Ноги держали вполне уверенно. Если не принимать в расчёт, конечно,

поддрагивающие от слабости колени, туго перевязанное бедро и рёбра. Которые тут же сообщили хозяину, что вести себя смирно и не напоминать о существовании они согласны исключительно в горизонтальном положении.

Им Ирраш посоветовал отправляться вслед за повязкой.

По уму стоило бы, по крайней мере, нащупать хоть какую-то опору, но представив, как он стоит — голый! — посередь комнаты и слепо шарит вокруг себя руками, шавер едва опять не зарычал. Демон шагнул и... полетел на пол, не сумев даже сгруппироваться толком. Рухнул, как подрубленное дерево, плашмя. Да ещё челюстью и локтем саданулся до звёзд в темноте. И все это под аккомпанемент звона, грохота, бряцанья. Что-то очень тяжёлое ударило по ноге, прямо под колено. А стеклянные осколки впились в щёку.

— Я же сказала, слева от вас столик, — оповестила его девица совершенно спокойным голосом. — И, думается, сейчас помощь вам все же необходима. Скорее всего, вы даже не можете сообразить, где кровать.

Вот тут она попала в точку. И точка эта находилась чуть ниже пупка, а ударили по ней тараном. Он действительно понятия не имел, где-то, что всего секунду назад было сзади. Падая, шавер, кажется, всё-таки повернулся боком, пытаясь смягчить встречу с полом. Или нет?

— Я позову слугу. Это пожилой мужчина и ему совершенно всё равно, как вы выглядите...

— Уйди!

— Я уйду, не волнуйтесь...

— Пошла на... отсюда! — завопил Ирраш так, что у него самого уши заложило.

Демон ткнулся лбом в холодный пол, дожидаясь, пока его поднимут. Глаза жгло. До шавера не сразу дошло, что это просто слезы давят на обожжённые веки.

Что-то свеженькое в его новой реальности. В ней вообще было до Тьмы свежего, интересного и непознанного.

Женщина рождена для того, чтобы делать мужчину счастливым.

Где бы этот несчастный ни прятался!

Из наблюдений профессиональной принцессы

По успевшей не только сложиться, но уже и укорениться традиции после пробуждения и утреннего посещения бань Арха завтракала с Аррушей. После чего следовала прогулка по саду, музицирование или вышивание — на выбор. Затем обед, дневной сон, полдник, прогулка по саду, музицирование, вышивание или чтение книг — в вечернее время выбор развлечений становился значительно шире. И заканчивался день купанием, ужином с той же Аррушей. Ну а дальше можно с чистой совестью отправляться спать.

Поскольку не играть на инструменте, больше всего смахивающим на лук с пятью тетивами, не вышивать ведунья не умела, а герои романов ей уже сниться начали, на четвёртый день пребывания в гостеприимном шаверском доме лекарка готова была взвыть.

Дана, как и остальных гвардейцев, она в последний раз видела в день их прибытия. На все просьбы о встрече служанки-бесы делали большие глаза и благоговейно шептали, что мужчинам на женскую половину дома приходить не положено. Предположения о том, что у самой девушки ноги есть, и она вполне может самостоятельно посетить мужскую половину, воспринимались как сквернословие. Или ересь. Или просто бред.

Поэтому дурному настроению ведуньи удивляться не приходилось. Её: «Доброе утро!» — брошенное Арруше, в равной степени могло означать как приветствие, так и: «Как же я вас всех ненавижу!». А на подушки, которые тут стулья заменяли, она приземлилась с грациозностью слонихи, начхав на желание выглядеть так же изящно, как шаверка.

От мрачного взгляда ведуньи еда на тарелках, кажется, съёжилась. Впрочем, девушка её тоже видеть была не рада. От кислого молока с кусочками фруктов Арху уже тошнило, от сухого рассыпчатого печенья с мёдом в желудке начинались спазмы, а от местного слишком сладкого чая тянуло повеситься.

— Может велеть приготовить что-нибудь особенное? — изучив кислую физиономию ведуньи, предложила хозяйка.

— Яду, — буркнула Арха, коготком подцепляя из миски с йогуртом кусочки персика и с ненавистью их сжёвывая. — Ну, почему всё так долго-то? Пришли, поговорили со жрецом, вопрос решили — ушли. Чем они там развлекаются?

Арруша деликатно отвела глаза, изящно отправив в рот виноградину. Вопрос развлечения гостей обе девушки старались не затрагивать. Как раз после истерики Архи, вызванной вполне невинным замечанием, что мужчинам прислуживают самые красивые рабыни. Во всех смыслах прислуживают.

Нет, в Данае лекарка была уверена. Ну, почти. Не в смысле, что она не верила, будто демон может соблазниться симпатичной мордашкой. Просто ведунья почувствовала бы, решишь рогатый соблазну поддаться. Но мысли это все навевало нехорошие.

— Арха, я тебе уже объясняла. Это совсем непросто. Чтобы вы не хотели от жреца, он сначала должен этот вопрос обдумать, с Тьмой посоветоваться. Потом обсудить со

Старейшинами. А если понадобится ритуал провести, то для него ещё время нужно подобрать подходящее.

— Лично? — мрачно поинтересовалась лекарка.

— Что лично?

— С Тьмой ваш жрец лично совещается?

Арруша мученически закатила глаза и ничего отвечать не стала.

— Как ты тут с ума не сходишь? — проворчала ведунья, люто ненавидя весь мир. — Я, конечно, понимаю, что ты живёшь, как хочешь. Но какое-то хотенье у тебя скучное. Свихнуться можно же!

— Зачем свихиваться? — хитренько улыбнулась шаверка. — Есть и в нашем доме место празднику. Так и быть, я тебя приобщу к культуре шаверских женщин. Только ты поклянись, пожалуйста, что Иррашу ничего не расскажешь, ладно? А то он меня тогда точно замуж отдаст за какого-нибудь старика.

— Угу, — кивнула лекарка, не уточняя, с чем она соглашалась — с клятвой или перспективой Арруши стать женой благочестивого старца.

Оказалось, что приобщение к местной женской культуре требует приготовлений. И были они несколько странными. Курящих женщин в своей жизни ведунья вообще немного видела. То есть не видела совсем. Знала, конечно, что такие встречаются, но...

А вот о таком устройстве для вдыхания-выдыхания дыма она даже и не слышала. Нечто вроде кувшина с маленькой горелкой, длинной, похожей на кишку трубкой и медным мундштуком. Причём внутрь этой конструкции вино заливалось, а табак следовало смешивать с остро пахнущей и совершенно Архе незнакомой травой.

— Это что?

Выдавить вопрос лекарке удалось далеко не сразу. После первого клуба дыма, который она вдохнула, пришлось долго кашлять. Да и ощущения были странными, но не сказать, что неприятными. Горло обожгло, но жжение быстро пропало. А в голове стало на удивление просторно. И миру как будто яркости добавили.

— Кальян, — отозвалась Арруша. Шаверка непринуждённо развалилась на диване, с явным удовольствием посасывая мундштук. — Мы же вино пить не можем. В смысле, можем, конечно, но последствия уж больно неприятные.

— Кстати, давно хотела спросить. Мне об этом ещё Шхар говорил, — вторая затяжка прошла лучше и на кашель лекарку уже не пробиало. Зато напряжение, скручивающее внутренности в узел, начало отпускать. — Но Ирраш же вино хлещет и не мяукает.

— Ну, Ирраш! Ты же знаешь, ему легче головой в стенку с разгона врезаться, чем собственную слабость продемонстрировать. Ну, или то, что он слабостью считает, — без всякого уважения фыркнула сестрёнка. Обычно она к своему родственнику выражала большой пиетет. — Знала бы ты, как он потом мучается! Да Тьма с ним, с Иррашем. Ты мне лучше расскажи, что у тебя за проблемы с твоим мужчиной. Только не надо делать круглые глаза и уверять, что всё в порядке. Я же вижу, как ты дёргаешься.

— А у тебя большой опыт общения с мужчинами? — поинтересовалась лекарка, задумчиво выпуская дым в потолок.

— Исключительно с братьями и отцом, — заверила её Арруша. — Но ведь нас с детства обучают всяким штучкам. Знаешь ли, надо сильно извернуться, чтобы привлечь внимание мужа. Особенно если ты у него не одна, да ещё наложниц целое стадо. Тут невинным хлопаньем глазками не обойдёшься.

— Слушай, Арруш, а когда ты настоящая, а? Когда вся смешливая и непосредственная? Или когда вот такая циничная? — спросила у потолка ведунья.

— Да всегда. Разная я, одинаковой скучно жить. Я, может, тоже не верю, что ты вечно ворчишь, как старая бабка.

— Я? — тяжело поразилась Арха. — Когда это я ворчала?

— Ну, дай подумать... За последние четыре дня? Постоянно. Вот я и сделала вывод, что у вас с хаш-эдом что-то нескладно. Ты давай, давай, выкладывай. Вместе придумаем что-нибудь. А дальше меня это всё равно никуда не уйдёт. Не с кем мне сплетничать.

Ведунья вздохнула. Впрочем, вполне возможно, что это вовсе и не вздох был, а просто очередной клуб дыма.

* * *

У Архи было стойкое ощущение, что мозги её вынули из головы и положили в бутылку. А теперь они плывут, как привязанные, за спиной хозяйки. Только невидимые. Почему плывут, зачем их класть в бутылку и кто это сделал, она понятия не имела. Но в реальности случившегося ведунья не сомневалась. И это веселило. Как и задуманный план.

Несмотря на то, что разум решил временно помахать лекарке ручкой, объяснения Арруши девушка не только поняла, но и чётко запомнила. И ни разу ещё с пути не сбилась. Указанные ориентиры она находила без труда, каждый раз радуясь, словно ей подарок преподнесли. Да и нежелательных встреч ей удалось избежать. Слух странно обострился — девушка шорох одежды проходящих мимо слуг улавливала шагов за двадцать. И успевала вовремя спрятаться, чувствуя себя при этом ужасно ловкой и скрытной.

Впрочем, прятаться помогал и тот факт, что Арха была босой. А лёгкие шёлковые покрывала, в которые шаверка закутала лекарку от макушки до пят, совсем не сковывали движения и, казалось, что тело под ними вообще ничего не весит. Кстати, кости тоже куда-то подевались, остались только мышцы — гибкие и сильные.

Наконец, переждав, когда очередная служанка со стопкой каких-то тряпок свернёт в боковой коридор, Арха выскользнула из тёмной ниши и очутилась перед нужными дверьми — с мозаикой в виде синей птицы. Не удержавшись и всё-таки хихикнув, лекарка достала из-под покрывал браслеты с колокольчиками, предусмотрительно завёрнутые в платок, и застегнула их на запястьях и щиколотках. Тихонечко приоткрыв дверь, она протиснулась внутрь.

Гостей семейство Нашкас встречало с поистине императорским размахом. Эта комната была больше, чем у самой лекарки. Хотя и в её собственной спальне можно запросто парады устраивать. Кровать вовсе уж невообразимых размеров возвышалась на подиуме в три мраморных ступеньки. Магические светильники не разгоняли, а только подсвечивали темноту снизу, от пола. А посередине залы нежно журчал фонтанчик. Впрочем, они их тут по всему дому понатыкали. Только благодаря постоянно льющейся воде жара с улицы в комнаты и не пробиралась.

Ведунья крадучись, на цыпочках, подошла к бассейну, снова подавилась смешком и встала в позу: скрещённые в запястьях руки над головой, спина выгнута, грудь вперёд, левая нога, опирающаяся на пальцы, выставлена перед собой. Покрывала скользнули по бедру, открывая его до самого паха. Мозги в бутылке заволновались, считая задуманное не самой

удачной идеей. Но лекарка только цыкнула на них, мысленно загнав пробку поглубже — чтобы всякие особо умные не мешались — и тряхнула кистями, позволяя колокольчикам звякнуть.

Демон отреагировал мгновенно. Дан даже не сел, а сразу вскочил на четвереньки, сжимая в руке кинжал, больше смахивающий на средних размеров меч. Глядя на напряжённые мышцы обнажённого хаш-эда, его пульсирующие красным глазам под пуганицей растрёпанной шевелюры, мозги немедленно утихли и притаились в своей стеклянной таре.

«Давай, девочка, жги!» — присвистнул здравый смысл, усаживаясь поудобнее.

— Арха? — неуверенно спросил Дан, пятерней пытаясь убрать спутанные волосы с лица.

Ведунья только загадочно улыбнулась в ответ. С большим трудом стараясь не хихикать — смешки задуманное могли только испортить. Впрочем, видеть её ужимок демон не мог. Открытыми у девушки остались только глаза — всё остальное пряталось под покрывалами. Да и по глазам её сложно было опознать. Она и сама не подозревала насколько эффективно краска для ресниц и век превращает ничем не примечательные органы зрения в настоящие очи.

— Э... — смутился Дан, пытаясь вытянуть из-под себя покрывало. — Я тебя не ждал и...

«Ты не ждал, а мы припёрлись!» — улюлюкнул внутренний голос на шаевский манер.

В общем-то, Арха тоже ждать ничего не собиралась. И уж точно она не хотела дожидаться, пока рогатый умудриться прикрыться. Его нагота ей по душе пришлась. Точнее, не по душе, а несколько другим частям тела. Но понравилась.

Лекарка медленно и плавно пошла по кругу, отщёлкивая ритм кастаньетами, зажатыми в пальцах. Бубенчики на браслетах позвякивали в такт. Двигаться так, как ведунью Арруша научила, получилось не сразу. Всё-таки не предназначены женские бедра для выписывания восьмёрок в воздухе. Да и на демона Арха засмотрелась совсем некстати. Но если девушка чего-то захочет, то она этого добьётся.

Дан, нервно откашлявшись, сел на постель, недоуменно глянул на кинжал в собственном кулаке и опять уставился на ведунью, даже не догадавшись оружие убрать.

— А, собственно, ты что...

Вероятно, рогатый хотел поинтересоваться, что это она такое делает, да последним словом подавился. Потому что как раз в этот момент лекарка расстегнула застёжку и первое — самое верхнее покрывало — спланировав как бабочка, бесшумно опустилось на пол, оставив плечи ведуньи голыми.

Всего покрывал осталось шесть, если считать коротенькую вуаль, закрывающую лицо от глаз до подбородка: на голове, на груди и два от талии до пола. И — да, ткань была почти прозрачной. Почти, но не совсем. И ещё на бёдрах лежала золотая цепочка с такими... заманчиво-указующими висюльками.

В общем, пока Арха извивалась, как змея, глаза демона становились всё больше и больше. Пару раз он руку поднимал, видимо, хотел её в шевелюру запустить, да забывал.

— Котёнок, а может... не надо? — протянул он тихо и как-то очень жалобно, когда покрывало слетело с головы ведуньи.

«Нет, милый, надо!» — ехидно сообщил здравый смысл.

А сама лекарка снова едва не захихикала, глядя на абсолютно обалдевшую физиономию

демона. И чуть не грохнулась, томно изгибаясь назад. Пришлось незапланированно рано отстёгивать покрывало с груди. Ведь спектакль обязан продолжаться до победного финала и зритель не должен заметить промахов актёров.

Дан ничего и не заметил, только сглотнул так громко, что ведунья услышала это даже за сухим клацаньем кастаньет и перезвоном бубенчиков. Впрочем, ей самой глоталось с трудом — горло вдруг не то перехватило, не то жаром опалило. Да и дыхание начало сбиваться некстати. А ритм стоило ускорять по нарастающей. Собственно, он и сам собой ускорялся.

— Остановись, пожалуйста, — от просящего тона и следа не осталось. Обычно так рогатый рычал, когда в бешенстве изволил пребывать. Вот только некоторые подробности ничем не прикрытой демонической анатомии непрозрачно намекали, что дело не в злости. — Тут нельзя и...

Ответом ему стало покрывало, соскользнувшее с бедра.

— Тьма! — выдохнул хаш-эд.

И ведунья с ним была абсолютно согласна. Только Тьма знала, что тут происходило. Задуманное как весёлая шутка, а, заодно, и способ отомстить хаш-эду за его демонстративное игнорирование, превращалось в нечто... странное. Хихикать Арху больше не тянуло. Тело двигалось само, словно оно это всё изначально умело и тренировки Арруши тут совсем не при чём. А дыхание становилось с каждой секундой становилось тяжелее. И усталость к этому не имела никакого отношения.

Просто так Дан на неё раньше никогда не смотрел.

— Не снимай! — хрипло, как простуженный, приказал рогатый, кивнув на вуаль, когда последнее из покрывал оказалось на полу.

Мгновенно, как будто по волшебству, демон очутился рядом. Вроде бы даже с места не двинулся, а уже стоял, и Арха кожей чувствовала его тепло. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Потому что между ней и хаш-эдом осталось только немножко воздуха, да тонкая ткань на её лице.

А потом и воздух пропал.

* * *

Так странно Арха себя ещё никогда не чувствовала. С одной стороны, лекарке было невероятно, ужасно, дико плохо. Проснувшись в спальне Дана — естественно, в одиночестве — она едва сумела собрать раскиданные по всей комнате покрывала. При этом каждый наклон казался ведунье её лебединой песней. Череп как будто камнями набили. И они там явно не помещались, грозя проломить тонкие, как пергамент, кости и вывалиться наружу.

Путь от покоев демона до своих показался пыткой. Лекарка и представить себе не могла, как она ночью умудрялась спрятаться в этих щелях и нишах, где и ребёнок не поместится. А уж для того, чтобы избежать нежелательных встреч, потребовались поистине титанические усилия. Но до спальни она всё-таки добралась. И просто рухнула на кровать, послав во Тьму и купальни, и завтрак, и служанок.

Но с другой стороны, стоило тошноте и головной боли чуть-чуть отступить, и в душе ведуньи начинали цвести розы, петухи, всходить солнце и порхать бабочки. В общем, на Арху накатывала доселе неведомая эйфория. И развлечения шаверских женщин тут ни при чём. В смысле, их традиция курить какую-то невероятную пакость никакого отношения к

эйфории не имела. Бабочки, цветы и прочие восторги оказалась прямым следствием шаверских ухищрений по привлечению внимания мужчин.

И — да, Архе было стыдно так, что она простыню на голову натягивала, как будто это могло помочь спрятаться от собственного смущения. Странно, но способ не помогал — под простыней всё произошедшее ночью вспоминалось ничуть не хуже, чем без неё. И стереть дурацкую улыбку от уха до уха натягивание постельных принадлежностей тоже не могло.

Но потом опять накатывала тошнота с головной болью, и лекарка принималась клясть шаверские развлечения, вспоминая весь богатый лексикон Ирраша и Ируш вместе.

С постели её подняло только сообщение, что Дан ждёт девушку в саду. Тут уж пришлось забыть и про страдания, и про восторги. На то, чтобы вскочить, вымыться на скорую руку и одеться не потребовалось и десяти минут. Почти столько же она потратила, пытаясь доказать, что ни фиридже, ни сопровождение матроны ей для встречи с собственным мужчиной не нужны. В итоге победили местные правила. Толстая и усатая — действительно усатая! — шаверка заявила, что просто никуда не пустит девушку одну и не закутанную наподобие мумии. Пришлось лекарке уступить.

Женщина — кстати, Арха так и не поняла, кто это такая: то ли тётушка, то ли внучатая племянница двоюродной бабушки Арруши — вывела лекарку в сад. Между прочим, окружённый стеной как минимум в два мужских роста. И проводила до розария, который, наверное, стоил внимания. Вот только ведунье не до цветов было — Дан её уже ждал.

При виде кокона, внутрь которого запрятали лекарку, хаш-эд шагнул вперёд и улыбнулся. Не так, как он делал обычно — глазами. А как это делают нормальные существа — всем лицом. В уголках его глаз — светящихся даже при ярком свете дня, между прочим — даже лучики морщинок появились. Рогатый нагнулся, как будто собирался поцеловать лекарку, но глянув ей за плечо, выпрямился и опять отошёл на шаг.

Арха обернулась и убедилась, что такая же закутанная с ног до головы, а оттого напоминающая тряпичный мяч, шаверка никуда не делась. Торчала посреди дорожки, немой сторожем женской нравственности.

— Ты знаешь, местные правила мне нравятся всё больше и больше, — усмехнулся демон. — Изолированная женская половина и постоянный надзор — в этом что-то есть. Как думаешь, может Ирраша попросить меня в род принять?

— Знаешь, ты кто? — насупилась ведунья.

— Подозреваю, — кивнул рогатой башкой демон, — но это я просто шучу. Больше всего мне нравятся их танцы с покрывалами. Раньше я как-то недооценил их прелести.

— А ты их раньше... видел? — ахнула лекарка.

— Видел. Но, поверь, ни одна танцовщица тебе в подмётки не годится.

— Врёшь ты всё, — буркнула Арха и впервые порадовалась, что на неё нацепили столько тряпок.

По крайней мере, не видно, как она краснеет.

— Ни слова вранья. Во-первых, такая пластика есть только у шаверок. А, понятно, их-то мне видеть не доводилось. А, во-вторых, у профессионалок нет и половины твоей... э-э-э... самоотдачи.

— Да-ан...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пришлось лекарке напомнить, что они тут, вообще-то, не одни. А то глаза демона начали как-то подозрительно темнеть и улыбка куда-то пропала. Вот только Арха и сама от

себя не ожидала такого мурлыкающего и многообещающего тона. Видимо, что тут в воздухе было такое. А, может, в воде.

— Гм... да, — откашлялся демон. — Я, в общем-то, хотел поинтересоваться, что это ты такое вчера пила. Нет, не думай, я не в претензии. Но, помнится, твоё общение с алкоголем обычно заканчивается неприятностями.

— Я не пила, — пробубнила Арха.

— Кажется, мне стоит свернуть сестрёнке Ирраша шею, — задумчиво протянул Дан. — И сколько вы выкурили?

— Не помню, — призналась лекарка и тут из глубин памяти всплыла мысль, что она, вообще-то, выдаёт самый страшный секрет шаверских женщин. Который, вроде, пообещала хранить. — В смысле, я не помню, чтобы мы вообще курили. Просто там одна беса рассказала, вот я и... Кстати, по-моему, всё закончилось как раз приятностями, нет?

— Тут мне и сказать-то нечего, — усмехнулся Дан. — Ну, разве напомнить, что врать ты не умеешь совершенно. Я даже под этим мешком вижу, как ты в сторону косишься. За это я тебя и...

У Архи аж дыхание перехватило, а сердце вдруг забилось где-то в горле.

Но демон осёкся, даже ещё на шаг отступил и запустил пятерню в волосы, прочесав шевелюру от виска до затылка. И снова откашлялся.

— В общем, я уговорил старейшин провести ритуал, чтобы найти Ирраша. Честно говоря, думал, что ничего не получится. То, что ещё и Шхар пропал, на руку сыграло. Будь у рода наследник — не за что бы ни согласились. В общем, всё сегодня ночью случится. И тебе придётся там присутствовать. Клянусь, мне очень не хочется, чтобы ты всем этим любовалась. Но, боюсь, я не смогу экранировать, если не буду тебя видеть. Мне кажется, лучше наблюдать и ничего не чувствовать, чем чувствовать, но не знать, что происходит.

Реальность окатила, как ведро ледяной воды, смыв весь романтизм разом. Честно признаться, у Архи из головы начисто вылетел Ирраш и его исчезновение. А тут страх вернулся, ударив под дых. И прихватив с собой стыд. Пока она тут развлекалась, шаверы, может быть...

— Я ничего не поняла, Данаш. Что видеть и что чувствовать?

— Просто мне будет больно, — равнодушно так сообщил хаш-эд, глядя куда-то в сторону. — Вообще-то, мне будет очень больно. Но другого варианта я не вижу.

Сердце ведуньи, только что грозящее порвать горло, ухнуло в пятки.

* * *

Тихо скрипнула дверь, как ворох осенних листьев зашуршал подол платья. Или, может, это был фартук? Вроде бы их обычно крахмалили? Да без разницы.

— Мне передали, что со вчерашнего дня вы не съели ни кусочка.

Ирраш молчал, таращась в потолок. В смысле, он надеялся, что смотрит именно в потолок. Что ещё могло быть над ним? Хотя, у кровати вполне мог иметься полог.

Разговаривать он ни с кем не желал. Просто боялся, что не выдержит и сорвётся-таки на истерику в духе: «Дайте мне нож — мне жизнь не мила!». А такие выступления выглядят уж вовсе жалко. Впрочем, сложно придумать нечто более убогое, чем он сам. Поэтому лучше закончить со всем по-тихому. Конечно, сдохнуть от жажды — это в духе романтических

барышень. Но ему выбор предоставить забыли.

Правда, вытерпеть и не сорваться, не потребовать воды оказалось невероятно сложно. Восстанавливающее и здоровое, в общем-то, тело настоятельно требовало подпитки. Вопли и судороги пустого желудка и пересохшего горла игнорированию поддавались хуже, чем боль. Но упрямство пока побеждало. И, насколько шавер помнил чужие рассказы, в конце концов, должно наступить оцепенение и равнодушие. Значит, нужно просто дождаться этого счастливого момента.

— Я понимаю, вам сейчас нелегко. Но отчаиваться рано. Вполне возможно, что зрение ваше восстановится. И даже если этого не случится, жизнь не заканчивается... — унылой волынкой загудела сиделка.

Слушать её курлыканье, пожалуй, было сложнее, чем терпеть стоны желудка, нежно обнявшего позвоночник.

— Сделай доброе дело, отвали! — без энтузиазма огрызнулся демон.

— Вот как раз это и будет злым делом, — отозвалась блаженная. — А зла и без меня в этом мире хватает. Всё же, попробуйте услышать. Потерять зрение не значит, что вы больше ни на что не способны. Тьма вам дала много возможностей...

— Знаешь, что делают с искалеченными животными?

Ирраш и сам не слишком хорошо понимал, зачем он девице отвечает. И ёжику понятно, что в данной ситуации дешевле отмолчаться, даже не огрызаться. Рано или поздно, но ей надоест проповедовать и она слиняет. Но вот отвечал же. Хотя это тоже смотрелось жалко.

— Подозреваю, что вы имеете в виду, — спокойно ответила настырная девица. — Но у меня был пёс. Ему в драке перебили ногу, и с тех пор Арч ходил на трёх лапах. Но это нисколько не мешало ему быть самым надёжным и преданным защитником, какого представить себе можно. И эффективным. Однажды он меня от волка спас.

— Я шавер, а не собака! — рыкнул демон.

— Имеете в виду, что вы кот, а не пёс? — может и показалось, но в её голосе появилось здоровое ехидство.

Подмётки мягких башмачков прошелестели по каменному полу, негромко скрипнуло кресло, снова зашуршали юбки или Тьма знает что ещё. Тихо зажурчала жидкость, наливаемая в бокал. От этого звука у демона внизу живота всё в узел завязалось.

— Знаете, я читала одну забавную книгу. «Жизнеописание шаверов, их нравов и обычаев». Метра Краша, если я не ошибаюсь. Слышали о такой?

Ирраш промолчал. Библиографические изыскания в данный момент его интересовали мало. Хотя упомянутый труд был интересен. Прежде всего, тем, как он в руки его сиделки попал. Совет родов сделал всё возможное, чтобы эту книжечку никто и никогда не только не читал, но и в глаза не видел. Слишком много в ней правды понаписал больной на всю голову Краш.

— Так вот. Сопоставив почерпнутую оттуда информацию, нежелание сообщать кому-либо о вашем местонахождении и отказ от еды, я делаю вывод, что вы банальный трус, — спокойно закончила девица и отхлебнула из бокала.

Демону показалось, что ему и слух начал изменять. В этой жизни его по-разному именовали, бывало, что даже и заслужено. Но вот слышать в свой адрес обвинения в трусости ещё не доводилось. До такого никто недодумывался.

— Нет, вы не ослышались. Я сказала, что вы просто трус. Причём боитесь вы собственного страха. Я не возьмусь судить о первопричине. Возможно, вас пугает то, что

ваш хаш-эд отвергнет калеку. Возможно, напротив — примет из жалости. Но благодаря именно этому страху вы боитесь даже встретиться с ним. Поэтому решили просто сбежать. И, конечно, Тьма — самое надёжное укрытие. Там вас точно никто не найдёт.

— Ты ничего не понимаешь...

— Вполне может быть, что я действительно ничего не понимаю, — спокойно перебила его девчонка, — ни в вас, ни в ваших отношениях с лордом, кем бы он ни был. Ни в отношениях шаверов и хаш-эдов вообще. Мне самой кажется, что эта теория импринтинга и обязательного поиска своего «хозяина» притянута за уши. Сколько не сильны в нас инстинкты предков, всё же от животных ушли мы достаточно далеко. Могу перефразировать: вы боитесь стать ненужным, бесполезным и вызывающим жалость существом.

— Да пошла ты...

— Я-то пойду, — бокал деликатно звякнул о деревянную поверхность стола, — только вы от этого смелее не станете.

— Я шавер! Воин! Мужчина! Я не могу быть ни на что не способным калекой! Слабым не место в этой грёбанной...

Ирраш, в порыве страсти даже приподнявшись на кровати, орал едва ли не с пеной у рта. И тихо удивлялся сам себе: чего орёт, зачем? Просто натуральная истерика в стиле всё тех же нежных барышень. Ещё одна составляющая его новой реальности?

— Ну, пока я не вижу ни одного, ни второго, ни третьего, — спокойно ответила сиделка, дождавшись, пока он проорётся и обессиленно откинется на подушку. — В данный момент вы просто больной, который оказался в совершенно неожиданных условиях. Поверьте, таких я повидала немало. И ничего нового вы мне не продемонстрировали.

— Ты тоже ведунья, что ли? — спросил шавер, в общем-то, ответом особо не интересуясь.

— Нет, к сожалению. Даже и не лекарь. Просто я одна во всей округе хоть как-то могу лечить. Спасибо прадеду, от него осталась очень большая библиотека. Он как раз лекарем был.

— Ну и что ты предлагаешь, не лекарь?

Ответ и на этот вопрос Ирраша не слишком интересовал. Просто очень хотелось от девчонки избавиться. А вопли и угрозы на неё не действовали. Пусть уж выложит всё, что собиралась — и уматывает.

— Научится жить по новым условиям. Ещё раз говорю: Тьма вам от рождения дала не только зрение, но и множество других чувств. И вам повезло, вы не родились слепым. Значит, научиться ориентироваться будет гораздо проще. Вы же знаете, как всё выглядит.

Снова скрипнуло кресло, зашуршали юбки, и девушка присела на край кровати, натянув одеяло. И сунула в его руки что-то довольно тяжёлое и прохладное.

— Попробуйте догадаться, что это.

Для определения шаверу и пяти секунд не понадобилось.

— Груша, — фыркнул он.

— Точно, груша. Вы это даже на ощупь поняли. Но ведь есть ещё запах, вкус. Попробуйте- попробуйте!

Узкая ладошка подтолкнула его пальцы с зажатой грушей к лицу. Ирраш, чувствуя себя полным идиотом, послушно понюхал и кусанул гладкий бок, задумчиво жуя. Вкус действительно ощущался как-то по-иному. Острее, что ли?

Глотнув, демон едва не подавился. И расхохотался. Желудок, в который ухнул несчастный кусочек, взбунтовался и взвыл дурниной, активно демонстрируя, что его может успокоить только полноценный обед. А на все решения хозяина ему глубоко начхать.

Шавер не без удовольствия откусил от груши ещё один кусок.

— Хитрости лекарского дела и выхаживания больных? — ехидно поинтересовался он.

— Не без этого, — спокойно согласилась девушка. — Как говорит наш мельник: «Без обмана барыша не получишь!». Но до обеда придётся потрудиться. Это вам в наказание. А теперь попробуйте определить, где дверь. Тут сквозняк, поэтому найти её несложно.

— Там, — почти сразу указал демон, дожёвывая остатки фрукта.

О наличии двери ему сообщил не только сквозняк, но и тихое поскрипывание плохо смазанных петель. Оказывается, он этот звук всё время слышал, только внимания на него не обращал.

Не понимаю я тех, кто не может признать собственные ошибки.

Вот я бы легко мог признать свои ошибки. Конечно, если бы их когда-нибудь делал.

Из наблюдений императора Нахшона II

— Я не понимаю, зачем это всё... — простонала ведунья.

Несмотря на жару и духоту, её колотил озноб. Пот тёк по спине едва не ручьями, но влажные дорожки тут же в лёд превращались, и дрожь пробирала до позвоночника. Хотя в помещении вполне реально дышать было нечем. В крохотный квадратный залчик со стенами едва ли в пятнадцать шагов длиной, набилось слишком много народа: жрец, его помощники числом в пять шаверов, семь членов совета старейшин, Дан, Арха, и Адин с Шаем. А помещение освещало десять светильников, невыносимо воняющих горелым маслом и нагретой медью.

Впрочем, пахло тут вообще отнюдь не розами. И к запаху светильником примешивалась едва уловимая, но дико раздражающая вонь плохо замытой и успевшей разложиться крови. А чёрные стены, потолок и пол, выложенные отполированными до зеркального отражения базальтовыми плитами, давили. Когда кто-то двигался, создавалось полное ощущение, что и стены шевелятся.

Впрочем, здесь всё было чёрным и зеркальным. Каменные кресла старейшин, статуя Тьмы, в нарушении всех канонов изображающая не абстрактный провал, а женщину, закутанную в покрывала и с закрытым лицом. И алтарь отражал тёмным зеркалом. От простого куба в рост взрослого демона несло почти ощутимой жутью.

— Арха, я понимаю, для тебе это тяжело. Но, поверь, если бы существовал другой способ отыскать Ирраша...

Адин, стоявший за спиной девушки, в этой черноте казался настоящим привидением. И дело не только в его светлых волосах. Лицо демона запросто могло поспорить цветом с простыней. Правда, и Шай, вроде бы небрежно привалившийся к стене, выглядел ничуть не румянее. Вряд ли гвардейцев донимала духота. Скорее уж они гораздо лучше Архи понимали, что тут происходить будет.

— Я не об этом говорю. Честно, для того чтобы ушастого найти, сама сделаю что угодно. Но это дичь какая-то!

— Не дичь, — отозвался Шай непривычно резко. Кстати, от его вечной улыбки тоже ни следа не осталось. — Это как раз и есть «всё что угодно».

— Просто шаверы придерживаются начального канона, — пояснил Адин, искоса глянув на блондина и, кажется, послав ему какой-то только им двум понятный сигнал. — И именно благодаря своим традициям, они могут практически общаться с Тьмой.

— Но хаш-эды же тоже могут? — голос у ведуньи не только дрожал — она ещё и гласные жалобно тянула.

И ничего с этим поделать не могла. Хотя стоило бы и собраться. Ради Дана — точно стоило. Не хватало только чтобы он за неё переживал.

— Нет, не могут, — поморщился синеглазик, — она им даёт определённые силы и умения, но не ответы.

— Да какие каноны стоят того, чтобы мучить?! Неужели нельзя по-другому?

— Десять раз сказано, что нельзя! — рыкнул Шай, которого ведунья, кажется, всерьёз раздражала.

— Арха, такое поклонение Тьме, как у шаверов, требует жертв — крови и боли. Именно их и никак иначе.

— Ну, так давайте барана зарежем! — проскулила ведунья, глядя на голого по пояс Дана, с деловитым видом обсуждающего что-то со жрецом. — Будет и кровь, и боль. Да ещё мясо пожарить можно.

— Это не жертва, а откуп, — терпеливо пояснил Адин. — Тьма же требует именно жертвы. И для поиска нужен тот, кто сильнее всего связан с Иррашем. Почему это так, я сказать не могу, не жрец. Но условия именно таковы.

Шай открыл было рот, видимо, собираясь что-то возразить, но Адин его перебил.

— Я сказал «связан». То есть, связь должна работать в обе стороны! — рявкнул ивтор так, что ведунья даже шарахнулась от него.

Рявкающий синеглазик для и без того вибрирующих нервов был слишком болезненным впечатлением.

— Да заканчивай цыклиться, — рыкнул в ответ Шай. Лекарка заметила, что его ладони, сунутые подмышки, сжаты в кулаки. Оба демона выглядели готовыми вцепиться друг в друга, — я вообще этот вопрос трогать не собирался! Прекращайте воду толочь. Все так, а не иначе. И закроем тему. А Арху я серьёзно предлагаю просто вырубить и не устраивать пляски с бубнами.

— Понимаешь ли, девочка, — зашелестел над ухом какой-то потусторонний голос, — тут мы сталкиваемся с исконно демоническим понятием «моё».

Ведунья отпрянула, налетев на Адина.

— Не пугайся. Я тебе зла не причиню.

Говорящий оказался не призраком и не воплощением Тьмы, а всего лишь шавером. Наверное, одним из старейшин. Но выглядел он так, словно мог лично наблюдать Великий Исход.

Старик усмехнулся, продемонстрировав розовые и гладкие, без единого намёка на зубы, дёсны. Несмотря на его слова, испуг лекарки этому допотопному монстру явно пришёлся по душе. Арха, несколько резковато, выдернула плечо, за которое её придержал Адин, и выпрямилась.

— Я и не боюсь, — ответила ведунья, вытирая вспотевшие ладони о платье.

Хорошо, что под покрывалами это можно было сделать незаметно.

— Люблю смелых девочек, — мерзко хихикнул старикан. — Но мы говорили о том, что демоны вкладывают в понятие «моё». Поверь, для них это значит очень и очень многое. Они же жуткие собственники, демоны-то. Как дети с погремушками, честное слово. Никогда не пробовала у младенца его игрушку отобрать? Такую истерику учинит! Вот и эти так же. «Моя вещь», «мой друг», «моя женщина». Всё, что они называют «ближним кругом». А, по сути, это просто то, что они своим считают. То есть, принадлежащим лично им.

— Вы так говорите, как будто сами к демонам не принадлежите, — буркнула Арха, не найдя более подходящего ответа.

Ценности в этой лекции о демоническом понятии собственности она не видела.

Особенно сейчас.

— Я настолько стар, дитя, что меня и к живым-то причислить сложно! — снова хихикнул старик. — Но обо мне неинтересно. Гораздо интереснее казус, который мы с тобой в данный момент наблюдаем. Хаш-эд считает, что наш господин принадлежит ему. Значит, он и отвечает за Ирраша. А тут — незадача какая! — недоглядел. Поэтому он костями ляжет, сделает что угодно, но вернёт себе погремушку. Причём чем болезненнее будет возврат, тем лучше. Наказание такое за невнимательность. И никому он не позволит встать между собой, своей собственностью и этим самым наказанием.

— Странная какая-то логика...

Лекарка, сама того не замечая, придвинулась к Адину. И совсем не протестовала, когда он её за плечи приобнял.

— Так-то не у меня, а вот у этих вот юношей! — шавер снова продемонстрировал свои пустые дёсны. — Но всё ещё интереснее. Потому что вот эти двое светлоголовых полагают, будто и наш господин, и этот благородный хашэд также принадлежат им. Эдакая круговая принадлежность, сказал бы я. То есть, честь спасти Ирраша должна принадлежать этим благородным воинам, а не твоему мужчине. Но поскольку они подчиняются ему, то и мявкнуть не решаются. А с другой стороны, то, что он приносит себя в жертву, им как ножом по... уязвимому месту. Как же! Погремушку ломают! Вот и злимся, вот и шипим друг на друга. А Тьма-то наслаждается, глядячи, как они на сковородке жарятся. Тут не одна, а сразу четыре жертвы. Думаю, твои мучения ей тоже по вкусу придутся. Так что, ответит она, даже и не сомневайся.

— Не может быть Тьма такой жестокой, — пробормотала ведунья.

Нет, конечно, Та, Из Которой Вышли — не нянька любимая, булки с вареньем не подаст. Да и обижена она на детей своих за то, что Её покинули. Потому и встречает неласково. Но наслаждаться бессмысленными мучениями даже Она не способна.

— Так, а где ты тут, дитя моё, жестокость видишь? — удивился старикан, вздёрнув лохматые, похожие на гусениц брови едва не на морщинистую макушку. — Знаешь, в чём главная сложность, что Света, что Тьмы? Скука — бесконечная и такая же вечная, как и они сами. Одно и есть развлечение — игратья своими созданиями, как ребятёнок куклами. И Тьма ещё по совести поступает. Она всегда выбор оставляет и цену озвучивает чётко. Хочешь — плати, не хочешь — не плати, никто тебя не неволит. Вот Свет, тот и вовсе не знает, что такое свобода выбора.

Арха промолчала, не зная, что и ответить. Да она уже всерьёз начала сомневаться, так ли ценны ответы. Хотя какие-нибудь.

* * *

Ритмичные звуки барабанов, на которых помощники жреца начали выстукивать ритм, странно походили на стук двух сердец. Одно большое, гулкое, бьющееся спокойно и размеренно. Второе — поменьше — напряжённое, нервное всё ускоряло свой ритм. Это биение действительно наполнило крохотное помещение, как горох коробку — плотно, до самых краёв, не оставляя пустого пространства. Звуки отдавались внутри, в костях, под черепом, заставляли вибрировать мышцы. И вынуждая собственное сердце стучать в унисон с маленьким барабаном. От этого начинала кружиться голова, зрение переставало

фокусироваться, а дым от масляных светильников и зажжённых лампад с фимиамом принимал гротескные, пугающие формы.

Арху буквально колотило от озноба. Не помогал даже Адин, крепко почти до боли, обхвативший её плечи. И при этом снизу живота горячей волной поднималось дикое, безумное возбуждение. Лекарка едва сдерживалась, чтобы не оскалиться и не начать утробно рычать, угрожая кому-то. Как будто на неё надвигалась опасность и неведомого врага необходимо отпугнуть, отогнать. Мужчины, находившиеся в зале, себя не сдерживали. И гулкий, низкий, нутряной рык резонировал от стен и потолка: «Прочь! Не подходи!».

Спокойными, по крайней мере, внешне, остались только Адин, Шай и жрец. А ещё Дан.

Он подошёл к алтарю, улёгся на него, повозился, как будто устраиваясь поудобнее. Сам сунул растянутые крестом руки в оковы, что-то сказал служителю Тьмы. На Арху он не смотрел — их глаза даже не встретились ни разу. Но так остро ведунья его ещё никогда не чувствовала. Она словно раздвоилась: одна осталась стоять, трясясь, как будто на неё лихорадка напала. А вторая была близко-близко к Дану. Может, даже прильнула, прилипла к его слегка поблёскивающей от испарины коже.

— Арха, закрой глаза, — перекрывая рокот барабанов, почти крикнул ей в ухо Адин.

Лекарка только головой упрямо мотнула. Ей было глубоко плевать на собственные чувства и ощущения. Но Дан раз десять сказал: ему станет легче, если девушка не почувствует боль хаш-эда. А раз ему легче, то она должна выдержать, чтобы там не происходило. Не так многое от неё и требовалось. Просто показать, будто с ней полный порядок и ничего особенного не происходит.

Но реальность, как обычно, ткнула, посмеиваясь, носом в собственные заблуждения. Старательно так ткнула, до кровавых соплей.

Ритм маленького барабана всё ускорялся и ускорялся, превращаясь в настоящую тахикардию дроби. А вот «большое» сердце по-прежнему билось размеренно и спокойно, словно даже удовлетворённо. Жрец обходил алтарь с распятым на нём Даном по кругу, медленно, вычерчивая в воздухе символы, поднимая и опуская бронзовый, тускло отблёскивающий в свете масляных ламп кинжал, похожий на большой коготь. Служитель приговаривал, то ли урча, то ли мурлыкая, изредка срываясь на рык. На жертву он как будто и внимания не обращал.

Только в какой-то миг метнулся тенью в сторону, запрыгивая на алтарь — и резанул демона по груди. И тут же спрыгнул, замер, пригнувшись, сторожко, посверкивая глазами из-под распущенных волос глядя на хаш-эда.

Дан вздрогнул, но скорее от неожиданности, чем от боли. Руки его напряглись, вены вздулись, пальцы сжались в кулаки. Но в следующее мгновение демон расслабился, лёг спокойно.

Арха, глядя на порез, стремительно набухающий бахромой ярких капель, не чувствовала вообще ничего. Её по-прежнему было две — и обе как замороженные. Словно бы от ведуньи только кожа осталась, а внутри — ледяная статуя.

Но и это продлилось недолго. Чем больше на Дане появлялось крови и новых ран, тем настойчивее пробивались наружу собственные эмоции лекарки. Они как будто долбили изнутри ледяную корку, оказываясь все ближе и ближе. А жрец уже и не спрыгивал с алтаря. Он навис над жертвой не рая, а терзая хаш-эда: расковыривая, срезая, отрывая по кусочку.

Когда Дан наконец закричал, не выдержала и ведунья. Она рванулась вперёд, не понимая, что орёт — только бы прекратить всё это. Адин не позволил ей вырваться, стиснул

плечи, как клещами. Вот тут-то лекарку разум и покинул окончательно. Она боролась с демоном так, словно от этого её собственная жизнь зависела. Ведунья извивалась, пытаясь вырваться, лягалась и кусалась.

— Я же говорил, что её надо вырубить, — прохрипел Шай, скручивая руки за спиной девушки и спутывая запястья краем феридже.

— Арха, уймись! — Адин совсем не нежно тряхнул ведунью так, что у неё зубы клацнули, а на язык из прокушенной губы потекло.

— Пусти! — прорычала ведунья.

— Да очнись же ты! — заорал ивтор. Его всегда такое спокойное лицо перекосилось в дикой маске, глаза налились красным, верхняя губа морщилась, обнажая клыки по самые дёсны. — Не делай это бесполезным!

— Плевать! Пусти!

— Подумай хотя бы об Ирраше! — Адин приподнял ведунью над полом, едва носом ей в лицо не ткнувшись. — По-другому мы его не отыщем!

— Плевать! — завопила Арха, брызжа слюной прямо в алые глаза. — Катись ты со своим Иррашем во Тьму.

— И мне плевать! — рыкнул демон почти шёпотом. Но таким шёпотом, что у ведуньи уши поджались. — Пусть Дан хоть сдохнет, поняла? Помешать я тебе всё равно не дам!

И тут хаш-эд всё-таки закричал. Арха захлебнулась собственным воплем, сжавшись и ткнувшись заостренному Адину в плечо. А Дан продолжал выть — длинно, на одной ноте. Этот звук, не понижаясь и не усиливаясь, бился в стены, как обезумевшая птица о клетку.

Что надо сделать с демоном, чтобы он так кричал?!

Краем глаза ведунья заметила, как статуя за алтарём шевельнулась. Она действительно пошевелилась — это невозможно было списать на галлюцинации или дым от ламп. Вокруг фигуры родился ореол, но не света, а темноты, первозданного мрака. Он поглощал, жадно заглатывал всё: пространство, свет, воздух. Дыра, разрастаясь, пожирала зал. Который наполнил низкий, вибрирующий рёв. Он не был оглушающим. Даже просто громким его никто бы не назвал. Только вот он мгновенно оказался везде — внутри каждой поры и клетки. Лекарка не понимала, а скорее угадывала в этом рыке слова. Непонятные, рокошующие и оттого ещё более страшные.

Тьма говорила и говорила, а пульсирующий мрак вокруг статуи мерцал. Лекарке он казался клопом, сосущим крик Дана с удовольствием смакуя. Чернота была довольна, она наслаждалась.

Что-то коснулось головы ведуньи, но не по волосам погладило, а как будто прошлось пёрышком под черепом, сразу по разуму. От этого прикосновения внутри опять все заledenело в испуганной анестетической заморозке. А ещё показалось, что у статуи под покрывалом на мгновение проявилось лицо. Оно не было узнаваемым, но в нём девушке померещились черты императрицы, Адаши и монахини, которая за лекаркой в тюрьме инквизиции присматривала. Тьма недовольно и даже брезгливо поморщилась.

И тёмный ореол с громким хлопком, вытягивающим остатки воздуха, схлопнулся, пропал, моментально превратившись в точку. Остались лишь испуганно колеблющиеся отблески светильников на стенах, да свербящая нос вонь свежей крови.

Шай поймал девушку за руку, останавливая её.

— Прекрати реветь, — попросил — действительно попросил, а не приказал — блондин. — Ему сейчас и без твоих слёз непросто.

Ведунья послушно кивнула и вытерла мокрый нос о плечо. Руки у неё тазом заняты были. И, между прочим, воду она третий раз меняла. Лекарке уже начинало казаться, что хаш-эд просто обязан умереть от кровопотери. Опыт-то говорил, что ничего смертельного с рогатым не случилось. Но сердце всё равно болезненно сжималось. Ну, ни одно же существо не может выжить, если ему такое кровопускание устроить!

А он ещё шутить пытался, успокаивая Арху.

— Я очень постараюсь, — пообещала ведунья, всхлипнув невпопад, — просто...

Что было просто, она и сама сообразить не могла. Потому что как раз просто нечего не было. После того как Тьма исчезла из храма шаверов, жрец свалился в самом натуральном эпилептическом припадке, что-то ещё и вещая при этом.

Оказывается, ничего полезного слугитель Тьмы не сказал. Он не разглядел Ирраша и, придя в себя, только твердил: «Белый занавес, он за стеной Света. Стёртые в кровь лапы бегут...». Объяснить, что это могло значить, жрец сам не брался. Оставалось надеяться на то, что господин Нашкас очутился в плену у светлых. Вряд ли бы он, умерев, оказался где-нибудь, кроме Бездны. А уж прояснить бред про бегущие куда-то лапы и вовсе никто не смог.

В общем, с чего начали — к тому и пришли. Где Ирраш — неизвестно, про Шхара вообще ничего не сказано. Хотя — нет. Пожалуй, можно было считать, что ситуация ухудшилась. После этого драного ритуала Дану предстояло восстанавливаться минимум несколько дней. А Арха... Она просто чувствовала себя пустой. Бессмысленность сделанного высушила её, выпила, не хуже мрака вокруг статуи.

— Это нужно было сделать, — сообщил ей Шай, глядя куда-то в сторону.

— Я понимаю, — кивнула ведунья.

— Серьёзно, другого способа найти Ирраша не существовало.

— Я понимаю, — словно попугай, повторила лекарка.

— Мы должны использовать любую возможность...

Арха мягко, но настойчиво высвободила свою руку из пальцев красавчика.

— Шай, я всё понимаю, правда. Прости, мне идти надо — воды свежей набрать.

— А в тазу у тебя что? — мрачно буркнул блондин.

— Эта уже степлилась, нужна холодная. На компрессы, — терпеливо объяснила Арха.

Развернулась и действительно пошла во внутренний дворик, где был глубокий колодец с холодной, как настоящий лёд, водой. Все местные традиции и обычаи в доме Ирраша временно отменили. И лекарке разрешили разгуливать там, где она хочет и в том виде, в каком считает нужным.

Легче от этого не стало.

Ведунья опустила ведро в колодец, потянулась, наклоня плечо журавля, да так и застыла, как замороженная таращась на ртутно переливающуюся воду далеко внизу.

— Ну, всё вышло не так уж плохо, — прошамкали сбоку от девушки.

Арха даже не вздрогнула, хотя, наверное, ей следовало испугаться. От древнего старейшины и так жутью несло. А уж когда подобное пугало неожиданно появляется рядом с тобой... Вот только даже бояться никаких сил не осталось.

— Если вы это называете «неплохо», то я даже знать не хочу, что вы считаете

плохим, — равнодушно отозвалась ведунья, вытягивая бадью наверх. — Кстати, вы обещали, что Тьма ответит.

— А она ответила. Разве её вина, что вы смысла ответа не разобрали? Да и где ты видишь плохое, дитя моё? — скрипуче хихикнул старик. — Любой урок бесценен.

— И чему лично я должна научиться?

Лекарке было что добавить по поводу полученных знаний. Например, о кровожадности Тьмы, которая, оказывается, просто глумливая сука. Или о методах и шансах. Или о том, что она уговаривает себя: ей должно быть стыдно. Она едва не сорвала ритуал, наплевав на Ирраша. Только вот стыдно не было ни капли. Обида — да, имелась. Даже не обида, а злость. Стоило раньше истерику устроить и не доводить до полученного в итоге.

— Ну, это тебе решать, — старейшина прищурился на белый мячик солнца, висящий над макушками деревьев. — Как ты думаешь, что такое Тьма и Свет?

Арха пожалала плечами, переливая воду в таз. Она никогда не была сильна в теологии. А уж сейчас беседовать на подобные темы настроение напрочь отсутствовало. Но, кажется, старик в собеседниках и не нуждался.

— Живущие привыкли о них думать, как о всесильных, всеобъемлющих. Но что такое всесильность? Ты можешь ответить, дитя? Скажем, кто-то способен поднять дом и свернуть гору. Но означает ли это, что он же сможет вылечить или, скажем, штаны пошить?

— Если вы к тому, что надо не на Тьму полагаться, а самостоятельно лапами бить, то не трудитесь. Я эту истину давно поняла. Подзабыла просто, — огрызнулась Арха. — Слова-то хороши, только бывает, что от тебя ничего не зависит.

— Да? Не приведёшь мне пример таких безвыходных ситуаций?

— Легко! — ведунья с трудом сдерживала желание вылить набранную воду старцу на голову. — Смерть, например. Или поиски того, кто непонятно где находится.

— Ну, не тебе, почитательнице Жизни и Равновесия говорить о необратимости смерти или о её трагичности, — хмыкнул старик. — Что же касается поисков нашего господина... А что вы сделали? Изначальная связь шавера и его хозяина не сработала? Сканирование через Тьму результатов не дало? А вы-то что сделали?

Странно он изъяснялся, то сбиваясь почти на деревенский говор, то молвил, как столичный учёный муж. Впрочем, у ведуньи не было ни малейшего желания его слушать, как бы он не выражался.

— Спасибо за науку, — поблагодарила вежливая лекарка. — Я обязательно обдумаю ваши слова. На досуге.

Но оказалось, что разговаривает девушка сама с собой. Ненормальный дедок исчез с такой же таинственностью, как и появился. Арха ещё раз пожалала плечами, поймав себя на том, что этот жест у неё становится самым популярным, подхватила таз и отправилась в дом.

Дан, как ни странно, нашёлся там, где ведунья его и оставила — лежал в кровати, мужественно делая вид, что ему совсем не больно и в целом наплевать на все. За неуместный героизм лекарка готова была его треснуть. Только, наверное, это всё равно бы не помогло справиться с внутренностями, скручивающимися в узел, стоило Архе посмотреть на демона.

Лекарка нацепила на лицо улыбку, такую же фальшивую, как и у хаш-эда, и присела на край кровати, отжимая в таз чистую салфетку.

— Сейчас я поменяю примочки, станет немножко легче, — бодро сообщила она, старательно чаруя таз лучезарными ухмылками, — Арруша уже послала слугу на рынок. Как только он вернётся, я приготовлю обезболивающий отвар, и ты сумеешь поспать. А завтра

все уже по-другому будет, вот увидишь!

Демон перехватил руку Архи, аккуратно вынул сложенную салфетку, положив её на стол, и переплёл пальцы ведуньи со своими.

— Я сделаю для тебя мир, — негромко пообещал он. — А не смогу создать, тогда найду такое место. Но ты же знаешь, я упрямый. Поэтому, думаю, все у меня получится.

— Данащ, прости за то, что я тогда наговорила, — Арха вроде и не хотела, но опять всхлипнула, — Ты прав, конечно. Я дура, а ты просто заботишься обо мне. В общем, забудь.

— Ты не дура, — хаш-эд поднял свободную руку, пальцем разглаживая нахмуренные брови лекарки. — И я не забочусь о тебе, а опекаю собственность. А это вещи разные. Не знаю, правильно это или нет. Но то, что в последнее время творится, абсолютно точно неправильно. Будем менять.

— Ты... опять уйти собираешься? — едва смогла выговорить ведунья — губы у неё вдруг судорогой свело.

— Не дождёшься, — демон перевернул её руку, целуя ладонку. — Теперь точно не дождёшься. Даже если захочешь.

* * *

С постели Ирраш встал вполне самостоятельно. А перед этим без чужой помощи натянул под простыней штаны. В общем, успехи были на лицо и повод для гордости имелся. Шавер перестал чувствовать себя беспомощным младенцем. Теперь он вполне мог потягаться, например, с трёхлеткой.

Встать-то демон встал. А вот что делать дальше он понятия не имел. Где-то слева, кажется, находился стол, который после фееричного падения вернули на место. А спереди стояло кресло, в которое усаживалась Ллил. Все хорошо: слева, впереди — это понятно. Только вот у мебели нет запахов, она не дует, и попробовать на вкус её можно, только подойдя вплотную и откусив. И как понять, сколько шагов нужно сделать, шавер сообразить был не в состоянии.

— Достаточно протянуть руку и найти предмет, — спокойно подсказала его сиделка.

Ирраш только фыркнул в ответ. Не хватало ещё ему в воздухе руками шарить, как... слепому. В конце концов, девчонка сама же говорила, что ничего ещё неизвестно. Повязку снимут через несколько дней. Тогда и можно начинать рассуждать, стоит привыкать без глаз жить или забыть все как страшный сон. А сейчас корячиться, загребая руками воздух? Может, сразу на грудь плакатик повесить: «Пни уроды под зад!»?

— Если вам удобнее стоять столбом, то я ничего против не имею. Срочных дел у меня нет и подождать я вполне способна. Но постель вашу перестелить всё равно нужно, а вы мешаете. Но, повторюсь, я и подождать могу.

Демон раздражённо дёрнул ухом и, кажется, даже рыкнул. Вот как у неё получается? Вроде не издевается, не ехидничает, а чувствуешь себя кретином? Причём чувство это ощущается гораздо острее, чем тогда, когда пытаешься сохранить остатки достоинства и гордости.

— Если вы пройдёте вдоль кровати направо, то уткнётесь в стену, — как бы походя, о неважном, сообщила его сиделка. — А вдоль стены можно обойти комнату по периметру.

— Раньше сказать не могла? — хмуро поинтересовался демон, пока ещё смутно

подозревая, что из него сознательно делают дурака.

— А вы разве спрашивали? — невозмутимо отозвалась сиделка. — Может, в ваши планы прогулка не входила? Знаете, чтобы услышать ответ, надо сначала спросить. И, кстати, сам по себе вопрос ещё не признак слабости. Мудрецы говорят, что не знать — это не позор. Стыдно не знать и прикидываться, будто знаешь.

— Не умничай! Тошнит уже...

— Как скажете.

Девчонка зашуршала тканью, словно разворачивая полотно. Наверное, и в самом деле разворачивала. Она же собиралась постель перестилать. Ирраш упрямо мотнул головой, хотя с ним никто и не спорил. Поморщился и повернулся аккуратно, словно боясь разбить что-то — себя или, может, комнату?

Вперёд он двинулся также осторожно, не идя, а буквально скользя по полу, стараясь не отрывать ступню от каменных плит. По идее, в такой походке для него ничего нового не было. Для того чтобы половица не скрипнула или ветка не хрустнула, идти надо также, равномерно перемещая вес тела. А рама кровати, которой он коленом касался, позволяла не размахивать руками.

Впрочем, руку-то шавер всё-таки приподнял, чуть согнув в локте и слегка выставив вперёд. Конечно, это выглядело жалким компромиссом между нормальной походкой и размахиванием слепца, но все же. Перспектива ткнуться со всего размаху рожей в стену прельщала гораздо меньше.

До стены он добрел и, касаясь камня кончиками пальцев, двинулся вперёд. Оказалось, что так можно получить об окружающем пространстве массу информации. Его комната сложена из камня — ну, потолок демон не проверял, конечно — так что, скорее всего, он находится в маленьком пограничном замке, скорее даже башне. В этих местах таких имелось предостаточно. Остались со времён, когда пытались соорудить защитную линию по границе. Просто более-менее новые дома изнутри обшивали деревом. А уложенные друг на друга блоки, да ещё и не скреплённые раствором, не обошьёшь.

На стене висел гобелен. Потрёпанный, вылезшие и оборванные нитки делали его ворсистым, да и само переплетение было толстым. Наверное, у отца Лилл с финансами имелись сложности. Да и мебель в комнате стояла массивная — либо старая, либо сработанная кустарями. По крайней мере, табурет, на который Ирраш наткнулся, даже с места не сдвинулся. Демон постоял в задумчивости. Соблазн ощупать мебель и определить, действительно ли она старая или самодельная, был велик. Но на глазах у девчонки этого делать не хотелось.

Поэтому он двинулся дальше и наткнулся на раскрытое окно. В замотанное лицо упруго ударил свежий тёплый воздух, терпко пахнувший ожившим садом — зацвели фруктовые деревья. На самом деле, запах сплетался из десятка нюансов: прогретая солнцем земля и камень; сухой плющ, который, наверное, рос по стене; свежие опилки и даже куриный помёт. Звуков, ненавязчивых и едва уловимых, было ничуть не меньше. И солнце погладило скулы сквозь повязку.

На мгновение Иррашу показалось, будто он различает во мраке пятно тусклого свет. Но, скорее всего, действительно показалось.

— Где вы сейчас находитесь? — поинтересовалась девчонка.

— У окна, — хмыкнул шавер, — Примерно на уровне второго этажа от земли. Может, чуть выше. Все правильно мистрис учитель?

— Если вы пройдёте комнату наискось, то окажетесь у кровати, — никак не реагируя на его язвительность, отозвалась Ллил. — Попробуйте запомнить, где вы слышали мой голос и ориентируйтесь по нему.

И замолчала, зараза. Сначала Ирраш растерялся, задачка показалась уж больно сложной. Но потом как-то само собой на ум пришло, что он, вообще-то, без всяких сложностей определяет, с какой стороны стрела прилетела или где кусты шевельнулись. Приходилось ему и стрелять на слух. Попадать тоже приходилось.

Демон стиснул зубы уже предчувствуя, как сейчас рухнет на пол, но двинулся вперёд все тем же скользящим шагом. И что самое удивительное, добрался-таки до кровати без приключений. Только ударился о раму голенью. Да ещё рукой задел складки ткани. А дальше случилось неожиданное.

Он машинально схватился за эти складки, пытаясь понять, что это такое. Ллил тихонько вскрикнула — от неожиданности, наверное, и также машинально попыталась его отпихнуть. В результате они оба рухнули на постель — шавер снизу, сиделка на него. И Ирраш вдруг осознал, что находится в настоящем облаке волос, лёгких, как пух, тонких и очень длинных — их вокруг оказалось неожиданно много. Странно, но они тоже пахли чем-то цветочным — сладко, но ненавязчиво.

А ещё он почувствовал мягкую, но небольшую и не стянутую корсетом грудь, прижимающуюся к своей. Прохладное запястье у виска и ладонку, придавившую его собственную шевелюру. Тонкое и длинное тело, которое уместилось на нём целиком, но, все же, было почти вровень с демоном. Он поднял руку и она легла в изгиб поясницы Ллил, как будто там ей самое место.

Сердце у неё колотилось, как у напуганной птицы.

Вторая рука поднялась, особо у хозяина разрешения не спрашивая, надавила на затылок девушки, притягивая её ближе. И утробное урчание родилось само собой. Губы у его сиделки оказались пухлые, мягкие и послушно-податливые.

Всего мгновение.

А в следующую секунду в его губу вцепились очень остренькие зубы. Да так вцепились, что шавер взвыл. И на щёку опустилась весьма увесистая — неожиданная тяжёлая для такой узкой ладони — оплеуха, расцветившая темноту настоящим фейерверком.

И все — только поспешное шарканье убегаящих ног.

Ирраш погрузился в тяжкие размышления, что ему стоит сделать: треснуться лбом о стену или заржать в голос?

Нельзя всем дать всё. Всех много, а всего мало.

Из наблюдений неизвестного филантропа

Адин ведунью-таки догнал. В смысле, не догнал, а нашёл, но сути дела это не меняло. Арха от него пряталась, встреч наедине избегая особенно тщательно. Делать вид, что ничего не произошло, у лекарки не получалась. Ивтора она почти ненавидела. А, может, и не почти. И это тоже было неправильно.

Хотя, что в их жизни правильным-то называть стоило?

Но синеглазик её всё-таки отыскал. Хотя девушка и забилась в дальний угол сада, чтобы никого не видеть и пореветь, наконец-то, в собственное удовольствие. Красавчик, ни слова не говоря, прислонился плечом к дереву, глядя куда-то поверх головы ведуньи. Хотя ничего интересного, кроме ползущих по стене роз, там и не было.

Арха с ним заговаривать тоже не спешила. Поправила феридже, которое, как ни странно, для неё почти привычным стало. А под покрывалом вытерла мокрый нос сначала ладонью, а потом — для надёжности — ещё и рукавом.

— Я знал, что ничего с Даном действительно страшного не случится, — Адин всё-таки первым не выдержал молчания. — Шаверы никогда не рискнут причинить хаш-эду серьёзный вред. Тем более, пасынку императора. Он жреца и так едва уломал на этот ритуал. Только никого более подходящего под рукой не оказалось.

— Да провалитесь вы вместе со своим ритуалом, — буркнула лекарка.

Синеглазик кивнул, будто соглашаясь, что провалиться всем дружно стоило.

— Просто...

— Да хватит уже! — вызверилась ведунья. — Мне Шай уже все мозги прополоскал этим вашим «просто»! Я все понимаю: другого выхода не было, нужно использовать любой шанс. Понимаю я. И отстаньте от меня. Знаешь, что «просто»? Просто оставь меня в покое!

Блондин снова кивнул. Сегодня он решил быть на все согласным. И это настораживало.

— Ты не можешь нас простить, потому что...

— Да тьма! Давай без этих бредней из романов, ладно? «Ты не можешь нас простить!» — звучит изящно, пафосно, совсем по-лордски и не имеет никакого отношения к реальности! — Арха и сама не заметила, когда успела сжать ладони так, что ногти впились в мякоть. — И не надо мне тут воду лить, будто он сам все решил. Вы его в жертву отдали! Ближайшие сподвижники, блин. Друзья-товарищи не разлей вода! «Мы за тобой на край света!» — передразнила кого-то ведунья блеющим голосом. — Козлы!

Странно, но Адин опять кивнул.

— За Шая я говорить ничего не буду, — спокойно ответил ивтор. — У него, вероятно, свои резоны имелись. Хотя, скорее всего, он просто растерялся. Что же касается меня... Арха, а на что ты готова была пойти, пропади не Ирраш, а Дан?

— Не сравнивай! — огрызнулась ведунья. — Одно дело ты и другое дело я.

— И в чём разница? В том, что ты женщина, любящая мужчину, а я?..

Синеглазик по-прежнему глубокомысленно таращился на стену, а Арха — гораздо менее глубокомысленно — на Адина. Лекарка буквально слышала, с каким скрипом в её

голове ворочаются мысли. И — да, рот у неё открылся сам собой, челюсть отвисла. Хорошо, что под покрывалом этого видно не было.

— К вопросу о том, зачем я на тебя это все вывалил. Непонимание любые отношения разрушает эффективнее всего. А я тебя люблю и Шай тоже. Кроме того, твоя неприязнь может вбить хороший такой клин между нами и Даном. Зная же, почему я так поступил, ты можешь сознательно решать, как к этому относится.

Ведунья откашлялась, хотела ответить, но только рот закрыла. Сказать ей было абсолютно нечего.

— И чтобы до конца все понятно стало. О моих... В общем, о том что я... — ивтор длинно, с трудом сглотнул — кадык прокатился по горлу в распахнутом ворота местного кафтана, — Короче, Ирраш об этом, скорее всего, догадывается. Думаю, что догадывается. Шай знает, а Тхия глубоко плевать. Дан... Ну, надеюсь, что даже и не догадывается.

— Почему? — неожиданно хрипло спросила Арха, которая вроде бы только что откашлялась. — В смысле, почему надеешься?

Красавец усмехнулся.

— Ар, он и так много лет упорно делал вид, что моих странностей не замечает. Уже за это ему стоит памятник поставить. Все-таки мы гвардейцы... В смысле, были ими. В общем, такие круги это не приветствуют — не придворные. А тут ещё...

У лекарки снова в носу защипало. Адина ей стало жалко до слёз. И хотя обида на демонов никуда не делась, но стала меньше, не такой значительной. Покрывальце: «Я его понимаю!» — укрыла её вполне надёжно. А злость и вовсе стёрла. Послала ли сама Арха кого-нибудь из Великолепной Пятёрки на алтарь ради Дана? Запросто. Сама кинжал в руки, может, и не взяла. Но пожертвовала бы точно. Другое дело, чего бы ей это стоило.

— Так, ладно, — решительно хлопнула носом ведунья, — забыли. Все забыли. То, что ты мне сказал тоже.

Это было совсем неожиданно, но Адин опять кивнул.

— Только ещё одно. Дану ритуал тоже нужен.

— Точно, мне уже объяснили. Наказание за потерянную погремушку и все такое. Спасибо, но без таких объяснений я точно обойдусь. Оставьте их себе.

— Ничего про погремушки не слышал, — признался синеглазик, — Только вот жить дальше, понимая, что ты ничего не сделал, практически невозможно. Жертвовать собой легко. И иногда мы должны позволять близким такой эгоизм.

— Ну, знаешь! — поперхнулась ведунья. — Твои парадоксы для меня как-то совсем парадоксальны. Ты уж прости.

— Да? — Адин, наконец, оторвался от созерцания стены и посмотрел на лекарку. — А зачем ты своим посмертием ради Дана пожертвовала? Зачем себя с ним связала?

«Просто если бы ты этого не сделала, то жить и вовсе незачем, да? Только откуда же тебе знать, что там дальше-то было?» — всплыл в памяти голос, сплетённый из тысячи других: молодых и старых, звонких и хриплых, шепчущих и почти кричащих.

— Ты не считаешь это эгоизмом? — продолжал препарировать Адин. — Как тебе живётся с твоей жертвой? Зная тебя, думаю, что никак. Ты о ней не вспоминаешь и вообще не думаешь. А вот Дан вряд ли когда-нибудь забудет. Поверь, он об этом помнит постоянно. И что-то мне подсказывает, от радости не прыгает. Благодарен, конечно, за то, что ты его спасла. Но ценой недоволен. И теперь подумай как Ирраш, опеку над Даном считающий смыслом своей жизни, отнесётся к его поступку. Нет, Арха, жертвенность — это всегда

эгоизм. Либо эгоизм бессмысленный, как в нашем случае. Либо осмысленный, когда жертвующий поступком гордиться и своей самоотверженностью в глаза всем тычет. И если мы любим кого-то, то должны такое позволять. Потому что ему так легче.

— Так все наизнанку вывернуть — уметь надо, — растерянно пробормотала Арха. — Тебе прямая дорога в политики.

— Ну, так я и собираюсь им стать, — улыбнулся красавчик. — Но я ничего не выворачиваю. Понимаю, что жертвенность — это главный постулат твоей Матери. Только вот, по моему глубокому убеждению, все они эгоисты — и Тьма, и Свет, и Жизнь.

— Да идите вы с вашей философией! — огрызнулась несколько ошарашенная ведунья.

Она так и не определилась, как относится к сказанному Адином. Но по опыту своему лекарка знала: не можешь чего-то понять — просто не думай об этом. Тем более что без высоколобых и заумных рассуждений о природе вещей ей и так жилось совсем неплохо.

* * *

Ведунья с размаху плюхнулась на кровать. Получилось это действительно сильно, аж балдахин закачался. Вообще-то, Арха сейчас была совсем не против чего-нибудь сломать, разбить, а ещё лучше расквасить кому-нибудь нос. Только вот подходящих кандидатур под рукой, как назло, не оказалось. С Адином они помирились совершенно, Шай предусмотрительно скрывался, а Дана бить нехорошо как-то, раненый всё-таки.

Хотя на рогатого лекарка как раз злилась сильнее всего. Любящей сиделкой лорд девушке стать не позволил. Нет, её ухаживания он стоически терпел, но с такой миной, что даже слепому стало бы понятно — надолго его терпения не хватит. Да и слишком часто он призывал Арху куда-нибудь пойти и чем-нибудь полезным заняться. В общем, просто отвратительный больной. Даже крыльями над собой похлопать не даёт.

А чем тут ещё заниматься? Аррушу к ней не пускали. Жрец вообще настаивал на том, что чужаки, участвующие в этом треклятом ритуале, должны провести в полной изоляции пять дней: «Дабы осмыслить своё общение с Тьмой!». Слава всем, что служителя вместе с его завываниями Дан послал искать полезные занятия куда активнее, чем ведунью.

А лекарке и без осмыслений тошно приходилось. Злость смешивалась с отчаянием, беспокойство за оставленный «ненадолго» лазарет и Ю подкапывало ядом, а ягодкой в этом дивном коктейле служила свежая, неизбитая, но оттого не менее актуальная мысль: «Что делать?».

При полном отсутствии альтернативы оставалось только с ума сходить.

И вот когда Арха решала, что же будет плодотворнее: ещё поплакать, повыть-таки или спать завалиться — дверь в её спальню без всякого предварительного стука приоткрылась, в образовавшуюся щель протиснулась явно женская фигура. И — опять же, без всяких предварительных уведомлений — грохнулась на колени, да ещё и лбом в пол ткнулась.

— А? — не поняла происходящего лекарка.

— Дозволит ли моя госпожа недостойной говорить? — прошелестело из-под тёмного покрывала.

— Э-э... — озадачилась Арха, не слишком поняв, кто, кого и чего недостойн. — Н-да... В смысле, да, конечно, говорите. И, может, сидя удобнее будет?

Женщина выпрямилась. Причём проделала она это с таким изяществом и грацией, что у

ведуньи зубы свело. Может быть, Дан был абсолютно прав, говоря, будто у шаверок особая пластика. Но вот достоинства самой лекарки он явно преувеличивал. Для того чтобы с пола подняться, ей, по крайней мере, пришлось бы рукой опереться, а то и на четвереньки встать. Негаданная же посетительница все умудрилась проделать единым и очень плавным движением.

— Госпожа мне позволит сесть? — поинтересовалась женщина.

При этом ни её тон, ни приподнятый подбородок, ни прямая, как палка, спина никак не соответствовали падениям на колени и тыканьем в пол.

— Угу, — кивнула лекарка, начиная раздражаться, — и заканчивайте меня госпожой величать. Обращение «мистрис Арха» вполне подойдёт.

Политесы она со времён жизни в столице переваривала плохо. Застарелая язва их не принимала. Видимо, недолгое, в общем-то, пребывание в доме Дана сумело вызвать к расшаркиваниям устойчивую аллергию.

Посетительница с грацией кошки, а, может, и змеи опустилась на подушки и откинула покрывало, занавешивающее лицо, назад. Вот тут ведунья едва не взвыла. Ну почему Тьма, в мудрости своей, одному даёт то, что вполне бы на троих хватило? И, между прочим, никто ущербным не остался.

Женщина была красавицей без всяких «но», «если» и «могло бы». Антрацитово-чёрная, без малейшего изъяна, кожа. Приподнятые к вискам глаза цвета то ли изумруда, то ли весенней травки. Тонкий, прямой как стрела нос. Идеальные губы. Да в ней все казалось идеальным! При этом без малейшей искусственности, которая нет-нет, да проскальзывала в той же Адаше.

«Если она подойдёт к Дану ближе, чем на десять шагов, ты её зарежешь, — мрачно буркнул внутренний голос. — Хотя вариант с кислотой в личико со счетов списывать не стоит». И Арха с ним в кой-то веки была почти полностью согласна. Только расстояние увеличила до двадцати шагов.

— Я прошу простить меня, что осмелилась побеспокоить вас... — начало вещать это олицетворение красоты шаверок.

— Для начала хотя бы представьтесь, — недружелюбно и совсем невежливо перебила её Арха. — И можно сразу переходить к делу. Не люблю я этих расшаркиваний.

— Меня зовут Рахша, — мило проигнорировав хамство, но многозначительно прикрыв глаза, будто все понимая, отозвалась шаверка. — Я вдова Ханшарра, одного из братьев господина Ирраша. И у меня к вам просьба. Уговорите совет старейшин снять с Шхара наказание.

Ведунья тряхнула головой, запутавшись в сплошных «ш», «х» и «р». Да ещё женщина звуки выговаривала так, что они выходили сдвоенными и даже строеными — сплошное пришепётывание, шипение и рычание. Впрочем, она вообще говорила странно. Будто хашранский ей не был родным.

— Я ошиблась, — покаялась ведунья. — Сразу к делу, видимо, не получится. Какое я могу иметь отношение к Шхару и его наказанию? И, вы уж простите, какое отношение вдова одного брата имеет к другому? Который, кстати, неизвестно... где.

«Неизвестно жив ли» она предпочла проглотить не жуя.

— Вы правы, — спокойно ответила шаверка. — К господину Шхару я не имею никакого отношения. Кроме того, что он моё солнце, луна и звёзды.

— Поэтично, — буркнула Арха, предусмотрительно понизив голос. — А он в курсе,

что... — ведунья покрутила пальцем в воздухе, пытаясь подобрать подходящее слово. — Что он для вас свет в оконце?

Конечно, у лекарки получилось не так поэтично. Видимо, с романтикой напряжёнка наблюдалась не только у Дана. А, может, это рогатый её и заразил недостатком возвышенности?

— Нет, конечно, — не дрогнув и по-прежнему спокойно, отозвалась Рахша, — он о моём существовании вообще не подозревает. Да и я его видеть не должна. Но так сложилось. Госпожа Арруша после смерти моего супруга говорила с господином Иррашем, пыталась намекнуть, что я могу стать хорошей партией Шхару. Но наш господин посчитал, что я слишком стара. Да и приданое за меня уже получено, а второго не дадут.

— Скотина, — оценила решение ушастого ведунья. Подумала и добавила, разглядывая балдахин у себя над головой. — Тьма, почему у всех такие сложности-то?

— А любовь без сложностей называется обыденностью. В ней ничего интересного нет, — улыбнулась шаверка и умудрилась стать ещё краше, — Вам бы, например, было интересно читать книгу, в которой написано: «Они встретили друг друга, полюбили, жили долго и счастливо», а больше ничего?

Арха раздражённо дёрнула ухом и встала с кровати, отойдя к окну. Сегодняшний день явно был перенасыщен рассуждениями и философствованием на отвлечённые темы. И — да, это тоже нервировало.

— Всё это замечательно. Но я так и не поняла, при чём тут совет старейшин, наказание Шхара и я. Это упуская тот маленький момент, что его самого-то тут нет.

— Он скоро придёт, — не теряя ни грамма своего спокойствия, отозвалась Рахша. — Понимаете, Тьма наделила меня проклятьем видеть вещие сны. Мне приснилось, Шхар скоро придёт. И дело не только во мне и моих чувствах. Если не отменить наказание, умрёт тот, чью корону подпирают рога.

Арха резко развернулась и уставилась на безмятежную гостью с большим сомнением. Кажется, у этой красотки просто не все дома находились. Хотя, вполне возможно, кого-то имелся даже излишек. Например, тараканов.

* * *

Арха пялилась на свою гостью, а та отвечала взглядом, полным вселенского умиротворения. Пауза явно затягивалась. Но ведунья просто не в состоянии была ответить что-то осмысленное. Совет обратиться к лекарю и попить успокоительных травок казался неуместным.

— Нет, я не сумасшедшая, — заговорила, наконец, шаверка. — Не думала, что вы так отреагируете на вещие сны. Поверьте, это правда. И они уже не раз сбывались.

— Да я верю, — смутилась Арха. — Снами меня тоже не удивишь. Просто...

— Вас смутило моё заявление про рога и корону? — проявила ещё и чрезмерную прозорливость красавица. — Но я действительно так снила. Чётко я вижу только лица тех, кого знаю. А в этом случае были только рога, как у хаш-эда и между ними корона.

— Ладно, с коронами потом разберёмся, — отмахнулась ведунья. — Как я могу повлиять на совет старейшин? Я для них никто, а это какие-то ваши заморочки.

— Заморочки — это значит «правила»? — уточнила Рахша. — На старейшин вы никак

не повлияете. Но можете поговорить со своим мужчиной, убедить его. А уже он потребует отменить наказание. Дело в том, что снять кару могут только они или сам господин Ирраш. Тем более что наказание Шхаром незаслуженно.

— Ну, знаете ли! — Арха в порыве чувств даже руками всплеснула. — Нет, мне, конечно, его жалко. Но про «незаслуженно» вы явно загнули.

— Я не знаю, чем он заслужил это. И по вашей реакции могу судить, что Шхар причинил зло лично вам. Но, поверьте, он такого наказания не заслуживает.

Вся невозмутимость шаверки куда-то подевалась. Она, стараясь быть убедительнее, даже вперёд подалась. А глаза у неё и вовсе сверкали, как у настоящей кошки.

— Ну, да. Он белый и пушистый. Просто в детстве часто болел, — фыркнула ведунья.

— Не дай никому такого детства. Когда тебя заставляют ненавидеть того, кого ты любишь и твой идол не убил тебя просто потому, что наследовать больше некому. Это — не жизнь, а кошмар. Причём ничем не заслуженный. Просто ты с этим родился. Просто у тебя другой жизни нет.

— Я все понимаю, но...

— Вряд ли, — едко усмехнулась Рахша. — Позвольте, я расскажу. Может быть, это поможет вам сделать то, чего я от вас прошу.

Арха кивнула, хотя её согласие тут, кажется, мало кого интересовало. Она не причисляла себя к любителям житейских драм. А, судя по всему, шаверка ей отнюдь не комедию пересказывать собралась. Но, с другой стороны, ведунье было любопытно узнать что-нибудь новенькое о своих демонах. В конце концов, они ведь действительно жили ещё до её появления.

— Меня сосватали за супруга, когда мне исполнилось пять лет, — голосом профессиональной рассказчицы начала Рахша. — Тогда же и отдали на воспитание в семью Нашкас. Это принято, если род мужа сильнее и могущественнее. Считается, что девочка так лучше усвоит традиции и уклад нового дома. Шхару на тот момент исполнилось семь, а господину Иррашу девятнадцать.

— Простите, — не удержалась и всё-таки спросила ведунья. Не без ехидства, между прочим, спросила, — вы эту историю часто рассказываете? Просто полное ощущение, что вы с листа читаете.

— Нет, я... — красавица явно потемнела скулами, а её уши под покрывалом шевельнулись поджимаясь. Она нервно сплела пальцы и даже глаза в пол опустила. — Я пишу. В смысле, не то чтобы романы... Ну вроде моей собственной истории. Хотела бы и про других, но что я видела? Вот и...

— Я поняла, — Арха и сама застеснялась, словно её застали за подсматриванием в замочную скважину. — И извините, что перебила. Продолжайте, пожалуйста.

— Да, я постараюсь попроще. В общем, разница в возрасте у них была очень большой. И ещё дело в том, что они оба — младшие из братьев. Наверное, поэтому господин Ирраш и не приезжал сюда до самой смерти их отца. Правда, говорили, что он мать часто навещал. Но этого я не видела. Так вот, когда глава рода умер, господин Ирраш появился. Я не знаю, кем он тогда был, но, поверьте, впечатление он на всех произвёл. В такой странной, но очень красивой одежде, надменный, чужой. Настоящий лорд.

Лекарка прикинула, что в девятнадцать ушастый учился в кадетском корпусе. Впрочем, местным он действительно должен был казаться чужим. Воспитывался-то шавер в родовом замке Дана.

— Но дело не в этом. Просто господин Ирраш единственный, кто тогда на Шхара внимание обратил. Он-то мало того что самым младшим из братьев родился, так ещё и слабенький, болел постоянно. Братья его и за родню не считали. Вообще не замечали — пустое место. А Ирраш... он даже рассмешить попытался.

Красавица задумчиво улыбнулась, как будто вспоминая что-то хорошее. А Арха попыталась представить, как ушастый мог рассмешить ребёнка. Любимому попугайчику голову открутить? Про Исход из Тьмы на ночь глядя рассказать? Выпрыгнуть из-под кровати с воплем: «Вашу ж мать!»? Впрочем, кто их, шаверов, знает.

— А после похорон отца господин Ирраш пропал года на три. Правда, потом начал приезжать регулярно. Раз в шесть месяцев. Чтобы бросить вызов очередному брату. Всем было понятно, что он собирается стать главой рода и очень целеустремлённо движется к своей цели. Они даже между собой поединков не устраивали — его ждали. И он приезжал. Наш господин проиграл всего два раза. Но оба раза вернулся ровно через полгода.

— И, конечно, победил, — снова не удержалась от шпильки Арха.

— Конечно, — Рахша абсолютно серьёзно кивнула. — Но про Шхара он не забывал. И подарки привозил, и возился с ним. На охоту брал, верхом ездить, фехтовать учил. Представляете, как младший его обожал?

Пожалуй, Арха действительно представляла. Вот для кого, наверное, ушастый был и светом в оконце, и царём, и воплощением самой Тьмы.

— А потом господин Ирраш стал-таки главой рода. Я не знаю, в курсе ли вы этой истории, но мать Шхара убила маму господина. Просто родительница господина у нас — глава женской половины. И, поверьте, такое положение власть даёт совсем немаленькую. С мужской, конечно, не сравнить, но все же. Хотя, по моему мнению, поступок был, мягко говоря, странным. О любви Ирраша к родительнице знали все. Потому никто и не удивился, что он потом сделал.

— Ну, я себе приблизительно представляю, — проямлила Арха. — Да и он как-то говорил. Мельком, правда.

— Вот именно. В общем, он и Шхара чуть во Тьму не отправил — его Старейшины спрятали. А потом они же и уговорили господина, чтобы он единственного наследника не убивал. Ирраш, конечно, его в живых оставил. Но с тех пор уверен, что Шхар — копия своей матери. Младший чего только не делал, чтобы доказать, будто он не такой. Что он не на мать, а на самого господина больше всего похож. Но толку чуть.

Рахша подняла голову, глядя прямо на Арху. Взгляд у неё опять был спокойный-спокойный. Вот только пальцы нервно теребили край покрывала.

— Господин Ирраш ни разу не дал Шхару шанса оправдаться. Хотя ему и оправдываться-то не в чем. Но у него никогда не было возможности, просто объяснить брату, как все есть на самом деле. Я не верю, что он мог сознательно навредить господину или вам. Не такой он. Как вы считаете, честным будет дать ему шанс защитить себя. Просто словами защитить?

Арха в данный момент никак не считала — ни столбиком, ни даже в строчку. Честно говоря, у неё в башке вообще все перемешалось. Как-то это было... неожиданно.

Тренировочный меч, выточенный стариком бесом, был совсем неплох: и достаточно тяжёл, и баланс соблюлён. И всё равно он Ирраша раздражал. Палка — она палка и есть. Никакого тебе единения с оружием.

Конечно, дело не в мече. А в том, что сам шавер чувствовал себя непривычно. «Не воином» — звучит слишком пафосно. Поэтому «непривычно» в самый раз. Давным-давно заученные и доведённые до полного автоматизма движения давались с трудом. Даже не так. Он постоянно перепроверял их. Сначала думал, что надо сделать и только потом делал. Ничего хорошего, понятно, из этого не выходило.

Демон злился, и все получалось ещё хуже и корявее. Поэтому он злился только сильнее.

В конце концов, Ирраш сдался, швырнув меч в траву.

— Ты где? — рявкнул он раздражённо.

— Я здесь, — отозвалась Лилл.

Шавер уже привычно поднял руку и пошёл на голос. Перед тем как начать это жалкое подобие тренировки, они с сиделкой обошли поляну по периметру. Поэтому двигался Ирраш довольно уверенно. Кажется, девушка была рядом со старой, удивительно толстой и корявой яблоней.

Так и оказалась. Сначала ладонь наткнулась на шершавую, словно каменная шкура, кору дерева, а потом нащупала край подола сиделки. В этот раз Лилл не пищать, ни шарахаться не стала, стояла спокойно. Впрочем, она вообще от него больше не шарахалась. И оба весьма успешно делали вид, что никакого поцелуя в природе не существовало.

Ирраш прислонился голой спиной к дереву и сполз вниз, усаживаясь на траву. Твёрдая, с жёстким краем кора оцарапала кожу, но это было даже приятно. Хотя что-то ощущалось в полную силу.

— Ну! — усмехнулся демон. — Давай, успокаивай.

— По какому поводу я вас должна успокаивать? — по своему обычаю доброжелательно-ровно поинтересовалась сиделка.

— А как же? — удивился Ирраш. — Всё было бесполезно. Я, всё-таки ни на что не способный калека. Меня теперь только в выгребную яму. Ты же должна в меня вселить жажду жизни. Интересно, как у тебя теперь это выйдет.

— А я должна? — с едва уловимой, а, может, и вовсе почудившейся ноткой ехидства поинтересовалась Лилл. — Но мне кажется, что никто в вас жажду жизни вселить не сможет. Вы или хотите жить, или нет. Только я лично не понимаю, из чего вы опять сделали вывод, будто все кончено?

— Ты же видела, как я там... скакал, — сквозь зубы процедил Ирраш, кивнув подбородком куда-то вдаль. — Меня теперь только на ярмарке показывать. В качестве клоуна.

— Можно и так, — не стала спорить девушка. — А можно набраться терпения и научиться. Ходить-то вы тоже не с рождения умели.

— Но воином-то я уже был, — с привычным раздражением рыкнул демон.

Рыкнуть-то он рыкнул, вот только настоящего раздражения не было, подевалось куда-то. Собственно, с эмоциями дело вообще обстояло плохо. Вот мягкую траву под ладонью он чувствовал — это да. Шероховатость яблони чувствовал, как солнце грудь припекает. Приятно так, не жжёт, а будто мягкой лапой трогало.

— Вы были зрячим воином, — возразила девушка, — а зрячий и слепой — это две огромные разницы.

— Ты где слепых воинов видела? — хмыкнул шавер.

— Нигде. Правда, я и зрячих нечасто встречала. Но даже если вы не будите воевать, жизнь на этом закончится? У вас нет других средств к существованию, заняться больше нечем?

Ирраш открыл было рот, чтобы ответить, но передумал. Спорить лениво.

— Ладно, проповедница. Ты лучше скажи, когда эти тряпки с меня снимешь? Надоело уже.

— Сейчас и сниму, — обрадовала его Ллил.

— Сейчас?

Голос у Ирраша почему-то вдруг дал петуха и начал похрипывать. Как-то не ощущал он себя готовым услышать приговор немедленно. А вдруг это действительно навсегда? Кишки в животе скрутило в узел и какой-то шутник, видно, для смеха, их ещё колотым льдом сверху присыпал. Шавер выпрямил спину и сжал кулаки. Желание пронять что-нибудь вроде: «А давай попозже...» — было почти нестерпимым.

— Да. Я с утра вас осмотрела. Кожа почти зажила. А отвар, чтобы повязки отмочить, мне принесли, пока вы тренировались. И здесь вполне удачное место — не слишком светло, но и не темно. Свет так резать не будет.

— Ну, так не тyani! — рявкнул демон.

На этот раз вполне искренне.

— Поднимите голову, пожалуйста.

Ирраш чувствовал, как Ллил разматывает бинт — слой за слоем. И лицу становится непривычно легко и свежо. Шаверу мерещилось, что перед глазами светлеет, но страх в это поверить оказался гораздо сильнее желания надеяться.

— Так, бинты я сняла.

И ничего. Темнота. Все, как прежде.

— Теперь потерпите немного. У вас на веках корки. Их надо отмочить и только потом вы сможете открыть глаза. Сейчас не надо стараться. Могут трещинки возникнуть. А это довольно болезненно.

Шавер запрокинул голову, чтобы девушке сподручнее было класть примочки. Понимая, что как идиот улыбается во всю пасть. Хотя, вспоминая любимую присказку Архи, почему как? Идиот и есть. Не додумался, что глаза закрыты. Это суметь надо.

Компрессы свои Ллил раза три меняла, а потом ещё и осторожно оттирала там что-то.

— Все, теперь можете открывать.

Несмотря на все уверения сиделки, свет резанул по глазам, словно плёткой ударил. Ирраш даже отшатнулся, чувствительно шарахнувшись затылком о дерево. Из-за слёз все виделось через густую пелену. И шавер моргал, как ненормальный. Хотел было протереть лицо, но Ллил перехватила его руку, не давая этого сделать.

Она что-то говорила, только демон не слушал. Картинка становилась все чётче, словно кто-то тряпкой грязное стекло протирал.

Высокая тоненькая фигура в зелёном платье. Кожа светлая. Грива тоже очень светлых волос спускалась ниже... гм!.. поясницы. Лицо с нежными почти детскими чертами. Глаза большие и раскосые. Без белка вовсе — все залито ореховым, золотистым цветом. Пожалуй, это даже красиво, хотя и непривычно. Все-таки с мельхольмами ему доводилось общаться нечасто.

— Ну как? — поинтересовалась Ллил, чуть наклонив голову к плечу.

И улыбаясь — самыми кончиками губ.

— Нормально, — едва выдавил из себя Ирраш.

Нет, хотелось-то ему сказать многое. Вот только все слова, лезущие наружу, как-то не подходили ни ситуации, ни обществу.

— Нормально — это значит, что с глазами все в порядке? — уточнила сиделка.

— Почти.

Слезопоток начинал иссякать, но приходилось щуриться. И пожалуй эти самые Тьмой проклятые глаза... В смысле, эти самые Тьмой благословенные глаза изрядно побаливали.

— Ну и хорошо.

Ллил, не оборачиваясь, пошарила позади себя, подхватила миску с отваром, пристроив её на бедро, придерживая рукой. В движениях девушки что-то казалось странным. Только вот Ирраш никак не мог уловить, что именно.

— Пойдёмте?

Она повела рукой, как будто отыскивая ограду. Ладонь слегка погладила гладкое от времени дерево. При этом смотрела девушка всё равно на Ирраша.

Или... не смотрела?

— Ты слепая? — брякнул шавер.

— Да, — спокойно отозвалась сиделка и опять чуть заметно улыбнулась. — Родилась такой. Так вы идёте?

Память! Ну, что ты начинаешь? Ну, нормально же забыли!

Из дневников придворной дамы

Всё-таки шаверы знали толк в роскоши — этого у них не отнять. А по внешнему виду и не скажешь, что эти на всю голову больные «боевые коты» могут придумать нечто вот такое, а потом ещё и сякое, сверху присыпать эдаким, а в итоге получить прущую из всех щелей роскошь, негу и гимн развратному ничегонеделанью.

Вот и этот кусочек сада, прилегающий к спальне Дана, полностью соответствовал шаверским пристрастиям. Стены заутка, дабы не травмировать чересчур изысканный вкус, прикрывали шпалерные розы. Низкий диван, заваленный подушками в пёстрых шёлковых наволочках, размерами больше походил на бассейн, чем на ложе. От палящих лучей солнца, а заодно от нескромных глаз его укрывала пергола^[7], увитая плетьюми тёмного винограда и кусты жасмина, стоящие стеной. Рядышком журчал фонтанчик на три чаши. В кустах, в позолоченных, между прочим, клетках, тренькали птички. И не просто так тренькали, а в такт звукам льющейся воды. На столике — огромное блюдо с фруктами и кувшин кисловато-сладкого напитка, до половины погружённый в миску с подтаявшим льдом.

И вот кто захочет по собственной воле уйти из эдакого куса персонального блаженства? Арха точно не хотела. Тем более, когда рогатая голова её личного счастья лежала у ведуньи на коленях, смотрела снизу вверх чуть прищуренными красными глазищами и внимательно слушала. В смысле, делала все это не голова, конечно, а хозяин, который к ней прилагался. Но удовольствие от этого становилось только полнее.

— И что ты от меня хочешь? — помолчав, поинтересовался демон, когда лекарка, постоянно сбиваясь и перескакивая с одного на другое, всё же сумела дорассказать до конца.

Впрочем, вопрос он задал спокойно, даже с ленцой. А, значит, не злился. Наоборот, в ямочках у кончиков губ как будто даже насмешка притаилась. Хотя, возможно, вся эта возня вокруг Шхара и влюблённых красавиц его не слишком занимала. Потому что Дан поелозил затылком, поудобнее пристраивая его на ведуньиных коленях, и поднял руку, накрутив на палец прядь архиных волос. Кажется, локон, которым он ловил солнечные блики, Его лордство интересовал куда больше, чем ответ.

— Ну, ты ведь действительно можешь повлиять на этих Старейшин...

— Про иррашевого братца я понял, — нисколько не смущаясь, перебил лекарку Дан. — Собственно, если он сегодня не появится, в чём я лично нисколько не сомневаюсь, нас это интересовать больше и не будет. Завтра мы возвращаемся. Начнём прочёсывать лес вокруг места, где Ир пропал. Здесь мы только время теряем. Просто ты явно о чём-то ещё попросить хотела.

— С чего ты взял? — насупилась Арха.

— Просто когда ты в очередной раз хочешь кого-то осчастливить, то старательно косишься влево и тон у тебя такой... «А я тут ни при чём!», — посмеиваясь, пояснил хаш-эд и скорчил физиономию.

Видимо, демон ведунью передразнивал. Правда, сама девушка сильно сомневалась, что когда-нибудь, пусть даже и в худшие моменты своей жизни, напоминала козу, тянущуюся

через забор за яблоком.

— Никого я осчастливливать не собиралась, — буркнула Арха. — Просто ведь Иррашу ничего не стоит хотя бы разрешить встретиться Шхару и этой Рахше. Вдруг у них все получится? А даже если и поженятся! Ему-то что? Тут вон жён можно заводить, как кошек.

— Ну, одно дело просто жена и совсем другое жена первая. У неё слишком много привилегий, — лениво отозвался Дан, осторожно высвободив палец, заставляя прядь виться спиралькой. И тут же накрутил соседний локон. — Я сейчас о другом. Просто постарайся представить. Вот мы возвращаемся в столицу...

— А мы возвращаемся в столицу?

— Возвращаемся, — кивнул рогатый. — Отсюда революциями и изменением мира заниматься сложновато. Разберёмся с этой осадой — и возвращаемся. Ты моя женщина. Об этом и так все прекрасно знают, но мы этот статус объявим официально, заключим договора и представим тебя ко двору. Тогда...

— Погоди, какие ещё договора? — опешила ведунья. — И ко двору я как-то не собиралась.

— Значит, пора собираться, — ласково посоветовал ей Дан. — А договора вот какие. Первый — юридический. В нём будут оговорены суммы твоего содержания, имущество, которое предоставляется в твоё пользование и владение, права и обязанности.

— То есть, ты собираешься на весь мир объявить, что я твоя любовница и содержанка? — Арха спихнула хаш-эда со своих колен и вскочила. — А потом выставить душой перед всем двором? Знаешь, я как-нибудь без таких привилегий обойдусь!

Его лордство гнев ведуньи не впечатлил. Он даже позы не поменял, только под голову подушку положил, да ещё и подбил её кулаком, не без удовольствия глядя на взбешённую лекарку. И руки на груди скрестил.

— Я тебя точно душой выставить не планирую. И, думаю, такого не случится. Если, конечно, ты не решишь выпить со всеми императорскими гвардейцами разом, оплакать несчастную женскую долю с фрейлинами или выкурить косячок со слугами.

— Издеваешься? — прошипела ведунья.

— Заметно? — приподнял бровь демон.

И сел, мгновенно посерьёзнев. Поймал вырывающуюся лекарку за руку, заставив её опуститься на диван. Развернул к себе, придерживая за плечо, напряжённо и даже хмуро глядя на Арху.

— Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Или ты в чем-нибудь нуждалась. Уясни это раз и навсегда. Поэтому игры в самостоятельных и независимых личностей тут не котируются. Никак, — тяжело, с расстановкой, заговорил демон. — Неважно, что случится со мной, с нами или со всем этим миром — ты должна быть в безопасности. В том числе и финансовой. Мне никто не позволит взять тебя в жёны. Но никто и не сможет запретить объявить своей. И это будет второй договор. Мы пойдём в храм, и я перед Тьмой назову тебя спутницей. Такое не сможет оспорить даже сам император. Поняла?

Арха растерянно кивнула, хотя на самом деле ничего она не поняла. Но справка по обычаям и нравам хаш-эдов могла и подождать.

— Вот и умница! — похвалил её Дан, и так же резко, как и садился, завалился обратно на подушки, пристроив ведунью сверху. — А вот теперь вернёмся к нашему разговору. Представь, ты станешь важной и уважаемой женщиной, которая у всех на виду и может повлиять, прости за скромность, не на последнего демона в империи...

— А это обязательно? — пискнула ошарашенная лекарка.

— Влиять или становится важной и уважаемой? — уточнил рогатый. — Впрочем, и то, и другое обязательно. И дай мне закончить мысль, наконец! Так вот, попробуй просто примерно предположить, сколько народу к тебе обратится просьбами. Заметь, просьбы обязательно будут жалостливые, ситуации между жизнью и смертью, а ты окажешься их последней надеждой. И что делать станем? Или ты у нас начнёшь специализироваться исключительно по несчастным любовям?

— Издеваешься, — вздохнув, констатировала Арха. — А мне и на все эти балы надо будет ездить?

— Как же просто излечить женщину от альтруизма, — хмыкнул Дан.

— Ну, знаешь! Все, с меня, пожалуй, хватит! — ведунья попыталась было вырваться и встать, да кто бы ей дал?

Демон девушке не только вскочить не позволил, но и вовсе подмял под себя, прижав к дивану тушей.

— Быстро же у тебя терпение кончилось, — усмехнулся Дан. — Я ещё и не начинал, а с тебя уже хватит.

Может быть, Арха и хотела что-нибудь ответить. Вероятно, что это «что-то» должно было прозвучать едко и язвительно. Вот только целуясь с мужчиной, да ещё и любимым, как-то не до язвительности.

* * *

Может, Шаю действительно нравилось подрабатывать духом великого Несрослось, а, может, у него судьба такая была. Но так или иначе, а Арха ему в данный момент не завидовала. Прервать хаш-эда на самом интересном, да ещё и когда он только во вкус входить начал — смелость нужно иметь немалую. Поэтому ведунья даже злиться на блондина не стала. Уж больно забавно он выглядел. Ифовет мялся рядом со стеклянными дверьми, ведущими в спальню, и не знал, бедный, куда руки деть и куда смотреть. В итоге он остановился на созерцании стены садика, а руки забросил, почему-то, себе на затылок.

— Ну! — рявкнул Дан, оборачиваясь через плечо.

Заодно ещё и собой Арху прикрывая. Впрочем, ничего компрометирующего сторонний зритель всё равно не углядел бы — так, лёгкий беспорядок в одежде. Серьёзно посягнуть на здешние целомудренные правила рогатый просто не успел.

— Дан, там это... — неопределённо мотнул головой Шай куда-то в сторону. — В общем, там Шхар.

— Опять?! — от рявка демона даже птички испуганно притихли.

— А он уже приходил? — удивился красавчик и, забывшись, даже в садик посмотрел.

Правда, тут же опомнился и уставился — для надёжности — в белёсое небо. Разве что насвистывать не начал.

— А он... пришёл? — Дан озадаченно потёр лоб ладонью.

И, вероятно, от неожиданности, подался назад, подчинившись ведунье. Которая усиленно спихивала с себя неподъёмное демоническое тело. Правда, до этого момента безрезультатно. Но зато когда лорд сел, Арха мгновенно вскочила, нашарила ногой туфли без задников и нацепила их уже на бегу. У местной моды нашёлся ещё один неоспоримый

плюс. Для того чтобы привести туалет в порядок было достаточно подол одёрнуть, да на лицо покрывало накинуть.

— Ну, пришёл — это громко сказано, — признался Шай, подвинувшись, чтобы пропустить мимо себя мчащуюся куда-то лекарку. — Приполз скорее. Да в общем-то, он бы и не дополз. Стражники на стене его увидели и принесли сюда. Он в пустыне-то с ночи, наверное, валялся.

Ведунья, успевшая уже выбежать в коридор, резко затормозила, едва туфли не потеряв. Но остановиться её заставили не слова Шая, а то, что лекарка вдруг сообразила: она просто не в курсе, куда именно мчатся. Дом Ирраша был немногим меньше императорского дворца и куда запутаннее. В женской половине она, худо-бедно, ориентироваться научилась. Но вряд ли шавера принесли в сераль ^[8].

А вслед за мыслью, что неплохо бы дорогу узнать, пришла и ещё одна, не слишком приятная. Дан вполне мог упереться рогами и заявить, что все происходящее — не её дело.

— Ладно уж, пошли, — неохотно отозвался хаш-эд, умудряясь одной фразой ответить и Шаю, и ведунье.

При этом и Архе, и блондину стало понятно — Его лордство происходящим крайне недоволено. Всё-таки у Дана имелся удивительный талант не только к крайне своевременной прозорливости, но и к донесению до окружающих собственного мнения.

Далеко идти не пришлось. Несмотря на его статус наследника, местные к Шхару пиетета не испытывали. А, может, просто не знали, что с ним делать. Поэтому огромную кошку, недолго думая, уложили на пол посреди какой-то очередной пустой залы. Сами же присутствующие старательно жались к стенам, будто им места не хватало. Впрочем, решивших остаться и посмотреть, как будут дела развиваться, нашлось немного: жрец со своим помощником, да Совет Старейшин в полном составе. Ещё в уголке, явно стараясь стать незаметнее, едва слышно всхлипывала Арруша.

Самое примечательное заключалось в том, что никто не спешил оказать Шхару помощь.

В которой он, без всякого сомнения, нуждался. Кошак истощал так, что рёбра его выгибались дугами, как шпангоуты у корабля. А шкура, превратившись из антрацитово-чёрной в тускло серую, между ними просто провисала. Но кошмарнее всего выглядели лапы. Подушечки на них не стёрлись — сточились до живого, сучащегося сукровицей и гноем мяса. И у шавера даже сил не осталось на то, чтобы втянуть обломанные едва не наполовину когти.

Арха, не зная за что в первую очередь хвататься, встала рядом с головой Шхара на колени, приложив ладонь к тощей, какую-то куриной, шее. Пульс бился, но неровно, сбоя, словно из последних сил. Рука лекарки сама собой потянулась к цепочке.

Но ведунья остановилась, закусив губу едва не до крови. И уставилась на Дана, хотя, конечно, он взгляда девушки под покрывалом разглядеть не мог.

Хаш-эд был мрачен. Он остановился в паре шагов от шавера и хмуро посматривал то на него, то на лекарку, то на жавшуюся у стен местную власть.

— Подожди, — едва слышно шепнул за спиной ведуньи Шай, — в истинной форме ты своей Жизнью ему не поможешь. Надо бы перекинуться...

Но как раз с перекидыванием наблюдались явные проблемы. Кажется, всего и дел-то — снять с ошейника амулет. Но ни старейшины, ни жрец этого точно делать не собирались.

— Он же умрёт так, — ещё тише, чем блондин, пробормотала ведунья, молча сглатывая слезы.

В данный момент ей было плевать на все пакости, которые Шхар натворить успел. Она только чувствовала под своей ладонью нервное рваное биение сердца. А видела исключительно подрагивающие, как будто он все ещё пытался бежать куда-то, лапы.

Тут Дан и заговорил, причём не на хашранском, а на местном. Говорил он медленно, с большими паузами, но чётко, глядя на старейшин набычившись, исподлобья.

— Я из рода Перворождённых, — неожиданно начал переводить Шай, за которым раньше лингвистических способностей девушка не замечала. — Вы вышли из Бездны и населили этот мир только по воле и дозволению нашему. Мы дали вам разум. Мы в праве его и отнять. Потому каждый из вас подчинится моему слову. Если тут тот, кто хочет оспорить его?

«Ну, все, приплыли...» — испуганно пискнул внутренний голос и притих. Собственно, с точки зрения лекарки, лучше ситуацию описать было невозможно. Весь её опыт общения с шаверами доказывал, что у этой расы, во-первых, начисто отсутствуют тормоза вместе с инстинктом самосохранения. Во-вторых, подчиняться они в принципе неспособны. А, в-третьих, раненую гордость они предпочитают лечить, отрывая голову ранившему. Ну, или пытаюсь это сделать. Собственно, их больше интересовал процесс, а не результат.

Но эти шаверы сумели поразить ведунью до глубины души. Вместо того чтобы дружно кинуться на обнаглевшего хаш-эда, они, один за другом, вдруг молча опустили на колени, да ещё лбами в пол ткнулись.

Всё-таки нравы демонов ведунью иногда в тупик ставили. Вот как только она сталкивалась с этими самыми обычаями, присущими только им — так и ставили.

— Да будет так, — тихонько суфлировал блондин. — Перед вами брат моего брата, — вот тут Шай споткнулся, видимо решив, что ему примерещилось. — Гм... Да, точно. «Брат моего брата» — так и сказал. Значит, я могу говорить от лица ноун Ирраша. И повелеваю снять с этого шавера амулет до тех пор, пока ноун Ирраш не решит другого.

— Снимай и... лечи, — добавил Дан уже нормально, обращаясь к Архе.

Последнее слово он едва не выплюнул. Отошёл в сторону, мрачно наблюдая за ведуньей, пока Шай, не слишком вежливо выпроваживал лишних зрителей из зала.

Лишними оказались все местные.

* * *

Сказать, что демоны смотрели на Шхара неприязненно — это скромно преуменьшить. Дан, усевшийся в единственное нормальное кресло, уставился на кровать так, словно на ней не шавер лежал, а гниющий кусок мяса с копошащимися опарышами. Если Адин, стоявший в углу, мог испепелять взглядом, то вместо кошки образовалась бы уже кучка пепла. Ну а Шай просто мечтал, чтобы это недоразумение куда-нибудь делось.

Неудивительно, что братик Ирраша не столько пил бульон, чашку с которым заботливо придерживала Арха, сколько давился им. Лично ведунье на шавера было даже просто смотреть больно. Тощий, весь в синяках и ссадинах, которые сплошным узором пятнали сероватую кожу, с перевязанными руками и затравленным взглядом, он ничего, кроме жалости, у лекарки не вызывал.

И по её глубокому убеждению поведение остальных в данном случае выглядело как настоящий садизм. Но свои мысли ведунья предусмотрительно оставила при себе.

Разрешили лечить — и на том спасибо.

— Рассказывай! — приказал Дан, видимо, исчерпавший терпение до доньшка.

Шхар в очередной раз поперхнулся и, виновато глянув на Арху исподлобья, отвёл её руку вместе с чашкой в сторону.

— Он жив. И даже относительно цел, — бывший студент явно отличался недюжинным умом и начал с главного. — Я оставил его рядом с дорогой и дождался, пока Ирраша крестьяне нашли. Потом проследил за ними. Брата отвезли в небольшой замок на границе. Наш, хашранский, замок. Хозяйка его приняла охотно. Если он с вами не связался, то, думаю, Ир все ещё там.

Лорды на это заявление никак не отреагировали. Словно и неживые — замерли каменными статуями. Даже Адин остался бесстрастным — Арха не удержалась и глянула искоса. Но ни тени эмоции так и не заметила.

— Подробности! — потребовал Дан.

Шавер откашлялся — горло, пересушенное жаждой и сухим воздухом пустыни, не слишком охотно справлялось с привычными словами. Да к тому же Шхар явно нервничал.

— Переночевали в таверне, утром выехали — хотели осмотреть район рядом с Сухой Осокой. Местные говорили, что там видели светлых. Я шёл сбоку и чуть в стороне. Не знаю, как крылатым это удалось, но я их не почуял. Совсем не почуял. Мимо прошёл.

— Или не захотел заметить, — бросил Шай, глядя в окно.

— Тьмой клянусь, не заметил я их! — Шхар сжал кулаки, комкая покрывало. — Не увидел, не услышал, не почуял! Вообще ничего. Да почти весь отряд мимо их лёжки уже проехал. И тут солдату одному отлить приспичило. По-моему, Ирраш даже не засек, как Кудрявый спешился — он позади всех ехал. Вломился в кусты, а там светлые сидят. Вот тут все и завертелось. Меня первым и вырубил.

— Странно-то как, — ухмыльнулся Шай, по-прежнему глядя в окно. — С чего бы это?

— Может с того, что командовала ими арелим с серебряными крыльями?

Кто-то из демонов — кажется, Адин — громко втянул воздух сквозь зубы.

— Белая стена, говорите? — ни к кому не обращаясь, протянул Дан. — Ну да, стена...

— У него правда крылья серебряными были? — не удержавшись, тихо спросила Арха у Шхара.

Шавер отрицательно помотал головой.

— У неё. На нагруднике чеканка в виде крыльев, — пояснил он также тихо.

— Спецподразделение светлых, — добавил Адин как-то не слишком приязненно, — их с детства натаскивают.

— С-суки! — подытожил Шай.

— Я не слышал, чтобы раньше у них женщины были, — заметил Дан, проводя языком по зубам. — Если только...

— Эвейн ада Лаешь, — закончил синеглазик.

— Дерьмо! — поставил точку блондин и неожиданно со всей дури саданул кулаком в стену.

— А кто она такая?

Арха, конечно, понимала, что сейчас не самое лучшее время для здоровой любознательности, но любопытство оказалось сильнее здравомыслия. Правда, от её вопроса попросту отмахнулись.

— Дальше что было? — спросил Дан уже не так враждебно.

Его голос потеплел примерно на пару градусов.

— Когда я прочухался, то, собственно, уже все заканчивалось. Ирраш лежал в стороне. Кажется, арелим в него чем-то запустила, потому что у брата все лицо обожжено. Да и так, в драке ему досталось. Ну, пока светлые раненых дорезали, а крылатая что-то там командовала, я Ира за шиворот подальше в кусты утянул. Переждал, пока они не уберутся и сам в другую сторону пошёл.

— Зачем они раненых дорезали? — внезапно севшим почти как у Шхара голосом, каркнула Арха.

И на этот вопрос она ответа не получила. Только Дан как-то странно, но коротко глянул на лекарку.

— А мы тоже... с ранеными? — не унималась ведунья.

На этот раз в её сторону никто даже и не посмотрел.

В голове девушки что-то тихо, но отчётливо щёлкнуло. И то, о чём рассказал шавер, как будто другой стороной повернулось. Вот только что был интересный рассказ, про крылатых воительниц с серебряными крыльями, а оказалось...

Арха удивительно отчётливо увидела и Ирраша с обожжённым лицом и залитого кровью — его и чужой. Представила, как Шхар «пошёл» в другую сторону: громадная кошка, пятясь и рыча от натуги, волочит по земле неподатливое, тяжёлое, но ещё живое тело. Отпускает обмусоленный воротник, ложиться рядом, тяжело поводя боками и настороженно прислушиваясь. А потом тащит дальше. И так не один час. И даже не один день.

Солдат, отошедший в кусты по нужде, что-то неразборчиво бурчащий себе под нос и на ходу распутывающий шнурок гульфика, представился очень ясно. А ещё Вереск, красномордый сержант, постоянно таскающий в лазарет вкусоности для Данаша и Ирруш.

Но больше всего напугало не то, что они мертвы. В конце концов, все смертны, а этих разведчиков Арха хорошо, если в лицо знала. Да, сержанта жалко, конечно. Но, главное, Ирраш жив. А ожоги можно вылечить.

Нет, не это пугало до мороза по коже.

А то, что они так и остались лежать там — в сыром, промозглом весеннем лесу, глядя в низкое небо остекленевшими глазами. В уголках этих глаз собирается роса, не тревожа, и не волнуя. Ночью на заскорузлых, чёрных от свернувшихся крови волосах оседает иней. Потом на поляну с вытоптанной, выкорчеванной каблуками травой выглянет лисица. Или волк. И они, лежащие там, ничего не смогут сделать, когда зверье — сначала осторожно, а потом все смелее, огрызаясь друг на друга — примутся рвать серую склизкую кожу...

— Арха! Арха, ты меня слышишь?

Кто-то тряс её за плечи так, что голова у ведуньи болталась, словно у тряпичной куклы.

— Меня сейчас вырвет, — прошамкала деревянными губами лекарка.

— Тьма! — рыкнул Дан. — В Бездну все! В столицу и за стену!

Девушку подхватили на руки и куда-то потащили. Собственно, ведунье в данный момент было плевать, кто и куда её несёт. Все силы уходили на то, чтобы удержать взбунтовавшийся желудок на месте. А, заодно, не потерять сознания. Повод для этого казался не слишком значительным.

Уж для опытного медика точно.

Арха изучала потолок и пересчитывала плиточки мозаики, его украшавшей. Занятие было весьма плодотворным. Если синих и зелёных квадратиков при каждом новом пересчёте выходило одно и то же число, то белые учёту не поддавались. Их получалось то три тысячи шестьсот пятьдесят восемь, то три тысячи пятьсот девяносто одна, то... Не считались они, в общем.

А ведунье и без белых плиточек приходилось плохо. Тошнота отпускала и накатывала волнами. И не сказать, что сильная. Скорее уж мутная. Голова кружилась, а на месте суставов и вовсе густой кисель оказался. Да ещё и мышцы подёргивались, как будто их иголками кололи. В общем, нехорошо все.

А Дан, зараза такая, мало того, что рядом сиделок не терпел, так и сам милосердием не отличался. Посидел пять минут, посмотрел жалостливо, по голове погладил и ускакал куда-то. Предварительно напомнив о необходимости звать служанку в случае развития непредвиденной ситуации или если душа чего-то пожелает. Душе было угодно сочувствия и любви. Но вряд ли местные прислужницы могли доставить столь необходимые вещи к одру мучающейся.

Дверь в спальню Архи тихонечко приоткрылась и в щель скользнул Шхар, озираясь, словно погони опасался. Протиснулся — и тут же дверь закрыл, да ещё и спиной к ней привалился. Хотя, вполне возможно, что парня просто ноги не держали. Зато выглядел шавер живописно — простыня, намотанная на тощие тела, придавала ему вид мыслителя.

— Ты зачем вскочил? — почему-то шёпотом прошипела ведунья, приподнимаясь на локтях. — Я вот вас на кой лечу? У одного раны не успели закрыться, повязки постоянно мокнут, а он уже в бой рвётся. Другого утром едва ли не из Тьмы вытащили и он носится...

— Помниться, мы с тобой в одной группе учились, — таким же трагичным шёпотом огрызнулся кошкак. — Поэтому без сопливых в курсе, что мне делать.

— Да и пожалуйста, — обиделась лекарка и улеглась на место.

Шхар её раздражал. Собственно, Арху в этот момент все раздражали.

Шавер помялся у двери, снова приоткрыл створку, глянув в щёлочку — и закрыл. Переступил с ноги на ногу, зачем-то дёрнув себя за кончик носа.

— Если тебя здесь кто-то обнаружит, то хвост выдерут точно, — мстительно оповестила его ведунья. — Вполне возможно, что и с головой.

— Собственно, я за этим и пришёл.

— Чтобы тебе хвост выдрали? — удивилась лекарка.

— Да нет, — Шхар ещё подумал, поскрёб ногтями подбородок, и уселся-таки на подушки. — Я... объяснить хотел, почему тогда там... Ну, в университете. Зачем это все, в общем, — проямлил шавер, старательно разглядывая собственные ладони.

Арха повернулась набок, подперев чугунную голову рукой. Нет, ни в каких объяснениях лекарка не нуждалась. Чего тут непонятного? Но мямлящий котик её заинтересовал. Такое зрелище нечасто увидишь.

— Я само внимание, — заверила ведунья.

— Ты можешь не перебивать? — тут же рыкнул Шхар. — И без тебя тошно!

Ну, вот такие выпады были вполне в шаверском духе. Арха это даже комментировать не стала.

— В общем, дело не в тебе совсем. А в Ирраше, — ещё помолчав для порядка и перейдя к изучению собственных обломанных ногтей, сообщил демон. — Только не так, как вы думаете. Сначала я ему и вправду что-то доказать пытался. Но это давно было. Потом-то

понял, что ничего ему не докажешь. А когда я в столицу собрался, мне и объяснили, как дело обстоит.

— И как же оно обстоит? — подстегнула мыслительный процесс Арха, убедившись, что замолчал шавера надолго.

— Да это наши дела, с тобой не связанные, — отмахнулся от неё Шхар. И тут же следуя принципам железной мужской логики, принялся растолковывать. — Он по собственной воле стал главой рода, перебив всех родственников. Нет, никто за это его не осуждает. Раз самый сильный — тебе и управлять. Да только он не управляет ничем! Сидит у себя в столице, а тут хорошо, если раз в полгода показывается. А ты знаешь, что такое род? Это, прости, не только гарем и Совет Старейшин. Да и не только Карро-ласс.

— Что есть Карро-ласс? — скромно поинтересовалась лекарка.

— Город этот, — недовольно дёрнул ухом Шхар, — столица рода Карро. Только нам принадлежат территории на три дня конного пути вокруг.

Арха тихо и уважительно присвистнула.

— Ты считаешь, что это мелочь? — ощерился шавер.

— Да нет. Вовсе не мелочь. Это очень даже много, — важно покивала головой ведунья. — Только дальше ты можешь не продолжать. Я достаточно среди вас отиралась, чтобы суть уловить. Он плохой правитель, не заботящийся о своём народе. Ты — хороший. Ну, можешь стать хорошим. Заботливым. Поэтому надо правителя просто поменять.

— Не все так просто! — кажется, в этой спальне кто-то всерьёз злиться начал. — Кроме меня у брата наследников нет и не предвидеться — у него даже жены нет. А Ир хотел сделать военную карьеру. То есть, в любой момент его могут убить. И что тогда будет? Да от рода через год камня на камне не оставят! Клань, конечно, больше друг другу глотки не рвут, зато здорово освоили цивилизованные методы расширять собственные владения.

— Ну, так в чём проблема? — удивилась лекарка. — Дождался бы, пока убили, да и занял его место.

— Ты действительно не понимаешь? Тогда бы уже поздно было! Я рушащуюся башню обратно поставить не в силах!

— Поэтично, — оценила ведунья, ловя себя на мысли, что в образе кота Шхар ей нравился гораздо больше. — А вызвать на поединок, как у вас водится, кишка тонка?

— Да не хочу я его убивать! Тонка — не тонка — не в этом дело. Он мой брат. И все! Точка!

— Необычно трогательное для шаверов отношение к родственникам. Кстати, ты сейчас свою простыню порвёшь, — заметила Арха. — Только я тут при чём?

— Ты тут абсолютно ни при чём, — огрызнулся Шхар. — В столице я понял, что все ещё хуже, чем отсюда казалось. Он участвовал в заговоре против императора вместе с твоим обожаемым Даном. А за такое весь род могли покарать. И уж точно отобрали бы все, что мы имеем.

— Ну, сам ты до этого додуматься не мог. Я про заговор, которого и в помине не было. Кто подсказал-то? — ласково спросила лекарка.

— Леди Адаша, — мрачно буркнул Шхар, уставившись в пол.

— Могла бы и сама догадаться, что без этой... леди дело не обошлось. Только я так и не поняла, чем бы помогло моё сожжение твоему восшествию на престол?

— Да все просто, — опять начал злиться шавер. — Услуга за услугу. Я помогаю устранить тебя, а она выбивает у императора снятия с Ирраша титулов и ссылку его сюда же,

в Карро-ласс.

— Красиво, — оценила ведунья. — Ты добиваешься чего и хотел, род под твоим правлением цветёт и пахнет, Ирраш остаётся в живых, и братоубийством ты рук не пачкаешь. А Адаша украшает вазочкой с моим пеплом каминную полку. И все довольны.

— Она обещала, что до костра дело не дойдёт, — совсем уж хмуро буркнул Шхар. — Да, честно говоря, меня это мало интересовало. По крайней мере, вначале. По первому-то нашему договору я тебя просто не должен был к Дану подпускать. Но вроде тогда считалось, что вы не вместе. Это уже потом появилась мысль спровоцировать тебя на ведьмовство.

— Ведовство, — машинально поправила Арха. — Ну, в целом все очень мило. И что я должна теперь сделать? Сказать, что ты хороший, преследовал благие цели, и я тебя простила?

— Да пойми же! Ты для меня была никем! Я тебя и не знал совсем! Какая-то полукровка, да ещё и вешающаяся на шею лорду! Вот почему я тебя должен жалеть?

— Угу, подлая и корыстная стерва, — кивнула лекарка. — А девочка из университета чем провинилась?

— Какая девочка? — опешил Шхар.

— Та, которую ты с лестницы спихнул. Кстати, ты не знаешь, что с ней случилось?

— Понятия не имею. Да и не я её толкал. Мне нужно было только твоё внимание привлечь.

— Ну, действительно, мелочь какая! — умилилась Арха. — Знаешь что, Шхар? Уйди куда-нибудь. И, желательно, подальше. А то ведь и ты мне никто. Почему я тебя жалеть должна?

Шавер помолчал, глядя на лекарку исподлобья. Но всё-таки поднялся и направился к двери.

— погоди, — остановила его ведунья. — Ты Рахшу знаешь?

— Естественно. И — да. Это она мне объяснила, что Ирраш род до гибели доведёт. Понятия не имею, как ты это узнала, но все правда.

— М-да, кругом великосветские интриги. Какие во Тьму балы и важность, если я в этом ничего не понимаю?

Лекарка с силой потёрла виски. Голова не только налилась чугуном — внутри её ещё и что-то тяжело перекатывалось. Вполне возможно, что это просто мысли были.

* * *

Ирраш галантно придержал для Ллил калитку, ведущую из фруктового сада, и, не удержавшись, хмыкнул. Дом его благодетельницы весьма успешно справлялся с ролью укрепленного сооружения. Собственно, он представлял собой пятиэтажную башню с пристроенным к нему позднее крылом. Когда-то башен имелось аж две. Да только правая обвалилась под гнётом собственной ветхости ещё, наверное, при дедушке-лекаре. Или прадедушке? Главное, восстановить её никто не удосужился.

И вот этот бастион неприступности вместе с хозяйственными постройками, садом и огородом окружала такая же неприступная стена. Высотой примерно по грудь шаверу, сложенная из речных голышей без всякого раствора. А крепостные ворота сбили из жердин и повесили на ремённые петли. В общем, образчик инженерной и фортификационной мысли.

— Я очень вам благодарна за то, что вы решили меня проводить. Но это лишнее, наверное. Я вполне способна добраться и сама, — сообщила Ллил, проходя в услужливо открытую калитку.

— Не сомневаюсь, — буркнул Ирраш, поражаясь собственной галантности.

Девушка чуть заметно улыбнулась и бодро пошлёпала по утоптанной тропинке, лишь изредка постукивая впереди себя посохом. Дорогу эта блаженная явно знала. Да и деревня оказалась совсем рядом. Уже от самой «крепостной» стены можно было разглядеть беленькие домики с крестами внешних балок и низко нахлобученные остроугольные крыши, покрытые пластами торфа.

— Я все спросить хотел, а где твои родители? — поинтересовался шавер, подстраиваясь к довольно широким шагам девушки. — Или ты одна?

— Не одна. Со мной в доме живут кухарка, служанка и её муж, который и за конюха, и за привратника. Правда, они уже старенькие совсем, — охотно ответила Ллил. — Ещё из деревни приходит девочка-посудомойка и прачка. А папа с мамой в столице. В смысле, в столицах — в разных.

— Не понял, — признался Ирраш.

— Просто папа у меня демон, а мама ишаим, — шавер от такой новости даже споткнулся на ровном месте. То, что девчонка бастард, он догадался ещё когда она представилась. Но помесь светлого с тёмным — это как-то... чересчур. — Вас это смущает?

— Н-нет, — неожиданно для себя же выдавил Ирраш. — У меня подруга вообще метис человека и шавера, да ещё и ведунья.

И вот когда он осознал, что ляпнул, демон споткнулся ещё раз. И снова хмыкнул, представив реакцию Архи на такое заявление. Долго бы она, наверное, глаза таращила. А потом ломанулась проверять, нет ли у него лихорадки.

— Только вроде у мельхольмов принято всю жизнь одной парой жить?

Иррашу самому показалось, что тему он свернул слишком резко. Но лучше уж так, чем её дальше развивать.

— Так он и создал, — легко подтвердила Ллил, улыбаясь неведомо чему. — Женился на дочке нашего соседа и уехал в столицу. У него там адвокатская практика. Между прочим, весьма успешная. Хотите, я адрес дам? Вдруг пригодиться?

— Обязательно. А мать?

— Мама тоже замужем. Живёт в Солинаре. У неё муж, кажется, военный. Впрочем, я могу и ошибаться.

— А ты, значит, здесь?

— А я здесь. И мне тут очень нравится. Папа поместьем не интересуется. Да и какое это поместье? Дом и две крохотные деревни. Ну, ещё пара хуторов в лесу — дровосеков и углежогов. Правда, у нас даже мельница своя есть, — похвасталась девушка. — И ещё большая ферма. Но они, конечно, не мне принадлежат. Поэтому дохода с такого имения никакого. Мы с хозяйства живём. Да крестьяне меня иногда за лечение чем-нибудь благодарят. Я и не отказываюсь.

— Что-то мне подсказывает, что если они отделывались простым «спасибо», то ты и тогда бы не отказалась, — буркнул Ирраш.

— Не отказалась, — кивнула девушка. — Я уже говорила, что тут ни врачей, ни знахарей нет. И если я помочь могу, то почему мне этого не делать?

— Хоть бы деньги брала.

— Какие у крестьян деньги? — развеселилась Ллил. — Да и куда мне их тут девать?

— На книжки тратить! — невесть почему вдруг разозлился шавер. — Кстати, ты же говорила, что читала. И как это у тебя, интересно, получается?

— Надо было сказать «я слушала» или «я изучала»? — приподняла светлые бровки девица. — Согласитесь, это звучит дико. Я ведь среди зрячих живу. От калеки вы тоже навряд ли услышите что-нибудь вроде «доползу» или «докачусь». Они тоже «ходят».

— Я понял, дальше мысль можешь не развивать. А ещё ты самостоятельная, ни от кого не зависящая и бескорыстно творишь добро направо и налево. Кстати, о бескорыстие. Я тебе должен и очень много. Чем могу отплатить?

Ллил остановилась и обернулась к нему, напряжённо хмурясь и покусывая губу. Ирраш первый раз видел, как она сердится. И на его вкус зрелище было достойно того, чтобы его увидеть. Не потому, что шаверу понравилось девицу злить. А потому что губы у неё стали ярче и на бледной коже появился румянец. И ещё тёплый ветер тихонько раздувал лёгкие, похожие на пушинки одуванчика, пряди. Конечно, и крестьянский корсаж, плотно облегающий грудь, смотрелся очень мило. Да и юбка, просвеченная солнцем и намекающая на длинные ноги, тоже была ничего.

— Вы мне ничего не должны, — наконец, ответила девушка.

Голос у неё при этом звучал весьма напряжённо.

— В твоей запутанной родословной ни шаверов, ни людей не затесалось? — усмехнулся Ирраш. — Мне кажется, что вы с Архой точно потерянные сестры. Извини, малышка, но такой ответ не принимается. Сама понимаешь, у нас к долгам отношение особое.

— Если у вас особое отношения, то при чём тут я? Сами с Тьмой и договаривайтесь! — Ллил нахмурилась ещё сильнее.

— Нет, кис, меня такой расклад не устраивает.

Ирраш уже веселился вовсю, ухмыляясь в тридцать два зуба. Ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы голос оставался серьёзным.

— Я ничем вам помочь не могу. Разбирайтесь с вашими долгами сами.

— Зайчонок, ты же сама прекрасно понимаешь, что такой разговор ни к чему не приведёт.

— Вы специально?

— Что? — шавер даже брови изумлённо приподнял, хотя Ллил его мимику оценить и не могла.

— Называете меня так: малышка, киска, зайка?

— Специально, — сознался вредный демон. — Первый раз случайно вышло, потом решил проверить. Просто женщины делятся на два типа: те, которые от такого млеют, и те, кто оскорбляются. А ты их мимо ушей пропускаешь.

— И что это значит?

— То, что ты странная?

Иррашу показалось, что наступил тот самый момент, когда попытку можно и повторить. И, хотя кровати поблизости не имелось, в целом обстановка располагала. Солнышко, небо чистое, от недавно вспаханного поля пахнет влажной землёй и свежими побегами. А буквально в десятке шагов от них серебрилась осиновая рощица. Вполне себе сельская романтика.

Вот только так казалось ему одному.

Ллил в ответ лишь плечами пожала, развернулась и пошла по тропинке дальше.

Настоящая выдержка — это когда вместо того, чтобы приглубить оппонента чем-нибудь тяжёлым, ты просто приподнимаешь бровь.

Из наблюдения императрицы Ишалы

Ирраш сидел под каким-то плетнём с угрожающе нависающими над его головой крынками и кувшинами, надетыми на ивовые шесты. И занимался очень полезным, а, главное, ответственным делом. Шавер плёл венок. Первых весенних фиалок он надрал здесь же, в аккуратном полисадничке возле дома, в котором Ллил врачевала ребёнка.

За цветы демон честно расплатился полуимпериалом, едва не доведя хозяйку палисадника до сердечного приступа. А, заодно, испугав до икоты её сторожевую шавку. Ир всего-то и рыкнул на разошедшуюся собаку. И та, пятясь задом, залезла под крыльцо, откуда и начала громко и проникновенно икать. Зато в придачу к фиалкам шавер, видимо, в знак уважения, получил ещё и бархатную ленту, обшитую по краю узеньким серебряным стежком. Видимо, роскошь по местным меркам, невероятная.

И вот теперь он плёл венок. Между прочим, выходило у него совсем недурно. Такого плетения в местных краях не знали точно. Его он выучил, в своё время выгуливая сестрёнку, которая просто обожала украшения из цветов апельсина. Кто пробовал хоть что-нибудь соорудить из них, знает, насколько это непростая задача. А Ирраш мог сделать и венок, и браслет и даже ожерелье. Так что справиться с фиалками ему было проще простого.

Другое дело, что и сам демон не мог бы сказать, зачем он за это, несомненно нужное и полезное занятие вообще взялся. Но поскольку ответа шавер дать не мог, то и вопросов никаких не задавал. Плёл себе и плёл. Просто ему казалось, что перед Ллил и извиниться стоит. За что — это уже дело десятое. Ну, ощущал Ирраш внутреннюю потребность извиниться. Между прочим, желание было редким и уже только поэтому его стоило лелеять.

А на кучку местной детворы, сгрудившихся воробыиной стайкой шагах в пяти от него и пляющихся во все глаза, демон ни малейшего внимания не обращал. Как и на толпишку кумушек, уже добрых двадцать минут пытающихся набрать воду в колодце.

В общем, чувствовал себя Ирраш полным и окончательным кретином. Но венок плёл.

И изредка поглядывал на Ллил. Дверь домика была открыта нараспашку. Шавер прекрасно видел и девушку, и ребёнка, и его мать. До него даже иногда голоса доносились, правда и шаверского слуха не хватало, чтобы разобрать смысл сказанного. Впрочем, его и без слов понять труда не составляло.

Блаженная вела себя так, как Ирраш от неё и ожидал. По-деловому, мягко, но настойчиво, она осмотрела мальчишке горло, что-то выстукала пальцами у него на груди и принялась выкладывать из своей корзинки склянки и горшочки — лечить собралась. При этом ребёнок себя вёл на удивление спокойно. Ллил он явно не боялся, охотно подчинялся её распоряжениям и от странных глаз не шарахался. А мамаша-крестьянка в буквальном смысле смотрела лекарке в рот и внимала каждому слову.

Когда только они вошли в деревню, шавер сразу заметил странное отношение крестьян к своей, между прочим, госпоже. Несомненно, девушку здесь любили. Кланялись охотно,

совсем не по принуждению и призывы Тьмы быть благосклонной звучали вполне искренне. Но вот почтение в селянах отсутствовало напрочь. Поклонившись, они запросто заговаривали с Ллил, а один её вообще «дочкой» поименовал.

Да и она им отвечала тем же. Улыбалась всем и каждому, называла по именам и интересовалась делами. От таких интересов у Ирраша брови сами на лоб полезли: как там новорождённая тёлочка, набирает ли вес? Зажила ли мозоль? Пьёт какой-то тут не присутствующий дед липовый отвар и прошёл ли у него кашель? Хватило ли семян фасоли для посева?

В общем, по глубокому убеждению лорда Нашкаса истинная леди себя должна вести несколько иначе.

С другой стороны, Ллил леди не являлась — всего лишь дочка хозяина, да к тому же ещё и незаконнорождённая. А вот то, что на шавера крестьяне поглядывали с опаской, обходили стороной, хоть и продолжали пялиться, а кое-кто даже знаки, отгоняющие дурное, делал, почему-то злило. Хотя раньше его такие вещи интересовали мало.

Ирраш раздражённо вздохнул, перевязав венки лентой, и глянул на домик. Девушка свои врачевательские дела закончила и теперь играла с мальчишкой в ладушки. Причём получалось у неё это ловко — мимо детской ладошки она ни разу не промахнулась. Да при этом ещё умудрялась общаться с мамашей.

Демон сплюнул с досады. Видение как он, едва не воя, валяется на полу, всплывали из глубин, словно кит — такие же большие, громоздкие и неудобные. От этого куса памяти Ирраш бы избавился с большой охотой.

— Ллил, тебе не пора? — повысив голос, поинтересовался шавер.

Девушка вскинулась удивлённо. Но послушно сложила свои причиндалы обратно в корзину, подхватила посох и, распрощавшись с мамашей, поцеловав — естественно! — мальчишку в лобик, вышла из дома.

— Вы спешите? Я хотела ещё хотела зайти к мельнику. На ногу его старшего сына осенью жёрнов упал и с тех пор он...

Ирраш опять раздражённо вздохнул, едва сдержался, чтобы не сплюнуть и нацепил ей на голову венки. Который, кстати, получился очень даже милым — в три ряда, с такими маленькими аромочками поверху. А в центре каждой аромочки белая фиалка.

Ллил замерла, как будто прислушиваясь к чему-то.

— Н-да, это действительно идиотская затея, — буркнул Ирраш, ловя себя на желание запустить руку в шевелюру, на манер Дана. — Будем считать, что ничего не было.

Он потянулся, чтобы стащить венки. Но девушка отшатнулась — не испуганно, а не желая отдавать красоту.

— Нет, что вы? Он очень красивый! Я просто удивилась. Спасибо большое.

— Тебе-то откуда знать, красивый он или на веник похож? — окрылся деликатный шавер.

— Ну, я же его чувствую. И запах ещё, лепестки мягкие, ленточка...

Она улыбнулась, подняла руку и безошибочно нашла ленту, проведя по ней рукой — не ощупывая, а, скорее, глядя.

— И какой же он? — скептически поинтересовался Ирраш.

— Мягкий, — не задумываясь, ответила Ллил, — но не как мех, а, скорее, как хлебный мякиш. И тёплый, словно солнце пригревает щеку, когда долго сидишь на одном месте. А ещё он шуршит.

— Шуршит?

— Не на самом деле шуршит, мне просто так кажется. Как ветка яблони по подоконнику летом ранним-ранним утром. Когда впереди целый день. И ещё он очень мужской.

— Фиалки? Мужские? — усмехнулся демон.

— Вы спросили — я ответила, — пожала плечами девушка. — И ещё раз большое вам спасибо. Венок действительно очень красивый. Так вы проводите меня к мельнику или вернётесь домой?

— Провожу, — проворчал шавер.

Ллил просто кивнула, повернулась и её нога, неловко ступив на ком ссохшейся глины, поехала. Девушка тихонько ойкнула, отставила руку в сторону, пытаясь найти опору... Правда, никакой необходимости в этом не было. Ирраш её держал так крепко, словно блаженная собиралась с обрыва свалиться.

— Спасибо, но я справлюсь сама, — Ллил мягко, но очень решительно, вывернулась из его рук.

— Да ты так шею себе свернёшь! — рыкнул Ирраш.

Девушка ничего не ответила, только губу досадливо прикусила и потопала себе дальше. А шавер все-таки сплюнул.

* * *

Шаверу не спалось. Собственно, за время, проведённое в доме Ллил, он выспался на несколько лет вперёд. Да и глаза закрывать было ещё страшновато. И с этой совершенно детской боязнью темноты Ирраш пока справиться не мог. А глухое и привычное, как вечно ноющий зуб, раздражение на себя, кстати, тоже заснуть мешало. И если бы только оно одно. Комары досады вились, словно мухи вокруг неаппетитно пахнущей кучки.

Демон крикнул, оценив собственные энтомологические сравнения, и перевернулся на другой бок, сунув руку под голову. Левое ухо оглохло, и в нем поселился шум морского прибоя. Недовольство от этого никуда не делось. Да и со сном по-прежнему наблюдались явные трудности.

В ореоле света от горящей лампы ему мерещились то мрачное лицо Дана, то нахмуренные брови блаженной. И оба зывали к совести шавера. Которую он вот уже тридцать шестой год подряд пытался прикончить, но без особого успеха. Тварь едва дышала, но жила. В данный момент нашёптывая придушено про то, что ему уже давным-давно следовало вернуться. Или, по крайней мере, сообщить о себе. О том, что такой внеочередной отпуск никто не оценит и вряд ли он сам сможет найти достаточно убедительное обоснование собственной расслабленности.

И о том, что блаженная, пропускающая мимо ушей любые оскорбления, обиделась на попытку помочь. Странно? Ни Тьмы не странно! Уж кто-кто, а Ирраш её понимал прекрасно. Самостоятельная-то она самостоятельная, как рота пьяных магов. Но все равно же ущербная, как не крути. Физически ущербная. Характерец-то у девицы на зависть любому сержанту. Да только и она наверняка мечтает быть «как все». А тут он со своими веночками и: «Ты себе шею свернёшь!».

Кретин.

Демон рывком перевернулся на правый бок, замотавшись в простыню, как мумия. И едва не разорвал её со злости, пока выпутывался. Отлѣжанное ухо гудело и почему-то дико чесалось. Яростно скребясь, как блохастый кот, Ирраш сел на постели, а потом и вовсе встал, подойдя к окну. Если он романтически мается бессонницей, то вполне можно, например, не менее романтически поковылять на луну.

А ночное светило действительно показалось из-за яблоневых макушек, заливая молочным фонарѐм крохотный, но чисто подметѣнный дворик, ограду огорода, собранную из шпакетника и щелястый угол курятника.

Ещё на улице пели. Шавер, не смотря на весь свой супер слух, не сразу и сообразил, откуда звук идѣт. Чтобы посмотреть на поющего, ему пришлось перегнуться через подоконник по пояс, надеясь, что потрескивающая под его весом конструкция не развалится. Падать, конечно, было не высоко — всего второй этаж. Но полѣты головой вниз на истѣртую от времени брусчатку в его планы не входили.

Пела, естественно, Ллил. А кто кроме неё мог за полночь выводить рулады в доме, населѣнном лишь престарелыми слугами? Впрочем, голос у девушки оказался действительно приятным: не сильным, но чистым и мягким. Она даже и не пела, а тихонько мурлыкала себе под нос, улыбаясь луне.

Эта блаженная вечно чему-то улыбалась, как ярмарочный дурачок.

И прейдя к такому не льстящему блаженной выводу, Ирраш высунулся ещё дальше, чувствуя, как начинают потрескивать сухожилия на вывернутых запястьях. А, заодно, и подоконник. Правда, пришлось признать, что зрелище стоило риска. Не сказать, чтобы шавер был большим ценителем картин в духе: «Уж полночь близится, а милого все нет», но девушка и вправду выглядела... романтично.

Она сидела на подоконнике, подогнув под себя ногу, и расчѣсывала волосы. Точь в точь ожившая картинка из какой-то дурацкой сказки. Правда, сказочные принцессы вряд ли носят рубашки, смахивающие на монашескую рясу и подкольчужник одновременно. Да ещё и тёплой ночью. Демон тоже не обиделся бы, предпочти девица что-нибудь эдакое, из дамского арсенала. А тут глухой ворот, длинные рукава, да и во все эти складки можно катапульту завернуть. Даже и посмотреть-то не на что.

Ирраш хмыкнул, осознав глубину своих мыслей. Как-то подглядывание за дамами в ночных сорочках его и в подростковом возрасте не увлекало. Он всегда предпочитал действие, а не созерцание. Одно из двух: или его уже настиг маразм, для которого вроде бы ещё рановато. Или он наотдыхался до заскоков.

Шавер хотел уж было убраться обратно в комнату на предмет подумать и принять парочку стратегически важных решений. Например, следовало решить дилемму: отбыть в ставку прямо сейчас или дожждаться утра. Но Ллил его хмыканье услышала. Хорошо хоть не увидела, как он из себя летучую мышь изображает.

— Вам не спится? Может, приготовить отвар? — поинтересовалась она заботливо.

И за эту заботу Иррашу захотелось её придушить.

— Не надо. Я просто хотел сказать, что утром отправляюсь обратно, — точно! А лучшего места, да и времени, подобрать просто не сумел. — Так что у тебя последний шанс назначить цену долга. Иначе её назначу я.

Ллил чуть нахмурилась и положила щѣтку на подоконник. «Спорить будет!» — не без удовлетворения подумал демон. Его такой расклад вполне устраивал. Поцапаться всласть и почувствовать себя наконец-то правым, Иррашу было просто необходимо.

— Что у вас с голосом? — спросила блаженная.

— А... А что у меня с голосом? — с разгона шавер не сразу и понял, что она имела ввиду.

— Сиплый. Вы не простыли?

— Нет! — рявкнул разочарованный в своих надеждах демон. — Я не простыл. Я просто вишу вниз головой! Поэтому и голос такой.

— А зачем вы висите вниз головой? — удивлённо приподняла брови девушка.

— Чтобы сказать, что я завтра убираюсь отсюда!

— Как вам угодно, конечно. Но не проще ли было просто дожидаться утра? Или, в крайнем случае, зайти ко мне в комнату? Я понимаю, что это не слишком прилично. Но у нас тут за нравственностью следить некому.

— И часто ты этим пользуешься? — по-змеиному шипя, поинтересовался шавер.

А вышло у него сипло вовсе не потому, что Ирраш висеть устал. Просто вся кровь, которая у него под черепом имелаась, вдруг к глазам прилила. А прилив, вскипела, завесив ночь алой пеленой бешенства. И очень, просто нестерпимо, захотелось немедленно кого-нибудь убить. Хотя почему «кого-нибудь»? Вполне определённого кого-то. Того самого урода или — не дай Тьма! — тех самых дегенератов, которые вместе с блаженной пользовались отсутствием в местных краях надзора над нравственностью.

— Не часто, — спокойно ответила Ллил, взяла свою щётку и спрыгнула с подоконника, пропадая из поля зрения шавера.

Хотя он сейчас вообще мало что видел.

— А поточнее?

— Вообще-то, это не ваше дело. Но коль скоро вас разбирает нездоровое любопытство, то помочь страждущему — мой долг. Ни разу. В смысле, я ни разу этим не пользовалась, — вполне возможно, что Иррашу и примерещилось, на адекватные оценки он в данный момент способен не был, но, кажется, в голосе девушки послышалось что-то очень похожее на злость. — И случайно попавший в мой дом, завтра отбывающий туда, откуда он взялся, и даже не удосужившийся представиться лорд первым не будет!

Звук захлопнувшихся ставен послужил отличной, все объясняющей точкой для её тирады. А Ирраш так и остался висеть вниз головой, пытаясь сообразить: что это сейчас произошло.

* * *

Просыпаться от того, что тебя окатывают из ведра ледяной, только из колодца, водой — не входило у Ирраша в десятку любимых пробуждений. Особенно если ему удалось заснуть только, когда на улице уже светать начало. Однако проснуться ему все-таки пришлось. Правда, вскочить не получилось.

Шавер привык, что где бы он ни лёг спать, между кроватью и стеной всегда остаётся пусть небольшое, но все же пространство. Вот как раз на такой случай. Чтобы перекатиться, сразу разрывая дистанцию, и оставляя между собой и противником препятствие. Все же, даже кровать может помочь выиграть пару иногда очень дорогих минут.

Сейчас его эта привычка и подвела. Демон успешно перекатился, нашаривая под подушкой кинжал, и... Со всего размаху въехал лбом в стену. Да так въехал, что из глаз

искры посыпались. По крайней мере, Ирраш их увидел. А кинжала он так и не нашупал. Потому что под подушкой, понятно, никакого клинка и не нашлось. В дом Ллил он попал безоружным, а потом застись чем-нибудь полезным просто позабыл. Даже свежеструганный тренировочный меч остался валяться где-то в саду под яблоней.

Но горевать о превратностях судьбы шаверу было некогда. Пока он, мокрый и незащитный, считал искорки и отплёвывал воду, злобный враг напал вновь. И что примечательно, опять без предупреждения. Веник — или, может, это была метла — съездила демону по роже. Получилось довольно чувствительно. Особенно для гордости. Потому что оружие воняло пылью и мокрой псиной.

Зато уши разложило мгновенно. Это Иррашу просто казалось, что нападение происходит в абсолютной тишине. Просто сначала от неожиданности, а потом от встречи черепа и камня у него слух отшибло. Подлый враг орал, да ещё как!

— ... кот драный! Пока мы там с Тьмой общаемся, он тут прохлаждается! Мы-то думали, ушастенький у нас при смерти, оплакивать приготовились! А он тут на чистых простынках дрыхнет! Ты не кот! Ты козел!

И вонючий веник съездил Иррашу по физиономии снова. Только на этот раз почему-то с другой стороны. Уже почти пришедший в себя шавер попытался поймать мерзкую метёлку, но припоздал, схватив воздух. От чего едва не потерял равновесие и не кувыркнулся с кровати, на которой сидел — пень пнём.

— Я тебя сейчас сама кастрирую, затем вылечу, а потом снова кастрирую, но уже навсегда, морда шаверская!

На этот раз демону удалось перехватить метлу ещё на подлёте. Прутья больно стегнули по предплечью, но лица не достали. А уж вывернуть черен из рук гарпии, клекочущей над ним, было делом техники. И с задачей Ирраш успешно справился. Переломил веник об колено, от бешенства даже не особо напрягаясь, и отправил останки метёлки в угол комнаты.

Правда, ситуацию это не облегчило. Потому что на и без того несчастную голову демона немедленно опустилась подушка. Оказавшаяся менее прочной, чем череп. Чехол лопнул и в воздухе закружилась метель из перьев.

Теперь Ирраш сидел безоружный, мокрый, в перьях и злой.

— Нет, серьезно, у тебя вообще мозги есть?

— А у тебя? — вкрадчиво, подрыкивая совсем чуть-чуть, поинтересовался шавер.

Пожевал, сплюнув пёрышко, прилипшее к нижней губе, и тяжёлым взглядом уставился на Арху. Но, видимо, за время их разлуки мозгов у ведуньи не прибавилось. Потому что она явно не отдавала себе отчёт в творимом. Наоборот, стояла, вся такая решительная, уперев кулака в бока, и глазищами сверкала. Вид грозный, аж страх берет. Гроза тушканчиков!

Кстати, на взгляд Ирраша, традиционный шаверский кафтан ей шёл гораздо больше, чем все эти имперские тряпки. Жаль только, что она феридже за спину откинула.

— Напугал! — заверила его лекарка. — Так напугал, что я даже передумала тебя убивать. Живи и мучайся! Только шкуру полосками сниму, а там гуляй себе!

Демон хотел было высказать своё мнение об её угрозах, но не успел.

— А я добавлю, — спокойно, так спокойно, что шавер мгновенно осознал, насколько холодной была вода, которой его психованная ведунья окатила, сказал Дан.

— Нет, друг, я все понимаю. Но с нами связаться тебе какая вера не позволила? — едко поинтересовался Шай.

Адин ничего не сказал. Он вообще на Ирраша даже не смотрел, а созерцал виды за окном. Наверное, планировка сада понравилась.

И вот тут демон остро пожалел, что действительно не ослеп. Если бы у Тьмы можно было выкупить этот момент слепотой — согласился, даже не раздумывая. Все что угодно, но только чтобы этого не случилось. Вычеркнуть не только из памяти, но и вообще из бытия.

— Я... — начал Ирраш хрипло.

Но продолжать не стал. Ничего умного или, хотя бы, не жалкого он сказать не мог.

— Я-я, — передразнила его Арха. Которая, между прочим, действительно злилась. По настоящему, без дураков. Пожалуй, такой шаверу её видеть ещё не приходилось. — Ручка от... швабры! Нет, правда, я все понимаю! Тебе глубоко начхать, что все на ушах стоят, не зная, где ты и что с тобой. Но ты своей тупой башкой хотя бы подумал, на что они могут пойти, только чтоб твой задницу живой увидеть?

Ведунья сначала ткнула пальцем в сторону молчащих гвардейцев, а потом постучала себя костяшками по лбу. Получилось звонко. Но не смешно, вот совсем. Даже в купе с «живой задницей».

— Ты знаешь, что...

— Арха, уймись! — негромко приказал Дан.

— Своему коту сверхбоевому приказывать будешь! — вконец разошлась лекарка. — Только я все равно выскажусь. Вы тут все благородные, долги друг на друга не навешиваете! Я же простая, мне можно. Так вот, мой дорогой лорд Нашкас, пока ты тут прохлаждался, Дан побыл жертвенной овечкой на вашей Тьмой драном ритуале. А мы все вместе этим зрелищем насладились. Ничего не узнали, правда, но зато впечатлений получили массу! Вот Шхар себя показал. Целеустремлённый у тебя братик, Ирраш. Он сначала твоё бездыханное тело сюда отволок, а потом на четырёх лапах отпахал до твоего Как-там города. Где сейчас и валяется в постельке, отдыхает после оздоровительной прогулки. Не много ты на себя долгов-то взвалил, а? Гордый ты наш! Расплачивайся теперь, а я посмотрю, как у тебя это получится. И знаешь что? Лично мне ты должен по самые... по самое немогу ты мне должен. И Тьма мне свидетель!

Ведунья ошпарила его ещё одним яростным взглядом, резко развернулась на пятках, так, что подол пузыряем раздуло, и, громко шлёпая туфлями без задников, гордо удалилась. Не забыв напоследок хорошенько шандарахнуть дверью.

— Мне ты ничего не должен, — негромко оповестил Адин, которому, видимо, наскучил пейзаж за окном.

Правда, вышел ивтор, так в сторону Ирраша ни разу и не взглянув.

— Я... — проямлил Шай, — в общем, я рад, что с тобой все нормально. Честно, рад.

Блондин кривовато улыбнулся и тоже вымелся из спальни.

— А мне ты должен, — помолчав, глухо высказался Дан. — На тебе долг крови. Ирраш, ты или один будь, или... В общем, сам решай. Если захочешь — уходи. Никто мешать не будет. Но решать придётся. Потому что второго шанса я тебе не дам.

Шавер сидел и очень пристально изучал собственные руки — как будто в первый раз их видел. К сожалению, на ладонях ответа не нашлось.

Видимо, забыла Тьма шпаргалку на такой вот случай оставить.

По поводу такого неожиданного наплыва сиятельных лордов Ллил распорядилась накрыть завтрак внизу, в зале. Который, по всей видимости, открывался только для уборки. Поэтому еды пришлось подождать. Так как трое слуг, с присущей старикам суетливостью, вместо того, чтобы на стол накрывать, бросились наводить порядок. Почему-то им показалось, что вычистить камин важнее, чем накормить лордов. Но гвардейцы с придворным тактом сделали вид, что все идёт как должно.

Дан что-то негромко обсуждал с Адином. Кажется, речь шла о новом плане осады. Ирраш прислонился к стене в самом тёмном углу и упорно смотрел в пол. А Арха с Шаем атаковали Ллил. При этом боролись за её внимание с упорством баранов. Ведунья желала вести беседу на профессиональные темы, а блондин... Ну, на то он и ифофет, чтобы не пропускать мимо себя ни одну юбку.

Наконец, ближе к обеду, завтрак, все-таки, подали. Правда, шавера не интересовала ни каша, по крестьянскому обычаю налитая в половинки хлебных караваев с выбранным мякишем. Ни свежий сыр со «слезой», ни ветчина. В общем, не до еды ему было.

Он только бултыхал ложкой в жидком вареве, время от времени поднося её ко рту, но забывая, зачем он это делал. А когда Ллил засмеялась какой-то шаевой шуточке — действительно засмеялась, а не улыбнулась по своему обыкновению, Ирраш и вовсе от себя еду отодвинул. Борясь с диким желанием ухватить блондина за раздвоенный язык и обмотать его вокруг шейки красавчика. А потом хорошенечко потянуть.

Кстати, смех у блаженной был приятным. Низким, гораздо ниже, чем её обычный тембр голоса и мягким.

— Ты действительно в порядке? — спросил вдруг Адин, до этого момента вообще шавера не замечавший.

— В полном, — буркнул Ирраш.

— Все пройдёт — пройдёт и это, — изрёк одну из своих умностей ивтор. — Кстати, Адаш хочет устроить большую охоту на арелима, которая тебя ранила. Знаешь, кто это может быть?

— Подозреваю, — неохотно ответил шавер, — у серебряных крыльев только одна баба и есть. Если они, конечно, не открыли филиал пансиона для благородных девиц.

— Тем ценнее добыча.

В ответ Ирраш только плечами пожал.

— Ты же участвуешь, я все верно понимаю? — Адин посмотрел на него поверх края кружки с козым молоком.

Шавер снова отделался пожатием плеч. Арелимы, светлые, да и вообще война в данный момент его интересовали меньше всего. Ллил на противоположном конце стола буквально кисла от смеха. Она даже вперёд наклонилась, держась за живот. Правда, Арха тоже ржала, как перестоявшаяся кобыла. И Дан усмехался. Но их реакции Ирраша интересовали ещё меньше крылатых.

Шай разошёлся вовсю. Он не только умудрялся рассказывать что-то, при этом изображая героев в лицах, но и успевал вставлять между своими хохмами комплименты хозяйке. Причём блондинчик как-то умудрился моментально просечь, что действительно понравится Ллил. Он ни слова не сказал о ней самой. Но при этом без устали нахваливал еду, дом, сад и сельскую жизнь вообще. Оказалось, что красавчик всегда в душе был деревенским жителем. Видимо, где-то очень глубоко. Но о способах приготовления сидра и закваске для сыров он рассуждал довольно бойко. Да-да, как раз в перерывах между

анекдотами и рассуждал.

— Слушай, Ад, а как ты считаешь: быть привязанным к кому-то — это нормально? — неожиданно для себя брякнул Ирраш. — Не по шаверски привязанным, а просто, как все.

— Ты у меня это спрашиваешь? — удивился ивтор, приподнимая брови. И почему-то отворачиваясь. — У меня ни один роман дольше полугода не продержался. Лучше у Тхия спроси.

— Почему у Тхия, а не у Дана?

— А потому что они сами ещё не понимают, — как-то не слишком весело усмехнулся Адин. — Навязали на себя обязательств, а теперь оправдать их пытаются. У них друг на друга и времени посмотреть не хватает. Надо доказывать, что все не зря наворотили.

Шавер снова пожал плечами. В такие тонкости вдаваться он не собирался.

— Да я вообще-то не про женщин спрашивал, а вообще. В глобальном смысле.

— Да? Значит, мне показалось...

— Что тебе показалось? — ощерился Ирраш.

— Что тут промелькнул призрак моего любимого прадедушки, — ничуть не испугался ивтор. — Тебе каких ответов надо, Ир? Ты свою мать любил? А сестрёнку?

— Да это все... — махнул рукой демон.

— Что? Шаверские заморочки, как Арха говорит? Знаешь, мне порой кажется, что она в очень многом права. Все, что нам неудобно, мы постоянно списываем на нашу специфику. Шай бабник? Так это не он такой — особенность ифоветов. Тебя к ведунье тянет? Так это все шаверские инстинкты. Не стоит ли просто принимать себя такими, какие мы есть?

— Чего? — Ирраш медленно, как осадная башня, обернулся к Адину всем телом. — Ты чего только что сказал?

— Про что конкретно? — поинтересовался ивтор, глядя спокойно и даже не улыбаясь. — Про то, что надо принимать себя таким, какой ты есть или про ведунью? Бросишься мне морду бить, доказывая, что я не прав? Ну, так от этого я менее правым не стану.

Шавер помолчал, старательно, глубоко и медленно дыша.

— И зачем ты вот это сейчас выдал? — в конце концов, спросил он.

— Да потому что вижу, что тебя отпустило. Почти два года ты на неё облизывался — срок не малый. Пора бы уж и перешавериться. И — нет. Она не двойник Архи. У них общего только целительство. Даже доброта разная. Ты знаешь, я нашу малышку очень люблю, но и от этого факт не перестаёт быть фактом. Так вот, Арха добренькая, а эта Ллил добрая. Разница огромная.

— Это ты все за пару часов понял? — нехорошо усмехнулся Ирраш.

Теперь уже Адин плечами пожал.

— Просто захотел дать тебе совет. Хотя в этот раз мимо не пройди.

— Знаешь что, пророк? — прошипел шавер, вставая. — У тебя было замечательное кредо: не давать советов, пока не попросят. Придерживайся его и дальше, хорошо? Целее будешь.

— Хорошо, — смиренно кивнул Адин, — прости, если задел тебя.

— Пересчитай свои конечности, — буркнул Ир, — если все на месте, то не задел.

Он хотел добавить ещё что-то, да засмотрелся на Шая, который умудрился одновременно напрашиваться к Ллил в гости и уговаривать Дана остаться здесь на пару дней. Мол, у хаш-эда раны ещё не зажили, а если они Адашу срочно понадобятся, то принц

знает, где искать. И, вообще, после всякий треволнений и тревог нервам необходима разгрузка.

Ирраш сам не заметил, когда это он успел сжать кулаки. Но сжал, да ещё до побелевших костяшек. Шавер тоже считал, что некоторым тут разгрузка необходима. И проще всего их разгрузить, выбив немножко внутренних нечистот.

— Извини, мне с Даном поговорить надо, — бросил Ир и направился к другому концу стола.

Поэтому он и не увидел ни кивка Адина, ни его довольной улыбки. Потому что ничто так не излечивает шаверов от приступов самобичевания, как хорошая порция здоровой злости.

Каждая женщина сама по себе уникальна.

Но если девушка чересчур уникальна — то она сама по себе.

Из наблюдений профессиональной принцессы

— И давно они поженились?

Кажется, Ллил вовсе не из вежливости задавала вопрос — ей действительно было интересно. Она даже перестала прореживать грядку с горицветом^[9], сложив перепачканные землёй руки на коленях.

— Да нет, поженились-то они в конце зимы. Слушай, как ты их различаешь, а? Трава травой... — буркнула ведунья, вырвав какую-то зелёную былинку и, поднеся её к глазам близко-близко, внимательно изучая.

— На ощупь. Побегі волосатки такие жестконькие, и как будто волосками поросли, — улыбнулась девушка, возвращаясь к своему занятию. — Ты же тоже травы используешь. Как же ты их отличаешь?

— Так я собираю, когда он цветёт. А тут ничего не понятно. Хотя, конечно, впечатляет.

Арха, у которой ноги устали сидеть на корточках, думала недолго и просто уселась на пятую точку, не без удовольствия разглядывая огородик. Точнее, садик трав. Огород при доме имелся и немалых размеров. Но он был отгорожен крепким заборчиком. А тут росли травы и только травы. Но на ухоженных грядках, очерченных оградками из выгнутых дугой ивовых прутьев.

Впрочем, больше всего это походило на цветник сумасшедшей любительницы. Но полезность изобретения ведунья оценила. Хотя лично ей было бы лень возиться с культивированием. Уж проще в лесу да в поле травок надрать.

— Спасибо, — Ллил левой ладонью проводила над нежными побегами, будто оглаживая их, а правой сноровисто и проворно выпалывала все лишнее, бросая выдранное в большую корзину. — Понимаю, что это выглядит странно. Но мне проще выращивать, чем отыскивать нужное. Да и на помощников надежд немного. С тем же горицветом было. Моя служанка подсказала мне как-то куриной слепоты набрать. Тоже ведь цветочки и тоже жёлтенькие.

— Добрая женщина! — фыркнула Арха.

— Добрая, — согласилась хозяйка. — Просто откуда же ей разницу знать? Ты мне лучше про свадьбу расскажи. Если это, конечно, не секрет.

— Да какой тут секрет? — ведунья улеглась между грядок, опираясь на локти и блаженно жмурясь на солнышко. — Тянули они так долго, потому что никак определиться не могли с ритуалом. По грахскому обычаю их вроде уже поженили. Но он по закону не считается. По арифедскому нельзя. Ю-то не арифед. Да и вообще у них там ритуалы какие-то жуткие. Тхия даже не рассказывал ничего толком, только краснел и отмахивался.

— Да, я слышала...

— От кого? Вот уж не думала, что эти кровойпийцы и к вам забираются.

— Ну, читала, — Ллил чуть слышно хмыкнула, словно вспомнив что-то своё. — Я очень люблю изучать нравы и обычаи разных рас. А у нас собрана большая библиотека. Вот

Тшер — это слуга, муж кухарки — мне и читает.

— Дашь почитать? — оживилась Арха, приподнявшись и глянув на девушку поверх грядки. — Меня они тоже интересуют. Конечно, прямо до изучения я не дошла и вряд ли дойду, но интересно же.

— Конечно, дам, — кивнула блондинка, — не жалко. Бери, что понравится. Так как же они вопрос решили с женитьбой?

— А бесовским способом, — зевнула ведунья, теряя к хозяйке интерес и укладываясь обратно. — Смотались в ближайший город... Как его там? Всё равно не помню. Ну, там и зарегистрировали в мэрии временный брак на максимально возможный срок. Теперь им каждый год нужно процедуру повторять. Так что, у кого-то ежегодное празднование даты свадьбы, а у них сама свадьба регулярно будет. Хотя ни Ю, ни Тхия это не устраивает. А что делать? Хоть ребёнок законным родится, пусть и с урезанными, как у беса, правами.

— Да, это, наверное, обидно, — сочувственно протянула Ллил.

— Ну, в их ситуации не так и обидно, — отмахнулась ведунья. — Наследовать ему всё равно нечего, ни земель, ни титула у Тхия теперь нет. Зато Дан, глядя на это все, уселся составлять новый законопроект, — Арха скорчила скучливую физиономию, нахмурилась, выпятила губы «уточкой» и для важности глаза на кончик носа скосила, — О браках между представителями разных рас, законности деторождения детей со смешанной кровью и порядках наследования в зависимости от формы брака наследодателей. Видишь, какие кошмары я выучила? А что делать? Они, если по всей округе не носятся или с принцем тайные разговоры не разговаривают, то за бумажками своими сидят. Тхия строчит, а Дан идеи генерирует.

Последнее она сказала с немалой долей гордости, словно это не рогатый, а сама лекарка умные идеи выдавала.

— И что? Их послушают? — усомнилась Ллил. — Хотя, если они с самим принцем дружны...

— Ну, дружба с Адашем им тут вряд ли чем-то поможет, — ведунья опять сощурилась на солнышко. — Но парни собрались в столицу возвращаться. А там уж... Они же и в самом деле фигуры заметные, — про то, что Дан умудрился родиться сынком самой императрицы, Арха предусмотрительно упоминать не стала. — Думаю, всё у них получится.

— Дай Тьма, — благочестиво вздохнула хозяйка. — Им поэтому дали разрешение на брак? Потому что они такие высокие лорды?

— Да нет, — усмехнулась ведунья. — Потому что они такие страшные лорды. Ты их ещё плохо знаешь. Если этим товарищам приспичит что, то лучше на пути у них не становится. В общем, Тхия собрался к мэру один идти. Но Дан с Иррашем за ним увязались. Мол, так представительнее получится. А то ты теперь нетитулованный и вообще лейтенант какой-то занюханный. Вот и...

— Прости, я не очень поняла. А Ирраш — это кто?

— Э-э, — от удивления Арха даже села, таращась во все глаза на блондинку. — Ну, вообще-то, твой пациент. Лорд Ирраш ашэр Нашкас арш Карро. Владелец майората Нашкас, глава рода Карро.

— Спасибо. Теперь хоть знать буду, — спокойно поблагодарила Ллил. — Так и что случилось, когда они к мэру приехали?

— А? Н-да... — ведунья задумчиво почесала бровь. — Ну, что там случилось, я сама не видела, а рассказывали они очень неохотно. Но суть была примерно в следующем. Мэр их

встретил не слишком почтительно. В местной глухомани громкими именами никого не напугаешь. Потому что тут их никто и не слышал. И в просьбе им отказал. Мол: «Не бесы вы, вот и валите отсюда с вашими требованиями!». Тут Тхия, понятное дело, набычился. Дан надулся, как индюк. А Ирраш... Ну, это Ирраш. Схватил мэра за шиворот и высунул его в окно. Почти всего и высунул. Он, бедный, только туфлями за подоконник цеплялся.

Арха фыркнула, живо представив себе эту сцену. Ллил тоже улыбалась, но как-то задумчиво.

— Вот. Высунул он его, значит. И сам вежливо так поинтересовался: хорошо ли уважаемому мэру видно простой народ, в интересах которого он в ратуше и посажен. А дело на четвёртом этаже происходило. И добавил: если мэру видно простой народ плоховато, то он — Ирраш — может этот самый народ и поближе продемонстрировать. А ещё растолковать всему градоначальству — хоть отдельно, хоть всем скопом, что конкретный рыжий демон и есть представитель простого народа.

— Наверное, после такого мэр готов был, не глядя, все что угодно подписать! — развеселилась Ллил. — Но всё-таки, по-моему, это чересчур.

— Ну, наш глазастенький во всём немного чересчур. Но, согласись, методы у него действенные.

* * *

— Тебе не кажется, что дымом пахнет?

Ллил, не вставая с колен, выпрямилась, будто в таком положении она запах лучше могла почувствовать. Хотя, может, и могла. Животные же тоже носы стараются поднять повыше. Собственно, Архе, разомлевшей на солнцепёке и почти успевшей задремать, было всё равно. Но совсем не отвечать хозяйке показалось невежливым. Поэтому ведунья вопросительно приподняла брови и промычала нечто неинформативное, но демонстрирующее, что она полна внимания.

— Да нет, показалось...

Девушка дёрнула былинку, утёрла лоб предплечьем и, глянув на свою гостью, тоже улеглась по другую сторону грядки. Арха выразила своё одобрение её действиями ещё одной порцией мычания.

— И долго ты на лорда Нашкаса дуться будешь? — помолчав, поинтересовалась блондинка. — Нет, я поняла, что это в воспитательных целях. Но все же как-то... Неужели тебе его совсем не жалко?

— До соплей жалко, — неохотно призналась ведунья. — Как представлю его слепым... бр-р-р! — лекарка действительно передёрнула плечами, словно в ознобе. — Для него, наверное, проще было кастрированным оказаться. Или действительно мёртвым. Но бойкот я ему всё равно устрою. Ибо нефиг! Ну вот скажи, нормально так поступать? Ладно бы сказал, мол: «Я живой, но вы мне тут не нужны, видеть вас не желаю и, вообще, пошли все во Тьму!». А то пропал, кот помоечный!

— А вы послушались и оставили его в покое?

— Нет, конечно, — фыркнула Арха. — Ну, я точно не оставила. И, между прочим, не маялся бы он тогда с повязкой больше недели. Да и сразу стало бы понятно: ослеп он или нет. Ну, и кому это надо?

— Да, это здорово, наверное, сразу знать, — протянула Ллил.

И как она не старалась, в голосе девушке зависти звучало больше, чем положено гостеприимством.

— Ну а кто тебе мешает? — лениво удивилась лекарка. — Это же неврождённый дар. Да и глаза для ведовства не нужны. Могу научить, мне не жалко. Правда, я сама далеко не всё знаю, да и где второй кристалл достать, понятия не имею. Но, думаю, придумать что-нибудь можно.

— Я Свет чту, — тихо призналась блондинка.

Арха нервно дёрнула ухом и медленно села.

— Чего? Нет, скажи, что я ослышалась, ладно?

Ллил на это ничего не ответила.

— Нет, ты скажи, — настаивала ведунья. — Совсем сбрендила или как?

— Обычно деревенские отвечают: «А сама-то?», — улыбнулась блондинка.

— Ты сравнила! Мать просто ересь, а Свет, прости, исконный враг империи и веры.

— И в чем разница? — безмятежно отозвалась хозяйка. — В способе казни?

— Интересная точка зрения, — согласилась Арха и опять улеглась, сочтя, что чужие верования — это ещё не повод проявлять чрезмерную активность. — И вот это твоё: «Доброта мир спасёт!» — оттуда, из Света?

— Нет, моё личное убеждение. А ты так не считаешь?

— Не знаю, честно говоря, я как-то не задумывалась. Нет, приятно, конечно, когда все вокруг счастливы. Кстати, о счастье. Давай, я глаза твои посмотрю? Ничего обещать не могу, сама понимаешь, врождённые пороки — дело такое. Но посмотреть-то никто не мешает. Может, ещё один кусок счастья Мать подарит и тогда...

Но изложить свою концепцию доброты и всеобщего счастья ведунья не успела. Её прервал крик, больше смахивающий на предсмертный вопль — потому что он был не только громким и истошным, но ещё и задыхающимся.

— Госпожа! Госпожа Ллил!..

Обе девушки мгновенно вскочили на ноги. И, что самое странное, хозяйка оказалась у стены, отгораживающей усадьбу от поля, на пару секунд раньше Архи.

Пареньку, судя по одежде крестьянину, не достало сил даже калитку открыть — так и повис на ней, дыша, словно загнанная лошадь. Кажется, от деревни он бежал, что духу хватало.

— Что случилось? — блондинка, совсем не нежно, тряхнула парня за плечо, проводя ладонью по его лицу. — Мараш, что случилось?

А Арха и сама уже все поняла. Из сада-то дыма не видно было, деревья его загораживали. Зато сейчас клубы, тянущиеся щупальцами к небу и словно растворяющиеся в нём, неспособные справиться с бесконечной голубизной, не заметила только Ллил. Впрочем, запах-то она учуяла ещё раньше.

— Светлые? — отрывисто спросил невесть когда подоспевший Дан.

Арха обернулась. Подошёл не только рогатый — все тут были. Даже слуги у деревьев маячили. Кричал парень действительно громко.

Мальчишка, испуганно глянув на лорда — видимо, не ожидал он тут увидеть никого чужого — только головой помотал. И утёр нос грязной ладонью.

— Не, господин, малдёры. Тобишь, Тьма их знает, какие оне. Может, светлые, может, наши. А, скорее, и те и другие — вперемежку.

— Малдёры? — озадачился хаш-эд.

— Мародёры, — перевела Ллил, озабоченно хмурясь. — Они уже в деревне?

— Не, госпожа, — парень хлюпнул потёкшим от слишком рьяного бега носом и снова вытерся кулаком. — Оне мельницу подожгли. А ещё до того сам мельник вместе с семейством к старосте прибежали. Оне их издали рассмотрели. Вот и побёгли. А сейчас все остальные сюды подтянутся. Чтоб, значит, прятаться.

— Сюда? — приподнял бровь Дан и сложил руки на груди. — Зачем?

— Так, ить, прятаться... — изумился лордской недогадливости парнишка.

— Где? — поинтересовался Шай.

В его голосе скепсиса было ещё больше, чем у Дана.

— В башне, — быстро пояснила Ллил. — Мы запираемся в башне. Там двери крепкие, мародёры их обычно не трогают. Они стараются добычу попроще взять. Хорошо, поля сырые — пшеницу не подожгут.

— Я смотрю, вы к таким ситуациям привыкли, — заметил Дан.

— Нечасто, но случается. Все же, на приграничье живём, — рассеянно бросила хозяйка, явно думая о чем-то своём.

— А мародёры тоже существа по природе своей добрые? — хмуро поинтересовался Ирраш, стоявший в стороне от всех.

— Несомненно, — вскинула голову Ллил, повернувшись в сторону шавера. — Не их вина, что война идёт. И многие не по доброй воле в солдаты попадают.

— Зато по доброй воле становятся дезертирами. Предпочитая жечь мельницы, разворовывать всё, что плохо лежит, и насиловать баб, — хмыкнул Ирраш.

— Мне ли вам объяснять, что таковы законы войны? Этим занимаются все — и регулярные войска, и бандиты.

— Ну да, исключительно по доброте своей.

— Простите, мы обязательно продолжим наш спор, но не сейчас. Нужно многое успеть.

И блондинка, сноровисто подхватив подол, поспешила к слугам, на ходу отдавая распоряжения: загнать животных в башню, вынести из кухни продукты, сколько успеют, спрятать садовый инструмент. Успеть, судя по всему, им предстояло действительно многое.

— И чего ты к ней прицепился? — не слишком дружелюбно поинтересовался Арха.

Ирраш в ответ только плечами пожал. То ли действительно не знал, чего это ему в дурную голову взбрело. То ли обозначил, что отвечать нужным он не считает.

— Ладно, мы то чего делать будем? — спросил Шай. — В принципе, можно и слинять. Но как-то это...

— В принципе, можно, — не стал спорить Дан, задумчиво, прищурившись, разглядывая единственную уцелевшую башню.

Адин усмехнулся и щёлкнул мальчишку, так и продолжающего висеть на калитке, по подбородку, заставив паренька с лязганьем захлопнуть челюсть.

— Садовый инвентарь — это интересно, — глубокомысленно сообщил крестьянину синеглазик.

Мальчишка в ответ только недоуменно носом сопнул.

Переспорить Дана и в спокойной-то обстановке дело нешуточное и практически безнадежное. А уж когда вокруг гвалт стоит такой, что уши закладывает, свои доводы можно смело оставлять при себе. Хаш-эд великолепно умел не слышать, когда это ему нужно было. Сейчас же он наверняка действительно половину сказанного Архой не расслышал. И все её убеждения, что лекарь в данный момент им тут пригодится больше, чем в лазарете, пропали впустую. Сказано: отправишься в ставку — значит, отправишься. Только Его Лордство ещё не решил, кого в качестве провожатого послать. Дел у него и без того хватало.

Осмотрев двери в башню, Дан определил, что они не настолько прочные, как выглядят. А, значит, врага нужно встретить на подходе. Для этого, мобилизовав всех подоспевших мужиков в возрасте от послемолочного до ещё ходящего, демоны принялись сооружать баррикаду. На весьма справедливое замечание старого слуги, что «мардёры», в отличие от лордов, заборов и оград не разбирают и мебель не портят, внимания обратили не больше, чем на увещевания лекарки.

Будущее войско не испытывало энтузиазма ни по поводу строительства баррикад, ни по поводу грядущего сражения. Но что-то Архе подсказывало, что желание биться «во славу» и «за» когда нужно появится. Что-что, а находить аргументы для вдохновения демоны умели.

Крестьян оказалось не так уж и много — всего душ двести. Причём больше половины из них были женщинами, детьми и стариками. Но учитывая ещё и скот, который предприимчивые пейзаи пригнали вместе с собой, обстановка меньше всего напоминала порядок. Башня мгновенно провоняла хлевом. Козы мекали, овцы блеяли, свиньи хрюкали, дети орали. Все: и бесенята, и поросята, и ягнята. Хорошо, что коров с лошадьми отогнали куда-то на болота. Бабы, привычно и споро раздавая тумаки, успокаивая и одновременно умудряясь помогать местным слугам, причитали. Мужики матерились.

В Бездне, наверное, было поспокойнее.

И во всём этом бардаке абсолютно уравновешенными оставались только демоны. Которым все происходящее откровенно нравилось.

— Не навоевались ещё! — проворчала Арха, помогая какой-то совсем уж древней бабке усесться возле стены.

Ллил ей только мельком улыбнулась. По крайней мере, внешне она казалась абсолютно спокойной и деловой. А вот ведунью колотил мандраж. С одной стороны, ей действительно хотелось остаться и своими глазами убедиться, что с её лордами ничего не случится. Да и помощь лишней явно не была. С другой стороны, меньше всего на этом свете лекарке желала увидеть битву своими глазами. Или «драку», как охарактеризовал предстоящее событие Адин. Или «истребление плохих парней хорошими» — по определению Шая. Как это ни назови, а на убийство Архе любоваться совсем не хотелось. Тем более, когда, несмотря на всю их браваду, бахвальство и заверения, убитыми могли оказаться демоны.

Но, как это обычно и бывает, судьба распорядилась за неё. А, может, и не судьба это была, а мародёры умные попались. Только вот явились они совсем ни тогда и не оттуда, откуда их ждали. Видимо, эти парни оказались ушлыми. Ни воротами, ни калиткой они не воспользовались, а просто прошли сквозь стену.

Арха сначала и не поняла, что случилось. Просто кто-то пронзительно заверещал, ограда усадьбы дрогнула и развалилась на камни. А в пролом полезло... Ну, наверное, так выглядят твари из Бездны. Грязные, оборванные, заросшие, дикие — с выпученными глазами, перекошенными рожами, имеющие крайне мало общего с лицами обычных существ. И ревущие, тянущие на выдохе: «Га-а!...». Действительно, на солдат они не

походили совсем.

И было их немало. Как-то очень неожиданно «немало».

А в следующее же мгновение случилось сразу многое. Дан, резко обернувшись на двери, что-то рывкнул — Арха не поняла, что именно. Только и без приказов ей стало ясно: закрыть створки никто не успеет.

Кажется Адин, стоявший неподалёку, это тоже осознал. Синеглазик странно, болезненно поморщился. Ведунье показалось, что на миг его как будто невесть откуда взявшимся чёрным туманом заволокло. И не успело сердце испуганно стукнуть — в стороны полетели обрывки одежды. Действительно полетели, будто внутри форменного камзола взорвалось что-то. А на месте блондина вырос демон в истинном своём облики. Он здорово походил на хаш-эда, только поменьше ростом — всего-то метра два. Да рога не такие внушительные. И солнце весело, как будто новой игрушке радуясь, бликовало на чешуйках глубокого сапфирового цвета.

Демон, недовольно покосившись на лекарку, пошлёпал, загребая громадными, когтистыми лапами к распахнутым дверям башни. Криков прибавилось. А Арха, сухо сглатывая и борясь с подступившей вдруг дурнотой, пялилась на толстый хвост, волочащийся по зелёной травке. И пыталась вспомнить: обладал Дан подобным дополнением или нет. Пока же лекарка вспоминала, преобразившийся Адин просто встал в дверном проёме, практически полностью перегородив его.

Теперь кричали уже внутри башни. Причём, кажется, особый ужас демон умудрился произвести на коз.

В это же время Дан, снова обернувшись, ткнул пальцем почему-то в сторону ведуньи — она так и не поняла, что он от неё хочет — и, выхватив меч, вскочил на самый верх баррикады. До которой тёмная, серая какая-то толпа бандитов уже почти докатилась.

И когда рогатый запрыгнул на тяжеленный обеденный стол, как акробат, балансируя на его ребре, в сторону Архи разом рванули Шай и Ирраш. Бросились они с таким энтузиазмом, что столкнулись плечами, отлетев, как кегли, едва удержавшись на ногах. И застыли, таращась друг на друга.

Первым отмер шавер. Он глянул куда-то за спину ведуньи, посмотрел на блондина, снова вдаль. Резко развернулся, да и полез вслед за Даном.

Лекарка обернулась, пытаясь понять, что ушастый увидел. С пониманием у девушки явно намечались проблемы. Теперь её донимала не только тошнота, но ещё и голова кружится начала, а в ушах поселился тонкий комариный звон. Но Ллил, стоявшей в паре шагов позади, приходилось, кажется, ещё хуже. Она замерла, словно напуганный кролик, почему-то обнимая ладонями собственную шею, и растерянно крутила головой. Медленно — в одну сторону, потом в другую. Кажется, хозяйка вообще не могла понять, что кругом творится.

Ну а в следующий миг Арха оказалась подмышкой у Шая, который не просто сграбастал её за талию, но ещё и над землёй поднял.

— Готовы, девочки? — поинтересовался красавчик весело. Оказывается, другой рукой он успел Ллил сцапать. — Если не готовы, то ничего уже не поделаешь. Собрались и...

И ведунья увидел ржавый, показавшийся ей просто огромным, топор, зависший над рогатой головой. Солнечный зайчик весело прыгнул на странно блестящий, отполированный обух. Арха закричала, но её вопль проглотила Тьма.

Архе сквозь Тьму ходить не впервой было. Ну, точнее, она сама-то не ходила, а её, скорее, несли. Но ощущения девушка помнила хорошо. Такое, раз испытав, не забудешь.

Для того чтобы переместиться куда угодно, демонам нужно было сделать только три шага. Всего три: войти, шагнуть вперед и выйти. Да вот только у ведуньи самой это сделать никогда бы не получилось. И дело не только в том, что Тьма для лекарки дара пожалела.

Стоило лишь оказаться на изнанке мира, как мрак — плотный, хоть ножом его режь, материальный и совершенно непроницаемый — оказывался повсюду. Тут не существовало и намёка на свет. Даже в абсолютно затемнённой комнате ночью, закрыв глаза, ты каким-то звериным чутьём ощущаешь, что свет совсем близко. В камине ли угли под золотой тлеют, лунный свет ли посеребрил макушки деревьев или просто отблеск уличного фонаря лёг на угол дома. Но, все же, чернота не безгранична.

Но только не во Тьме. Стоит в неё ступить — и мрак растворяет тебя, как сахар в кипятке. Пропадает ощущение пространства, верха и низа. Ты не понимаешь, где у тебя ноги, а где голова. Просто сознание, неопределённо подвешенное в абсолютной бесконечности. Внутри тоже оказывается мрак и первобытный холод. Сердце перестаёт биться, а, заодно, и чувствоваться. Хочется вздохнуть, просто по привычке хочется. Но нечего, да и нечем. Даже в животе бурчать прекращает.

Просто ты перестаёшь существовать. Но не думать. А это как раз и есть самое страшное. И целенаправленно идти куда-то в такой обстановке невероятно сложно, практически невозможно.

Но этот раз в своей кошмарности отличался от всех предыдущих. Арха, как только их накрыла Тьма, перестала чувствовать Шая. И, конечно же, тут же ударила сводящая с ума паника. Но её нужно было просто переждать. Лекарка знала, что красавчик здесь, никуда не делся и не бросил ведунью в темноте. Надо просто перетерпеть.

Но время, которого тут не существовало, все тянулось и тянулось. Арха не могла его оценить даже по биению сердца. Проходящие мгновения отсчитывали только её собственные мысли. А их оказалось много. Одни уплывали, выныривали новые, словно рыбки в чернильном пруду. И так длилось, длилось, длилось. Паника становилась все острее, насаживая душу на кол.

— Забавно... — задумчиво протянул голос во мраке. — Дитя Тьмы, Света и Жизни...

Голос не грохотал, не гремел и не рычал. Он просто был везде. Как будто Арха очутилась на самом дне узкого, но очень высокого колодца. А над ней говорил тот, кому эта труба не доставала и до колена.

— Мне кажется, ифовет, ты чересчур обнаглел. Пытаться протащить вот этих! Понадеялся, что я на вашу метиску не реагирую? Так она-то моя. А сейчас твоё нахальство ничем не оправдано.

Говоривший — а Арха даже не поняла, мужчина это был или женщина — не злился. Скорее насмешничал и может слегка поддразнивал. Что-то вроде: «Ну и как ты оправдываться будешь?».

— Честно говоря, я как-то и не подумал об этом, моя леди. Схватил — и тикать.

Голос Шая тоже звучал... громадно. Только по знакомому пришепётыванию, свойственному всем обладателям раздвоенного языка, да по наглым интонациям ведунья и

опознала красавчика.

— Ну да. У тебя с противоположным полом разговор короткий, — усмехнулся мрак. — Хватать и тикать. Так и шёл бы себе. Ножками. Я избранным этот путь дала. И не для того, чтобы они баб своих таскали.

— Далеко ли я с двумя-то уйду? Прости мне мою слабость, леди. И наглость тоже прости. Но дай нам пройти. Или выпусти обратно. А там я действительно — ножками. А больше такого недомыслия не будет, честно-честно. К тебе я стану теперь приходить в гордом одиночестве.

— Нет, ты всё-таки действительно неоправданно обнаглел. Пользуешься тем, что я всегда неровно дышала к вашему племени. Ну да ладно, эксплуатируй. Оставляй мне одну из них и иди дальше.

Арха, наверное, и забилась, и завывала, и в обморок упала. Если бы смогла. Тело отсутствовало, потому и привычных реакций не выдавало. Зато вот ужас, ещё ни разу не испытываемый, буквально сводящий с ума, миготом смётший все остальные эмоции, был вполне реален. Собственно, только он и остался — ужас и ещё мрак. Ведунья поняла, почему демоны так не хотят отправляться во Тьму. И почему страшнее пожелания никто не придумал.

Понять-то она поняла, только вот сделать хоть что-то не могла. Абсолют беспомощности. Полный ноль. Даже сердце испуганно не бьётся.

— Нет, — удивительно спокойно и совершенно серьёзно ответил Шай. — Ведунья принадлежит тебе. Но только после смерти. Я не могу отдать её, а ты не можешь решать, когда Архе умирать. Ллил же и вовсе принадлежит Свету, сама сказала. Вряд ли ты меня его ребёнком назвала. Прости, но тебе, моя леди, придётся потребовать другой выкуп.

— Почаще называй меня «моя леди», — недовольно отозвался мрак, — а то вдруг я забуду, что ты у меня в любимчиках! И что же ты предлагаешь? Знаешь, я не люблю оставаться обиженной. А ты меня умудрился и обидеть, и оскорбить, да ещё и напомнить, что не все принадлежит мне. Женщины такого не прощают.

— А что у меня осталось? — усмехнулся Шай. — Или моя леди хочет, чтобы я это озвучил сам?

— Конечно, — мурлыкнул голос. — Ты не представляешь, как я люблю слышать подобное.

Желание, но неспособность закричать, запретить, остановить, разрывали куда сильнее, чем невозможность дышать и небытие в сердце. Архе казалось, что её разум заперли в слишком тесном горшке. Он упирается в стенки, крышку, как перестоявшееся тесто. Но сил разломать сосуд не хватало. Вот и давило бурлящее сознание, неспособное даже «нет!» крикнуть, само на себя.

— Я твой, — шепнул-пророкотал титанический Шай.

Вышло у него это лично и сокровенно. Наверное, так блондин на ушко своим «девочкам» шептал. Только вот сейчас он говорил чистую правду. И от этого слова звучали ещё интимнее, будто ведунья по собственной воле за любовниками подглядывала.

— Ты же знаешь, я всегда только твой, — повторил красавчик. — А ты — моя единственная леди.

Мрак рассмеялся. Как засмеялась бы полностью уверенная в своих силах, чуть заигрывающая красавица. И чернота исчезла. Все ощущения вернулись разом. Это стало такой неожиданностью, что Арха не удержалась на ногах — шлёпнулась на землю, больно

ударившись копчиком, и вцепилась в траву. Свет — обычный дневной свет — плёткой стегнул по глазам, заставляя жмуриться, выжимая слезы. Рядом охнула Ллил.

Ведунья потрясла головой, пытаясь заставить мир перестать кружиться, и уткнулась лбом в колени. Сквозь мутную завесу слёз она слышала и видела, что к ней кто-то бежал. Но вертящийся юлой березняк перед глазами слишком уж мешал воспринимать действительность.

— Где вы были? — загрохотал Дан не хуже Тьмы.

— Где Шай? — нескладным эхом откликнулся Адин.

— Какой Тьмы с твоими волосами случилось? — это, кажется, был Тхия.

Последний вопрос ведунью удивил больше всего. Она пятерней сграбастала волосы надо лбом и натянула их на нос, пытаясь рассмотреть. Сделать это оказалось непросто. И не только потому, что кудряшки были коротковаты. Но и потому что мир, хоть и замедляясь, продолжал вертеться.

Но все же она сумела разглядеть широкую седую прядь. Лекарка знала прекрасно, что от страха никто не седеет: ни демоны, ни бесы, ни люди. Байки это все. Но вот Арха смогла.

Хотя, может, это был подарочек от Тьмы. Такое милое напоминание.

Глава двенадцатая

*Не мы такие — жизнь такая.
Не я такая, а вы идиоты (Жизнь).*

Надпись на стене здания факультета философии

Арха по привычке придержала калитку, навалившись на неё плечом. Но никто из двора на лекарку не прыгнул. Приход некогда любимой хозяйки нагло проигнорировали. Нынче горячее сердце пса, которым деспотично управлял бездонный желудок, безраздельно принадлежало Ллил. Потому что, во-первых, у девушки всегда находилось время и пузо почесать, и поиграть. А, во-вторых — и в главных! — блондинка любила и умела готовить, щедро отдавая обрезки или то, что могло таковым считаться хотя бы условно, щеночку. Поэтому ведунья была уволена из хозяйек и занимала только второе место в продажной душе Ира.

Впрочем, лекарке и помимо пса-изменщика поводов для беспокойства хватало. Например, Ллил её волновала. Слепая по-прежнему оставалась ровно-дружелюбной и милой со всеми. Но как будто гасла день ото дня. Каждое утро девушка вставала все тусклее и тусклее. Понятно, что поводов для веселья у неё немного оставалось. Но и такое нежелание найти новый смысл Арху раздражало.

Ну, сожгли твою башню! Зато все живы остались. Даже крестьян из разрушенной деревни Ирраш к себе отправил. Тоже, конечно, умудрился дело так обставить, что лекарке его придушить хотелось. Нет бы изобразить благородного рыцаря и помочь даме в беде. Ага, сейчас! Дождись от шавера.

Явился с ультиматумом: я беру твоих крестьян, обеспечиваю их землёй, даже аренду первый год брать не буду и подъёмные деньги дам. А ты за это считаешь, что свой долг я тебе выплатил. Арха после такого заявления разогнала коту зенки выпарапывать, но не дали. Блаженная и остановила.

Ирраш, скотина, все точно рассчитал. Дану подобная помощь обошлась бы дорого. В поместье у хаш-эда новичков, многие из которых были метисами самых диких кровей, с радостью точно не встретят. Если не постараются пробудить у беженцев горячее желание покинуть гостеприимный приют. Пришлось бы лорду лично за ситуацией наблюдать. А это было совсем не ко времени. Ну, с Адина спроса вообще никакого. У него собственной земли с платок. Не до новых арендаторов. Тихия же и вовсе безземельный.

Так что пришлось Ллил заталкивать свои принципы и гордость куда подальше, да соглашаться на предложение. Нет, зазорного в ситуации ведунья ничего не видела. Только вот Ирраш раздражал до глубины возмущённой лекарской души. Явно же видно, как он вокруг блондинки кренделя выписывает и хвостом метёт. И что это за способ ухаживания такой, при котором стараешься себя выставить мерзавцем ещё больше, чем оно есть на самом деле? И без того характер мерзкий.

Но одной только Ллил проблемы не ограничивались. Ю с каждым днём становилось все хуже. Последнюю неделю она вообще с постели не вставала. Тхия, вдрызг разругавшись с принцем, послал все принципы субординации во Тьму и от жены ни днём, ни ночью не отходил. Впервые на памяти лекарки одна из лазаретских палаток стояла забитой. Пока

весёлая компания Ирраша искала, раненные поступали с завидной регулярностью. Причём, не из-под стен осаждённого города. В округе шалили светлые. И шалили с таким энтузиазмом, что трупов после них оставалось куда больше недобитых.

Дан с Адином, прихватив с собой шавера, который мрачностью и брюзжанием побил уже все собственные рекорды, как неделю назад отбыли этих самых светлых отыскивать, так с тех пор от них ни слуху, ни духу не было. А Адаш на все вопросы с завидной регулярностью отвечал одно и то же: «Живы, целы». Нет, спасибо, конечно, и на этом. Но утешала такая информация мало.

Так что, чему радоваться?

Ведунья, отерев о ступеньку крыльца грязь, налипшую на сапожки, скинула с головы на плечи платок. Спрашивается: зачем она его вообще цепляла? Всю последнюю неделю дождь не прекращался. Даже не дождь. В воздухе постоянно висела водяная взвесь. Отчего все вокруг казалось просто пропитанным влагой. Одежда не желала сохнуть даже рядом с печкой, кожа мокла, а количество гнойных осложнений у раненных возросло в разы. Вот и платок ни от чего не защищал. Волосы висели кудрявящимися прядями, словно Арха только что из бани вышла.

Но когда она открыла разбухшую, не желающую поддаваться дверь, в лицо ведуньи пахло теплом и запахом свежеевыпеченного хлеба. Только за это стоило уже благодарить Богиню. Представлять возвращение в пустой выстуженный дом лекарке даже не хотелось.

— Я пришла, всем привет, кого не видела! — весело, гораздо веселее, чем она себя чувствовала, с порога поприветствовала Арха.

Ллил, подкладывая дрова в пасть печки, обернулась через плечо и улыбнулась мельком. Ир, не удосужившись даже кирпичную морду поднять, лениво долбанул хвостом по полу.

— Наше вам с кисточкой! — ещё веселее, чем сама лекарка, отозвался Шай.

Вот, кстати, и ещё одна проблема. Блондин вернулся на следующий день после фееричного появления девиц из Тьмы. Которые, между прочим, тоже болтались невесть где почти сутки. Откуда и как именно красавчик заявился, никто не видел. Обнаружил за лазаретом его рыжий Данаш. Без сознания. Тощего, как скелет. У Архи создалось полное впечатление, что ифовеа не кормили как минимум недели три.

В себя пришёл красавчик ни сразу. А когда и обрёл потерянное сознание, рассказывать, где он был, что делал и как достиг таких высот самоистязания, отказался наотрез. Отговаривался тем, будто ничего не помнил. Хотя глаза в сторону отводил так, что становилось сразу понятно: все он помнил прекрасно. Говорить не хотел.

Поправлялся Шай медленно, как будто нехотя. Зато дурацкими шуточками сыпал с удвоенным рвением. А за Ллил пытался ухлестывать с утроенным. Арха уже и опасаться стала их наедине оставлять. У блондина, кажется, настоящий гон начался. Правда, пока все его попытки разбивались о невозможное: «А я ничего не замечаю и не понимаю» — самой блаженной.

— Как дела у Ю? — сочувственно поинтересовалась Ллил, сноровисто накрывая к ужину.

Между плитой, кухней и столом она оборачивалась настолько ловко, что у ведуньи даже желание помочь не просыпалось. А совесть и вовсе блаженно похрапывала. Арха просто плюхнулась на табуретку, швырнув промокший платок на сундук. Форменная косынка с фартуком отправились следом.

— Не хуже, чем вчера, — ответила лекарка неохотно. — А это уже можно считать успехом. Ещё я с Тхия поцапалась, — подумав, наябедничала ведунья.

— А новости есть? — усмехнулся Шай.

Да уж, очередную ссору с рыжим за новость точно считать не стоило. Медленно сходящий с ума арифед постоянно требовал от Архи сделать «что-нибудь». Да она и сама ничего не имела против. Сказал бы ещё кто, что сделать в такой ситуации можно. Только терпеливо дожидаться, когда все естественным путём разрешится.

Тоска.

— Давайте ужинать, что ли? — по-бабьи подперев щеку кулаком, предложил Шай.

— Ну, давайте, — с ещё меньшим энтузиазмом отозвалась лекарка.

Заинтересовался предложением только Ир. Пёс поднял морду и заколотил по полу хвостом с такой силой, что, казалось, к заднице у него полено пристёгнуто.

* * *

Из сладкого и блаженного состояния «почти уснула» Арху выдрал дикий топот. С перепугу ведунье показалось, что у них по крыльцу галопирует единорог. Почему именно он, а не боевой конь, к примеру, девушка и сама не поняла. Но с кровати вскочила проворно, натягивая прямо поверх ночной рубашки до конца так и не просохшее платье.

Зато когда бухнула входная дверь и на пороге объявилась рогатая тень, лекарка уже сапоги натягивала.

— Нам твоя помощь нужна, — холодно сообщило Его Лордство, ни сделав попытки даже поздороваться, не то, что обнять с разлуки.

«Видимо, без тебя там не скучали...» — ехидно протянул здравый смысл.

— Я тоже рада тебя видеть, — сообщила Арха, пытаясь убедить себя в том, что совсем не обиделась.

— Извини. Но, правда, это срочно.

Голос Дана из холодного стал просто уставшим. Ведунья только сейчас заметила, что он тяжело навалился плечом на косяк. Видимо, ноги демона держали плоховато.

— Ты не ранен?

— Нет, не я. И никто из наших.

— Опять принц? — предположила лекарка, убирая волосы под косынку.

— Нет. И говори, пожалуйста, потише. Желательно, чтобы никто не знал, что я приходил, а ты уходила.

— Если не считать того, что ты своим топотом перебудил даже соседей — никто и не узнает.

Арха подхватила сумку, с некоторых пор всегда лежавшую под кроватью наготове. Конечно, этой «переноске» было далеко до саквояжика, которым лекарка обладала, живя в Крысиных кварталах. Но все необходимое для первой помощи и тут имелось.

— Я готова, — сообщила ведунья. — Веди меня, о, мой командир!

Вместо того чтобы путь указывать, «командир» вдруг шагнул вперёд и, не долго думая, сграбастал девушку, прижимая её к мокрому, воняющему конским потом и ржавчиной, кожаному камзолу.

— Я соскучился, — признался хаш-эд, стискивая Арху так, что у неё внутри что-то

пискнуло. — Ты понятия не имеешь, как меня достали эти крысиные гонки. Хочется очутиться на необитаемом острове. С тобой.

Ведунья, моментально все простив и забыв, забросила руки на шею демона, поворачивая голову, чтобы ему целовать сподручнее было. Она тоже ничего не имела против необитаемого острова. А за отсутствием такового в ближайшей перспективе, подошла бы и её собственная комната.

Но, к сожалению, рационализм в рогатой башке всегда властвовал над романтичностью. Потому поцелуй, хоть и весьма приятный, многообещающий и наглядно демонстрирующий, что Дан действительно соскучился, долго не продлился.

Демон тихо рыкнул что-то, сильно смахивающее на проклятье, и шагнул назад. Впрочем, удерживая Арху за руку.

— Пойдём, нас, правда, ждут, — пробубнил он извиняющимся тоном.

— Да я что? Я же всегда готова, — буркнул в ответ лекарь, поправляя на плече сумку.

Как оказалось, идти предстояло далеко. Даже не идти, а ехать — за калиткой их ждал Ураган, выглядящий ещё более устало, чем хозяин. Дан отвязал от седла предусмотрительно запасённый плащ, завернув в него Арху. Все-таки, рогатый, напрочь лишённый сентиментальности, порой проявлял не свойственную мужчинам заботливость.

Правда, стоило им выехать за околицу, демон ещё и капюшон ведунье почти на нос натянул.

— А это ещё зачем? — недовольно поинтересовалась лекарь. — Может, я хочу любоваться твоими рогами в свете луны?

— Луны нет, её тучи закрывают. Рога я точно когда-нибудь отпилю и подарю тебе на долгую память, — усмехнулся демон. — А капюшон для того, чтобы ты дороги не видела.

«Вот и все заботы!» — фыркнул внутренний голос.

Арха, надувшись, замолчала. И незаметно для себя, убаюканная ровным шагом коня, задремала. Она давно заметила такую странность — без Дана лекарь плохо спалось даже в самой мягкой и тёплой постели. Зато рядом с ним она, кажется, готова была спать даже стоя на голове. Хоть какая-то польза от излишне рациональных лордов имелась.

Так что, капюшон хаш-эд на неё мог и не натягивать. Ведунья и без него понятия не имела, где очутилась. То ли избушка, то ли землянка из тех, что охотники порой сооружают. Сверху сруб в половину человеческого роста с дыркой в крыше вместо трубы. А внизу просто яма, с земляными стенами, для прочности и тепла обшитыми досками. Очаг, обложенный речными камнями, утоплен в пол. А из мебели только грубо сколоченный лежак, да колченогий стол.

Зато народ тут собрался явно не для охоты. Ну, может быть, разве что для императорской. Кроме Дана и отчаянно зевающей Архи, внутри обнаружился кронпринц собственной персоной, ещё пара хаш-эдов, которых девушка видела только издали — у шатров штаба. Штук пять демонов рангом поменьше и Ирраш с Адином.

Землянка явно строилась без расчёта на такое блестящее собрание. Тесноватой она казалось, сырой и неудобной. Не говоря уж о том, что всем сиятельным лордам приходилось стоять. Только стол Адаш занял своей коронованной задницей.

— Ты кого привёл? — недовольно и брезгливо выпятив губу, поинтересовался один из рогатых.

— Кого надо, того и привёл, — достаточно резко осадил сановитого господина Его Высочество. — Арха, давай быстренько перевяжи её и кто-нибудь отвезёт тебя обратно. И

никому ни слова. Вообще никому, поняла?

— Не дура, — подтвердила понятливая ведунья. — Только кого перевязывать-то?

Мужчины, хоть и неохотно, но подались в стороны. Оказывается, стояли они не просто так, а со смыслом — загораживали от лекарки лежак. Занятый, между прочим, женщиной. Только занятый странно, да и эту даму обычной никто бы не назвал. Начать с того, что пленница, была за ноги и руки привязана к обрубкам брёвен, заменяющим настилу ножки. И как будто этого лордам показалось мало, они верёвки пропустили ещё по горлу и поясу пленницы. Причём путы затянули на совесть. Арха и со своего места могла разглядеть, как побагровели у несчастной кисти.

А сам она... Ну, лекарке приходилось видеть действительно больших женщин. Например, все грахи отличались внушительными габаритами. Эта же большой не казалась. Может, всего то на голову и выше самой ведуньи. Зато обнажённые руки и шея бугрились такими мускулами, которыми не всякий мужчина похвастаться мог. Странная одежда — нечто вроде жилетки, но полностью обнажающей спину и с петлёй через шею — анатомические подробности давала рассмотреть без труда.

Арха, ошарашенная такими видами, даже не могла сказать: красива пленница или нет. Лекарка только и разглядела, что эти мускулы. И ещё глаза — без белка, радужки и зрачка, целиком залитые темно-синим с лёгким зеленоватым оттенком. Но глаза эти не выглядели слепыми. Женщина все прекрасно видела. И люто ненавидела. Всех собравшихся скопом вместе с лекаркой.

— Ничего себе... — протянула Арха, наверное впервые в жизни не испытывая желания немедленно кинуться к больному и оказать ему посильную помощь.

Честно говоря, эта женщина ведунью откровенно пугала. Гораздо больше всех присутствующих тут мужиков, каждый из которых был не последним бойцом.

* * *

Дан не просто охранял лекарку. Он буквально ей на пятки наступал, да ещё и руку с плеча девушки не убирал, готовый рвануть её назад в любую секунду. И хотя это Архе серьёзно мешало, она не сопротивлялась и не протестовала. Одна бы ведунья к лежаку, может, и вовсе не подошла.

— Я вас только осматрю, хорошо? — спросила Арха, к собственному неудовольствию замечая, как голос у неё ощутимо подрагивает.

В ответ женщина буркнула гортанно и, видимо не имея возможности отвернуться, закрыла глаза.

— Понимать бы ещё, что это может означать, — пробубнила себе под нос лекарка.

— Не стоит тебе этого понимать, — неожиданно отозвался Дан. — Мне кажется, солдатский жаргон ты не коллекционируешь. У неё рана на рёбрах справа и в правом плече, пониже ключицы. Обе под жилетом.

— Вот это неожиданность, — фыркнула лекарка, засучивая рукава.

Насколько она знала, из всех здесь собравшихся левшой являлся только один — Ирраш. Тем более странно выглядело то, что женщина до сих пор могла говорить. Как правило, враги шаверов делились на два типа: тех, кого ещё не нашли и мёртвых. По всей видимости, пленница и была тем арелимом, которая коту усы подпалила.

Теперь к нежеланию даже близко к ней подходить, присоединилось и совсем не свойственное лекарке злорадство из разряда: «Мало тебе, надо бы добавить!».

— Ну, так не делай ничего! — выплюнула вдруг крылатая. — Меня тоже блевать тянет только от одного вашего вида.

— Так ныне выражаются у подножья Высших Тронов? — хмыкнул Адаш, разглядывая странный, похожий на четырёхгранный гвоздь кинжал, вместо оголовья украшенный синим кристаллом. — Чтобы сказали достопочтимые воспитательницы, уважаемая принцесса?

— Да пошёл ты на... — от всего сердца пожелала светлая. А у Архи возникли серьёзные сомнения в том, что такое могли сказать даже и не очень достопочтимые воспитательницы. — Я не принцесса.

— Дочь главы государства, значит, принцесса, — невозмутимо отозвался Его Высочество, явно не собирающийся даже попытки сделать отправиться туда, куда его послали.

— Принцесса или нет, но мне нужно вас осмотреть, — встряла в перепалку ведунья. — И желательно, чтобы вы не дёргались. Потому что одежду вашу из-за этих верёвок я снять не смогу. А вы вряд ли захотите, чтобы её резали. Иначе все здесь присутствующие насладятся интересным зрелищем.

— Да мне по... — равнодушно отозвалась то ли принцесса, то ли не принцесса.

И даже глаза открыть не соизволила.

Арха, нервно оглянувшись на Дана, наклонилась над пленницей, стараясь как можно бережнее задрать на боку заскорузлую от высохшей крови, ломкую жилетку. Но видимо о комфорте светлой тут заботилась одна лекарка. Рана не была серьёзной. Клинок, к тому же не слишком острый, просто скользнул по рёбрам. И кожу, скорее, не разрезали, а она просто лопнула от удара. Зато вот наливающиеся фиолетовым синяки непрозрачно намекали — ни статус крылатой, ни её пол никого не смущали. Даме хорошенько намяли бока. Скорее всего, ногами. А ранение даже и перевязывать не стали. Просто сунули под жилет какую-то не слишком чистую тряпку. Которая успела намертво присохнуть.

— Мне вода нужна, — попросила ведунья, наклоняясь над пленницей ниже, — и свет. Дан, можешь посветить, а то...

— Не шевелись, целительница, — весело, с эдакой насмешкой посоветовала крылатая. — А вы все — на шаг назад. Иначе я ей горло вскрою.

Что происходило у неё за спиной, Арха понятия не имела. Потому что действительно замерла и не шевелилась, стараясь даже не моргать. Почему-то желание двигаться пропадает, когда тебе за горло, прямо за яремную вену, бьющуюся слишком близко к коже, прихватывают двумя когтями, остротой и твёрдостью готовых поспорить с любыми кинжалами. Но, кажется, Дана кто-то ударил по руке, которой он ведунью за плечо держал, а потом бешено рычащего хаш-эда отволокли. Что-то зло, яростно выкрикнул Ирраш и заткнулся, словно ему кляп сунули.

— Вот уж не думал, что в Свете принято брать в заложники тех, кто пытается тебе помочь, — задумчиво и ничуть не взволнованно протянул Адаш.

— В Свете принято бороться с демонами любыми методами, — усмехнулась пленница, — Против созданий Тьмы нет плохих методов. Есть только неэффективные.

— Замечательная демагогия. Мне она всегда нравилась, — оценил принц. — Мол, мы не плохие — мы хорошие. Это демоны плохие, лживые и подлые. А потому с ними нужно расплачиваться их же монетой.

— Это не демагогия, рогатый. Это правда как она есть. А ты чего стоишь? Развязывай давай!

Арха даже и не сразу сообразила, что последнее предназначалось лично ей. Но коготь, пропоровший-таки кожу на горле, заставил соображать быстрее. Не сказать, что ведунья испугалась — не успела просто. Но узлы все же поддавались с трудом. И завязали их на совесть, и пальцы слушались плоховато. Зато когда девушка освободила крылатой одну руку, светлая уже всей пятерней взялась за шею ведуньи — для надёжности.

— М-да, значит, все байки про пресловутую честь — это действительно только ваше же собственное мифотворчество.

— Не зарывайся, рогатый! — рывкнула пленница и видимо из-за неспособности дотянуться до принца, стиснула горло Архи.

Да так стиснула, что у лекарки возникли серьёзные проблемы со способностью дышать. И глаза из орбит полезли.

— А мне кажется, что я и не зарываюсь. Просто рассуждаю, — Его Высочество оставался безмятежным, как майский полдень. — Вот ни одна светлая собака не скажет, что демоны не держат данное ими слово, верно?

— Так это не ваша заслуга, — усмехнулась крылатая, садясь на топчане и самостоятельно справляясь с оставшимися путами. При этом не забывая удерживать лекарку так, что она и дёрнуться не смела. — Вас за это Тьма карает.

— Ну, сами мы такие хорошие или нас вынуждают быть правильными — не суть. Только ты подумай, что дальше-то делать? Далеко ты с девчонкой не уйдёшь. С заложником мы тебя только быстрее догоним. А без неё... Без неё догоним ещё быстрее, прости за тавтологию.

— Есть предложения? — деловито поинтересовалась крылатая.

— Есть, — согласился принц, судя по звукам спрыгивая со стола. — Даю слово, что если ты меня одолеешь в поединке, то сможешь уйти отсюда беспрепятственно. И тебе дадут три часа форы. И Тьма мне в том свидетель.

Вот это заявление вызвало гораздо больше ажиотажа, чем пленение ведуньи. Кажется, все здесь присутствующие сошлись во мнении, что наследник трона сошёл с ума. И мнение это каждый старался донести до кронпринца, переорав других.

— Чем же тебе так дорога эта шаверка? — негромко вроде бы поинтересовалась крылатая.

— Да чхать я на неё хотел, — как ни странно, но Адаш расслышал. — Просто знаю я все эти истории с заложниками. Проколупаемся до утра, а итог все один и тот же. Я время своё слишком ценю.

«Ну, попомнишь ты ещё нас, сволочь рогатая!» — мстительно пообещал внутренний голос ведуньи. До него серьёзность положения, видимо, ещё не дошла.

Впрочем, возможно он просто быстрее хозяйки осознал, что лекарку отшвырнули в сторону примерно как тряпку. Но упасть ей не дали — подхватили и поволокли из землянки. И хорошо, что поволокли. Сама Арха утратила способность двигаться. Оставалось надеяться, что только временно.

Далеко Дан отъезжать не стал. Всего-то пересёк дорогу, опять углубившись в лес. И спешился, сняв с седла безвольную, как кукла, ведунью.

А потом они очутились где-то совсем в другом месте. Предупреди демон девушку, что он опять через Тьму путешествовать собирается, Арха бы устроила-таки истерику. Наверное, поэтому он ей ничего и не сказал. Но она опять даже испугаться не успела. Всего миг мрака — и лекарка очутилась... Ну, в сказке она очутилась — лучше и не скажешь.

До Архи не сразу дошло, что это озеро она уже видела и даже когда-то сидела в нём. Только сейчас она на него смотрела совсем с другого ракурса. Хаш-эд перенёс их в пещеру за водопадом. То есть, действительно за водопадом. Потоки воды закрывали вход серебрившимся занавесом. Но широкий тянувшийся вдоль всей вогнутой стены диван, на котором они очутились, находился довольно далеко от входа и брызги до него не долетали.

В пещеры вообще было удивительно сухо и тепло, как будто пол подогревался. И совсем не темно. Магические светильники, хитро запрятанные в каменных складках и щелях, подсвечивали полумрак деликатными огоньками. А озеро за водопадом выглядело и вовсе волшебно. Вода едва заметно светилась зелёным, чуть похожим на свет кристалла ведуньи. Деревья призрачной стеной окружили берег. И в кустах, ничуть не хуже магических фонариков, мерцали живые светлячки.

Дан, аккуратно усадив ведунью на диван, и заботливо подложив ей под спину подушку, отошёл к шкафчику, врезанному прямо в стену.

— Это только моё место, — сказал он, глубокомысленно изучая ряды бутылок. — Кроме меня тут никого никогда не было.

— Никого? — переспросила Арха, чувствуя что-то похожее на любопытство.

Она-то помнила рассуждения гвардейцев об особом месте для соблазнения девиц. Да и её, собственно, на озеро притаскивали с той же целью.

— Никого, — подтвердил демон. — Там, на другом берегу, мы сами частенько собирались, да и... Но про эту пещеру знаю только я. Обустраивал её тоже лично.

— Диваны делал? — усомнилась лекарка.

— Делать не делал, а притащил сам, — усмехнулся хаш-эд, протягивая девушке бокал с чем-то переливающимся и стреляющим мелкими пузырьками. — Выпей. Оно совсем лёгкое, а напиться я тебе точно не дам.

Арха, долго не раздумывая, приняла фужер. В принципе, она и от «напиться» бы сейчас не отказалась. Нервы шалили. А больше всего пугало не произошедшее, а собственная реакция ведуньи. Не равнодушие, но что-то близкое к этому. Ну, испугалась. Ну, страшно. Так ведь все живы!

Нормальности в таких рассуждениях было немного. Привыкать к страху — это не в рамках нормы.

Рогатый налил и себе. Сел на диван, откинув голову на спинку и вытянув руку. Близко сел, но в стороне. Помолчал.

— Ты не знаешь, как начать разговор умнее, чем: «Я тут много думал»? — хмыкнул хаш-эд.

Арха помотала головой, прихлёбывая вино, оказавшееся сладким, да ещё и пузырьки смешно и довольно приятно щекотали в носу после каждого глотка.

— Тогда прядётся по классике. Заранее прошу прощения за пафос. Я тут много думал. И вот что я надумал. Про «необитаемый остров» — это не шутка. Причём идею вполне можно воплотить в реальность. Уедем сюда, в моё поместье. Ты же ещё никогда тут не была. Здесь

нас никто не достанет. Будем спокойно жить...

— Иногда к нам будут приезжать Тхия с Ю и выводком детей. Для которых ты будешь запускать фейерверки, — в тон ему, мечтательно, продолжила Арха. — Шай тоже будет заглядывать, но без детей. А для Ирраша мы выстроим отдельный флигель, если у тебя ещё его нет. Адин поселится, конечно, в библиотеке. На Новый год я буду украшать дом остролистом и фонариками. На первый майский день мы станем танцевать вместе с крестьянами возле столба. И ты заведёшь привычку на ночь надевать колпак.

— Издеваешься? — снова помолчав, поинтересовался Дан.

— Мечтаю, — призналась ведунья. — Только прежде чем бредить, ты, может, скажешь, что тебя действительно волнует?

Тишина между паузами никого не удивляла и ничему не мешала.

— Ты не перестаёшь меня поражать. Обычно наивная до изумления, порой становишься потрясающе мудрой. Откуда это, а?

— Опять песня про то, что все вранье и когда я настоящая?

— Нет, просто удивляюсь. Я знаю, что ты всегда настоящая.

— А ты прекращай удивляться. Лучше объясни, что случилось.

И снова молчание.

— Да ничего не случилось. Ничего особенного не случилось. Я просто не смог тебя защитить. Опять.

Тонкий стеклянный бокал жалобно всхлипнул и осколки тихо, будто извиняясь, звякнули о каменный пол.

— Не порезался? — Арха потянулась к руке Дана, но он помешал.

Толкнул ведунью так, что она на спину завалилась, и навис сверху. В темноте его глаза казались черными. Но ведунья знала, что в зрачках у него пляшет отблеск пламени. Когда-то это её пугало.

— Я только обещаю. Но каждый раз, раз за разом, снова и снова что-то происходит. Что-то, с чем я не могу справиться, — прорычал взбешённый демон. — Я устал бояться тебя потерять. Я устал быть беспомощным. Ты — это единственное для меня по-настоящему важное. И как будто в насмешку меня постоянно тыкают носом, что ты можешь просто исчезнуть. Мне это надоело!

Арха, улыбаясь, обняла его за шею, даже не пытаясь притянуть демона к себе. Знала, что бесполезно, если он сам этого не захочет. Поэтому просто обняла.

— Я тебе люблю, — негромко сказала ведунья и тихонько подула в нахмуренное лицо, будто паутину сдувала.

— Я не об этом! — мотнул рогами Дан. — Я говорю, что...

— А я об этом, — не дала ему закончить девушка. — Я тебя люблю. Как ты можешь меня потерять? Этом мире, в другом, я тебя все-равно дождусь, понимаешь? Но сейчас-то мы тут, в твоём месте, куда ты никого и никогда ещё не приводил. Так надо ли думать о дряни?

— Ты не понимаешь!..

— Думаешь? — Арха прикусила губу, чтобы не засмеяться. Пожалуй, хаш-эд в данный момент веселья не оценил бы. — Интересно, а что я чувствую каждый раз, когда ты уезжаешь и пропадаешь? Какие ужасы я себе представляю и чего боюсь? Нет, Данаш, правда только такая и есть: я тебя люблю. И, как ты любишь говаривать: «Это не обсуждается!».

Ведунья подтянулась сама и легонько, едва касаясь, провела губами по губам демона — ещё не целуя, только лаская. Ей казалось, что воздух пахнет яблоневым цветом.

Хотя яблони, даже если они тут и росли, давно уже должны были отцвести.

Глава тринадцатая

Мир полон идиотов, стратегически рассоложенных таким способом, что ты непременно сталкиваешься за день хотя бы с одним из них.

Из наблюдений мистрис Шор

Арха так напугалась, что едва не выронила переполненную корзину, из которой дохлыми языками свешивались испачканные бинты. Пожалуй, любой бы испугался, услышав рядом с собой нечто среднее между шипением, фырканьем и звуком, будто ногтями доски скребут. Сразу мерещится многое: то ли на ужа ты наступила, то ли на ежа. То ли кого-то похоронили заживо, и теперь он пытается выбраться обратно. Даром что под полом лазаретской каптёрки никогда никого не закапывали. Это сейчас не закапывали. А кто поручится, что такого не было, когда сарай крестьянам ещё овином служил?

— Пст! Пст! — повторился странный звук. — Да пст же, тётя Арха!

Ведунья наконец-то догадалась развернуться. Что с громадной корзиной в руках сделать оказалось нелегко. Но зато источник шипения, фырчания и скрежетания обнаружился.

— Тьма! Ирруш, нельзя так пугать, честное слово, — облегчённо выдохнула лекарка.

И тут же спохватилась, грозно нахмурившись. Правда, её ужимки на девчонку никакого впечатления не произвели.

— А что ты не слышишь-то? Я её зову-зову, а она не слышит. Уши заложило что ль?

— Ну, когда меня таким образом зовут, я обычно не реагирую. Ты бы ещё свистеть начала.

Ведунья водрузила корзину на табуретку, и устало потянулась, опершись ладонями в поясицу. Вот, кажется, что такое бинты? Тряпки же. Однако тяжёлые, как кирпичи. А их ещё до деревни волочь, отдавать крестьянкам на стирку. Нет, спасибо, конечно, что местные согласились их полоскать. Но не могли они сами грязные перевязки забирать? В конце концов, Арха — почти дипломированный работник. Ну, или по крайней мере квалифицированный.

— Могу и свистнуть, — окрысилась Ирруш. — А могу и заорать. Вот всем-то счастья привалит, кады узнают, что сейчас дядя Псих дядю Бабника уконтрапупит. Иль ещё чего похуже.

— Какой псих какого бабника должен укантропупить? — ничего не поняла лекарка.

— Ну, ой! — махнула рукой беса. — Чего мне, лордами их что ль кликать? Да то долго и больно путанно. И со всем моим уважением и почтением — дядя, а не бродяга какой. И по именам мне их не след звать. Все ж, они меня насколько старшее-то? Я ж вежевство тоже понимаю, чай не совсем дикая. А тут то...

— Стоп! — скомандовала Арха и даже руки вперёд выставила, отгораживаясь от льющегося потока сознания. Ирруш — милый и послушный ребёнок — тут же захлопнула рот, утёрла нос рукавом, натянутым на пальцы, и преданно уставилась на ведунью. — Ещё раз и на понятном языке. Кого ты назвала психом и бабником?

— Так чего непонятного-то? — удивилась беса. — Бабник — это блондинчик ваш, у которого ещё язык раздвоенный и глазки голубенькие. Ифовет в смысле, — она изобразила у

собственного виска спиральки и высунула язык, видимо подражая змее. На визуализацию голубеньких глазок у девчонки фантазии не хватило. — А псих — это псих. Шавер.

Ирруш пожалала плечами, подумала и выпучила-таки глаза, оскалившись и выставив пальцы, скрюченные в жуткие когти. На Ирраша это было совсем не похоже. Но если Арха и сомневалась, что в первом случае речь о Шае шла, то в данный момент никаких колебаний даже и не возникло.

— Угу. Разобрались, — буркнула ведунья, очень стараясь не улыбаться. Веселье в данном случае можно было смело считать антипедагогичным. — И что с ними?

— Как что? — возмущённо взвизгнула девчонка и тут же спохватившись, понизила голос до таинственного шёпота. — Как что? Я ж говорю: укантропупит один другого-то. Вот прям там, где они есть, и закопает!

— Бывает, — философски заметила Арха, снова собираясь подхватить корзину и отволочь её все-таки прачкам. — На этот раз почему?

— Так из-за тётеньки добренькой. Ну, которая слепая! Бабник-то её выгуливает возле прудика, а Псих в кустах сидит и прямо р-р-р! Аж пар из ушей прёт.

Ведунья замерла, как была, наклонившись, пытаясь переварить полученную информацию. В голове, как мозаика, начала складываться картинка. Принимающая все более уродливые и пугающие формы.

— У какого прудика? — внезапно севшим голосом спросила лекарка.

— Да в том, в котором на прошлой седмицы маги оргию-то устроили, — невинно пояснил ребёнок. — В смысле, где они ночью купались.

Такая справка ровным счётом ничего Архе не дала. Ну, не знала ведунья, где именно маги на прошлой неделе оргию устроили. И тем более, при столь грандиозном событии лекарка не присутствовала. Но, к счастью, в окрестностях деревни водоёмов имелось не так много. А прудиком стоило называть только заболоченную яму, которую местный староста когда-то приспособил для разведения карпов. Правда, карпы в ней не прижились, зато лягушек водилось в избытке.

Вот туда-то, подхватив подол, и рванула лекарка, оставив радостно повизгивающую и подпрыгивающую от избытка эмоций Ирруш далеко позади себя.

Но трагедия то ли не собиралась, то ли просто не успела случиться. Первым ведунья обнаружила шавера. Кот стоял в зарослях ивняка и спокойным его назвал бы только неисправимый оптимист. А по-простому: демон взбесился не на шутку. Уши прижались к черепу плотно, словно их приклеили, глаза сузились до крохотных щёлочек, посверкивающих жёлтым. Шея напряжена и вытянута вперёд. Верхняя губа дёргается в нервном оскале. Кулаки сжаты действительно до побелевших костяшек. Что, учитывая окрас демона, сделать не просто.

— И что у нас опять случилось? — негромко поинтересовалась лекарка, не рискуя подходить к Иррашу ближе, чем на десяток шагов.

— А что у нас случилось? — глухо рыкнул демон, даже не удосужившись повернуться к девушке. — У нас все в порядке. Полном.

— И психуешь ты потому, что сегодня фаза луны такая или у тебя критические дни приближаются? — спросила Арха задумчиво у ближайшего куста.

— Чего? — от удивления у Ирраша даже глаза раскрылись.

— Ничего, — невинно улыбнулась Арха. — К тебе уже можно подходить? Не укусишь?

— Я обычно не кусаюсь, — недовольно отозвался шавер, даже отступая в сторону, будто

место ведунье освобождая.

— Точно, обычно ты рвёшь голыми руками, — кивнула Арха, оценивая диспозицию.

А место для наблюдения шавер выбрал со знанием дела. Прудик из кустов просматривался как на ладони. И наблюдать за парочкой, неспешно бредущей вдоль него, ничто не мешало.

Блондин действительно «выгуливал» Ллил, галантно взяв её под локоток — ненавязчиво, но весьма решительно. Свободной рукой красавчик размахивал, как мельница крыльями. Видимо, опять развлекал девушку своими байками. Правда, блаженная не смеялась и даже не хихикала. Но улыбалась вполне мило, локоть свой высвободить не пыталась и, кажется, была вполне довольна и компанией, и прогулкой. Вот букетик крокусов, который слепая трогательно прижимала к груди, Арха разглядела не сразу.

— Козел! — прорычал рядом с ведуньей шавер, уже отошедший от удивления и вернувшийся к нормальному для себя состоянию тихого бешенства.

Которое в любую минуту угрожало перерасти в громкое.

— Кто из вас козел? — уточнила лекарка.

— Из нас? — едва слюной не подавился Ирраш.

— А не из вас? Ты точно исключительно себя имел в виду? — похлопала ресничками Арха. — Тогда я полностью согласна.

«А ты уверена, что это хорошая мысль?» — с сомнением протянул внутренний голос.

Глядя на демона, как раз готового кого-нибудь не в меру наглого разорвать голыми руками на куски, лекарка усомнилась в том, что бесить его ещё больше действительно ценная идея.

* * *

— И почему это я козел? — со страстным придыханием спросил шавер.

Правда, у ведуньи имелись сильные сомнения в том, что страсть эта вызвана нежными чувствами. Скорее уж демон едва сдерживался, чтобы лекарку не придушить.

— Хорошо, — легко согласилась Арха. — Ты не козел, а робкий суслик.

— А конкретнее? — голос Ирраша начал срываться на утробное урчание.

— А конкретнее не могу! — развела руками девушка. — Вы мне все уши прожужжали, что в чужую личную жизнь мне мой слишком длинный нос совать не стоит. И я вас, наконец, послушала.

— Как ты мне надоела! — неожиданно устало выдохнул демон и со всего размаху — Арха даже поморщилось, представив, какого его копчику пришлось — сел на землю. — Никакая ты не ведунья. Ведьма, самая натуральная.

— А сам ты себе не надоел? — негромко спросила лекарка, тоже усаживаясь на травку.

Правда, конечно, не таким экстремальным способом и щадя собственные чувствительные части тела. Кстати, сидя прудик и дефилирующую туда-сюда парочку, тоже видно было прекрасно. Ирраш и не прекращал за ними наблюдать. Просто глаз не сводил.

— Чего тебе от меня надо? — нехотя огрызнулся Ирраш.

— Мне? — удивилась лекарка и для уверенности даже пальцем себя в грудь ткнула. — Мне ничего. А вот тебе чего тут понадобилось? Не кажется, что выглядит это по идиотски? Сидишь в кустах, за другими подсматриваешь. Какой следующий умный поступок на

очереди? Напишешь на стене: «Ллил — дура!» или чернил ей в чай нальёшь?

— Твоё какое дело? — вызверился шавер. — Хочу и смотрю!

— Так это-то и странно, — проникновенным шёпотом призналась Арха. — Взрослый, вроде бы, мужчина. А хочет — и смотрит. По-моему, это вуаеризм называется. Нет?

— Ты сейчас точно договоришься!

«А ведь договоришься!» — подтвердил здравый смысл.

— И кому от этого легче станет? Ты перестанешь трусить?

— Я не трус! — прорычал демон так, что синичка, невинно цвиркающая в кустах, собственными трелями подавилась.

Да ещё демон саданул кулаком по земле — только мох с былинками едва успевшей вылезти травы брызнули в разные стороны. Правда, удар вышел мягким и оттого неубедительным. Странно, что гуляющие у пруда его не слышали.

— А что? Уже обвиняли? Неужели Ллил? — съехидничала Арха, усилием воли заставляя уши принять нормальное положение и не жаться к голове.

На это шавер ничего не ответил. Отвернулся только.

— Знаешь что, Ирраш, мне, конечно, запретили в личные дела соваться, но я, все-таки, скажу. Слезь с креста. Место кому-нибудь другому понадобится может. Я все понимаю. Ты у нас всегда один и всегда в стороне. И даже уже не упиваешься своей инаковостью и одиночеством, а действительно так живёшь. Только ты сам себе врёшь. Ты нужен и Дану, и парням, и мне. Именно ты. Такой, какой есть. Думаешь, я когда-нибудь забуду то, как ты ко мне в тюрьме приходил? Да никогда! Хоть урычись ты. Да и Данаш ту собаку в отцовском замке никогда не забудет. И никакие выплаты долгов тут не помогут.

— Про собаку-то ты откуда знаешь? — усмехнулся шавер, глядя на лекарку исподлобья.

— Ведающая я или погулять вышла? Только я ещё одну штуку знаю. Ей, — Арха махнула рукой в сторону пруда, — ты тоже можешь стать нужным. И не надо мне тут сопли лить про то, что ты ей ничего дать не можешь и не такой ей нужен. Мне кажется, что именно такой. Надёжный, как стена и верный, как... Как шавер. Вот и все.

— Тьма! Я поражён! Какая ты, оказывается, умная! — ведунья не поручилась бы за демона, но вот её он немало удивил. Оказывается, в личном иррашевом наборе эмоций ещё и сарказм имелся. — И как я это раньше не замечал?

— Главное, что заметил, — заверила его лекарка. — Вот Дан об этом давно говорит.

Кажется, ушастик хотел-таки послать Арху вместе с её умными советами куда подальше. Но дикое ржание, треск ломающихся кустов, грохот копыт и проклятья, от которых, кажется, небо покачнулось, его пожелания заглушили.

На просеку, вырубленную крестьянами, опасавшимися пожаров, из-за деревьев выломился конь. Кажется, животное просто обезумело. Ключья пены разлетались с оскаленной морды. Выкаченные, побелевшие глаза не видели — лошадь перла напрямик, не замечая ни веток, ни пней. Всадник, прижавшийся к взмыленной, выгнутой дугой шее, держался уже даже и не за повод, а за гриву.

И вот в тот самый момент, когда конь, ещё больше напуганный солнечным светом, насквозь прошивающим просеку, встал на дыбы, замерев свечкой, седло, странно накренившись, соскользнуло на землю. И наездник, не удержавшись, свалился вместе с ним. Да так и остался лежать, раскинув руки крестом.

Арха ахнула и замерла испуганно, таращась на рога, круто выгибающиеся над травой.

Ирраш ахать не стал. Вскочил, подбежал к упавшему, встав на колени. Демоны,

взявшиеся, кажется, просто из воздуха, окружили их. Лошади топтались, нервно косясь и всхрапывая. Только ведунья никак не могла заставить ноги двигаться.

— Арха, подойди сюда! — властный и раздражённый голос Дана, вывел лекарку из ступора.

— А там... кто? — промямлила девушка, таращась на мрачного лорда Харрат.

— Его Высочество. Ты можешь побыстрее шевелиться?

Да, вот теперь лекарка могла не только шевелиться, но и соображать. Не все, правда, но мозгов на то, что упавшему, наверное, помощь может понадобиться, хватило.

Впрочем, кронпринц уже и сам начал приходить в себя, мотая башкой, как удивлённый баран, и пытаясь сесть. На замечание о возможном сотрясении мозга и последствия встряхивания головой, Адаш выдал такую тираду, что у ведуньи пропало малейшее желание хоть что-то советовать наследнику престола. Буркнув: «Были бы мозги — было б сотрясение!» — Арха убедилась, что у венценосного хаш-эда вообще, кажется, только гордость и пострадала. По крайней мере, лекарку он отпихнул с такой силой, что она сама на задницу приземлилась.

И обиделась. Смертельно.

— Подпруга лопнула, — констатировал Адин, крыльями вокруг принца не махавший, а с интересом, присев на корточки, разглядывающий седло.

— И лошадь понесла, и подпруга лопнула? — хмыкнул Дан. — Странно, почему ещё дерево не рухнуло. Или волчья яма на пути не попалась.

— До, сделай милость, заткнись! — вежливо попросил Его Высочество.

Ведунья ни сразу и поняла, к кому это Адаш обращается. Пришлось поворочать мозгами, чтобы вспомнить — это Дана так прозвали. Между прочим, в честь сказочного лисёнка. Видать, рогами принц приложился все-таки крепко. Иначе с чего ему детские прозвища вспоминать?

* * *

Дан расхаживал по кухне из угла в угол — от печки к двери и обратно, как маятник. Его несчастная шевелюра, которую демон то и дело раздражённо трепал, походила на мочалку. Но на принца, спокойно сидящего в углу, вытянув ноги до середины комнаты, это ни малейшего впечатления не производило. Он был безмятежен и тих. Архе даже приходилось периодически заглядывать ему в лицо, чтобы убедиться: Его Высочество не спит, и в обморок не отправился.

Всех прочих, включая пса, эти двое Невероятно Важных Лорда выставили из дома вон. Наверное, дабы не подслушали Очень Важных Государственных Тайн. Вообще-то, лекарка пребывала в уверенности, что у гвардейцев друг от друга секретов нет. Оказывается, она ошибалась.

Саму же Арху оставили под предлогом того, что кто-то должен был держать мокрое полотенце на шишке, украшающей венценосную голову. И периодически смачивать тряпку в холодной воде. Наследник такими будничными вещами себя утруждать не спешил. Только буркнул: «Ты же все сам потом ей расскажешь!».

Ведунья могла бы возразить, что, вообще-то, Дан с ней секретами делиться никогда не стремился. И если она его начинала расспрашивать, то в ответ чаще всего слышала: «Тебе-то

зачем вся эта муть?» и «Это слишком нудно. Не забивай себе голову!». Но уж коли появилась возможность подслушать на законном основании, то зачем себя подобного шанса лишать? Тем более, хаш-эд промолчал и на её присутствие вроде бы согласился.

Но ничего особо интересного лекарке пока услышать не удалось. Последние полчаса рогатые только и делали, что ругались. Точнее, лорд Харрат очень эмоционально пытался доказать, что принц сбрендил. А Его Высочество лениво уверял, будто у Дана паранойя.

— Ну, допустим. Меня действительно хотят убить. Бред, конечно, но, только ради тебя, предположим. Я не спрашиваю, кто в наше время травит так, что отравление сразу становится очевидным. Подпиленная подпруга и напуганная лошадь — это вообще к дамским романам. Я тебя о другом спрашиваю. Зачем кому-то меня убивать? Пониже, пожалуйста. На лоб. Да, вот так хорошо... — последнее относилось уже к Архе, которая положила тряпку не слишком комфортным для Адаша образом.

Честно говоря, больше всего лекарке это полотенце хотелось запихать в рот кронпринца. Надоел он ей своим занудством.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Потому что ты наследник! — недовольно отозвался Дан.

— Вот именно! Единственный, между прочим, имеющий права по прямой линии.

— Ты забываешь про эту стерву! Прости, Арха. Я имею в виду императрицу.

— Я эту суку во Тьме не забуду! Извини, Арха. Это она меня сюда засунула! Но женщины по законам Империи править не могут. Да и если законы пересмотреть, у Адаши больше прав на престол.

— Поверь, ты не дооцениваешь эту старую шлюху! Прошу прощения, Арха. Она может выкинуть все, что угодно!

— Да я не спорю! Твоя матушка — паскуда ещё та. А вместе с моей сестрёнкой эти две лярвы вообще могут наворотить многое. Но ты тоже не забывай про кабинет министров и императорский совет. Там не пни сидят! И — да, прости, Арха.

— Да вы продолжайте, продолжайте. Не обращайтесь на меня внимания, — буркнула ведунья благодушно.

Лично у неё для этих двух рогатых дам ещё и не такие эпитеты имелись. И за них она не перед кем извиняться не собиралась. Правда, и высказываться вслух не рисковала.

— В конце концов, дядя во Тьму ещё не отправился, — проигнорировав ведуньино великодушие, продолжил спорить Адаш.

— Ты про него давно слышал? — Дан остановился посреди кухни и принялся раскачиваться с носка на пятку, заложив руки за спину. — Я прекрасно понимаю: если паники нет, и слухов не ходит, то кто-то где-то его в добром здравии видит. Но сколько раз он тебе лично написал за время этой долбанной осады? Извини, Арха.

— Ни разу, — безмятежно откликнулся принц. — Как я понимаю, тебе тоже? И это странно. Учитывая то, как дядя семье дорожит... Странно, согласен. Но повода на меня покушаться тут я не вижу.

— Да это не все странности, Адаш! — рубанул ладонью воздух Его Лордство и тут же запустил пятерню и в без того стоящие дыбом волосы. — Ты за деревьями лес-то попытайся рассмотреть, а! Первое: всех твоих фаворитов распределяют по разным ставкам и гарнизонам. А тебя засовывают сюда.

— Ну, в этом как раз ничего удивительного и нет, — кронпринца с его убеждений свернуть было нелегко. — Я не должен мешаться под ногами, а мои фавориты, как ты

изволил выразиться, могут помочь строить коварные замыслы. Поэтому их нужно держать подальше.

— Но! Нас всех, полным составом, ссылают сюда же! — горячась и повышая голос, перебил принца Дан. — Точнее, меня тоже назначают, а остальные, вроде бы, просятся сами. И этого никто не замечает. Нам великодушно позволяют воссоединиться! А, прости, но среди твоих друзей нет капитана королевской гвардии, капитана столичной стражи, негласного лидера арифедов, то есть, считай, охраны всей северной береговой линии. И будущего приёмника премьер министра.

— А Шай кто? — присвистнув, поинтересовалась Арха.

— Старший царедворец, главный придворный, королевский шут — как хочешь, — отмахнулся от неё любящий мужчина.

— Ну, мои мальчики тоже не из последних, — обиделся принц. — Кроме того, ко всем этим впечатляющим титулам стоит прибавить приставку «экс».

— Да дело не в том, «экс» или действующий! А в том, что мочащая юбки при мысли о заговорах и смене власти императрица, позволила нам всем почти год торчать в одном месте! С тобой в компании! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: мы общий язык найдём. В конце концов, воспитывались вместе. И этого как будто не замечают!

— Ну, согласен. Это странно, — вынуждено кивнул Адаш. — Ладно, допустим, ты меня убедил. Если странностей слишком много, то из них торчат рога твоей маман. Ну, или её комнатной собачки.

— А собачка — это кто? — снова пискнула лекарка.

— Адаша, — отмахнулся на этот раз любящий братик, — не мешай. Но при чем тут эти «покушения»? — Его Высочество обозначил пальцами в воздухе кавычки. — Они бы меня ещё подушкой придушить попытались!

— Может, и попытаются, — утешил наследника Дан. — Просто я отношу это все к остальным странностям. А тут ещё и появление светлой.

Его Высочество, запрокинув голову и едва не боднув рогами Арху в подбородок, изволил расхохотаться.

— До, ну ты палку-то не перегибай! Конечно, бабы на многое способны. Но уж со Светом они вряд ли связываться станут.

Дан промолчал. Но на его лице большими буквами читалось: он верит в способности собственной родственницы. И для него предположение диким совсем не выглядело.

Кстати, Арха с ним была склонна согласиться. Если императрице понадобится, то она и со Светом свяжется, и с Тьмой, и с Матерью. Вообще-то, демоны упустили тот нюанс, что Её Величество являлась ведьмой. А, значит, обладала широкими возможностями.

Кстати, с тех пор, как они уехали из столицы, от сына она не питалась. А это тоже настораживало.

* * *

Спор и без того начал сам собой увядать. Оппоненты, крайне друг другом недовольные, все чаще брали паузу, а реплики становились все короче. Да и приводимые аргументы пошли по третьему кругу. Но закончить и прийти к выводам им все равно не дали. Во дворе грохнуло, раздался треск, как будто что-то большое и тяжёлое влетело в хлипкий забор, и

истощно залаял Ир.

«Тяжёлым» оказался Шай, действительно снёсший спиной плетень, отгораживающий архин огород от соседнего. Правда, ограда совсем не упала, а только сильно накренилась, образуя нечто вроде гамака. Вот в этой «люльке» и лежал красавчик, судорожно пытающийся парировать атаки Ирраша. Кажется, шавер всерьёз вознамерился нарубить блондина на фарш. И мешал воплотить идею в жизнь все тот же гамак. Просто меч, которым орудовал кот, не предназначался для колющих ударов.

Между прочим, клинки у обоих были боевыми.

— И как это понимать? — спокойно поинтересовался принц, облачаясь на ограждение крыльца.

— Мы тренируемся, — равнодушно, даже не сбив дыхания, отозвался Ирраш.

— Да? — а вот Шай пытел, как кипящий котёл со слишком плотно притёртой крышкой. — А... по-моему... это... как-то... по-другому называется!

Последнее он выпалил единым духом, наплевав на все финты и правила фехтования, пытаясь отогнать ополоумевшего шавера, просто беспорядочно, но очень быстро размахивая мечом. Арха, конечно, не считала себя большим знатоком воинского искусства. Но даже ей стало понятно — Шай откровенно испугался. А, между прочим, его считали очень недурным фехтовальщиком.

Зато Ирраш двигался абсолютно спокойно и размеренно, с равнодушием дровосека. Только мышцы на голой спине перекатывались.

— Может, тебе ещё скалку дать? — насмешливо поинтересовался шавер у блондина, без видимого труда уклоняясь от беспорядочных махов. И методично разделявая забор справа от красавчика. Видимо, с этой стороны ему было сподручнее добраться до ифовега. — Или сковородку? Мне кажется, с ними ты справишься лучше, чем с мечом.

— Прекратите! — крикнула Арха.

Естественно, её никто и не услышал, ни то что не послушал. Даже Ир не перестал гулко, как в бочку, лаять.

— А, может, слухи то не зря ходили, а, Шай? — Ирраш, кажется, решил добить блондина не только физически, но и морально. — Может, у тебя в штанах и правда нет ничего?

— Ирраш, заканчивай! — лениво посоветовал принц. — А то такими темпами он действительно без всего останется.

— Закончу, — пообещал шавер. — Вот он мне сейчас формулу подчинения озвучит — и я закончу.

Если до этого момента во дворе и находился кто-то, кому было смешно, то даже этот весельчак чувство юмора утратил мгновенно. Вконец съехавший с катушек демон потребовал ни много, ни мало, а признания себя сильнейшим. В древности побеждённый, после произнесения формулы, становился собственностью победителя. А с вещью можно сделать все, что угодно: продать, обменять, убить — никто слова не скажет.

Конечно, сейчас подобное не практиковалось. Но... Уж лучше бы Ирраш действительно попытался Шая оскотить. Гордость и честь у высших лордов гораздо более уязвимое место, чем пах.

Вот и красавчик преобразился мгновенно. Точнее, сначала притормозил, видимо своим ушам не поверив, и едва не пропустив клинок к собственной ключице, а потом преобразился. Арха такое лицо у блондина только один раз и видела — когда гвардейцы

сопровождали Дана на разговор с матушкой. Лицо заострилось, глаза разгорелись синим. На пальцах, сжимающих рукоять клинка, появились черные, загнутые когти.

Да и мечом он стал орудовать гораздо ловчее и раза в три быстрее. Видимо, в полную силу. Но и Ирраш ускорился, оставаясь куда проворнее. И опытнее. А еже безжалостнее.

Арха только вцепилась в рукав Дана, боясь даже пискнуть. Адин ей как-то говорил, что поединок на право сильного может остановить только Тьма. Даже принц выпрямился, глянув на рогатого несколько растерянно.

А лорд Харрат так сжал челюсти, что у него под скулами желваки вздулись. Кажется, он на что-то решался, да решиться никак не мог.

— Данаш, пожалуйста... — прошептала ведунья.

Хаш-эд медленно, с силой, выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Ад ми! — рыкнул он. — Аго!

На знание древнего Арха зачёт в университете сдать так и не успела. Но даже её скудных познаний для перевода хватило: «Ко мне! Назад!». И это были не просто слова — команды. Так же Дан дрессировал пса, когда ему приходила в голову блажь призвать щенка к порядку.

Ирраш вздрогнул. И даже не отступил — отскочил назад, неловко уведя замах в сторону. Клинок выписал в воздухе кривую, смахивающую на змею с перебитым хребтом, и едва не рубанув хозяина по ступне. Демон развернулся лицом к крыльцу и застыл, низко опустив голову. Черные пряди полностью занавесили физиономию.

А Шай, тяжело дыша, откинулся назад, совсем повалив забор, но не обращая на это ни малейшего внимания.

— Вад! — скомандовал хаш-эд.

«Уходи, свободен». Или: «прочь!». Все зависит от тона. Кажется, Дан в этот момент имел в виду второе.

Ирраш чуть приподнял голову, глянув на крыльцо исподлобья. Ведунья так и не смогла разобрать его выражения. Потом шавер вытянул перед собой меч, наклонив его в одну сторону, в другую, ловя солнечного зайчика. Широко размахнувшись, зашвырнул клинок в лопухи у покосившегося сарая.

И ушёл.

— Я твой должник, — пропыхтел Шай, даже не сделав попытки встать. — И Тьма мне в том свидетель!

— Долг принят, — мрачно отозвался Дан.

— Как же вы меня достали! — прорычала ведунья, одновременно сжимая и кулаки, и зубы. Хотела было треснуть в стену, но передумала. Зато от души топнула ногой. — Как же вы меня достали с этими вашими заморочками и долгами! Ненавижу! Всех!

В сердцах она треснула лорда Харрата в плечо — тот только покачнулся — и унеслась в дом, со всей силы дерябнув дверь. Внутри немедленно что-то грохнуло и рассыпалось со стеклянным звоном.

А Ллил, стоявшая в тени крыльца, только тихонько вздохнула. Ей хотелось проклясть тот день, когда крестьяне притащили раненного шавера. Очень хотелось. Но слепая этого делать не стала.

Глава четырнадцатая

Разочаровывайся в окружающих сразу — эконоь своё время!

Из наблюдений императора Нахшона II

Арха отмахнулась от назойливого шмеля, который упорно путал лекарку с цветком и никак не желал убеждаться в собственной ошибке. Стоило его отогнать, полосатый мух возвращался обратно, словно привязанный. Облетит поляну по кругу и опять норовит залезть в ухо. Почему-то именно эта часть лекарки его привлекала больше всего. А убивать насекомое девушка не хотела. Шмели ей нравились: толстые, пушистые, деловитые. Это вам не клоп какой-нибудь.

Ир лазил по кустам с грацией медведя и сопением ежа. Что щенок в них нашёл, так и оставалось тайной. Но, видимо, для него это «что-то» имело колоссальную важность и ценность. Потому что пёс не вылезал из сухого ещё малинника уже добрых двадцать минут. А обычно на столь долгий срок от валяния на травке и попытками зубами бабочек поймать его могла отвлечь только еда.

— Это толокнянка? — спросила Ллил, протягивая ведунье веточку с крохотными круглыми листочками.

— Почти, — призналась Арха. — Черника. Тоже штука полезная.

Блондинка кивнула и уселась на траву, обхватив колени руками. Веточку она не выкинула, а задумчиво крутила в пальцах.

— Почему ты не хочешь, чтобы я твои глаза посмотрела?

— Почему не хочу? — удивилась Ллил. — Хочу. Просто я боюсь, что ты сможешь все исправить.

— Что, прости? — помолчав и убедившись, что мысль она переварить так и не сможет, переспросила ведунья.

— Свет учит, что миром правит равновесие, — мягко улыбнулась блондинка. — Если где-то пребывает, то где-то столько же и убывает. То есть, если ты мне вернёшь зрение, то случится что-то очень плохое. Не видя, я жить привыкла. А вот смогу ли справиться с этим плохим — не знаю.

— Вообще-то, равновесие — это принцип Жизни, — буркнула лекарка. — Только не так всё жёстко. Иначе, знаешь, лечить вообще бессмысленно. А то получается, я тут кому-то рану залечила. А он завтра кирпич на голову поймает?

— Если ты его от смерти спасла, то обязательно поймает, — убеждённо кивнула блаженная. — По крайней мере, это справедливо для тех, кто живёт по принципу Света. Потому там и помощь ближнему не в чести. Мало ли, чем это может обернуться?

— Поэтому ты предпочитаешь жить в Хашране? Потому что тут никакого равновесия, а сплошная свобода выбора?

Ллил кивнула, но как-то не слишком уверенно. Действительно, со стороны подобное утверждение звучало как-то... странно.

К счастью, развить дискуссию о принципах и заповедях им не дали. В кустах — не тех, где возился Ир, а как раз противоположных — затрещало. И на полянку вывалился Адин, волоча за воротник рыжего Данаша. Сообразительный демонёнок поступил так, как

поступают кошки и умные дети. Убедившись, что вырваться не удастся, он просто повис всем телом, не сопротивляясь. Оттого волоочь его стало вдвойне труднее.

— А это что такое? — поинтересовалась Арха, разглядывая сына Бога.

Который выглядел, мягко говоря, необычно. Грязный и оборванный, он совсем не походил на благополучного ребёнка. Скорее уж на вечно голодного городского попрошайку. Да и рожица у него была не просто так вымазана, а со смыслом. Создавалось полное ощущение, что личико арифёда похудело едва ли не вдвое. Щеки ввалились, а под глазами залегли тени.

— Мне и самому бы хотелось узнать, что это такое, — признался Адин, разворачивая к себе мальчишку и с интересом им любясь, — что оно делает в лесу и откуда возвращалось. У меня сложилось полное впечатление, что шло оно со стороны города.

— Добрый дяденька, — с унылой обречённостью профессионального нищего, затаил Данах. — Отпустили бы вы меня, Тьмы ради. Устал я, шёл долго, ноги сбил. Во рту с утра маковой росинки не было. Да и кашель донимает. Может, я вообще заразный? — рыжий старательно закашлялся, не менее старательно обрызгивая Адина слюнями. — Да и вообще, припадочный я.

Что у демонёнка было не отнять, так это актёрского таланта. Играл он всегда с огоньком, а оттого достоверно. Вот только, как и любой слишком вживающийся в роль актёр, Данах иногда забывался. И не соотносил исполняемую роль со зрительской аудиторией.

— Давно? — даже не стараясь скрыть скепсиса, поинтересовалась Арха.

— Чего давно-то, тётенька? — жалостливо шмыгнул носом мальчишка, длинно, прицельно метаясь в шляпку сморчка, сплюнул.

И вполне правдоподобно утёрся рукавом. Конечно, маленького арифёда воспитывали грахи, а не столичные гувернёры. Но подобных манер у северян не водилось. Данах же проделал всё с такой естественностью, будто именно так с рождения и поступал.

— Припадки, спрашиваю, давно начались? — уточнила ведунья.

Мальчишка снова хлопнул носом и недружелюбно исподлобья глянул на лекарку. В его взгляде и без переводчика легко читалось: «Вот вечно ты всё портишь!».

— Да как вы уехали, так и начались, — буркнул рыжий. — Бросаете ребёнка без пригляда, вот он в падучей биться и начинает. Что с сиротины горького взять-то?

— У сиротинки тут вроде отец оставался? — хмыкнул Адин, не без удовольствия глядя на кривляющегося паршивца.

Все-таки, ивдор, как личность утончённая и местами даже эстетствующая, мог оценить чужой талант по достоинству.

— Надо бы последить за ним, Ад, — серьёзно посоветовал Арха. — припадки дела такое, непредсказуемое. Да и мне, чтобы правильный диагноз поставить и лечение начать, надо увидеть приступ. Причём от начала и до конца.

— А чего за мной следить-то? — занервничал Данах. — Я вот прям чувствую — сейчас начнётся. Это я переволновался, понервничал. Ну, всё. В голове мутиться... В глазах темнеет... Ноги с руками сводит... Лорд Лайраш... э-э... В смысле, дяденька Адин, положили бы вы меня на землю. Дурно мне, нехорошо. Ай!

Рыжий вскрикнул, выгнулся дугой, будто окостенев. Пальцы его скрючились, словно когти мёртвой птицы. Дико выпученные глаза полезли из орбит. А на губах появилась самая натуральная пена. И демонёнка начало трясти, мышцы и на лице, и на руках сводило

судорогой.

Арха вскочила, как ужаленная, рванувшись к мальчишке. На её взгляд ничего смешного в происходящем уже не было. Только Адин остановил ведунью властным, очень лордским жестом. При этом блондин совсем нехорошо и даже, как показалось лекарке, жестоко усмехнулся.

Синеглазик, вместо того, чтобы дать демонёнку помочь или, хотя бы, уложить бьющегося в припадке на землю, тряхнул рыжего за воротник, и свободной рукой сжал с обеих сторон замки челюстей. Данащ открыл рот и что-то серое вылетело, упав точно под ноги Архи. Мальчишка замер на мгновение, быстро глянул на держащего его демона и, издав томный вздох, потерял сознание.

А Арха, ничего не понимая, рассматривала лежащее на траве у своего подола. Больше всего предмет походил на маленький речной гольщ, покрытый пузырьками пены. И странно знакомо, но очень неприятно, пах.

— Мыло, — проникновенно пояснил Адин, улыбаясь.

— Точно, мыло, — ведунья наклонилась, поднимая кусок и подозрительно принюхиваясь. — Щелочное мыло... Ты что, совсем сдурел? Такое в рот совать! До язв же доиграешься!

Данащ не реагировал. Он был без сознания.

* * *

Видимо, Данащ, не смотря на свой не слишком богатый жизненный опыт, хорошо успел усвоить принцип: прав тот, кто настойчив в своей правоте. И не обращая внимания ни на громы и молнии, которые метала над ним Арха, ни на хихиканье Адина, пребывал без сознания. В смысле, висел без сознания, так как воротника его демон не отпустил.

Даже когда ведунья полезла ему рот осматривать, демоненок только негодуя ногой дрыгнул. Что вполне можно было счесть за остаточную судорогу. Лишь когда лекарка пообещала ему промывание желудка устроить в купе с убойной порцией слабительного, веки рыжего дрогнули. Но мальчишка вовремя спохватился и снова обвис.

— Ладно тебе, Арха, — стараясь сдержать смех, а оттого похрюкивая, пытался увещевать разошедшуюся ведунью Адин. — Ну что ты на него набросилась?

— Да так, знаешь ли, мелочи сплошные! — упёрла руки в бока лекарка. — Ребёнок себя травит, а никому и дела нет! Действительно — сирота при живых родителях! Я Тхия голову откручу. Мало того, что он непонятно зачем мальчишку сюда приволок, так ещё и не смотрит за ним.

— Почему непонятно? Это, как раз понятно, — примирительно протянул синеглазик. — Данащ же официально его сыном считается. Двое других ещё маленькие, да к тому же одна из них девочка. А вот старшего вполне могли использовать в играх с правом на бывшие земли Тхия. Лучше уж тут, под присмотром.

— Ты в чём присмотр увидел? — вызверилась Арха. — Ребёнок шляется невесть где, трескает Тьма знает что и врать научился лучше Шая! Это ты присмотром называешь?

— Правда, лучше? — обрадовался Данащ, временно забыв о своём обмороке, и с надеждой уставился на лекарку.

— Хуже, — критично оценил Адин. — Шай хорошо чувствует момент, когда стоит

помолчать и дать окружающим о себе забыть.

Рыжий и сам понял, что глупость сотворил. Но поскольку исправлять ситуацию было уже поздно, демонёнок просто насупился и на всех обиделся.

— Ладно, давайте возвращаться, — предложил синеглазик. — Со сбором трав у вас, смотрю, дело не заладилось. И этому актёру погорелого театра действительно желудок промыть не помешает. Да и время к обеду.

Услышав волшебное слово, Ир высунул морду из малинника. На чёрный нос кирпичом прилипло пара листьев и немало иголок. Но пса это, судя по всему, не слишком заботило. Щенок внимательно, по очереди, осмотрел всех присутствующих, и вопросительно гавкнул: «Где, — мол, — обед?».

— Сейчас пойдём кушать, — пообещала ему добросердечная Ллил, вставая.

Арха на это замечание только фыркнула. По её глубокому убеждению пёсику подходил любой глагол, но только не «кушать».

— Ой, я совсем забыл! — хлопнул себя по лбу Данаш. — Я чего вернуться-то хотел! Там же банда бродит! Надо сказать, чтоб крестьян предупредили. А то мало ли...

— Какая ещё банда? — капая ядом, поинтересовалась ведунья. — Злые и страшные лесные разбойники? У которых мозги в конец отморозило и они припёрлись погреться возле осаждённого города? А, заодно, погулять у ставки главнокомандующего?

— Не знаю, что и как у них отморозило, а банда обычная, — обиделся мальчишка. — Которые грабят еду, а потом в городе её продают. Чего уж они тут забыли — не знаю, не узнавал.

— И как еда? Визжит и сопротивляется?

— Не знаю! Сама у них и спроси! — Данаш указал подбородком куда-то за спину девушки.

Она бы не обернулась — на такие подначки Арха в детстве «вестись» отучилась. Вот только Адин как-то странно посерьёзnel и потянулся к мечу, одновременно задвигая демонёнка себе за спину. Да и Ллил напряглась, повернув голову в сторону. А Ир просто радостно приветственно гавкнул.

Просто на краю поляны застыли, явно смутившись неожиданной встречей, группа ободранных товарищей. Которых лекарка, между прочим, уже где-то видела.

— А вы их не перебили? — удивлённо поинтересовалась девушка.

— Каким образом? — отозвался Адин не слишком вежливо. — Они башню подпалили и предпочли удалиться. Знаешь, нам как-то не до преследования было.

— А жаль.

— Самому неловко, — признался ивтор. — Бери-ка ты Ллил с Данашем и отправляйтесь в деревню.

— И оставить тебя одного? — возмутилась Арха. — Посмотри, сколько их. Они же тебя прикончат!

— С вами меня прикончат гораздо быстрее.

— Дамочка, — вдруг подал голос один из грязных и бородатых. — Ты не егози. Никто никуда не идёт, лады? У нас, промежду прочим, арбалет имеется. С прошлого раза разжились. А ну, Хилый, покаж! — ведунья в очередной раз могла убедиться, что чаще всего прозвища дают от обратного. Вышедший вперёд Хилый таковым мог показаться разве что по сравнению с осадной башней. А в лапищах он действительно держал взведённый арбалет. — Потому первый, кто двинется, болт и получит. Значит, мальчонка нам ни к чему. Посидит

тихохонько и уйдёт целым. Ещё и собачку подержит. Лорда мы, понятно, шлёпнем. А вы, девочки, если сговорчивыми станете, то и не без удовольствия останетесь.

— А вот в этом я сомневаюсь, — прошипела лекарка.

— Заканчивай демагогию разводить и вали отсюда, — рявкнул вежливый Адин, мрачней.

— Все остаются! — не согласился с ним бородач.

— Как же я про них забыл то? — поинтересовался у неба Данаш.

— Тьма! Достали! — высказалась Арха.

Ир, непонятно с кем соглашаясь, гавкнул. Только Ллил молчала.

— Ну, чего, стал быть, делать-то будем? — подстегнул ситуацию дезертир, совмещающий это почётное звание с обязанностями мародёра и лестного разбойника обыкновенного.

Несомненно, преимущество было на стороне лихого народа. Но, не смотря даже и на арбалет, никто из них вперёд не рвался. Видимо, они помнили демона с сапфировой чешуёй. И опознали в нем Адина. Который истинную форму принимать не спешил, но в любое мгновение мог и передумать.

— А я согласен с предыдущим оратором, — заявил кто-то с противоположного конца поляны. — Думаю, все останутся на месте и все разрешиться благополучно.

Арха, которой уже надоело крутиться, изображая собой старательного зрителя, пытающегося отследить все реплики актёров, развернулась на пятках. И уставилась на шавера, тоже смутно ей знакомого.

Кстати, шавер явился ни в одиночку. Под деревьями собралось вообще немало народу — демонов семь. Все в форме и декорированы повязками: у кого голова белым перечерчена, у кого рука на перевязи, у кого-то костыль из подмышки торчит. А некоторые из них ещё и большие глиняные бутылки в ивовой оплётке нежно к груди прижимали. Такие характерные сосуды с круглым доньшком, в которых крестьяне брагу держали. Но помимо бутылок все вновь прибывшие ещё и вооружены были.

— Ну чего смотришь... дочь? — почти незаметно замаявшись на последнем слове, поинтересовался демон. — Давай, бери своих и, действительно, иди отсюда. Мы тут без тебя разберёмся.

Ведунья только и сумела, что кивнуть. Вот Данаш оказался расторопнее и сообразительнее её. Схватив Ллил за руку, он потянул девушку с поляны прочь. Лекарка собралась было последовать их примеру, но тут в мохнатой башке Ира что-то переклинило. Щенок радостно гавкнул, подпрыгнул на месте и тяжёлой рысью, подбрасывая зад, помчался куда-то совсем в другую сторону.

Лекарка только ахнула и, подхватив подол, понеслась за ним.

* * *

В том, что щенка она потеряла окончательно, Арха убедилась, когда солнце, давно уже перевалив за полуденную черту, намеревалось катиться к горизонту. То, что никакого пса ведунья не найдёт, стало понятно давно. Неплохо бы дорогу к деревне отыскать — уже успех. Но врождённое упрямство не давало бросить поиски. Да и поворачивать назад страшновато было. А вдруг действительно заблудилась? Местного леса-то девушка

совершенно не знала. И в пылу погони даже посмотреть забыла, в какой стороне Дубки оставались. Вот что в таком случае делать? «Спасите-помогите» кричать? Помогут же. Только не так, как хотелось.

Арха остановилась рядом с маленькой, пушистой и удивительно радостной ёлочкой, задумчиво трогая колкую смолистую лапу. Впереди белыми стволами призрачно бледнел березняк. Корни тонких деревьев кутало покрывало яркого сочного мха, непрозрачно намекающее на то, что за березняком начинается болото.

За спиной у лекарки оставался приветливый, светлый лес, больше похожий на парк — почти без кустов и поваленных стволов. Слева темнел недружелюбный ельник, а справа сухостоем топорщился бурелом. Собственно, в данный момент для Архи большого значения куда идти не имело. Верного направления она даже приблизительно не знала.

Но возвращаться оттуда, откуда пришла, не хотелось. Во-первых, лекарка там уже была. А, во-вторых, по солнечному и дружелюбному леску ведунья кругами ходила, как будто ей леший ворожил. Да и в болото почему-то не тянуло. Оставалось выбрать между ельником и буреломом.

Лекарка уже решила просто монетку подбросить, когда услышала крик. Так долго, на одном дыхании и абсолютно безнадежно могло кричать только сознательно мучимое существо. Этот вопль не взывал о помощи. Просто боли стало слишком много. Вот от неё и пытались таким способом избавиться — стоном.

Дальше Арха рассуждать не стала. И не потому, что сработал лекарский инстинкт, и она ощутила непреодолимую потребность помочь страждущему. Со своими инстинктами ведунья в последнее время неплохо справлялась. Просто раз кричали, значит, в той стороне были живые существа. А они могли и дорогу подсказать. Причём совершенно необязательно что-то спрашивать, можно тихонечко следом пойти.

Поэтому вперед лекарка двинулась осторожно, то и дело замирая, прячась за корявыми шершавыми стволами и напряжённо прислушиваясь. Вопль повторялся с завидной регулярностью. А больше, кроме естественных лесных звуков, ведунье расслышать не удалось, как она не напрягалась. Но вскоре надобность прятаться отпала сама собой. Арха вышла к уже знакомой землянке-избушке. Девушка хоть видела её только ночью, но и при дневном свете спутать это убогое сооружение с чем-то другим было сложно.

О личности кричавшего тоже догадки появились. Впрочем, для домыслов простору и впрямь имелось маловато.

Перед дверью лекарка заколебалась. Внутрь входить ей не хотелось совершенно. В данной ситуации вежливость себя могла и оправдать. Ведунья подняла руку и не слишком уверенно постучала.

Странно, но створка распахнулась почти сразу, словно девушку тут ждали. И на пороге нарисовался кронпринц собственной рогатой персоной. Но как не велик был хаш-эд, полностью загородить то, что внутри творилось, ему не удалось.

А происходило там такое, что Арха невольно назад шагнула. Да ещё и едва не упала, оступившись. Дан, наклонившийся над лежаком, обернулся через плечо. И громко, чётко выговаривая каждое слово, выругался. Выпрямился, утёр лоб тыльной стороной ладони. Но только кровь размазал. Вот до этого лицо его оставалось чистым. Зато руки действительно по запястье были в красном. Кажется, у него даже с пальцев капало.

Лорд Харрат пошёл к лекарке, но сделав всего один шаг, остановился отвернувшись. Только встал так, чтобы загородить от неё топчан. Зато Его Высочество двинулся вперед,

тесня ведунью, и захлопнул дверь у себя за спиной.

— Тебе чего тут надо? — не слишком дружелюбно поинтересовался Адаш.

Девушка только головой замотала.

— Ты как вообще сюда попала? Кто привёл? — в голосе принца лекарке померещилось что-то такое, что сердце трепыхнулось, замерев, а потом зачастило, болезненно сжимаясь спазмами.

— Я случайно... — забормотала Арха. — Щенок побежал, а я за ним. Потом он потерялся. Я шла. А тут кричали...

Ведунья показала себе за спину, словно кричали именно в лесу.

— У тебя потрясающий талант оказываться там, где не нужно, — недовольно буркнул наследник. — Ладно, подожди здесь. Дан сейчас тебя проводит.

— Не надо! — вопль получился таким громким и пронзительным, что галка, сидящая на ёлке у самого края поляны, заполошно грая, заплескала крыльями, убираясь подальше. — Ты просто скажи, куда идти. Я сама доберусь, — тщательно контролируя голос, добавила Арха.

— Что так? — усмехнулся Адаш, явно издеваясь, выламывая бровь. — Теперь мы ни к одному хаш-эду близко не подойдём? Все они кровожадные чудовища без совести и чести? Проща любовь, завяли помидоры? Наша нежная и трепетная душа не выдержала грубой реальности?

— Прекрати, пожалуйста, — переходя вдруг на ты, попросила лекарка. — Я в ваши дела не лезу. Просто скажи, куда идти — и все.

— Да неужели? — принц усмехнулся ещё пакостнее, и протянул руку, как будто хотел взять ведунью за плечо.

Собственно, Арха и не собиралась шарахаться. Само собой как-то так получилось.

— Что и требовалось доказать, — Его Высочество перестал усмехаться, став абсолютно серьёзным.

И перепачканные руки спрятал в карманы штанов.

— Может, всё-таки ты на меня всё вывалишь, а не на него? Учти ещё один момент. Он обязан мои приказы выполнять. Скажу детей резать — пойдёт резать. Так что, деваться твоему Дану особенно и некуда.

— Точно, — теперь уже ведунья усмехнулась. — А приказы он всегда исполняет беспрекословно. Просто я думала... — лекарка помолчала, мотнула головой, как будто муху отгоняла, и рукой махнула. — Неважно.

— Ну, почему же неважно? — Адаш, не вынимая кулаков из карманов, привалился плечом к избушке, скрестив ноги в щиколотках. — Ты думала, что он весь из себя такой честный-благородный-справедливый? Мухи не обидит, сиротам помогает, за друзей плотку порвёт? В принципе, не особо и ошибалась. Все так и есть. Но ещё он пасынок императора, глава одного из высших родов и офицер, а не монашка. Кстати, то, что он грязь собственными руками разгребает, а не спихивает всё на подчинённых, доказывает его благородство и прекрасодушие.

— Я должна в восторг прийти? — окрысилась Арха. — От того что он женщину пытается собственноручно, а не предлагает этим заняться, например, Иррашу?

— Было бы у тебя побольше мозгов — оценила, — спокойно отвели принц. — Знаешь, наблюдаю я за тобой, и всё сильнее мне мерещится: видишь ты только то, что удобно. А не то, что есть на самом деле. Нет, ничего не скажу, ты мне нравишься. Ещё тогда на охоте понравилась. Эта природная милость и наивность подкупает. Вот только мне не нравится,

как ты окружающим жить мешаешь.

— Я мешаю? — опешила ведунья.

Его Высочество серьёзно кивнул.

— Именно так. Ты живёшь по собственным убеждениям. И живи, если Тьма позволяет. Но не заставляй других соответствовать твоим представлениям о морали. Вот, например, сейчас. Думаешь, Дану душу рвёт, что тут бабу пытали? Да ничего подобного. Для него арелим не женщина, а воин, враг. Без пола. Другое дело, что информацию выбивать вообще неприятно. И на совесть это в любом случае давит. А тут ещё и ты на мозолях попрыгаешь. Но это ваши дела. Повернись так, чтобы солнце слева светило и иди все время прямо. Окажешься рядом с деревенским полем.

Адаш, не дожидаясь ответа ведуньи, отлип от стены и ушёл в избушку, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

Звук оселка, вжимающего по кромке меча, раздражал невероятно. Этот полускрежет-полувизг вибрацией отдавался в корнях зубов. А уже оттуда рикошетом бил в виски, которые и так едва не лопались под давлением боли. Но Ирраш с упорством, достойным лучшего применения, продолжал править лезвие, любезно выволоченный из лопухов и принесённый рыжим Данаш. Шавер бы предпочёл, чтобы меч остался там, где он его оставил. Наверное, поэтому он сейчас и пытался сточить его до основания. Видимых успехов пока не имелось, но демон очень старался.

Плотная тень загородила от Ирраша солнце — за визгом оселка, а может и за собственными мыслями кот даже шагов не расслышал. Лорд Нашкас, не прекращая своего занятия, глянул исподлобья вверх, убедился, что свет от него Шай застит, и вернулся к заточке. Блондин помялся, переступив с ноги на ногу и, подумав, сел рядом, сунув в зубы травинку.

— Что-то девчонок нет давно, — как будто между прочим заметил красавчик. — Ушли ещё утром и с тех пор ни слуху, ни духу.

— Каких ещё девчонок? — недовольно спросил Ирраш.

В принципе, он подозревал, о ком могла речь идти. Но у ифовега стоило и уточнить. У него девчонок имелось немало.

— Да Арха с Ллил с утра ушли травы собирать, — охотно пояснил блондин.

— Одни? — вскинулся шавер.

— Да нет, с Адином.

Лорд Нашкас тут же успокоился и снова начал размеренно возить точильным камнем по кромке: туда-сюда, туда-сюда.

— Слушай, Ир... — предпринял ещё одну попытку завязать разговор Шай.

— Извинений ждёшь?

— А стоит ждать?

— Сам как думаешь?

— Ну, вот и я про то же. Знать бы ещё, чего ты так психанул — стало бы совсем хорошо.

Ирраш подумал, глядя на оселок внимательно, словно впервые увидел. Отложил камень в сторону. Упёр меч острием в землю, скрестив предплечья на его оголовье и пристроив

сверху подбородок. На вопрос ифовеа он отвечать не спешил.

— В принципе, я догадываюсь... — осторожно начал Шай.

— Какие все догадливые! — криво усмехнулся шавер. — Тоже начнёшь меня убеждать, что я не должен свой шанс упускать?

— Не начну, — а вот у блондина его вечная глумливая ухмылочка с хорошенького личика слиняла.

— Почему?

— Потому что сам хочу попробовать.

Шай откинулся на стену дома, прикрыв глаза. Казалось, что он задремал. Только травинка, размеренно перебрасываемая из одного угла рта в другой, свидетельствовала, что спать демон и не собирался.

— Тебе девок мало? — поинтересовался Ирраш, как ни странно, без всякой агрессии.

— Девок хватает. Надоело. Понимаешь...

— Да чего тут непонятного? — шавер выпрямился, покачал меч ладонью, глядя в землю. — Всем, наверное, хочется. На Дана с Тхия насмотрелись. Чтоб там Адин не говорил, а инстинкты нами правят. Своя нора, своя самка. Детёныши, опять же, — демон снова усмехнулся не слишком весело. — Цивилизация — это хорошо. Когда в укромном месте имеется своя пещера.

— А ты не хочешь попробовать? — спросил Шай, глаз не открывая и даже не двигаясь.

— Хочу, конечно. Не железный. Но это точно не для меня. Всё это. А она уж тем более.

— А для кого?

— Ты ей подойдёшь, — подумав, ответил Ирраш, выписывая кончиком меча на земле узоры. — И, честно говоря, я даже рад буду, если у вас все получится.

— А это хотя бы теоретически возможно? — сонно приподняв веки, покосился на шавера блондин. — Ты вот сейчас точно про меня?

— Нет, про соседа, — хмыкнул Нашкас. — Я-то в курсе, почему ты ни с одной дольше пары дней не хороводишь. Тут тебе бояться нечего — эта не предаст. Да и что тебе терять-то?

— Вот тут ты в точку попал, — усмехнулся Шай, потянулся, забрасывая руки за голову. — Терять мне совершенно точно нечего. И кому я нужен с таким довеском?

— Ллил не осудит, — покачал головой Ирраш. — Поймёт. Вот в чем другом, а в этом я уверен.

— Ну-ну... Ладно, там посмотрим. Так, значит, с твоей стороны никаких претензий не будет? Давай уж раз и навсегда решим. А то знаешь, никому такие закидоны не нужны. Мне-то что? Отряхнулся — и дальше пошёл. А вот Дан, наверное, себе плешь выщипал.

— Не будет претензий, — мрачно, но твёрдо ответил Ирраш. — И никаких закидонов не будет тоже. Могу Тьмой поклясться. А с Даном я сам поговорю.

— На кой мне твои клятвы? И так уж разбросались — дальше некуда. Мне и слова достаточно. Знаешь, мне иногда идиотские мысли в голову приходят...

— Знаю, — кивнул шавер, — других у тебя и не водится. Правда, чаще всего, никаких нет.

— Так вот, мне кажется, что все, что уже случилось — обязательно повторится, — не обратив ни малейшего внимания на злобные инсинуации, продолжил блондин, мечтательно щурясь на солнышко. — Нам обязательно дадут шанс прожить ещё раз. Но только с другим знаком.

— Видимо, для меня эта мысль чересчур глубока, — признался шавер.

— Ну, вот смотри. Ты же меня тогда предупреждал, что добром это не закончится? И единственный говорил: ей верить нельзя. Так все и вышло. А теперь утверждаешь, будто у меня все получится. Значит, обязательно должно получиться.

— С логикой у тебя всегда плоховато было. Если следовать тому, что ты сам сказал, то в этот раз все остальные должны утверждать, будто ничего не выйдет. Ну, или я обязан неправым оказаться.

— Это просто для тебя мысль действительно глубока, — усмехнулся Шай, пружинисто вскакивая на ноги. — Пойду я все-таки посмотрю, куда они запропастились. Адин — это, конечно, надёжно. Но за своей девочкой самому приглядывать нужно.

Блондин повертел шеей, будто разминая мышцы перед дракой. Потому и не заметил, как шавера передёрнуло, словно ему за шиворот щедрой горстью муравьёв отсыпали.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что «девочку» Ллил не оценит, — буркнул Ирраш.

— Разберёмся! — отмахнулся от него красавчик. — Не учите дедушку кашлять, бабушку пироги печь, а лорда Шарраха строить отношения с женщинами. Все, я пошёл. Счастливо оставаться!

— Бывай, — бросил ему в спину шавер, не поднимая головы.

Казалось, демона интересуют исключительно узоры на земле, которые складывались в запутанную вязь. Для стороннего наблюдателя она могла показаться просто абстракцией. Тот, кто знал шаверскую письменность, мог бы прочесть: «Чтоб тебя Тьма трахнула!». К счастью, поблизости таких знатоков не нашлось. Но Ирраш все равно старательно затёр завитки подошвой.

И опять оперся на меч, видимо, сам того не замечая, кривя губы в странной гримасе — то ли оскалиться хотел, то ли поморщиться. Но уж точно не улыбнуться.

Глава пятнадцатая

*По мере развития отношений один обязательно наглет.
Главное, успеть обнаглет первым.*

Из наблюдений профессиональной принцессы

Ночевать Дан не пришёл. Арха и сама не знала, хорошо это или плохо. Нет, когда твой мужчина по ночам шляется неизвестно где — это, естественно, очень плохо. Но если бы демон вернулся, пришлось разговаривать, объясняться. Только вот о чём говорить? «Я люблю тебя, несмотря на то, что ты женщин пытаешь!»? «Я думала, ты особенный. А оказался таким же демоном, как и все остальные...» — звучит ещё лучше.

Любит — не любит, простит — не простит. Да и что прощать? И за что прощать? Это его жизнь. Они давным-давно определились: у него своя жизнь, у неё есть собственная. И всё чаще получается, что идут они параллельно. Совсем параллельно — не пересекаясь. А если и умудрятся где-то столкнуться, то обязательно происходит взрыв. Ну, или пакость. Как-то не хватает одной только любви на то, чтобы соединить два разных мира в целое. И третий — общий, на двоих — появляться не спешил...

И собственная трусость покусывала клопом. За то, что за щенком побежала, от Адина лекарка втык уже получила. Понятно, что с бандитами разобрались и без её участия. Собственно, никаких особых разборок и не случилось. Дезертиры оказались ребятами ушлыми. На рекогносцировку им много времени не понадобилось. Убрались они шустро, только грязные пятки посвёркивали.

Хорошо, что направление для спасения они выбрали противоположное тому, куда Арха с Иром ломанули. А если бы нет? Свой втык ведунья честно заслужила. Потому и пряталась весь вечер от остальных гвардейцев. Заслужено или не заслуженно, а в демонических выволочках ничего приятного нет.

Стоило бы ещё сходить, поблагодарить шавера... Отца в смысле. Но встречаться с ним не хотелось. Без особых на то оснований. Не хотелось и всё. А это тоже трусость.

Травя себя дурными мыслями, ведунья и не заметила, как её сон сморил. Станный такой сон. Не любимый кошмар с похоронами бабушки, но что-то очень близкое. Арха понимала — происходящее нереально. Но и выдраться из этой нереальности не могла. Её засасывало в жидкую, но упругую, как кисель, черноту. Темнота жила, двигалась, дышала. И изучала девушку, рассматривала со всех сторон, будто ребёнок, крутящий куклу.

— Нет, всё-таки это забавно! — раздался голос, который существовал одновременно везде — и внутри и снаружи.

Ведунья слышала его раньше, совсем недавно. И определённо помнила — такое не забудешь. Но разве можно навестить Тьму во сне, да ещё и не по собственной воле? Может, она не заметила, как умерла?

Такая мысль нагоняла жути куда эффективнее всех голосов и всей черноты мира вместе взятых.

— Ну что ты мечешься? — усмехнулся мрак. Сама ведунья готова была клясться, что даже пальцем не шевельнула. — Не съем я тебя. Вот ведь странные создания. Называют себя моими детьми. Но стоит пропасть свету и тут же начинают паниковать. По идее вы темноту

обожать должны.

— Это не темнота... — выдавила из себя лекарка.

Или не выдавила? Она и сама не поняла, сумела хоть слово сказать или всё же нет.

Зал обрушился на Арху внезапно, как на голову свалился. Естественно, помещение на девушку не падало. Это ведунья на пятую точку от неожиданности приземлилась, больно стукнувшись копчиком о мраморные плиты. Реальность воплотилась так быстро, что все чувства перемешались в круговерт: низ стал верхом, право оказалось слева, а неподвижные предметы пустились в пляску.

Впрочем, это всего мгновение и длилось. Потом лекарка осознала, что сидит на полу действительно посередь залы. Нормальной такой тронной палаты, полностью соответствующей всем представлениям о жилище Тьмы. Чёрный мрамор, колонны в тон, колоссальное кресло на постаменте из, наверное, сотни ступенек. В углах и у стен — клубящиеся тени. Для антуража, пожалуй, не хватало только черепов, груд костей и мученических воплей.

А вот в самой хозяйке ничего театрального не было. Женщина сидела на нижней ступеньке пьедестала. Балахон скрывал её руки до кончиков пальцев, а густая вуаль не давала разглядеть лицо. И всё равно отдельные черты ведунья разбирала: императрица, Адаша, монахиня-надсмотрщица...

— Я бы могла сказать, будто это потому, что частица меня живёт в каждой из них, — сообщила Тьма абсолютно нормальным голосом, без всяких сверхъестественных эффектов. — Но на самом деле это просто твой страх. Ты боишься меня, ты боишься их, вот и мерещится всякое. Уверена, что в Жизни ты тоже кого-нибудь узнала. Бабушку свою, например.

Арха неловко, опираясь на руку, встала. Ни подтверждать, ни опровергать слова говорившей ведунья не спешила. С богами вообще стоит вести себя поосторожней. Ляпнешь что-нибудь ни то и... Ну и останешься тут насовсем. А лекарке ещё обратно хотелось.

— А ты посмотри на это с другой стороны, — явно никаких ответов и не ожидая, продолжала Тьма. — Вполне может случиться так, что кто-то в моём лице найдёт твои черты. Тебе не кажется это смешным?

— Я зла никому не причиняла, — буркнула лекарка.

— Разве? — удивилась женщина, подняв голову. — Никому-никому, никогда? А эта, которую ты золоторожкой зовёшь? Или ты ей, может быть, добро принесла? Вот говоришь вам, говоришь — и всё без толку. Отлетает, как от стенки горох. Не бывает абсолютного добра или абсолютного зла. Для тебя добро, для кого-то другого горе. И наоборот. Только не начинай мне сейчас про Мать! — она вскинула руку, словно останавливая Арху. Хотя ведунья даже и начинать не собиралась. — Не хуже меня знаешь. Она — Равновесие, Справедливость. А, значит, в ней и зла, и добра равно понамешено. Из этого мы делаем вывод: она... Ну что?

Лекарка неуверенно пожала плечами.

— Ты должна была сказать, что она серость, — усмехнулась Тьма. — Ну, хорошо. Я тебя сюда не для болтовни о мироустройстве притащила. Скажи мне, дорогая. Ты дура или только прикидываешься, потому что так удобнее жить, а?

Арха переступила с ноги на ногу, облизала губы, заправила за ухо кудряшку. И опять неуверенно пожала плечами. Более умного ответа она придумать не смогла.

— Хорошо же! — кажется, девушка богиню начала всерьёз раздражать. — Наглядный

пример для вас всегда доходчивее.

Снова смена декораций произошла резко — всё вокруг юлой закрутилось. Лекарка не упала только потому, что для любого действия тело нужно. Она же себя ощущала, как... Да никак она себя не ощущала. Мысль, висящая в воздухе.

И это было странно.

Но ещё более странным оказалось место — та самая избушка-землянка, в которой демоны держали арелима. Кстати, они тоже присутствовали — и демоны, и крылатая воительница. Она кричала. Именно этот вопль и слышала Арха в лесу — дикий, безнадёжный, тянущийся на одной ноте.

Впрочем, ведунья и сама заорала, если б смогла. Только при виде того, что с крылатой делает благообразный седоусый арифед. Как-то лекарке всегда казалось, выражение: «Жилы тянут» — не имеет реального аналога, просто образная фраза. На самом же деле имела. Из руки живого существа тоже вполне возможно жилы вытягивать.

И Архе-то деваться некуда было: ни глаза закрыть, ни в обморок упасть, ни даже отвернуться она не могла. Не говоря уж о том, чтобы помочь. Мир, превратившийся в Бездну для двоих — её самой и арелимы.

Дверь в землянку распахнулась резко, будто её кто-то снаружи пнул. На пороге объяснил Его Высочество Адаш, за спиной которого тёмной тенью маячил Дан. Оба мрачные, как сама мрачность. И пожалуй, злые. Очень-очень злые. Сгрудившиеся вокруг топчана демоны обернулись, втягивая головы в плечи, как черепахи или нашкодившие школяры.

— Я же приказывал её не трогать! — рявкнул наследник.

— Но, Ваше Высочество, гуманными методами от этой твари ничего не добьёшься... — проблеял, напрасно пытаюсь сохранить достоинство, благообразный господин.

— Вон! — тихо и странно спокойно выдал лорд Харрат.

Но от этого спокойствия даже Архе захотелось деться куда-нибудь. Луна бы её вполне устроила. Неудивительно, что лорды-командующие проворно, гуськом, потянулись на выход.

— Надо твою медичку звать, — нахмурился Адаш, пинком закрывая за последним демоном дверь.

Дан в ответ только головой покачал. Встал рядом с топчаном на колени и снял с себя мундир. Кажется, хаш-эд собирался собственную рубашку пустить на повязки.

— Да почему?

— Она никогда не поверит, что я тут ни при чём, — невнятно ответил рогатый, надкусывая рукавный шов.

Его Высочество раздражённо цокнул, схватил ведро, переливая воду в пустую миску на столе. А больше проливая на столешницу.

* * *

— Но почему? — эхом откликнулась Арха, как только проморгалась от круговерти чёрного мрамора и колон.

Видимо, Тьма решила, что разговор у них ещё не закончен и вернула девушку из землянки не в постель, а всё в тот же тронный зал.

— Что почему? Почему он оправдаться не попытался? — в голосе Богини явно насмешки было больше, чем сочувствия. — А ты бы поверила? Да и не в этом дело. Ему, лорду Харрату, оправдываться? Может даже клясться чем-нибудь таким, жутеньким? За то, чего он не делал? Более того, пытался не допустить? Ты в своём уме, милая?

— Я же оправдывалась. И клялась...

Даже на вкус самой Архи прозвучало это обиженно.

— Ну, ты у нас вообще мастерица обещаниями разбрасываться. Ладно-ладно, не скидывайся. Не разбрасываться. Просто клятвы давать. Так тебя устроит?

— Зачем вы это всё... — ведунья неопределённо повела рукой, — ...показали?

— Вариант, что я беспокоюсь и очень переживаю за вашу любовь, не подходит?

Ведунья прикусила губу и промолчала, живо заинтересовавшись узорчатыми жилками на мраморных плитах.

— Ясно, не подходит. Хотя, ты зря в моей правдивости сомневаешься. Между прочим, я не вру. По крайней мере, без особой необходимости. Но старик прав был.

— Какой старик? — не поняла лекарка.

— Ну, тот дедан на шаверском спектакле. В смысле, на жертвоприношении. «Знаешь, в чём главная сложность что Света, что Тьмы? Скука! Бесконечная и такая же вечная, как и они сами», — последнюю фразу женщина озвучила дребезжащим стариковским и очень знакомым голосом. — Именно что скука меня одолевает, милая. Одно и развлечение — за вами наблюдать. А, поверь, романы между хаш-эдом и полукровкой случаются нечасто. Скажем, с регулярностью раз в тысячу лет. Естественно, мне интересно. И это всё так переживательно!

Тьма жеманно приложила руку к груди.

— Тот старик... Это тоже вы?! — выдохнула ведунья.

— Я, я. И старик я, и статуя тоже я. Всё я.

— И вас развлекает, что...

Договорить лекарка просто не сумела. Задыхнулась, подавившись словами. А как описать Дана, распятого на алтаре? Жреца с кривым ножом, собственную беспомощность, белые от бешенства глаза Адина? И боль. Их общую на всех боль.

— Развлекает, — призналась Тьма, оказавшись близко. Так близко, что её бедра едва не прижимались к Архе — ведунья даже чувствовала тепло чужого тела. — Но не в этом дело, девочка. Наше время уходит — меня, Света. А время Матери прошло ещё раньше. Вы перестаёте в нас верить. Медленно, по капле в столетие, но перестаёте. И наступит момент, когда наше всевластие ограничится вечностью по ту сторону, после жизни. Вы останетесь одни, без помощи. И поэтому уже сейчас обязаны учиться справляться самостоятельно. Свет пытается продлить собственное существование. Я же учу независимости. И да, иногда от этого бывает больно.

— При чём тут я? — пискнула ведунья. — Мы при чём?

Тьма, возвышающаяся над лекаркой почти на голову, крепко обхватила пальцами подбородок Архи, заставляя смотреть на лицо, закрытое вуалью.

— Вы — ничто, крупинки, песчинки. Но лавина всегда рождается от одного камешка. А то и просто от крика. И таких камешков у меня много, очень много. Вы только одна горсточка из этой горы. Но всё равно не хотелось бы в вас разочаровываться.

Женщина отпустила Арху и тут же оказалась сидящей на троне. Не на ступеньке у подножья, а в самом кресле. Величественная, царственная, будто слепленная из мрака. И

выросшая в размерах раз в двадцать.

— Иди, — прогремел голос, который опять был повсюду. — И постарайся меня не разочаровать. Тем более что моё благословение с вами. Теперь ты не сможешь сказать, что я слишком жестока к детям своим.

— Но что мне делать-то? — прошептала лекарка. — Наверное, надо что-то такое совершить или...

— Драконов нынче не завезли, — усмехнулась Тьма опять вполне обыкновенно. — Да и на роль спасительницы мира ты не тянешь. Ступай себе и живи, как жила. Могу тебе посоветовать только не помирать раньше времени.

Арха проснулась рывком и открыла глаза уже сидя на постели, обеими руками прижимая к груди одеяло. Сердце под рёбрами колотилось так, будто решило продолбить себе путь на волю.

— Что с тобой? — глухо спросил Дан.

Хаш-эд оседлал стул, повернув его спинкой к кровати. И поставив у самой двери — шагах в пяти от постели. Когда ведунья вскочила, демон даже не шевельнулся. Так и сидел, глядя на лекарку исподлобья.

— Ничего, — пробормотала Арха, сухим языком облизывая такие же пергаментные губы. И обеими руками зачесала волосы назад. На висках пряди были мокрые. — Просто сон.

— Не слишком весёлый? — предположил хаш-эд.

— Не слишком, — буркнула лекарка, откидываясь на подушку. И, подумав, спросила, очень стараясь, чтобы голос звучал совсем не заинтересованно. — Что-то я не помню у тебя такой рубашки. Свою позабыл где-то?

На самом деле, сорочка как сорочка. Обыкновенная, форменная, такие даже Адаш носил. А поскольку ведунья их белье не стирала и уж тем более не штопала, то одну сорочку от другой она отличить не могла.

Рогатый покосился на собственную грудь под расстёгнутым мундиром и глянул на лекарку ещё мрачнее.

— Я ночевал вместе с Адашем.

Кажется, Тьма иногда тоже ошибается. Это очень даже походило на оправдание.

— Нет, я не думаю, что ты был у... дамы, — заверила лекарка, улыбаясь потолку. — Просто мне кажется, что из батистовых рубашек получаются не очень хорошие повязки. Намокают они быстро. Ты хоть кружева додумался отодрать?

— Откуда ты знаешь? — помолчав, спросил всё-таки Дан.

— Мамошка рассказала, — Арха сдерживалась из всех сил, но губы сами разъезжались все шире и шире.

— Чья мамочка?

Хмурость хаш-эдов действительно не знала ни границ, ни дна. Вроде бы и угрюм он — дальше некуда. А всего через мгновение глядишь, и демон стал ещё мрачнее, побив собственные рекорды.

— Наша мамочка, — радостно сообщила ведунья. — Всеобщая и такая заботливая, что жуть берёт. Кстати, ты знаешь, что я тебя люблю?

— Подозреваю... — снова выдержав паузу, согласился Дан.

— Ну, так вот, не подозревай, а знай точно. Я тебя люблю.

Вроде бы, особых поводов для радости не возникло. И никаких значимых новостей она не получила. То, что её рогатый арелиму не пытал, конечно, хорошо. Только он по-прежнему

оставался демоном. Соответственно, Арха очень многого про него не знала. И большую часть из этого многого знать не хотела.

Но ведунье казалось, что с плеч камень свалился. А, может, и целая гора.

* * *

Почему-то именно утро вдохновляет романтически настроенных поэтов и бардов. Больше лирических произведений посвящалось только ночи. Но всё-таки есть утро и утро. Серое, будто выцветшее небо, мокрая трава, плёткой хлещущая по ногам и молочные пряди тумана, оседающие на одежде мутной росой — это тоже рассвет. Просто солнце ещё не встало. Но от этого приятнее не становилось.

Арху знобило. И не оттого, что действительно воздух холодный. Просто уж слишком неуютно оказалось на улице. Ведунья с удовольствием осталась бы в тёплой и мягкой постели. И не возмущалась, приди в голову хаш-эду присоединиться к ней. Но Дан решил, что им куда-то срочно нужно. Но куда именно не сказал.

Хотя лекарка уже начала подозревать, что направляются они всё к той же проклятой избушке. По крайней мере, тропинка казалась знакомой. Правда, что там делать в такую рань, Арха понятия не имела. Саквояж с лекарскими снадобьями и инструментами рогатый велел оставить дома.

— А долго ещё? — обречённо вздохнула ведунья, подтягивая отяжелевший, набрякший влагой подол.

Дан вместо ответа на девушку только шикнул, напряжённо вслушиваясь в предутреннюю тишину леса. И сорвался с места, перейдя почти на бег, и волоча лекарку за собой — Арха даже спросить ничего не успела. А задавать вопросы на бегу неудобно. Дыхание и так сбивалось, да ещё капюшон плаща мешался, болтаясь перед глазами. Тут не до расспросов, не споткнуться бы.

Впрочем, скоро ведунья и сама расслышала, что так хаш-эда взбудоражило. Звон металла о металл, хоть и приглушённый туманом, далеко разносился между сонными деревьями. Чёткие ритмичные, они напоминали удары кузнеца по наковальне.

Напоминали, да не совсем. В лазарете ведунья подобного наслушалась. Выздоровливающие нередко выходили размяться на пустырь за госпитальной каптёркой, прыгая по вытоптанному пятакчу и пытаясь наковырять друг в друге новых дырок.

Вряд ли в предрассветном лесу кому-то приспичило просто потренироваться.

— Тьма! — рыкнул на бегу Дан. — Я же его предупреждал!

— О чём? — пропыхтела Арха, едва не влетев носом в спину демона.

Впрочем, спрашивать никакой надобности не было. Рогатый затормозил на краю проплешины, перед входом в землянку. На которой сражались кронпринц и крылатая. То, что они именно дрались, а не просто мерились фехтовальным искусством, поняла даже ведунья. Правда, ничего больше лекарка не разобрала. Противники двигались с такой скоростью, что девушка не всегда понимала, кто где находится.

Дан скрипнул зубами, сжав ладонь ведуньи до хруста.

— А зачем это всё? — тихо спросила Арха, по одному разжимая пальцы демона.

— Потому что дурак! — рыкнул рогатый, непонимающе глянув на собственную руку. — В романтика решил поиграть! Какая тут романтика, когда... А, Тьма всех поймей!

Хаш-эд рванул вперёд. Но через два шага словно на стену наткнулся, замер на месте. Постоял, раскачиваясь с носка на пятку. И сложил руки на груди, привыкшись, созерцая поляну. Лекарка, привстав на цыпочки, выглянула из-за его плеча.

Адаш согнулся кочергой почти касаясь лбом коленей. Правую руку с зажатым мечом он выставил в сторону Дана, явно требуя, чтобы демон на месте оставался. А вот левую руку наследник почему-то привязал к боку. И рукав на ней мок, пропитываясь густо-алым. Арелима статуей застыла шагах в трёх от него, сжимая рукоять меча у плеча обеими ладонями.

И оба дышали, как загнанные лошади.

— Ну что, добивать будешь? — тяжело, через хриплые всхлипы хмыкнул Адаш.

— Я не демон, чтобы раненых добивать! — огрызнулась крылатая.

— Да ну? — не поверил принц.

— Не путай войну с честным поединком.

У светлой даже смутиться совести не хватило. Из чего Арха сделала вывод: обычай добивать раненых существует не только у детей Тьмы. Хотя ей всё равно было сложно представить воительницу, занимающуюся таким не слишком благородным делом.

— Так я могу идти? — помолчав, спросила крылатая.

Наследник в ответ только кивнул, болезненно морщась. Видимо, зацепила его арелима чувствительно.

— То есть, у нас тут честный поединок? — хмуро уточнил Дан. — Или это честность по меркам Света?

— Тебя что-то не устраивает, демон? — обернулась крылатая.

— Многое, — едва заметно кивнул рогами хаш-эд. — Например, то, что меня ты победить не сумела. А Адаш фехтует лучше. То, что он сейчас изображает умирающего лебедя. А при Лашере его и разрубленная до черепа голова не смутила. Ну, и, в конце концов, то, что он в принципе левша.

А вот это для Архи стало новостью. Лекарка-то считала, что левой рукой работает только Ирраш. Оказывается, шавер не один обладал таким талантом.

— Ты намекаешь, что он всё подстроил? — нахмурилась воительница.

— Напекаю я по-другому, — раздражённо рыкнул Дан. — Сейчас я прямо говорю.

— Зачем?

— Да затем, что...

— Дан, захлопни пасть! — настойчиво порекомендовал Адаш, глядя на демона из-под спутанных волос. — И катись во Тьму. Я так решил. Значит, так оно и будет.

Видимо, мнения, что их решения не подлежат ни обсуждению, ни пересмотру, придерживались все хаш-эды. Вопрос только в том, чья позиция весомей.

— И что ты от меня хочешь? — криво усмехнулась крылатая. — Чтобы я сейчас благородно осталась? Или вызвала тебя на поединок? Честь честью, но гостеприимство тёмных как-то поднадоело. Да и вообще...

— Иди уже! — рывкнул Адаш. — Или дожидаясь, пока остальные подтянутся? Вали отсюда в Свет, во Тьму, да куда хочешь! Ну!

Арелима пожевала верхнюю губу, будто дилемму решая. И мотнула головой, как упрямая лошадь.

— Не знаю я, что тут к чему. Это ваши дела. Но поблагодарить всё-таки стоит. Повезло, что ты таким добреньким оказался.

— Уйдёшь ты или нет? — взвыл кронпринц.

— Уже ушла. Да, лекарка! — вскинулась крылатая, будто что-то вспомнив. — Ты на меня зла не держи. Сама понимаешь, на войне все средства хороши. И ехала бы ты отсюда. Не для тебя это дерь... — воительница глянула на ведунью, хмыкнула и длинно сплюнула сквозь зубы. — В общем, не место тут таким. А тебя, рогатый, я всё равно достану.

— Надеюсь на скорую встречу, — буркнул Дан.

И, кажется, сам едва удержался от плевка, глядя, как арелима, забросив меч на шею, скрывается за кустами.

— У меня только два вопроса, — тихонечко подала голос Арха. — Первый: почему все считают, будто я эдакий нежный цветочек? И второй: что на всё это скажет Ирраш?

— Ты предпочла, чтобы её на шнурки порезали? — гавкнул Адаш, выпрямляясь без малейшей натуги.

Кстати, его надсадное дыхание тоже куда-то подевалось, выровнялось.

— Я же не сказала, что меня такой исход не устраивает, — фыркнула ведунья, выбираясь из-за Дановой спины. — Просто спросила, что скажет шавер.

На этот, явно риторический вопрос демоны отвечать не посчитали нужным. Впрочем, первый они тоже проигнорировали.

* * *

Сказать Иррашу хотелось многое. Даже очень многое. Объяснение про внезапно сбежавшую крылатую его не удовлетворило совершенно. Да и невесть где полученная рана Адаша, слишком довольная Арха и чересчур хмурая физиономия Дана настораживали. Нс оставалось только зубами скрипеть. Официальная версия озвучена — сбежала. И отряд на её поиски послан.

Странно, но шавера в него не включили. Кронпринц только буркнул что-то о необходимости присутствия лорда Нашкас в лагере. В чём состоит эта необходимость, не уточнялось. В общем, оставалось только зубами скрипеть. И меч точить. Хотя клинком уже можно было запросто бриться. Но никакого другого занятия Ирраш себе придумать не мог.

За взвизгами оселка он шагов не слышал. Только почувствовал, что кто-то рядом стоит. Отреагировал шавер мгновенно. Вскочил, пригнувшись и текуче уходя в сторону. Выхлест меча он затормозить не успел. Только и сумел вывернуть кисть так, чтобы лезвие беспомощно вгрызлось в брёвна стены. Хотя одну тонкую прядку он всё-таки срезал.

Ллил даже не вздрогнула. Как стояла, так и продолжала стоять с лёгкой полуулыбкой на лице — уголки губ приподняты едва заметно.

— Я же тебя убить мог! — рявкнул Ирраш, почти у самой земли ловя срезанный локон. — Головой работать хоть иногда надо!

— Прошу прощения. Думала, что вы меня услышите...

— Индюк тоже думал, — огрызнулся лорд, покачав, высвободил меч и уселся на место. — Тебе чего надо?

Неуверенная улыбка слиняла с личика, светлые брови нахмурились.

— Я вам мешаю? — серьёзно спросила Ллил. — Мне казалось...

— Пусть тебе перестаёт казаться. И думать тоже заканчивай. Обычно это только вредит. Ирраш осторожно, на пробу, вжикнул оселком по лезвию. Ему тоже что-то мешало.

Демон уставился на собственную ладонь, словно впервые её видел. Оказывается, он так и сжимал прядь светлых волос в руке. Вместе с точильным камнем.

Шавер искоса глянул на девушку и сунул локон в карман.

— Вы можете объяснить, что происходит?

Ллил вздёрнула подбородок, сжав поручень крыльца так, что у неё костяшки побелели. Вероятно, этот решительный вид должен был означать: без объяснений она не уберётся и Ирраша в покое не оставит.

— А что происходит? — ворчливо переспросил демон, водя точилом по металлу. — Крылатая сбежала, война идёт, обоз с фуражом пришёл, Шай решил за тобой всерьёз приударить. Так что, вполне возможно, у тебя скоро появится шанс стать леди Шаррах. Невелика честь, но всё же.

Не взвизгивать, не переспрашивать, ни гневно возражать Ллил не стала. Постояла немного, хмурясь, да и села рядом с шавером. Неподалёку, но руку между ними протянуть можно было. Демон усмехнулся, но комментировать не стал.

— Спасибо, что сообщили, — спокойно поблагодарила девушка. — А то я бы последней поняла, какие сияющие перспективы открываются. Моё мнение тут учитывается или вы всё уже решили? Могу ошибаться, но для вас это дело обычное, видимо. Привезли сюда, крестьян переселили. Так и не замечу, как замужней дамой стану.

— Заметишь, — усмехнулся Ирраш. — Первую брачную ночь точно не пропустишь.

Вот тут Ллил дёрнулась. Не испуганно, а, скорее, нервно. И покраснела — бледные скулы вспыхнули нежно-розовым. Пожалуй, демон первый раз видел женщину, которой смущение действительно шло. Обычно такого румянца дамы добивались с помощью всяких красок. А тут всё естественное. Всего лишь упоминание о постели — и пожалуйста.

Правда, самому Иррашу почему-то хотелось рычать. Даже губа дёрнулась в нервном тике.

— Вы не ответили на мой вопрос, — негромко напомнила девушка.

Демон длинно втянул носом воздух.

— На который?

Голос пришлось тщательно контролировать. Чтобы не рявкать.

— Моё мнение в расчёт принимается?

— А что тебя не устраивает? — шавер воткнул меч в землю и навалился грудью на рукоять, заставляя лезвие прогнуться. — Шая многие женщины считают красавчиком. Поместье у него, конечно, так себе и доход небольшой. Зато далеко от границы. Опять же, при дворе принят. А сумеешь его ухватить хорошенько, так он даже налево бегать не будет. Это же всё от дури.

— Замечательно, — по прежнему ровно, даже бесстрастно, порадовалась своему счастью Ллил. — Но можно хотя бы на минуточку предположить, что у меня есть собственные соображения на этот счёт?

— Предположить можно, — не стал спорить на удивление покладистый демон. — Только зачем? Ещё раз спрашиваю: чем он тебя не устраивает?

— Может, дело в том, что мне нравится другой... — ещё тише спросила девушка и вскинула голову, уставившись на Ирраша.

Лорд поёжился. Он прекрасно понимал, что Ллил его не видит. Ореховые с золотом глаза глядели по-прежнему слепо. И всё же демону казалось, что она смотрит именно на него. Может быть, даже куда-то вглубь него. Как бы по-идиотски это ни звучало.

— Мне по сценарию полагается спросить, кто этот счастливчик? — усмехнулся шавер.

И сглотнул — в горле вдруг пересохло. Правда, глотание не помогло. Слюна куда-то вся делась. Девушка, кстати, тоже быстро, как змейка, облизала губы. Вроде бы, и день нежаркий, а жажда мучила всех. Хотя на Археном дворе пыли хватало. Наверное, всё дело именно в ней было.

— По какому сценарию? — совсем уж почти неслышно пробормотала Ллил.

И Иррашу примерещилось, что девчонка потянулась к нему. Осталась сидеть, как сидела, но потянулась.

— Ты чего себе напридумывала? — внезапно севшим голосом прохрипел демон. — Выбрось дурь из башки, по-хорошему прошу.

— Я не придумала, — заторможено мотнула головой Ллил. — Зачем что-то придумывать, когда оно есть?

— Ничего нет... — пробормотал лорд.

И протянул руку, чтобы обнять её за талию. Или сграбастать? Забрать своё? То, что принадлежит ему по всем правам, существующим во Вселенной? Между ними по-прежнему оставался промежуток шириной в ту же вытянутую руку. И в то же время никакой дистанции не существовало вообще. Только невидяще-всевидящий взгляд. Опустит она ресницы, и расстояния не останется вовсе. А заставить её закрыть глаза безумно просто. Всего-то коснуться губами по-детски полуоткрытого рта...

— Вот вы где! А я вас ищу по всем Дубкам! — Шай свесил с крыльца блондинистую башку, радостно щерясь. — Ллил, пойдём на озеро? Я же тебе кувшинок обещал, да так и не набрал. Пойдём, пока меня никто не дёрнул.

— Дягиля ещё нарвите. Арха просила, да я забыл, — ровным, даже его самого удивившим тоном посоветовал Ирраш. — Хорошо, что вспомнил. А то она уже неделю канючит.

— Может, ты с нами?

Ифовет разулыбался ещё шире. И начал подмигивать, словно на него внезапно нервный тик напал.

— Да нет, у меня дела ещё.

Шавер закинул меч на плечо и, никуда не торопясь, пошёл к калитке. Только сунутую в карман руку в кулак сжал.

Глава шестнадцатая

Самый надёжный друг — это друг с крепкой нервной системой.

Из наблюдений мистрис Шор

Первая настоящая весенняя гроза решила разразиться вечером, почти ночью. Главное, что бури ничто не предвещало. Целый день стояла тёплая ясная погода. Только солнце садилось в пухлые, будто взбитое одеяло облака. Но вместе с темнотой рухнул ливень. А следом за ним принесло и ураганный ветер. Мощный, но порывистый, то налетающий, сбивающий с ног, то затихающий, словно прячущийся в засаде, он едва не сорвал пологи госпитальных палаток. А одну — пустую — унёс всё-таки в чернильную пропасть ночи.

Арха с Ирруш, не без помощи раненых, кое-как закрепили тенты, гнущиеся под напором ошавшего дождя. Да так в палатке и остались. Даже в каптёрку идти было страшновато, не то, что домой. Промокнуть ведунья не боялась. Но пока они дополнительные колья вбивали и верёвки натягивали, лекарка едва не заблудилась. Дождь сёк лицо, ветер бросал воду щедрыми пригоршнями, а вокруг непроглядный мрак — не видно даже кончиков пальцев на вытянутой руке. В такую погоду немудрено заплутать в двух шагах от жилья.

Как назло, Адашу именно сегодня приспичило куда-то отослать всех гвардейцев, кроме Адина. Представлять, как демоны пробираются по раскисшей дороге или вымоченному до корней лесу тоже не хотелось. Не хотелось, но представлялось. Настроение, конечно, такие мысли не улучшали.

Хорошо хоть Ллил после обеда домой ушла. А то куковали бы тут вместе. Хотя в пустой избе одной тоже не слишком весело. Правда, в такую бурю и в компании не празднично.

Арха села, нахохлившись над масляной лампой, зябко поводя плечами. И шаль, и плащ намокли так, что их пришлось отжимать. И никакой надежды на то, что одежда просохнет возле маленьких жаровен, не было. Ирруш, примостившаяся на низенькой скамеечке неподалёку, время от времени косилась на ведунью. Но видимо, лицо у девушки отличалось повышенной мрачностью. Потому что неугомонная беса даже рта не раскрывала.

За спиной лекарки негромко и, чего уж там скрывать, слегка напугано тихонечко переговаривались раненые и больные, обсуждая каждый удар грома. Ещё их интересовал вопрос: выдержит ли просмолённая парусина тентов такой водопад или нет, протечёт. Арху это тоже интересовало. Но не слишком сильно. Она просто ждала, когда буря закончится.

А под грудиной свернулась сосущим комком неопределённая тревога. Беспредметная и беспричинная, но совершенно точно не имеющая никакого отношения к грозе.

— Можно присесть?

Ведунья подняла голову, глядя на стоящего рядом шавера. И пожала плечами, снова уставившись на лампу. Демон неуверенно помялся, кажется, собираясь уходить. Но всё-таки сел рядом — прямо на землю.

— Я тебя так и не поблагодарила. За помощь там, на поляне, — буркнула лекарка, сообравив, что молчать невежливо.

Теперь неопределённо пожал плечами господин Каррен.

— Так на моём месте поступил бы каждый, это мой долг, обращайтесь и всё такое, — усмехнулся лейтенант.

Наверное, это стоило счесть за шутку. Впрочем, все шаверы страдали отсутствием чувства юмора. Эдакая характерная расовая черта.

Помолчали, прислушиваясь к злобному завыванию ветра и щелчкам дождевых струй по натянутой парусине.

— А тебе совсем неинтересно? — подал голос демон.

— Что неинтересно?

— Ни о чём не спрашиваешь... — Каррен переплёл пальцы и вытянул руки вперёд, вывернув ладони наружу. Видимо, чувствовал он себя не слишком уютно. — Всё-таки я не чужой. Вдруг у тебя братья-сёстры есть? Да и наследство опять же.

— Прости, не хочу хамить, но ты мне никто, — Арха сгорбилась ещё сильнее, жалея, что у неё с собой нет даже пледа, чтобы закутаться. — Наследство не интересует и я никаким боком на него не претендую. А гипотетические братья и сёстры вряд ли захотят такую родственницу видеть. Хотя что-то мне подсказывает, нет у тебя никого.

— Верно, нет, — хмыкнул демон. — Не удосужился семьёй обзавестись. Только ты вот.

— И ещё пара сотен бастардов по человеческим деревьям?

— Ты чего злишься?

Ведунья выпрямилась, двумя пальцами потёрла переносицу.

— Я не злюсь, — вздохнула она. — В смысле, на тебя не злюсь, правда. Не знаю, с чего ты вдруг решил начать родственника изображать. Но меня это не слишком и интересует. Пойми, я к тебе никак не отношусь. Ну, просто мимо пробегающий шавер.

— Так вроде как...

— Так вроде как я из твоего семени получилась? А какая разница? Твоё оно или кого-то другого? Мать мою ты изнасиловал. Ну, неприятно, конечно. Только ведь тоже не трагедия. Я её не знала. И это знаменательное событие не у меня на глазах произошло. Поэтому никаких претензий не имею. Но, прости, с воплями: «Папочка!» на шею тоже бросаться не собираюсь.

— Вообще-то, я имел в виду, что ты меня спасла, — внимательно выслушав Архину речь, спокойно закончил свою мысль демон. — Но, скорее всего, на это ты ответишь что-нибудь вроде: «Это мой долг!». И будешь права. Ладно, в отцы я навязываться не собираюсь, если ты уж сама не хочешь.

— Только не говори, что всю жизнь просто мечтал о такой дочери, как я! — усмехнулась ведунья.

— Не буду. Честно говоря, я о дочерях вообще не мечтал. Про сыновей думал, было дело. А девчонки... Мне они представлялись эдакими куклами в рюшечках и бантиках. Сама понимаешь, от таких мыслей скорее дёргает.

— А от меня, надо думать, не дёргает?

Арха, наконец, соизволила повернуть голову, глядя на отца. Вот глаза она унаследовала от него в полной мере — этого не отнять. У Каррена они были в точности такого же оттенка: больше зелёные, чем жёлтые, но с медовой теплотой. Дан уверял, что по цвету они точь-в-точь как топазы.

Лейтенант взгляда не отвёл.

— Не дёргает. Знаешь, на кого ты по-настоящему похожа? На бабушку свою, мою мать. Дура, конечно, как и любая баба. Но настоящая степная шаверка.

— Всю жизнь думала, что я метиска и грязнокровка, — на этот раз хмыканье ведуньи вышло несколько нервным. — А теперь, получается, настоящая шаверка? Ну, спасибо.

Наверное... Но я лучше человеком останусь, ладно?

— Да какой из тебя, во Тьму, человек? — кривая ухмылка демона могла показаться даже весёлой. Тому, кто хорошо котов знал. — Люди слабые безвольные создания, по природе своей скот. Коровы, научившиеся говорить. Ты же как степная трава: тонкая, высохшая до хрупкости. Гнущаяся под любым ветром. Гнущаяся, да не ломающаяся. Ветер перестанет дуть — и она снова выпрямляется. А дерево, рядом стоящее, стоит переломанное. Да и характер у тебя наш. С виду рыба дохлая, а внутри всё пламя Бездны. Своего хаш-эда найти смогла. И ведь не он тебя — ты его приручила. Скажешь, не степная кровь это?

— Да ты поэт! — в восхищении всплеснула руками девушка.

— Все мы немного поэты, — шавер хлопнул ведунью по плечу — довольно чувствительно, между прочим. — Захочешь увидеть, откуда твои корни, найдёшь меня. Говорят, знать истоки важно. Я, правда, там уже лет пятнадцать не был. Ну вот заодно с тобой и навещу.

— Ладно, как соберусь — сообщу, — пообещала Арха.

Что-то у ведуньи в последнее время с умными ответами дела обстояли плоховато. Правда, и разговоры она вела такие... странные. Да и собеседники ей всё больше неординарные попадались. А жизнь вообще катилась только Тьма знает куда. Катилась, катилась, но докатиться до чего-то конечного не могла никак.

* * *

Реальность Арху уже не раз носом тыкала: «Не зарекайся! Я же всё равно докажу, что способна тебя поразить! Так и живи, выводов не делая!». Вот и стоило только лекарке подумать, будто она никуда докатиться не может, как в очередной раз со всего размахом влипла личиком в неприятности.

На этот раз глубокая Бездна явилась в образе Адина, ввалившегося в палатку и едва на колени не упавшего. Выглядел демон по-настоящему жутко. Белокурые, всегда уложенные волосок к волоску локоны, потемнели, повиснув космами вдоль бледных щёк. Вода с них не капала, а ручейками текла. Камзол ивтор где-то потерял. И рубашка, ставшая почти прозрачной, липла к телу, обрисовывая лепные мускулы. Правда, никакой красоты в этом зрелище не было. Демон больше напоминал труп, завёрнутый в тонкий саван.

— Быстрее, — шёпотом прохрипел синеглазик, выпрямляясь, опершись на руку подскочившей лекарки. — Только тихо! Никому...

— Вот мне нравится это ваше «тихо», — проворчала ведунья, косясь на свой плащ, грязной тряпкой висящий на слеге. — Устраиваете из собственного появления целое представление, а потом рычите: «Тихо!».

Адин, тяжело дыша и опираясь ладонями о бёдра, поднял голову, оглядывая койки. Его лицо изменилось буквально в мгновение ока. Теперь оно напоминало не просто труп, а мёртвого лорда. Страшного и грозного. Раненые мгновенно согласились, что они ничего не видели.

Всё-таки Арха не уставала поражаться, насколько разными могли быть её демоны. Причём окружающие их видели с какой-то другой, редко показываемой лекарке, стороны. Как будто она под маску заглядывала. А, может, они, наоборот, при девушке её надевали?

— Куда бежать-то? — ворчливо спросила ведунья, окончательно притомившись от

собственных кислых мыслей.

— К вам, в сарай. Я его туда отнёс.

Лекарка, направляющаяся уже к входу, споткнулась, сусликом замерев на месте. До неё вдруг дошло, кем этот «он» может оказаться.

— Да не Дан там! — раздражённо огрызнулся вечно спокойный Адин, нетерпеливо подталкивая девушку в спину. — Но от этого не легче.

Может, ивтору от этого факта и не легче стало, а вот Арха себя почувствовала гораздо лучше. Со всем остальным и справиться можно.

А природа, видимо, решила распоясаться вконец. Такой бури медичка на своём веку не припоминала. Мир кипел, как ведьминский котёл. И выйдя из палатки, девушка мигом почувствовала себя кусочком моркови, в этом котле варящимся. Понять, где что находится, не было никакой возможности.

Адин что-то крикнул гортанно и с его раскрытой ладони сорвался маленький голубоватый шарик. Вот на этот огненный мячик дождь с ветром не влияли никак — Арха светляку даже позавидовала. Клубок покружился над рукой демона и начал расплетаться, вытягиваясь нитью в бурлящую водой темноту.

— За меня держись! — рявкнул ивтор на ухо лекарке. — По нити иди!

И то она демона едва расслышала.

До каптёрки они всё-таки добрались. Даже живыми и почти целыми.

— Благословение работает, — выдохнула Арха, вваливаясь внутрь сарая ничуть не изыщнее Адина в лазарете.

— Чьё? — просипел пытающийся отдышаться демон.

— Тьмы...

— Хорошо бы! — понадеялся ивтор.

И, схватив девушку за предплечье, поволок лекарку в её же комнату. Спотыкающейся на щелястом полу ведунье показалось, что за перегородкой тихонько застонали Ю. Правда, это вполне могли стать шутки ветра. Да и граха в последнее время стонала нередко. У неё имелись все причины быть недовольной жизнью.

А на столе, где девушка корпию щипала и отвары готовила, Арху поджидал сюрприз. Его Высочество Адаш собственной персоной. В темноте ведунье примерещилось, что хаш-эд успел помереть до её прихода. Уж слишком заострился профиль на фоне мутного мрака.

— Свет зажги, — велела лекарка внезапно севшим голосом.

И протянула руку вперёд. Пальцы мигом наткнулись на мокрое и липкое. Но живое, определённо ещё живое. Под влагой частил неровный пульс.

Свет вспыхнул слишком резко, ослепив на миг.

— Твою мать!.. — выдала Арха, проморгавшись.

Впрочем, ситуация вполне позволяла выбрать и более крепкие выражения. На шее, прямо под закинутым к потолку подбородком принца, зияла рана. Кажется, именно такие и называли «от уха до уха».

— От и я говорю, тётенька Арха, — пискнула за спиной лекарки Ирруш. — Мать твою, а больше и сказать-то нечего.

— Ты как тут?.. — начала девушка и сама себя оборвала. — Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Неси воду и салфетки. Быстро!

— Ты ему сможешь помочь? — просяще заглядывая в лицо ведуньи почти проскулил Адин, растерявший и лордскость, и лоск.

— Понятия не имею, — рывкнула Арха, отодвигая ивтора в сторону. — Уйди, не мешайся под ногами. А лучше сделай что-нибудь полезное. Например, поработай канделябром. Ну, чего уставился? Лампу, говорю, держи.

Раздавая указания, ведунья умудрилась одновременно и рукава закатать, и кристалл достать, и на раненного одним глазом глянуть. Реальность оказалась не столь пессимистичной, как видимость. Тот, кто принцу частичное вскрытие обеспечил, постарался на славу. Разрез был широким и ровным. Но к счастью Адаша, неглубоким. Нападающий наследнику империи только кожу рассёк, да мышцы слегка задел. Трахея и артерии остались целыми.

— Ещё одно чудо, явленное Тьмой на наши несчастные головы, — пробормотала ведунья, берясь за работу. — Два чуда в один день — не слишком ли много, а? Не иначе как пакость случится.

— Ты о чём? — неуверенно спросил Адин, переступив с ноги на ноги и качнув лампу.

— Ты его решил спалить, коли зарезать не получилось? — рывкнула лекарка. — Держи свет ровнее. И я о том, что и до сарая-то мы добрались, и Его Высочество на этой стороне останется. А учитывая регенерацию хаш-эдов, то уже послезавтра опять приказы раздавать начнёт.

— Ты уверена? — уточнил ивтор уже куда более твёрдым голосом.

— И это спрашивает тот, кому я дырку в пузе заштопала? — хмыкнула Арха. — Уверена, уверена...

— Ар, ты понимаешь, что у тебя в руках сейчас судьба империи решается? — уточнил настырный демон.

— Вот-жесть Тьма! — дёрнулась ведунья, едва не снеся локтем со стола миску с водой. Девушка выпрямилась, медленно переводя взгляд с лежащего принца на Адина, и обратно. — Н-да, шуточки у маменьки... А, собственно, какая разница? Пациент — он и есть пациент. И не говори мне всякую чушь под руку!

От рывка лекарки ивтор даже назад шагнул. Но мгновенно исправился, изображая собой послушный канделябр. Впрочем, Архе уже не до него было. Она уговаривала собственные пальцы не трястись. Как-то страшновато осознавать, что ты не просто ранку зашиваешь, а штопаешь будущее престола. Теоретически это должно поднимать самооценку. Практически же лекарка едва обеззараживающий отвар с настоем от чирьев не перепутала.

— Тётенка Арха, а чего вы там про пакости-то болтали? — голосом очень хорошей девочки поинтересовалась Ирруш.

— А что? — рассеянно переспросила ведунья, борясь с желанием наложить ещё пару десятков стежков.

Для закрепления эффекта.

— Да там тётенка Ю рожает... — глубокомысленно протянула беса.

Ну а что? Всем известно: действительно приятные новости имеют устойчивую тенденцию валиться на башку скопом.

* * *

Ночь давно перевалила за середину, а буря, кажется, только сильнее разошлась. Его Высочество, никого не беспокоя, тихо лежал в отключке. Адин метался, как зверь в слишком

тесной клетке. Сначала из правого дальнего угла в левый у двери, затем вдоль стеночки, в правый и из него, по диагонали, в левый у стола. И так три раза. Потом ивотор подхватывал лампу и, подняв её повыше, замирал над принцем, рассматривая хаш-эда, словно хотел увидеть что-то принципиально новое. И снова из угла в угол.

Ирруш испуганной мышкой сидела на корточках за кроватью Ю — только глаза в полумраке посверкивали, как у настоящего грызуна. Девчонка и рада была отсюда убраться, да только сделать этого ни малейшей возможности не имелось.

Граха в перерывах между воплями, материла Тхия. И на все лады клялась, что никогда больше мужа даже близко к своей кровати не подпустит. Кстати, подголовник койки она уже разломала в щепу. Да и ножки несчастной мебели тряслись как у подагрического старика, держась из последних сил.

А Арха сходила с ума от собственной беспомощности. Она уже раз пять пробовала дотянуться до силы, которая ей позволила исцелить отца. Но с той стороны ведунье отвечали молчанием и непроницаемой стеной. Видимо, она должна была справиться сама. Вот только что ей делать, лекарка понятия не имела.

В деревне её считали знающей повитухой. Но там она людей приходовала. В тайне рождения бесов девушка тоже разобралась досконально. А вот маленький полуарифед-полуграх её ставил в тупик. Арха просто боялась хоть что-то предпринимать. Чересчур болезненные даже для закалённой воительницы схватки становились всё слабее и слабее. И на ум ничего мудрее, кроме как побиться головой о стену, не приходило.

— Арха, долго ещё? — простонала Ю, вытягиваясь пластом.

Приступ боли отпустил, но от этого лучше выглядеть демонесса не стала. Белые волосы так намокли от пота, что казались тёмными. А глаза обвели даже не синие, а багровые, как кровоподтёки, круги. Впрочем, и сами белки покраснели — сосуды полопались.

— Не скули! — огрызнулась ведунья, обтирая лицо подруги мокрым полотенцем. — Всё идёт как надо. И ребёнок сам знает, когда ему на свет появляться. Тоже мне, медичка. Несколько часов схваток и уже готова на стенку лезть.

— Тебе бы так! Хорошо рассуждать со стороны... А, Тхия, чтоб тебя Тьма забрала!

Лицо Ю перекосила новая судорога. Граха вцепилась в остов кровати так, что дерево закрипело.

В данный момент Арха с демонессой была полностью согласна. Ведунья тоже не имела ничего против прогулки Тхия во Тьму. Типично мужское поведение: нагадил и в кусты. А ты тут разгребай за ним. Мог бы и явиться в такой ответственный момент.

Лекарка наклонилась над гигантским бугром живота, выслушивая пока ещё ровно бьющееся сердечко. И только тут заметила тёмное мокрое пятно, расплзающееся по простыне, укрывающей ноги Ю. Неверный свет масляных ламп мешал разглядеть кляксу раньше.

Сердце девушки испуганно трепыхнулось и рухнуло под желудок, перестав биться.

— Я сейчас... — пробормотала Арха. — ...только воды свежей наберу.

К счастью, грахе было не до лепетаний ведуньи. Она вообще не заметила, что девушку стрелой вымело в соседнюю комнату.

— У неё кровотечение началось! — придушенным шёпотом выдохнула лекарка, едва не врезавшись в Адина.

Ивотор, ничего не понимая, похлопал длиннющими ресницами и мотнул подбородком снизу вверх, мол: «И что?».

— Что мне делать?! Ей хирург нужен! — зашипела ведунья, обеими руками вцепившись в его камзол.

— Ты меня спрашиваешь, что тебе делать? — потрясённо прошептал демон. — Откуда я знаю?!

— Ты же всё знаешь!

— Ну не о родах же! — Адин крепко взял лекарку за плечи и хорошенько потряхнул. — Ар, не сходи с ума. Соберись!

— Точно. Надо собраться, — Арха запустила обе пятерни в волосы, резко их дёрнув — аж слёзы на глаза навернулись. — Я её в ставку отвезу. Ирруш, иди сюда немедленно! Запрягай лошадь. Только не говори, что ты не умеешь или боишься на улицу выйти!

— Но я и вправду боюсь, тёточка Арха... — проскулила беса, стараясь вжаться в стену.

— Живо, сказала! — ведунья схватила девчонку за шиворот и так толкнула её к дверям, что беса едва на полу не растянулась. — Пойдёшь по стене каптёрки, потом сарай, а там и конюшня будет. Бегом! Иначе я тебе такого пинка дам...

Кажется, лекарке впервые удалось по-настоящему испугать Ирруш. Девчонка только лупанула вытаращенными от ужаса глазами и действительно припустила, подхватив юбку.

— Арха, я сказал, не сходи с ума! — прорычал Адин и ещё раз основательно потряхнул девушку. — Ты что придумала? Совсем рехнулась?

— Да отпусти ты меня! — ведунья обеими руками ударила по предплечьям ивтора. — Ничего я не рехнулась. Я ничего сделать не могу. Я ничего не знаю ни о арифедах, ни о грахах. Ю даже резать уже поздно, понимаешь? Тут хирург нужен!

— Да ты себя послушай! То ей хирург нужен, то резать поздно! И никто тут ничего про это не знает. Ты почти год в этом убеждалась! — кажется, вечно спокойный, как лесное озеро демон был морально готов дать Архе хорошую затрещину. — Если тебе так нужен хирург, то я сейчас их всех приволоку! Тогда...

Блондин вдруг замер, так и не закрыв рот. И глядя поверх головы лекарки увеличившимися едва ли не вдвое глазами. Зрачок демона так расширился, что лазурь почти пропала, скрывшись под чернотой.

— Что там? — просипела ведунья.

Когда тебе за спину так смотрят, стремление намочить юбку становится почти невыносимым.

— Не шевелись, — беззвучно, одними губами проговорил ивтор. — Только не шевелись.

Белёсый шарик чистого света неторопливо, будто даже с ленцой, вылетел откуда-то сзади. И по-прежнему не спеша поплыл вдоль стеночки. Совсем нестрашный, примерно с кулак Архи, похожий на огоньки демонов. Может, только не такой яркий. А ещё он едва слышно потрескивал, словно кузнечик в летний полдень. В воздухе запахло чем-то сладковато-въедливым, першащим в горле. И волоски на всём теле встали дыбом во вполне прямом смысле этого слова. Даже на голове приподнялись.

— Что это? — так же, только губами, выдавила лекарка.

— Шаровая молния, — отозвался побелевший до цвета гашёной извести Адин. — Не шевелись...

Ведунья и не собиралась, замерев, как перепуганный кролик.

Шарик на них не обращал ни малейшего внимания. Плыл себе и плыл вдоль стены, словно изучая комнату.

— Тётя Арха! Я телегу-то...

Дверь в каптёрку распахнулась, треснувшись о стену. И порыв по-хозяйски ворвавшегося ветра смел со стола всё, что на нём лежало. Только принц остался там, где был.

Ненадолго.

* * *

Арха и сама не верила, что всё наконец-то закончилось. Вроде и времени не так много прошло — утро, новорождённое и неуверенное, только разгораться начинало. Но ведунье казалось, что прожила она не ночь, а как минимум лет десять.

Лекарка ткнулась в ладони, потёрла мокрое и в то же время заскорузлое лицо. Обожжённая кожа тут же начала зудеть. Но в этом было даже что-то приятное. Наверное, несильная, но назойливая боль помогала лучше прочувствовать радость жизни. Без всякого ёрничания радость: они живы, почти здоровы и всё, наконец, позади.

Ведунья откинулась на спину, брызнув водой. Телега сейчас больше лодку напоминала. Затопило её на ладонь, а то и выше. Солома, покрывающая дно, набрякла, расплзшись в склизкий, как холодная примочка, кисель. Но сейчас это никаких неудобств не вызывало. Наоборот, такой компресс помогал — ожоги не так пекло.

Ю спала. Даже посапывала во сне совсем по-детски. У Архи в голове не укладывалось как граха может после всего этого спать? Но демонесса вырубилась почти мгновенно — лекарка и пуповину перевязать не успела. Маленькое чудовище, плод любви недальновидных родителей, едва слышно попискивал на груди матери, как щенок.

Конечно, Ю родила никакое не чудовище. А нормального здорового — на взгляд лекарки даже чересчур здорового — мальчишку. Страшного, сморщенного, красного в жёлтой смазке. И мгновенно требовательно заоравшего. Кажется, малыш считал: этот мир ему обязан уже просто потому, что он родился. Видимо, габариты дитёныш унаследовал от мамы, а лордскую спесь от папы.

Арха улыбнулась, поправив собственную нижнюю рубашку, заменившую пелёнки. На самом деле, малыш прекрасен. И капли дождя, поблескивающие в лучах ещё невидимого солнца, бисером усеивающие каждую травинку, иголочку хвои и веточку, тоже прекрасны. И дымка тумана над раскисшей землёй. И робкий пересвист просыпающейся птицы. Даже запах палёной шерсти от основательно укороченных волос. Всё было прекрасно.

«Встать не хочешь? — ехидно поинтересовался внутренний голос. — Там вроде где-то принц дважды раненный валяется. Да и выблудить из этого леса неплохо бы...».

— Не-а, не хочу... — вслух, но шёпотом ответила лекарка, блаженно потягиваясь, морщась от боли в натруженных мышцах и счастливо улыбаясь.

Ей не только вставать не хотелось, но и просто пережитую ночь вспоминать. Слишком много событий и каждое кошмарнее предыдущего.

Взрыв, как будто в каптёрку кто-то зашвырнул огненный шар, размером с бочонок. Её собственный истошный визг. Щепки, разлетающиеся, словно стая испуганных бабочек. Треснувшая пополам потолочная балка. Кусок дерева, размером с ногу взрослого мужчины, падающий на грудь кронпринца. Адаш, сложившийся от удара, будто сесть пытающийся. Залитое кровью лицо Адина и чёрный провал рта, распахнутого в беззвучном крике.

И горящий лазарет. Под хлещущим дождём, в ураганной круговерти воды — горящий,

полыхающий гигантским костром.

Ивтор сам погрузил на телегу и орущую Ю, и ведунью усадил на место возницы, сунув ей в руки вожжи. «Увози её, немедленно! И пришли врачей, помощь! Адаша обломками засыпало! Ну же, Арха, выйди из ступора!»...

А дальше... Дальше была чернота, до краёв, как чашка, наполненная водой, ветром и оглушающим треском молний. Ни дороги, ни даже направления. Сходящая с ума лошадь, брыкающаяся, встающая на дыбы, норовящая перевернуть телегу. Ехать они не смогли, да и не умела лекарка повозкой управлять. Пришлось брать конягу за удила и, ежесекундно норовя попасть под бьющие копыта, тянуть животину вперёд. Или хоть куда-нибудь.

Потом буря начала стихать, а ребёнок решил-таки родиться.

Что из этой ночи стоило назвать самым ужасным, Арха понятия не имела. Всё по отдельности претендовало на титул кошмара. Вместе же и вовсе слилось в кусочек пройденной Бездны.

Зато сейчас было хорошо.

За лазарет лекарка не волновалась. Такого костра не заметить из ставки просто не могли. И наверняка пришли на помощь. Не сами командующие, понятно. Но адъютантов точно отправили. А, значит, раненых на произвол судьбы никто не оставит. Скребла, конечно, мысль об Адаше. Но девушка упорно запихивала её в самый дальний угол. Всё равно в данный момент ведунья ему ничем не могла помочь.

А в остальном жизнь прекрасна и удивительна.

— Тю, ты глянь! Да это ж бабы! — чужой голос резанул ухо, как воронье карканье.

Лекарка тихонько застонала, обеими руками взъерошив остатки волос. Даже о том, чтобы просто сесть думать было тошно. Но подниматься пришлось. Правда, Арха тут же рухнула обратно. Огромная туша, резко воняющая мокрой псиной, повалила лекарку на солому, расплескав воду, как в настоящем озере. Горячий шершавый язык прошёлся по лицу раз, другой.

— Ир? — пробормотала ведунья, стараясь вывернуться из-под ласк щенка и нащупывая под шкурой ошейник. — Ир, это точно ты?

Пёс коротко и звонко тьякнул, соглашаясь, что это действительно он.

— Гляди-ка! Вроде хозяйку признал? Так, это из лагеря бабы иль чё?

Архе наконец удалось отпихнуть неподъёмную тушу собачьего детёныша в сторону. Сделать это оказалось совсем непросто. Телега всё-таки в ширину не растягивалась. А справа мирно спали Ю с младенцем. Но с задачей лекарка справилась и даже снова села.

Правда, тут же об этом и пожалела. Рядом с понурившейся лошадью, под деревьями, да и просто вокруг стояли мужчины. Ещё ободраннее и грязней, чем девушка помнила. После последней встречи их ряды явно поредели. Но всё равно немало — душ двадцать.

Ровно на двадцать больше, чем Архе хотелось бы.

— А я ведь её тоже признал, — прищурился один из бандитов, придерживающий конягу, впряжённую в телегу, за узду. — Эта та, подстилка демонова. Шо на поляне тады травки дёргала.

— Точно, она и есть! — нехорошо осклабился другой, окидывая ведунью плотоядным взглядом.

Правда, смотреть он мог только одним глазом. Второй закрывала грязная почти чёрная повязка, из-под которой лезла багровая подушка отёка.

— Ну вот почему сразу подстилка? — вздохнула лекарка. — Кстати, у вас воспаление

началось. Ещё немного затянете и отправитесь вслед за вашим глазом.

— Чаво ты там бормочешь? Умная штоль? — ощерился раненный. — Так я из тебя щавмиг умность-то выколочу. Вишь ли, должок к твоим дружкам имеется. Ну, с тебя и стребую.

— Погодь, Сивый, — осадил бандита главарь. — Про старшинство-то не забывай. Ты, стал быть, третьим будешь. Иль вон ту, дохлую забирай.

— Она не мёртвая! — возмутилась Арха. — Спит просто. Разродилась только перед рассветом.

— О! Дажить и не дохлая, — порадовался тот, кто лошадь держал. — Так что забирай, Сивый.

— Вы глухие или как? — ведунья собственным ушам верить не хотела. — Она только что родила!

— И чё? После этого не баба чтоль? — изумился вожак.

И вот только тут до лекарки дошло: всё происходящее не сон. И не бред. И ей ничего не мерещится. Всё происходит взаправду. А самый страшный кошмар ещё только начинается.

Жизнь как туалетная бумага. Чем её остаётся меньше, тем больше дорожишь каждым кусочком!

Из трактата неизвестного автора

Деревня будто вымерла. На улицах ни души, хотя солнце уже за полдень перевалило. Даже собаки не лаяли. И общинный луг пустовал — ни коров, ни овец, ни коз. За закрытыми наглухо воротинами и калитками чувствовалась жизнь. Но именно что чувствовалась. Как будто селяне прятались за заборами, стараясь лишний раз даже не дышать.

— Что, Тьма всех заberi, тут случилось? — пробормотал Тхия, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ему никто и не ответил. Отряд двигался молча, настороженно. Словно и не в ставку ехали, а через захваченное село пробирались. Уставшие кони вскидывали морды, нервно всхрапывая. Они тоже не радовались возвращению в привычные стойла. Сам воздух как будто набряк тревогой. И пожаром.

Отчётливо подванивало мокрой гарью.

— Эпидемия? — предположил Шай, помаргивая третьим веком.

Блондин даже не пытался выглядеть спокойно. Поводья он давно бросил, правя коленями. А ладони держал на рукоятях мечей у пояса — большим и покороче.

— Флага при въезде не было, — пророкотал Ирраш.

Шавер ехал набычившись, пригнувшись к лошадиной холке — то ли принохиваясь, то ли пытаясь что-то рассмотреть. За клинок он не хватался, но голос его звучал странно, с эдаким подмурлыкивающим порыванием. Да и кожа на лице подёргивалась, будто сама собой, как шкура кошки.

— Чушь не несите! — одёрнул гвардейцев невозмутимый, как статуя Дан. — На блокпосте нам ни слова не сказали. Значит, ничего и не произошло.

— Если это называется «не произошло», тогда я нежная девственница, — хмыкнул ифовец, быстро облизав пересохшие губы.

— Я вперёд поеду! — решительно отрезал Тхия, явно собираясь дать коню шенкелей.

Но единственный быстрый взгляд хаш-эда его мгновенно утомил, заставив придержать лошадь.

— Никто никуда не рвётся, — отчеканил лорд Харрат. — Кончаем истерить. Флаги над ставкой видите? Всё в норме.

Ураган мотнул мордой, недовольно косясь на хозяина багряным глазом, оскалился. Слишком туго натянутая узда жеребцу едва губы не порвала. Дан поморщился, заставляя себя разжать кулак с зажатыми поводьями. Нагнулся, потрепав лошадь по щеке — извинился. Но при этом демон смотрел только вперёд. Багровое пламя посверкивало отсветами за прищуренными веками.

Пожарище открылось сразу и неожиданно. Завернули за последние дома центральной улицы и вот оно. Слишком резко. Мозг не успевал справиться с полученной информацией. Взгляд обшаривал мокрый пустырь, заваленный горелым деревом и обрывками парусины. Глаза искали привычные сараи и натянутые тенты палаток. И не находили — только

пропитанная влагой чернота.

Развевающийся на ветру травянисто-зелёный подол был единственным ярким мазком на фоне серо-чёрного пожарища. Неуместно живым почти кошунственным пятном. Ллил безошибочно обернулась в сторону подъезжающих всадников, придерживая облако светлых волос рукой. Тёмные глаза на почти белом лице казались провалами.

— Ламиния^[10]!.. — ахнут кто-то из солдат.

Ирраш негромко рыкнул.

— Три наряда вне очереди, — гавкнул Дан, пытаясь справиться с Ураганом. Жеребец упирался, шёл боком, не желая ступать в раскисшую гарь. — За суеверия!

Тхия спешился первым, не удосужившись даже лошадь к забору привязать. И почти побежал к девушке, волоча по грязи плащ, как тряпку. Он и побежал бы, но ботфорты вязли в жиже по щиколотку. Демон и так едва не упал поскользнувшись.

— Да что тут?.. — начал Шай, спрыгнув на землю и ловя поводья арифедовой лошади.

И не договорил, осёкся.

Адина не было видно, пока он не встал. Копоть покрывала полуголового демона так густо, что ивтор казался темнее Ирраша. Только смазанные следы на лице чуть светлее, но всё равно тёмно-серые. Грязные волосы сбились в колтун. Лишь ярко-лазоревые глаза остались прежними. Даже ещё светлее на фоне черноты.

При виде гвардейца Тхия затормозил, не дойдя до друга шагов пять. И застыл на месте, судорожно сжимая рукоять меча. Сглотнул длинно, тяжело. Но ничего так и не спросил. Собственно, молчали все. Даже лошади притихли.

— Вчера Адаш пригласил меня сыграть партию в шахматы после ужина, — разорванная Адином тишина, кажется, даже треснула, как тряпка. — Я задержался, заговорился с генералом Марреш. К принцу отправился только через полчаса после того, как все разошлись. Буря к тому времени уже началась. Наследник был у себя. Лежал на кровати с раскroенным от уха до уха горлом и без сознания.

Демон провёл большим пальцем себе по шее. Кто-то за спиной Дана с шипением втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Так, — отчеканил хаш-эд, так и не додумавшись слезть с нервно перебирающего ногами жеребца. — Дальше.

— Я принёс его сюда, — Адин неопределённо повёл рукой, указывая на горелый мусор. — В смысле, в лазарет. Точнее, в сарай, где они лекарства свои хранили.

— Без подробностей! — гавкнул Дан.

Ивтор кивнул, будто соглашаясь, что подробности тут ни к чему.

— Привёл Арху. Она осмотрела Адаша, рану обработала. Сказала, что с ним всё в порядке будет. Потом...

Синеглазик замаялся, быстро и воровато глянув на Тхия, зачем-то потёр голую грудь — только сажу размазал.

Арифед по-прежнему молчал, даже губы стиснул в нитку.

— Ну? — поторопил Адина рогатый.

— У Ю роды начались. С... — блондин сглотнул, поведя шеей, словно она болела, — ... с осложнениями. Арха занервничала, велела Ирруш телегу запрягать. Собралась к хирургам ехать. А на улице уже вообще мрак творился.

— Ты их отпустил? — едва слышно просипел Тхия.

Даже и эти слова ему дались с большим трудом. Да и увеличившиеся до длинны

мужского пальца клыки говорить мешали.

— Естественно, нет, — спокойно ответил ивтор. — Я хотел сам за хирургом идти. И тут влетела молния. Шаровая. Ударила в балку. Слеги мгновенно посыпались, пожар начался. Сараям-то лет по двадцать. Занялись, как трава. Адаша завалило. Я посадил Ю с Архой и телегу, велел ехать в ставку. Побоялся их рядом с пожаром оставлять.

— И что... — Дан точно как Адин до этого повёл шеей и спросил явно не то, что собирался. — Что с принцем?

— Ничего хорошего. Но и слишком плохого тоже ничего, — блондин постоянно косился в сторону. Потом, будто спохватившись, поднимал голову, глядя на Харрата. И снова отворачивался. — Хирурги сказали, что у него несколько переломов. На ноги встанет.

— Так... — хаш-эд отёр лицо ладонью и недоумённо уставился на собственную руку. Сдёрнул перчатку зубами, швырнув её зачем-то на землю. — Где девушки?

— В ставке они не появлялись, Дан, — громко — громче, чем до этого говорил, ответил Адин, чётко проговаривая каждое слово. — После того, как уехали, никто их не видел. Телеги и лошади тоже. Следов нет, всё размыло.

— Какие следы? — прохрипел Тхия. Его лицо деформировалось, чертыплыли, как будто кто-то мягкую глину мял. — Там моя жена! И ребёнок! Ты!..

— Стоять! — Рывкнул Дан и добавил, уже куда тише, — Стоять. Сначала их найдём, остальное потом, Тхияш.

— Ло, ты Арху чувствуешь? — неуверенно, даже по-детски жалобно протянул Шай. — Ты же её чувствуешь, правда?

Хаш-эд медленно мотнул головой. Только влево — и всё.

— Она спит. Поэтому я и её и не воспринимаю, — уверенно заявил Дан, разбирая поводья. — Но цепочку-то всегда чувю. Поехали. Тхия, в седло!

Ураган сорвался с места так, что грязь из-под задних копыт веером разлетелась.

* * *

Это даже поляной можно было назвать с большим трудом. Становище, хутор? Расчищенное от деревьев пространство не меньше ста шагов в ширину и столько же в длину. Постоянные места для костровищ чернели спёкшейся в камень землёй. Ветер непрозрачно намекал, в какой стороне за кустами общее отхожее место. Только вместо домов тут шалаши стояли — по крайней мере, обгоревшие остовы напоминали временки, какие охотники плетут. Летом в таких нежарко, а ночью не холодно. И небольшой костерок внутри развести можно.

Правда, ещё сегодня утром кто-то здесь решил развести пламя пожарче. А точнее, спалить всё к Тьме. Только благодаря ночной буре лес, стеной стоявший вокруг, не занялся. И от лагеря что-то осталось. Хотя, наверное, трупы, украшающие ветки, и в огне бы уцелели. Подвесили их со знанием дела, повыше.

— Светлые, — вынес вердикт Ирраш, рассматривая мужчину, подцепленного за ногу.

Внимательно так рассматривая, наклонив голову к плечу, сосредоточенно переводя взгляд с одной гирлянды сизоватых кишок на другую. Внутренностей в бесах много, фестон получился богатым.

В ответ Дан лишь кивнул. Но к повешенным даже головы не повернул. Только он да

Тхия не таращились по сторонам, а смотрели на другой конец поляны — на тела, сваленные грудой. Без сомнения, тут поработали светлые. Только их диверсионные группы развлекались подобным образом — запугивали. Трупы тех, кто сопротивлялся, развешивали повыше. А тех, кто убежать пытался, сваливали кучей.

На ветках покачивались только мужчины.

— Ты ошибаешься... — тихо, почти шёпотом, выдавил Тхия.

Арифед румяностью никогда не отличался. Сейчас же его кожа в синеву отливала. Щёки ввалились, подчёркивая заострённые скулы, бледно-серые губы стали совсем неразличимы. Горевшая огнём рыжая шевелюра на фоне этой серости казалась чужой.

— Ошибаюсь, — спокойно кивнул Дан. — Наверняка они здесь просто были, а потом пошли дальше.

Но с места хаш-эде не сдвинулся. Лорд Харрат не бледнел и ногти до крови как Шай не обкусывал. Он просто больше чем обычно статую напоминал. Только губы иногда двигались чуть заметно. Да в глазах плясало пламя Бездны.

— Но посмотреть надо... — ещё тише пробормотал арифед.

— Надо, — снова кивнул Дан, с места так и не двинувшись.

Ирраш что-то буркнул себе под нос, покосился на рогатого, прыгнул на землю. И остался стоять там, где прыгнул, держа коня за повод.

— Ты, конечно, первостатейная сука, но не настолько же! — крикнул вдруг Шай, задрал голову к небу и скалясь совсем уж по-звериному.

Небо промолчало. Только отяжелевшее вороньё неохотно снялось с веток, раздражённо, ворчливо каркая. Да ветер лениво игрался с трупами-марионетками, поскрипывая верёвками, поворачивая их вокруг собственной оси.

Блондин, стиснув зубы так, что желваки выступили острыми углами, спешил. Запутался каблуком в стремянах, рванул ногу, едва не разодрав сбрую. И пошёл к другому краю поляны, по щиколотку увязая в раскисшей гари.

Дан на миг прикрыл глаза, пытаясь прогнать тоскливое, сосущее чувство «уже было». Не помогло, сцена не изменилась. Только не хватало росчерка зелёного платья. И вместо Тхия чёрный плащ волочился за Шаем.

— Я не могу... — просипел рыжий. — Я просто не могу...

— Я тоже не могу, — поскрипывая связками, жестяно отозвался Дан.

И тяжело неповоротливо, как ворона, нажравшаяся падали, слез с седла. Демону мерещилось, что он не двигается, стоит на месте. Это куча трупов, покачиваясь, надвигается на него. И впереди, как маяк, белел, мотаясь из стороны в сторону, непривычно короткий хвост блондинистых волос Шая. Дан пытался сосредоточиться на нём. Но взгляд постоянно соскальзывал, предательски выхватывая то одну деталь, то другую.

И ничего, абсолютно ничего привлекательного в этих деталях не было. Труп — это труп. Смерть никого не украшает. А когда тело пытаются сжечь, то его вид неприятен даже демону. Даже военному. Даже королевскому гвардейцу. Сколько бы ты такого ни видел, а от обожжённого до черноты мяса, торчащих сквозь порванную кожу костей и провалов выбитых зубов на разрубленных лицах всё равно тянет блевать. Настойчиво так тянет, активно.

Лорд Харрат всё-таки не выдержал — вывернул завтрак под ближайший куст. Просто кучу пришлось разбирать. По одному снимать трупы и выкладывать их рядом — иначе не поймёшь, где чьё. Это была плохая работа. Совсем, совсем плохая. Женщины, подростки,

пара стариков. Уж лучше б мужики. Может, ненамного, но лучше.

Только светлые забыли позаботиться о душевном спокойствии демонов. И вот когда руки паренька, которого они с Иррашем переносили, остались у Дана, а ноги с половиной тела у шавера, лорд и не выдержал.

А пока он в спазмах корчился, Тхия заорал. Или завыл? Собственно, хаш-эд и понял, что кричит рыжий, только после того, как обернулся.

Арифед, стоя на коленях, раскачивался вперед-назад и выл. Длинно, сколько хватало дыхания. Набирал полную грудь воздуха и снова выл. И снова, и снова.

На земле лежала женщина. От волос и лица у неё совсем ничего не осталось. Шевелюру съело пламя, удар палицей перетёр черты в кровавую кашу. А вот рубашку с бережной грахской вышивкой пощадил и огонь, и оружие.

Дан, словно в густом бульоне плавающий, не успел подойти к Тхия. Ему дорогу солдат преградил. Хаш-эд встал, как вкопанный, тупо мотая головой. Имя этого беса он забыл. Вот напрочь из памяти вылетело. А вспомнить его сейчас было очень важно. Важнее всего.

Важнее даже зелёного, похожего на оплывшую сосульку кристалла, тихонько покачивающегося на серебристой цепочке, которую вояка в кулаке сжимал. Но амулет, словно издеваясь, изо всех сил пытался привлечь к себе внимание. Вращался, ловя сглаженными гранями блики солнца, игрался крохотными камешками в звеньях цепи.

А имя солдата Дан вспомнить так и не мог.

— Где? — прохрипел демон, не узнавая собственного голоса и будто со стороны его слыша.

— Да не надо вам туда ходить, мессир, — стыдливо отворачиваясь, прогудел бес. — Леди-то с самого краешка лежала. Только не с этой стороны, а с обратной. Огонь хорошенько прошёлся. Почитай, и не осталось ничего. Зажарилась... гм!.. обгорела она знатно.

— Где? — тупо переспросил хаш-эд.

— Ну, пойдёте, что ли. Туда. Мы её в сторонке положили. И плащиком накрыли.

Дан поднял голову, чтобы посмотреть, куда идти. Но зачем-то оглядел поляну.

Ирраш монотонно, как дятел, долбил кулаком сосну. Опираясь на её же ствол левой рукой. Мелкие тёмные брызги летели на занавесившие лицо волосы. И не разберёшь, кровь это или щепки коры. Шай застыл посередине пепелища, снова разговаривая с небом. Но на этот раз беззвучно, только шевеля губами. Ивтор сидел на земле, ткнувшись лицом в руки, сложенные на коленях.

А Тхия выл.

* * *

Адин вроде и не крался, и не старался специально двигаться тише, а всё рано вошёл бесшумно. Впрочем, звуки как будто вообще приглушили: двери не хлопали, половицы не скрипели, каблуки по полу не стучали. И пусто кругом. Куда ни глянь — пусто. Вроде бы и окружающие те же, никто никуда не делся. Что значит две девушки, когда вокруг сотни демонов, бесов, людей? Но не хватает.словно из часов шестерёнку вытащили — деталька крохотная, а механизм сбоит.

Ивтор прикрыл за собой дверь, но проходить не стал. Оперся лопатками о притолоку,

сунул руки в карманы. Раньше он таких жестов себе не позволял.

— Я не верю.

В голосе Дана эмоций и на медяк бы не наскреблось. Тон ровный и серый, как туман. Демон сидел за столом, опершись на локти, и смотрел на зелёный кристалл, играя цепочкой, заставляя его раскручиваться то в одну, то в другую сторону.

— Данаш...

— Я не верю, Ад. Не верю — и всё. Постоянно пытаюсь до неё дотянуться.

— И что?

Хаш-эд неопределённо пожал плечами.

— Свет. Как стеной — свет. Упругий такой, не пробиться. Вязну.

— Свет или свет? — тихо переспросил Адин.

— Не знаю, — Дан коротко мотнул рогами. — Белый, ровный такой свет. Жжётся. Но в нём как будто тени. И ещё что-то... Цвета? Не знаю.

— Это же хорошо, Дан. Прости, но этому радоваться надо. Значит, Мать её всё-таки забрала. Тьме не отдала, — осторожно и предельно мягко сказал блондин.

Хаш-эд снова кивнул, но отвечать не спешил, раскручивая перед глазами кристалл.

— Ты же сам знаешь: когда душа уже ушла, то понять, кто это было невозможно. Остаётся только тело. А тело — это всего лишь... — ивтор споткнулся, подбирая подходящее слово.

— Мешок мяса, костей и дерьма. Знаю, — совершенно спокойно ответил Харрат. — И не разберёшь, хаш-эд это или баран. Разве что по форме рогов. А у неё и рогов нет. Но не получается себя убедить, что это Арха.

— Я понимаю...

— Вряд ли, — усмехнулся Дан. — Ты у нас самый понимающий, но это тебя вряд ли доступно. Я всегда знал, что она уйдёт раньше. Скоро, очень скоро. А мне придётся доживать без неё. Это стало любимым кошмаром, представляешь? — хаш-эд покосился на Адина. — Снилось, что я мёртвую обнимаю. В смысле, что я будто проснулся, а она рядом лежит. Ледяная, окостеневшая. И на меня смотрит. С этой её вечной улыбочкой. Ну, вроде как неуверенно, исподлобья глядит. А улыбается, будто подарка от тебя ждёт, знаешь?

— Знаю, конечно, — ивтор улыбнулся и, спохватившись, тут же нахмурился.

— Вот. Именно так и улыбается. Только глаза как стеклянные. Но всё равно на меня смотрит. Она вечно смотрит на меня. Понимаешь? Будто я для неё пуп Вселенной. Думает, что я этого не замечаю! — Дан сжал цепочку в кулаке. — И опять смотрит. Только мёртвая.

— Послушай...

— То, что она ушла, переживу. И то, что Арха вернулась к своей Жизни — хорошо. Я без неё в Бездне останусь, но всё равно хорошо. Она же снова родится. Но... Да нет, это тоже переживу. Только вот... — демон ткнул лбом в кулак с зажатой цепочкой. — Я не сказал, что люблю её. Ни разу. Никогда.

— Она и так знала.

— Знала. Но я ей не сказал. Всё боялся, что она на меня ошейник нацепит, власти почувствует. Личное пространство оберегал. Самолюбие лелеял. Тьма, кому это всё нужно? Ну вот скажи ты, кому?

Дан косо, из-под кулака, глянул на ивтора.

— Ты такой, какой есть. И она тебя любила таким, какой ты есть...

— Да иди ты во Тьму с этой... — хаш-эд, оскалившись, выдал такой эпитет, которого

гвардейцу от него слышать ещё не приходилось. — Знаешь, что я тебе скажу? Это я её убил. Взял и убил. Повёлся! «Пусть ребёнок в самостоятельность поиграет. Она ведунья, это в её природе и я должен ей позволить быть самой собой». И что в итоге? Зачем сюда притащил? Чтобы рядом была? Ну так её теперь у меня нет! Нету, понимаешь?! Никакой нет!

— Нет, — тихо ответил Адин. Его убаюкивающий голос после воплей Дана звучал особенно мягко. — Но пойдёшь ты против её желаний и Архи у тебя давно бы не было. Она, может, никуда и не ушла. Только от Архи там мало что осталось.

— Ты предлагаешь мне радоваться воспоминаниям? — прорычал Харрат. — А то и такие умники нашлись! «Вы провели вместе почти два года! Это уже немало! Стоит за это благодарить!».

Адин опять не выдержал — улыбнулся. Кто этот умный утешальщик, демон знал прекрасно. У Шая до сих пор глаз не открывался, заплыв синяком до самого виска. Хотя с момента неудачного утешения уже три дня прошло.

— Нет. Я предлагаю перестать налегать на демонический эгоизм, — серьёзно ответил Иватор. — Понимаю, думать прежде всего о себе для нас норма. Но, может, хватит? Ты себя слышишь? Я, мне, моё, у меня. Именно поэтому ты не сказал ей того, чего она ждала. Сам только что страдал, помнишь?

— Помню, — равнодушно отозвался хаш-эд, снова раскручивая перед глазами цепочку. — Ты прав, я прав. Всё правы. Это что-то меняет?

— Сейчас нет, но в будущем...

— Насрать мне на будущее, Ад, — абсолютно ровно сообщил Дан. — И ты, видимо, выдохся. Слишком умные и слишком правильные слова говоришь. Поэтому лучше помолчать.

Иватор кивнул, соглашаясь с тем, что в данном случае лучше помолчать.

— Так или иначе, а нам пора. Все только тебя ждут.

— Много народу собралось? — по-прежнему равнодушно, совершенно не интересуясь ответом, спросил хаш-эд.

— Много. Кто у Архи лечился. Новобранцы, которых Ю зимой дрессировала. Деревенские. Так что порядком набралось.

— Ирраш вернулся?

— Нет. Он появлялся — вчера вечером и сегодня с утра. Но подходить не стал.

— Всё так же кошкой мечется?

Блондин кивнул, хотя Дан в его сторону даже и не смотрел.

— Почему я так не могу, а? Полжизни бы отдал, чтобы зверем хоть с недельку побыть. Наверное, ему проще. Разум-то тоже почти звериный. Носись себе, обдирай стволы да лосей заваливай. А повезёт, так медведь попадётся. Или светлый, — хаш-эд, медленно наматывая цепочку на палец, подтянул кристалл, зажав его в кулаке. — Кстати, интересная вещь. Мы вот говорим: «Полжизни бы отдал». И думаем, что это очень много. Вроде как щедро расплачиваемся. А тут — бац! — и оказывается, что это почти ничего. Половина от двадцати трёх — это же одиннадцать с небольшим. Мало.

— Пойдём, Дан, — повторил Адин.

Демон кивнул, повесил кристалл на шею, убрав его под рубашку. Поморщился — амулет Жизни, протестуя против такого соседства, ужалил, как медуза. И встал, тяжело опираясь на столешницу.

Народу действительно собралось немало. Но на выгоревшем пустыре, где раньше госпиталь стоял, живые всё равно выглядели жалкой кучкой. Может, оттого, что жались друг к другу, стараясь встать плотнее. И всё равно никакого единства тут не наблюдалось. Крестьяне собрались в стороне, солдаты сгрудились чуть поодаль, офицеры встали у самого помоста. Как раз позади опирающегося на костыль Адаша, Лилл и гвардейцев. Их было только четверо — Ирраш так и не явился.

Природа подгадала. Нахмурилась, затянула небо свинцовыми тучами, крапала мелким, назойливым дождиком. Будто на дворе не конец весны, а самая настоящая осень. Но сияющее солнце сейчас, наверное, кошунством показалось.

Высокий, в семь ступенек помост чернел на фоне горизонта плоским абрисом. Дрова под ним лежали аккуратно сложенными поленицами, а не валялись грудой. Солдаты — бывшие новобранцы и бывшие пациенты — не поленились. Накануне весь день тюкали топорами и скрипели телеги, возя бревна из леса. Хотя их никто об этом не просил.

Так они ещё и соорудили на помосте что-то вроде широкого ложа. А крестьянки — тоже по собственной инициативе — застелили его небелёным полотном. И засыпали цветами так, что казалось: тела, завёрнутые в тонкие саваны, лежат на цветочной перине. Сверху их закрывало цветочное же покрывало. Но оно стало необходимостью, а не проявлением заботы. Слишком уж явственно темнела под традиционными пеленами сгоревшая плоть. Хорошо ещё, что лица покойных полагалось накрывать плотными чёрными платками.

— Дяденька Дан, мне так жалко, так жалко... — просипела Ирруш, шмыгая носом.

Лицо у девчонки походило на подушку: красное, распухшее от слёз, глаз за щёлочками век не разобрать. Хаш-эд машинально кивнул, потрепав бесу по голове. Кивнул и Ллили, которая выглядела ещё страшнее Ирруш. Сжал плечо потерянно стоявшего в стороне Данаша. Демонёнок только глянул на него пустыми глазами и опять уставился на отца. Подойти к Тхия он боялся.

Впрочем, Тхия, кажется, вообще не понимал, где находится. Стоял, покачиваясь с носка на пятку, упёршись руками в поясицу и уставившись в одну точку поверх помоста.

— Начинайте, — кивнул Адаш жрецу, важно выпятившему пузо у самых ступенек.

Служитель изобразил подобострастную, но кислую улыбку, откашлялся и затянул басовито, как шмель: «Из Тьмы мы все вышли, Тьма примет нас по окончании пути...».

— Нет! — рывкнул Дан, закусил кончик уса, длинно втянув носом воздух. — Нет, не надо никаких молитв и речей, уважаемый. Давайте начнём сразу, без них.

В толпе крестьян кто-то придушенно ахнул. Над солдатами прошёлся гул, как порыв ветра, но тут же стих.

— Дан! — зашептал Адаш. — Ты что творишь? Я всё понимаю, но если тебе уж совсем тяжело, лучше уйди. Но дай проводить, как положено.

— Нет, — упрямо мотнул рогами хаш-эд. — Арха не от Тьмы. Да и Ю в Бездне делать нечего.

— Правильно, — совершенно неожиданно и абсолютно серьёзно поддержал лорда Шай. — Ничего этой стерве не обломится.

Дан шагнул вперёд, вынимая из жаровни горящий факел, обернулся на Тхия и пошёл к

помосту. Один. В этот момент арифед и пришёл в себя. Переведя взгляд с горизонта на спину хаш-эда, он рванулся следом, перехватив руку Дана и жёстко её выломав, заставляя бросить факел на землю.

— Нет уж, этого ты у меня не отберёшь... — зарычал рыжий, скаля клыки. — Хватит, и так всё заграбастал. Когда же ты нажрёшься, сволочь?

— Тьма! Тхи, ты чего? — ахнул Шай, пытаясь оттащить взбесившегося рыжего от Дана. — Успокойся...

Но арифед блондина и вовсе не заметил. Он отпустил руку Харрата и вцепился в отвороты его камзола.

— Жену забрал, сына забрал, даже титул с замком забрал. А теперь и этого лишить хочешь? Я тебе поперёк глотки встал? Да и Тьма с тобой! Только скажи: за что ты меня так ненавидишь? Чтобы я хоть знал! А то придавлю, а потом от любопытства загнусь.

— Я у тебя всё забрал?! — со змеиным шипением просипел Дан, сжимая в кулаке ворот Тхия. — Да это всё из-за тебя, тварь! Это из-за тебя, твоей долбанутой жёнушки и выродка Арха погибла! Жалела всех, а вы этим пользовались, уроды!

— Дан! — Адин облапил демона за плечи, пытаясь оттащить хаш-эда от рыжего.

Но Харрат на него обратил внимания не больше, чем арифед на Шая.

— Вы совсем охренели? — рявкнул Адаш.

Да так, что даже жрец голову в плечи втянул. Вот только ни Дан, ни Тхия в его сторону даже не взглянули.

— Так я тебя сейчас за ней следом отправлю! — рыжий утробно рыкнул, продемонстрировав клыки до дёсен.

Лорд Харрат на угрозы размениваться не стал. Он просто стряхнул с себя Адина, всего лишь плечами поведя. И...

Что случилось дальше, никто из присутствующих толком и не понял. Даже те, кто знали, куда и как смотреть. Два демона вдруг стали едва различимыми мечущимися тенями. Их рёв, рык и шипение переполнили воздух, сделав его плотным, как масло. В помост что-то врезалось, один из столбов треснул вдоль, ложе опасно накренилось, тело шевельнулось, будто раздумывая: упасть или нет. Вырванная с корнем трава разлеталась фейерверком, засыпая комками земли шарахнувшихся в стороны зрителей. Истошно завизжала женщина. Ирруш, сунув оба кулака в рот, завывала, тараща в никуда побелевшими от ужаса глазами.

Неразборчиво гаркнул Адаш, зачем-то подняв обе руки вверх. Его фигуру вдруг оплели щупальца чёрного клубящегося мрака. Это стало последней каплей — пришедшие на похороны, а угодившие прямо в Бездну, вопя, бросились врассыпную. Даже офицерские нервы не выдержали. Адин плашмя рухнул на землю, подминая под себя орущую Ирруш и утягивая за руку Ллил. Шай ласточкой нырнул под помост, прихватив с собой Данаша.

День померк, словно чёрные щупальца, изгибающиеся вокруг кронпринца анемонами, высосали из неба тот немногий солнечный свет, что был. Дымный мрак потянулся в сторону размытых, как акварель по листу, теней.

— А что здесь, собственно, происходит? — поинтересовалась Арха. — Нам уже стоит прятаться или можно подождать чуть-чуть?

Мир замер. Щупальца опали, клубясь над мокрой травой безобидной дымкой. Даже убегающие притормозили оборачиваясь. Все, естественно, как один таращились на ведунью, легонько покачивающую кулёк у груди. И Ю, опирающуюся о плечо лекарки.

Лошадь, впряжённая в изрядно потрёпанную телегу, всхрапнула. Мол: «Вы как хотите, а

я тут абсолютно ни при чём!».

— ... — выдал наследник престола. Подумал и добавил, — Нет, это настоящий ..., мать вашу! Тьма!

Адаш обречённо махнул рукой и поковылял куда-то, волоча костыль за собой.

Глава восемнадцатая

Жизнь — это движение! И во всех случаях мы движемся в сторону кладбища.

Запись на полях анатомического атласа для студентов-медиков

Самое обидное: до тракта они не доехали всего ничего. По крайней мере, мародёры решили, что «долги» на месте они взыскивать не будут — до дороги рукой подать. Какой-нибудь мимо проезжающий отряд может и помешать интиму. Арха как это услышала, так едва зубами от злости не закричала. И чего ей стоило, вместо того, чтобы росой любоваться, проехать чуть дальше? Только сокрушаться поздно было. Теперь-то чего? Скрепи не скрипи.

Сопротивляться она даже и не пыталась. Понимала, что ничего это, кроме пары дополнительных синяков, а, может, и переломов, не даст. Послушно слезла с телеги, без споров дала себе руки связать. На ведунью вообще апатия накатилась. Даже мысли вроде: «Что же делать!» — не докучали. Лишь бы всё побыстрее закончилось. А там...

Ю мужики растолкали и, помогая пинками и крепким словом, заставили граху спуститься на землю. На которую она и села, тараща перепуганные глаза и прижимая к себе попискивающий кулёк. Кажется, демонесса напрочь забыла, что она вообще-то грозная воительница. С другой стороны в такой ситуации даже мужчине-воину оставалось только глазами лупать. Против двадцати вооружённых дезертиров в одиночку с голыми руками не пойдёшь. В смысле, пойти то можно. Только далеко ли ты уйдёшь?

Телегу лихие люди решили с собой прихватить. Правильно, чего добру пропадать! Заодно и граху обратно запихнули. Всё равно самостоятельно идти Ю не могла даже под угрозой самых страшных кар.

Бандиты оказались не только злопамятными, но ещё и очень упрямыми. Лишь тот, кто протаскивал обычную крестьянскую повозку через подлесок и буреломы, может оценить всю прелесть этого занятия. Иногда Архе казалось, что через переплетение низко висящих веток, кустов, сухостоя и лошадь-то не пройдёт. Но недаром говорят, будто упорство и труд перетрут всё, что угодно. Даже отсутствие дороги. В иных местах телегу буквально на руках переносили. А через небольшой овраг здоровенный как лось малахим лошадь и вовсе на плечах перепёр. Кажется, больше всего этому удивилась коняга.

Кстати да, в лесном братстве состояли не только дезертиры из хашранской армии. Было тут и немало светлых. Видимо, пацифистский дух одинаково влиял на бойцов обеих сторон. И заставлял их перековывать мечи... Ну не на орала, а на кистени, скорее. Присмотрелась ведунья и пару парней, которые формы явно никогда не носили. Зато наверняка неплохо умели обращаться с плугом. Что они забыли в этой развесёлой компании, оставалось только гадать.

Шёл отряд долго. Лекарка, невеликий ходок по лесным дебрям, успела сбить ноги в кровь. Да ещё и щёку себе знатно рассадилась, когда упала. Почему-то идти со связанными за спиной руками оказалось значительно сложнее, чем со свободными. Хотя вроде бы верхние конечности никак в процессе ходьбы не участвуют.

Ещё очень хотелось пить и по другим надобностям. Но об этом Арха даже не заикалась, хорошо представляя, какую альтернативу ей предложат. И писк младенца становился всё громче. Ребёнок есть хотел. Но Ю ещё не была морально готова обнажаться. Так что, терпели все.

Странно, но бандиты тоже терпели. Хотя ведунья с минуты на минуту ждала требования заткнуть детёныша. И того, что может за этим последовать.

Но, к счастью, до места добрались без происшествий. Правда, случилось это уже тогда, когда солнце висело высоко над макушками деревьев.

— Ну, ничего себе! — удивлённо выдохнула Арха, выйдя на край прогалины.

Но повод открыть рот и впрямь имелся. Встретить посреди леса, прямо под носом у разъездов Тёмных самую настоящую деревню никак не ожидаешь. Точнее не деревню, а селище. Всё-таки дома свои крестьяне старались ставить с умом, придерживаясь хоть какого-то плана. Здесь же временки, шалаши и даже армейские палатки торчали как Тьма на душу положит: тут пусто, тут густо.

А вот жителей у этого странного городка было немало: бесы, светлые, люди и существа неизвестного даже им происхождения сидели, лежали, ходили между постройками, валялись у костров и в эти же костры справляли нужду, никого не стесняясь. Имелись тут и женщины, делающие вид, что занимаются хозяйственными делами. Но, кажется, они именно притворялись, да и то с ленцой и неохотой.

Такого бардака Арха нигде не видела. Пожалуй, даже в столичных трущобах грязи и мусора меньше. Да и бездельников тоже.

— Ну, чего уставилась? — подпихнул её в спину одноглазый. — Шагай давай.

— Да понять я пытаюсь: мы вам зачем? — отозвалась ведунья, послушно перебирая ногами. — У вас, я смотрю, и своих женщин хватает.

— Не хватат! — гоготнул кто-то сзади. — Мала их, всем не достаёт.

— Да разве ж это бабы? — в сердцах сплюнул предводитель их отряда. — Дрянь, дуры. Маркитантки из тех, кто поплоче, да кабацкие девки. Да уродки деревенские уж совсем без никаких шансов, — последнее слово он выговорил тщательно, упирая, почему-то, на о. — Нет-нет, да и приبلудиться какая девка попригожей. Но тока она тут вмиг непригожей делается.

— Тьма! А старики-то тут у вас откуда? — перед одним из шалашей Арха споткнулась, снова едва не упав.

От удивления. Потому что рядом с плетёнкой, прямо на земле, только дерюжку подстелив, уютненько свернулся дедок. Когда телега проскрипела всего в паре ладоней от него, старикан приоткрыл один глаз под нависающей белёсой бровью. Но даже в сторону не подался.

— А ты чего думала? — ухмыльнулся одноглазый. Кстати, зубов у него тоже не доставало. — Мы ж не просто так. Сирых и обиженных привечаем. У нас тута вольница и жисть свободная. Никакой тебе муштры или тама оброка. Потому и бегут к нам селяне с хуторянами. У нас слаще.

— Старики бегут? — усомнилась ведунья, при виде парней абсолютно деревенского вида что-то такое и заподозрившая.

— Не, ну старики, канешна, не сами. Это уж наши молодцы следом родных приволакивают. Вроде как жалко одних-то, без кормильцев оставлять. А нам-то чё? Лишний рот не объест. Кады есть, что жрать — все вместе и жрём. Кады жрать нечего, так вместе и

подпоясываемся.

— Ну да, полное единение и равенство, — буркнула лекарка, поморщившись.

Просто клапан входа в палатку рядом с ней откинулся в сторону. И оттуда таким духом нанесло, что ведунью чуть с ног не сшибло.

Согнувшись в три погибели, из шатра вылезла баба. Именно что баба — по-другому эту громадину назвать сложно. По сравнению с ней Ю казалась хрупкой тростиночкой. В росте, может, граха и не уступала, а вот в плечах была явно поуже.

— Ты чего тут расшумелся, Рваный? — прогудела «красавица» как в бочку.

— Да вишь ты, на дороге мы вот тута прихватили, — залебезил предводитель, подталкивая Арху вперёд. — Теперича надо у Бондаря спросить, как с ними поступить-та.

— А то ты не знаешь, как с девками поступать! — гоготнула великанша.

— Да они не простые девки. Из ставки. Из лордской.

— Ладно, ща спрошу у мужа, — посомневавшись, смилостивилась гигантша, убираясь обратно в палатку.

Арха представила мужа дамы — и ей стало плохо. Но, по крайней мере, немедленно с них долги взимать никто не собирался. А ради этого можно даже на тролля полюбоваться.

* * *

Бондарь или «местный заправляющий», как он сам представился, ведунью разочаровал. На тролля он походил только носом: большим, вислым, украшенным бугристыми шишками. А в остальном это был совершенно неприметный бес, уже успевший наесть основательное брюшко и по-женски покатые плечи. Ему лавку держать, а не по лесам с бандитами шарахаться. Супруге своей он в пупок дышал. Но та смотрела на мужа с таким обожанием и трепетом, словно он, как минимум, в себе Тьму воплощал.

Впрочем, хитроватые глазки заправляющего намекали, что мужичок не так прост, как казаться хочет.

— Ай-яй-яй, что же вы это делаете, братушки? Бабу опроставшуюся по лесам волокёте. Деву ни в чём не повинную за собою тащите. Небось и надругаться успели, ироды?

— Да не, Бондарь, мы сразу сюдыть, — протянул главарь, стыдливо уставившись в земляной пол и едва ли этот пол ножкой не ковыряющий.

— Сюдыть, тудыть, — передразнил бес. — Дурьи бошки! Скажи-ка мне, девонька, не обижали они тебя?

Арха только отрицательно головой помотала, напряжённо прислушиваясь к тому, что снаружи палатки делается. Ю оставили в телеги, внутрь не потащили. И это ведунье очень не нравилось. Не хотела она подругу одну оставлять. Тем более что граха после ночи явно ещё не оправилась и, кажется, не слишком хорошо соображала, где она находится и что с ней происходит.

— Вот и славно, вот и хорошо! — ворковал Бондарь. — А скажи-ка ты мне, красавица, чьих вы таких будете.

Лекарка исподлобья глянула на беса, закусив щеку пытаясь сообразить, что в данном случае выгоднее: соврать или правду сказать? Но ничего умного в голову не приходило. Не хватало ей опыта общения с подобным народом.

— Женщина в телеге — жена лорда Сарреш. А я женщина лорда Харрата, — неохотно

ответила Арха. — Мы вчера из-за бури заблудились.

— Какие важные птички к нам залетели, — мурлыкнул заправляющий. Его глазки так сузились, что за пухлыми щёчками их вообще стало невидно. — Теперь понятно, почему это леди без страха держится, да говорит смело. Ни тебе слёз, ни тебе просьб, ни тебе молений. Не полагается это леди, верно я говорю?

Главарь с одноглазым, переминающиеся за спиной у Архи, дуэтом прогудели, полностью соглашаясь с Бондаревой правотой. Ведунья же плечами пожала ничего конкретного продемонстрировать не пытаясь. Ну не говорить же ему, что это не смелость, а, скорее, шок. Даже самые крепкие нервы имеют предел выносливости. И подобную апатию девушка ещё по тюрьме инквизиции помнила.

Собственное состояние лекарку беспокоило, такое равнодушие могло далеко завести. Но как исправить ситуацию, Арха не знала. Разве что начать в истерике биться? Так ведь не тянуло.

— А куда, позвольте узнать, леди направлялись в столь бурную ночь? — вкрадчиво спросил бес.

— В госпиталь и направлялись, — ответила ведунья, твёрдо решив, что о своих способностях она тут распространяться не будет. На всякий случай. — У леди Саррешь роды начались. Вот я её и повезла.

— Чаво-то не похожи вы на лядей, — прогудел одноглазый.

И сам же осёкся, словно ему кляп сунули. Видимо, здесь стоило либо поддакивать заправляющему, либо молчать.

— Я и не леди, — спокойно ответила лекарка. — А Ю из грахов. Они на придворных дам не слишком похожи.

— Понятно... — совершенно непонятно протянул бес.

И скривился. За тонким пологом палатки шум нарастал. Специфичный такой шум, как на базаре. Наверное, потому, что слышались только женские голоса — сварливые, с истеричным повизгиванием. Бондарь уже минуты три старательно делал вид, что ничего не слышит. Но гомон становился только громче, обещая перерасти в откровенную склоку. Архе это очень не нравилось. Но она пока молчала.

— Дорогая, пойдй, посмотри, что там такое творится, — елеиным голоском попросил бес свою гигантшу.

И, поймав её ручку за запястье, нежненько чмокнул в ладонь. Ведунье почему-то вспомнились рыцари, целующие при посвящении и клятвах мечи.

Баба ослабилась. По всей видимости, эта мина должна была означать милую улыбку. И, грохая ножищами по полу, отправилась разбираться. Полог палатки она за собой опустить не удосужилась. Поэтому сцену могли видеть все находящиеся в шатре.

Вокруг телеги сгрудился, кажется, весь местный женский контингент. Они что-то оживлённо обсуждали, активно жестикулируя и брызгая слюной. И явно готовились начать выцарапывать друг другу глаза да патлы выдирать.

— А ну ти-ха! — с интонациями бывалого сержанта, уперев руки в бока, рывкнула гигантша.

Видимо, авторитетом она тут обладала немалым. Что, учитывая её габариты, не удивляло. Женщины мгновенно присмирели и разве что в шеренгу не выстроились.

— Говори, Айва, — милостиво кивнула супруга заправляющего чернявой девице.

Между прочим, в отличие от остальных, вполне симпатичной..

— Тут такое дело, маменька, — расправив грязный, как половая тряпка, фартук, обстоятельно начала излагать девушка. — Больно вот на этой, приехавшей, сорочка хороша. Украшенная и всё такое. Да ещё и полотна тонкого. И вот Рирка чей-то решила, будто она ей пойдёт. Ну, другие, понятно, в лай. А я и говорю: надыть жребий тянуть, а не лаяться. Вот вы, маменька, и рассудите по справедливости.

— Так ить у меня рубаха-то совсем износилось... — прошамкала беззубым ртом женщина, больше всего смахивающая на сказочную ведьму. — Срам прикрыть нечем...

— Твой срам и прикрывать не нужно, — хмыкнула гигантша. — Никто всё едино не позарится.

Предводительница, вальяжно покачивая могучими бёдрами, с которых пудовых кулаков так и не убрала, не спеша подплыла к телеге, разглядывая Ю.

— И чаво тут базарить? — вынесла вердикт атаманша. — Вам такая рубаха всё едино в пору не станет. Тока мне подойдёт. Я её и заберу.

Решение у собравшихся явно не вызвало восторга. Но оспорить его желающих почему-то не нашлось.

— Муж, а муж! — завопила гигантша так, словно её супруг не в пяти шагах сидел, а на том конце поляны. — Я чёй думаю. Давай-ка мы болезную укладём. Чего ей под солнцем жариться? А заодно я им другую одежду дам. И у этой, чёрной, тоже платишко хоть и помызганное, а нам сгодиться. Как скажешь-то?

— Да это ваши дела, бабские, — умильно улыбаясь, отмахнулся бес. — Разбирайся, милая. Ты им ещё умыться дай, да напои. И пусть эта спокойно ребятёнка покормит. А то уже извёлся весь, бедняжечка. Но потом приходите ко мне снова. Разговор-то мы с вами не закончили.

— Знать бы ещё, о чём разговор, — буркнула себе под нос Арха.

— А вот вы придёте и расскажете мне, сколько там лорды готовы нам заплатить, чтоб мы их жёнок обратно доставили в целости и сохранности.

Сдержаться и не разулыбаться во весь рот ведунье стоило большого усилия. Она даже кулаки сжала так, что ногти впились в мякоть. Выкуп — это совсем другое дело. О нём действительно можно и поговорить. Дан не скупой, обязательно заплатит. А следом и сам явится. Это как пить дать.

* * *

— Вы её прямо так наденете?

Арха всё-таки не удержалась, спросила. Молча наблюдать за тем, как гигантша натягивает на себя рубаху с заскорузлым от крови и грязи подолом, было выше её сил.

— А что тебе не нравится? — удивилась атаманша, любовно разглаживая на могучей груди вышивку. — Красиво же!

— Так она грязная!

— Грязь не сало, — философски отмахнулась бабища. — Высохло и отпало. Ты сымай-сымай платице. Вишь, Айва заждалась.

Чернявая девица, мнушаяся у входа в шалаш, действительно, кажется, изнывала от нетерпения. Она старательно корчила невинную мордашку, держа глазки долу. Но то и дело бросала на ведунью косые взгляды. Жадные такие. Словно на лекарке не простое шерстяное

платье надето, к тому же изрядно запахканное, а бальный наряд.

Впрочем, тут всё, наверное, роскошью считалось.

Арха вздохнула, с сомнением глядя на тряпки, которые ей гигантша швырнула, и развязала пояс.

— Я ей сейчас в морду дам, — тихо-тихо пообещала Ю, скорчившись над причмокивающим младенцем.

Не такой уж потерянной граха была. Судя по её голосу, сдержаться демонессе тоже стоило немалых сил.

— Не надо, Ю, — также тихо ответила ведунья. — Ничего хорошего из этого не получится.

— Да знаю я. Если бы не ребёнок...

Чтобы случилось тогда, Ю не озвучила. А лекарка этого знать и не хотела. Ничего хорошего — это точно.

— Эй, вы чего тама шепчетесь? — прикрикнула атаманша. — Я вам дам! Не вздумайте дурное умыслить!

— Ю говорит, что у неё молока нет, — поспешно ответила ведунья, выпутываясь из влажной шерсти и ещё быстрее натягивая на себя воняющую псиной дерюгу.

— Эк чего захотела! — усмехнулась гигантша. — Рано ему ещё, молоку-то. Пусть сосёт. Молозиво-то ему только в пользу станет. Через день-два появится. Ты мне верь, я девятерых родила.

— А где они? — спросила Арха просто для того, чтобы спросить.

Грубая ткань царапала кожу. Очень не хватало нижней рубашки. А мерзкий запах забивал нос, оседая липким налётом в глотке. Лекарку не вывернуло только потому, что желудок уже больше суток пустовал.

— Да кто где, — равнодушно ответила баба. — Иные уж и померли. При мне вон тока Айва осталась.

— Маменька, а у ней камешек, зелёный такой. Пусть мне даст, а?

— Какой ещё камешек? А ну покаж!

Арха сжала кристалл, вроде бы незаметно спрятанный под одежду, в кулаке. И даже назад попятилась.

— Я не могу... — пролепетала девушка, упёршись спиной в столб, поддерживающий плетёный скос шалаша.

— Хочу-у-у... — гундоса, заканючила чернявая. — Зелёный, отдай!

— Слушай, девка, — голос атоманши без труда перекрыл вой «дитятки». — Ты вот всерьёз считаешь, что какая-то цацка важнее башки? Я ж её отверну в два счёта. И муж мне тут не указка.

Ведунья, сглотнув слюну, которая стала вязкой и горькой, потянула за цепочку. Амулет потяжелел килограмм на десять. Или на сто. Но сниматься не хотел.

— Ой, а тут ещё камешки маленькие! — восхитилась чернявая, проворно, как сорока, сграбастав у лекарки кристалл и мгновенно нацепив его на шею. — Теперь я...

Изложить свои планы она не успела. За стеной шалаша Бездна разверзлась.словно кто-то резко распахнул в неё дверь. Только что было тихо: негромкие голоса, потрескивание костра, шорох деревьев. И вдруг: истошные вопли, топот, конское ржание, звон металла и мерзкие чавкающие звуки. За плетением сухих веток вырос силуэт. Нелепо вскинула обе руки вверх. И опала грудой на землю. Из-под стены, быстро впитываясь в сухую землю,

потекло тёмное.

— Мамочка! — взвизгнула Айва, всплеснула руками и рванула наружу.

Гигантша молча ломанулась следом.

— Стой! — Ю вцепилась в руку Архи так, что запястье хрустнуло. — Не ходи...

— И не собираюсь, — шёпотом отозвалась ведунья, отирая о подол вспотевшую ладонь. — Я только посмотрю.

Граха мотнула головой в сторону плетёной стенки. Лекарка согласна кивнула. Осторожно, крадучись, подошла, раздвинув пальцами прутья. И тут же отшатнулась назад. Собственно, ничего толком она разглядеть и не успела. Лишь два огромных крыла, закрывающих горизонт. Белых, сияющих крыла.

— Светлые... — прокаркала ведунья, медленно, как старуха, опускаясь на землю.

Ю таращилась на неё выкаченными от ужаса глазами. Слишком тесно прижатый к груди младенец недовольно захныкал. Граха глянула на него, судорожно вздохнула и начала укачивать. Закусив губу. До крови — струйка побежала по белому подбородку.

В голове у Архи крутилась навязчивая мысль, что надо что-то сказать. Попрощаться, наверное? Или, наоборот, пообещать, что всё хорошо будет. Только вот слова на ум не приходили. Вообще никакие. Кроме последнего Айрино писка: «Мамочка!..».

Рассеянный солнечный свет загородила массивная тень. Крикнули гортанно и непонятно. То есть, это язык был незнакомым, смысл-то улавливался без труда. Что-то вроде: «Здесь ещё двое!». Арху схватили за шиворот, грубо, как мешок, поволокли наружу. Она не сопротивлялась и не помогала. Даже глаза закрыла. Видеть собственную смерть желания не было.

Её швырнули на раскисшую в кашу землю. От чего она раскисла, уточнять совсем не хотелось. Пальцы машинально сгребли грязь. Её оказалось немного — на четверть ладони. А ниже обычная твёрдая почва. Кто-то гоготнул, опять сказал непонятное. Теперь действительно непонятное. И...

— Или мои глаза меня обманывают, или это лекарка, — раздался над головой смутно знакомый, женский, но низкий, почти мужской голос.

Ведунья ещё постояла на четвереньках, не решаясь открыть глаза, боясь увидеть. Но подняла-таки голову.

— Ну, здравствуй, что ли, — хмыкнула арелима. — Вот не думала, что я тебя ещё увижу. Говорила же: не для тебя это всё.

Арха крылатую узнала с трудом. Нет, и в лесной избушке её никто не назвал бы жалкой или сломленной. Но сейчас... Наверное, Ю хотела стать такой, какой эта была. Станный кожаный нагрудник, оставляющий плечи и спину открытыми, блеснул в глаза лекарки серебряными крыльями. Опущенный к земле клинок с единственной размазанной полоской крови тускло поймал солнечный луч.

— Я тебе вроде как должна осталась. Хотя, конечно, долги это ваша, демоническая песня, — усмехнулась крылатая.

— Я не демон, — пробормотала Арха, неловко садясь на задницу и отыскивая глазами Ю.

Граха стояла на коленях неподалёку, выпрямившись в струну, прижимая к себе ребёнка и уставившись куда-то вдаль.

— Ну, это дело твоё, кто ты там... — отмахнулась крылатая, постукивая себя перчаткой по бедру. — Помочь ты мне пыталась. Да и зла не желала. А я тебя чуть не прирезала. Не

дело это.

Кто-то большой, стоящий с боку — ведунья его только краешком глаза видела — выдал гортанную фразу.

— Знаешь, что он сказал? — усмехнулась арелима, к говорящему даже не обернувшись, по-прежнему глядя на лекарку. — Что Свет меня за это проклянёт. Может оно и так. Скорее всего, именно так оно и будет.

Крылатая перехватила меч подмышку, решительно натягивая перчатку на руку. Между большим и указательным пальцем краснело маленькое алое пятнышко.

* * *

— И что? — не выдержал Шай.

— И всё, — пожала плечами ведунья. — Я больше с ней не разговаривала. В смысле, она больше с нами не разговаривала. Светлые усадили в эту же телегу и проводили чуть не до Дубков. Из-за этого даже крюк сделали. По какой-то старой дороге пробирались. Ещё болото объехали петлёй. Кормили, поили. А так вроде нас и не замечали. Потом оставили в лесу. Сказали, чтобы полдня ждали и выбирались сами. Ругать будешь?

Арха задрала голову вверх, глядя на Дана. Лицо демона по своему обыкновению эмоциональностью не слишком отличалось от статуи. Можно подумать, что эпическое возвращение двух покойниц его нисколько не тронуло.

Подумать-то можно. Вот только хаш-эд как схватил ведунью в охапку там, у помоста, так и не отпускал. Вцепился в руку, как клещ — не отдерёшь. Да Арха этого делать и не собиралась. Сейчас лекарка у него на коленях сидела. И пусть это выглядело по-детски — да как угодно. Зато она завернулась в демона, словно в одеяло. И эффект был точно таким же: чувство абсолютной защищённости. Вот только ей не нравилось, что пальцы лорда на её спине иногда чуть заметно подрагивали, будто их судорогой сводило.

— За что именно? — глухим, слишком низким голосом спросил хаш-эд.

— За то, что мы действительно полдня ждали. Понимаешь, они уходили. Правда, уходили, — затараторила лекарка, пытаясь убедить демона. — Как я поняла, светлые только и задержались тут из-за арелимы, а так давно бы уже ушли. Честно! И мне кажется, вернуться уже не скоро... Ну не могла я, понимаешь? Я же знаю, что вы их... Что вон Ирраш... — ведунья покосилась на шавера, стоявшего, прислонившись к стене, — В общем, она же нас спасла!

— Всё это очень хорошо, — подытожил Адаш. — Я бы даже сказал мило. Но, во-первых, мы прохлопали банду у себя под носом. Что прекрасно характеризует качество нашей разведки.

Принц очень выразительно обернулся к Иррашу. Лорд Нашкас ответил ему таким же взглядом, как и лекарке. Что-то вроде: «Да провались ты во Тьму!».

— Там болота с трёх сторон, — попыталась защитить сразу всех — кажется, даже бандитов — Арха. — А с четвертой старый ельник, бурелом. Пройти могут только местные. Да и они туда не ходят. Нечего им в этих местах делать.

— А это ещё один большой вопрос к нашей разведке, — гнул своё наследник. — Почему деревенские нам ни о чём не сообщили.

— Так, может, они ничего и не знали, — легкомысленно отмахнулся Шай.

— Точно! — согласился с ним Адаш. — А еду разбойнички сами добывали. Не иначе как в лесу ещё пара делянок с пшеницей припрятано. И огородики: грядочки, грядочки, грядочки... — кронпринц ладонью показал грядочки, рядом лежащие. — Но тут имеется другой вопрос: почему диверсанты ушли? Они у нас в глубоком тылу чувствовали себя, как дома. Пакостить могли ещё долго. Видимо, в городе не всё так радужно, как нам докладывают?

— Адаш, — проникновенно попросил Тхия. — Заткнись, пожалуйста, а? Давай это всё завтра. Я тебя очень прошу. Или вон возьми Ирраша. И обсудите вопросы тактики и стратегии где-нибудь в другом месте.

Всё это рыжий выдал тихо-тихо, не выпрямляясь. Он весь вечер так и просидел, скорчившись над сладко посапывающим кружевным свёртком. Кажется, даже позы не поменял. Только иногда посматривал в открытую дверь, за которой спала Ю.

Выражение абсолютного счастья, граничащего со слабоумием, с физиономии арифедана никак слить не могло. Хотя время от времени он и вспоминал о том, что полагается хмуриться.

— На самом деле, — поддержал рыжего Адин. — Девочки вернулись, один вечер стоит порадоваться и этому. Уже чудом можно считать, что они на обратном пути не заблудились.

— Так нас Ирраш проводил, — выпалила Арха.

— А Ирраш там откуда взялся? — негромко, но очень веско, поинтересовался Дан.

— Твой болтливый язык я когда-нибудь вырву, — угрюмо пообещал шавер.

Угроза, кажется, предназначалась не Дану.

— Я думаю, лорд Нашкас девушек искал, — вдруг подала голос Ллил, весь вечер молча просидевшая рядом с Шаем.

Странно, но слепой Ирраш ничего обещать не стал. Даже взглядом не испепелил.

— Ир? — напомнил о своём вопросе хаш-эд. — Не поделишься, как ты их искал? А, главное, почему? Даже я Арху не чувствовал, — он чуть сильнее сжал плечо ведуньи. И тут же отпустил, будто спохватившись. — Наверное, её светлые экранировали. Всё-таки, арелим да ещё такой силы — это не просто птичка.

— Отстань ты от меня... — мрачно буркнул шавер.

Ему никто не ответил. Но ни один из присутствующих даже и не подумал отвернуться от Ирраша. Все выжидательно и очень внимательно смотрели на чёрного демона. Только Тхия любовался собственным детищем.

— Не отстанете? — ещё мрачнее и с лёгкой ноткой обречённости спросил лорд Нашкас. Ответом ему послужило общее глубокомысленное молчание.

— По запаху я их искал. В смысле, Арху я по запаху искал, — раздражённо рявкнул шавер. — Не чувствовал я её смерть. Довольны?

— Нет, — честно ответил Дан.

— Могу и ошибаться, но мне кажется, что лорд Нашкас воспринимает Арху как члена своей семьи, стаи, — снова подала голос Ллил. — Значит, она находится под его опекой. А своих подопечных шаверы чувствуют очень тонко.

Общее молчание достигло новых глубин.

— Ну, что вы на меня уставились? — усмехнулся Ирраш.

Демон отлип от стены, опустил скрещённые на груди руки и шагнул на середину комнаты. Встал, широко расставив ноги и глядя на Арху исподлобья. Помолчал. И выдал что-то рявкаяще-мяукающее.

— Что он сказал? — почему-то шёпотом спросила Арха у Дана, глядя при этом на шавера.

— Формула приглашения в род, — сказать, что голос хаш-эда звучал удивлённо — это ничего не сказать. Демона вполне можно было назвать потрясённым. — Он приглашает тебя стать частью своего рода.

— А... в качестве кого?

— В качестве сестры. Младшей, — усмехаясь ещё кривее, ответил Ирраш.

По нормальному, на хашранском ответил.

— Ага. Спасибо... наверное, — протянула ведунья, пытаясь сообразить хоть что-нибудь. Соображалось с трудом. — И что это значит?

— А это значит, дорогая моя грязнокровка, — неожиданно развеселился принц. — Что вы станете леди Нашкас, со всеми вытекающими правами и привилегиями. Дочерью одного из могущественнейших шаверских родов. Но! — Адаш многозначительно поднял палец вверх. — Поскольку лорд Харрат во всеуслышание заявил о правах на тебя, а Ирраш согласился, то и судьбой твоей распоряжается Дан. А Ир будет только по счетам платить и своим не тихим имечком прикрывать твои грешки.

— То есть, никаких феридже, женских половин и выдавания замуж за стариков? — уточнила Арха, кажется, начинающая что-то понимать.

— Так ты согласна или нет? — раздражённо рыкнул Нашкас. — Долго мне так стоять, как идиоту?

— Но почему? Ир, я правда не понимаю... — жалобно протянула лекарка.

Шавер подумал и опять выдал что-то рычаще-мурлычащее.

— Потому что ты моя сестра, — перевёл Дан на ухо ведунье.

Странно, но одно слово Арха поняла и без перевода, кстати, неточного. «Ирчин» — это не «сестра», а «сестрёнка».

Из всех родственников моей жены больше всего мне нравлюсь я.

Из наблюдений императора Нахшона II

Архе уже категорически не хотелось никаких семей, обрядов и принятий. Кажется, у шаверов все обычаи строились исключительно на пытках. Нет, физического вреда ей никто не причинил. Пока, по крайней мере. Но ночь, проведённая наедине с чёрным алтарём и изваянием Тьмы, можно смело считать истязанием в наказание неизвестно за что.

Сам по себе жертвенник ведунью не пугал, а статуя тем более. И в гости Богиню лекарка не ждала. Но уж больно неприятные воспоминания навевала эта ониксовая комнатуха. Да и воняла она по-прежнему: горелым маслом, раскалённой медью и разложившейся кровью. Крики Дана в ушах не стояли. Но отделаться от мысли, что тут и его кровь имелаась, Арха не могла.

Ей полагалось очиститься душой и открыть свои помыслы Тьме. Дабы прийти к ритуалу просветлённой и невинной, как младенец. Но с этим дело как-то не складывалось. Поводов для раскаянья ведунья не находила. Как душу раскрывать не знала, а уснуть не давал жёсткий пол. Кроме него и алтаря, даже на вид не менее жёсткого, в молельне прилечь не на что было. Присесть, впрочем, тоже.

Поэтому к утру у девушки затекли не только шея, спина и ноги, но и попа. Да ещё мутило. То ли желудок отвык от жирной шаверской пищи, то ли нервы всей этой чехарды не выдержали-таки. Чтобы ни послужило тому причиной, чувствовала себя Арха крайне скверно. И когда за ней, наконец, явились, лекарка была готова кидаться на всё живое, кусаться и плевать ядом. Сдержаться и не начать орать стоило больших усилий.

— А это ещё зачем? — нервно пробормотала ведунья, когда шаверки, сами больше смахивающие на свёртки чёрного шелка, завернули её в такое же тёмное покрывало.

Тряпка оказалась совсем немислимым плодом буйной демонической маниакальности. Плотная тяжёлая как одеяло, она не давала ни нормально дышать, ни ходить. А рассмотреть хоть что-то через узкую, в полпальца щель, к тому же немедленно съехавшую к уху, не имелось ни малейшей возможности.

— Ты ещё не родилась, — загробным голосом пояснила служанка, жрица или Тьма знает кто ещё. — Живые не могут тебя видеть.

— Угу, они точно подумают, что внутри этого кокона коза! — раздражённо буркнула Арха.

Кто-то из прислужниц — лекарка не разобрала, кто именно — хихикнул. Но та же «загробная» так гавкнула, что даже сама ещё нерождённая присела.

Из молельни её вывели через потайную дверь, скрытую за статуей Тьмы и куда-то поволокли. Куда именно, ведунья понятия не имела. Она и на полу-то не растянулась, потому что под локти девушку две шаверки придерживали. Вовремя, то есть, через каждую пару шагов, ловя лекарку. В конце концов, процессия очутилась в гулком и очень жарком помещении. Арху отпустили и покрывало с неё стянули.

Свет ударил по глазам наотмашь. Пришлось смаргивать слёзы, пытаясь при этом выглядеть гордо и независимо.

— Не трудись, — фыркнула Арруш, — это всего лишь бани. И мы тут одни.

Видимо, развесёлая сестрёнка Ирраша имела в виду «одни, не считая слуг». Банщицы сновали вокруг девушек, как деловитые пчёлы. Хотя насекомые вряд ли закрывали глаза повязками. Из абсолютно прозрачной кисеи. Такая же лента украшала и личико шаверки.

— Ты даже представить себе не можешь, как я рада тебя видеть! — абсолютно искренне выдохнула Арха.

— Почему не могу? Могу, — разулыбалась до ушей Арруш. — Мне бы тоже плохо на твоём месте стало. Говорила я Иррашу: расскажи ей всё. А то ведь даже не знает, чего ждать! Но братик упёрся, как баран в стену. Мол, не положено. Положено — не положено. А ты положи — и всех дел. Спасибо, хоть меня сюда пустил.

— Кстати да, — ведунья сама удивилась привычности, с которой она поворачивалась, помогая бесам себя раздеть. словно с детства её к этому приучили. А ведь пробыла в гостях у шаверов всего-то неделю. — Меня же никому видеть не положено. Я ещё вроде как не родилась...

— Так у меня глаза завязаны, — девушка указала на свою повязку пальчиком. — Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не расскажу.

— Логично, — хмыкнула Арха, послушно идя вслед за служанками в парилку. — А точно ничего не скажешь?

— Не-а, тебе ничего. А вот этому зеркальцу вполне могу и рассказать. На это запрета не было, — Арруш растянулась на соседней каменной плите и аккуратно протёрла зеркало от испарины. — Значит, слушай, зеркальце. Сейчас нашу Арху вымоют и переоденут в ритуальные покровы. Жутко неудобные и кошмарно тяжёлые. К ней придёт жрец и даст наставления о добродетелях шаверских женщин.

— А самым шаверским женщинам такие наставления когда дают? — сонно поинтересовалась ведунья, мгновенно разомлевшая под руками банщиц.

— Слушай, зеркало, ты какое-то болтливое! Не перебивай! — огрызнулась шаверка. — При родах и дают. В смысле, когда девочка рождается, рядом жрец стоит.

— Класс! — умилилась лекарка.

— Ты слушать будешь или нет? — Арруш скорчила зеркалу мину. — Значит, после того, как наставления дадут, примет она кровавое омовение. В смысле, обольют её кровью жертвенной овцы. Так как ни одно рождение без неё не обходится.

— Без овцы? — брезгливо икнула ведунья.

Её опять начало мутить.

— Без крови, дура! В смысле, дурное зеркало. А поскольку появление на свет ещё и без боли не обходится, то рассекут тебе плечо крест на крест, — мстительно добавила Иррашевская сестрёнка. — Да не зеленей ты! Не глубоко рассекут. Для видимости только.

— Я боли боюсь, — проскулила Арха.

— Вот тебе и ведунья! — фыркнула шаверка, никакого сочувствия явно не испытывая. — Придётся потерпеть. Впрочем, в обморок можешь грохаться. Этого ритуал не запрещает. Потом Ирраш произнесёт формулу принятия в род. И даст тебе выпить молока, смешанного с его кровью.

— А без глотания крови никак? — заранее изнемогая, простонала лекарка.

— Никак, — категорично отрезала Арруш. — Как иначе в тебя попадёт кровь рода.

— Молоко-то хоть чьё?

— В смысле чьё? Шаверское. Возьмут у какой-нибудь кормящей, — лекарка застонала

громче, ткнувшись лбом в горячий камень. — Вот. Дальше тебя представят Тьме и нарекут именем. Кстати, будут тебя отныне звать Арахша. Но это так, для галочки. Архой была, Архой и останешься.

— При рождении меня Арой назвали, — мрачно сообщила ведунья каменной плите. — Повезло мне. В третий раз переименовывают.

— Чего ты там бурчишь? — жизнерадостно переспросила шаверка. — В общем-то, на этом твои мучения закончатся. Хотя, думаю, в твоём-то положении и этого хватит.

— Н-да, положении ещё то... Ох, Тьма, зачем я на всё это согласилась?

— Послушай, сестрёнка, — как-то подозрительно осторожно спросила Арруш, — а ты того? Не в курсе?

— Не в курсе чего? — ведунья повернула голову в сторону вдруг посерьёзневшей девушки.

— Да-а... В общем-то... — шаверка мямлила, старательно отводя глаза в сторону. — У чужих-то сразу распознаешь, да и запах. А сама... Ещё и в первый раз...

— Чего ты там лепечешь? — выверилась Арха, у которой терпение совсем-совсем кончилось.

— Так, сестрёнка! — Арруш села на своей плите, жестом отослав служанок прочь. — У тебя когда последний раз связь с Луной была? По утрам не тошнит? Грудь не тянет?

Ведунья усмехнулась, садясь. Открыла рот... И закрыла. Что-то посчитала на пальцах. Потом ещё раз.

И уставилась на сестрицу.

* * *

Оказывается, тяжелее всего кровь смывается с волос. То есть практически совсем не смывается, сколько не полощи в тёплой воде. А вот в холодной сходит моментально. Но только купать голову в жидком льду — это ещё то удовольствие. Зато мозги такая процедура прочистила мгновенно. И ведунья даже начала соображать, где находится и что с ней происходит. Зразу как орать после студёного душа закончила, так и начала.

Ритуал прошёл неплохо. Наверное. Собственно, Арха практически ничего не помнила. Всё в каком-то мареве, как будто кисейй задёрнуто. Но три вещи лекарка теперь знала твёрдо: она ненавидит шаверские ритуалы, ведунью приняли в род Нашкас. И молоко с кровью из молельни девушка вынесла в собственном желудке. Правда, донесла недалеко.

Зато теперь, лёжа в чуть тёплом бассейне, с пряно пахнущей плёночкой масла на воде и слегка покачивающимися розовыми лепестками, ей было хорошо. Ну, тоже почти. Если бы голова так не болела и мысли не одолевали, жизнь вполне могла сойти за идеальную.

Мысли же весёлыми определённо не были. Дана она до сих пор так и не увидела. Соответственно, сообщить ему действительно сногсшибательную новость не успела. А с этим стоило и поторопиться.

— Эй, сестрёнка, она вообще-то к тебе обращается, — выдернула лекарку из страны грёз Арруш.

— Кто? — не поняла ведунья.

Шаверка мотнула подбородком за спину девушки. Арха подняла голову, уставившись на служанку, стоящую на коленях рядом с краем бассейна. Беса поклонилась и промяукала

что-то явно уважительно-подобострастное. Перед собой рабыня держала серебряный подносик со сложенным на нём конвертом. Лекарка хорошенечко подумала, но решила, что ей всё-таки предлагают взять бумажку.

Внутри обнаружилось письмо. Скорее, даже записка. Арха прочитала послание и со стоном страдальцы ушла под воду с головой.

— Что там такое? — новоиспечённая сестрёнка утопиться ей не дала, за плечи выволоча наружу.

— Это от Дана, — Арха обеими ладонями пыталась стереть с лица жирную плёнку масла. Снадобье быть стёртым не желало. — Он предлагает, не откладывая в долгий ящик, узаконить мой статус юридически.

— Это как? Подтвердить титула, прав и привилегии может только император или... — Арруш осеклась и медленно, хитренько так, улыбнулась.

— Вот именно, — мрачно закончила за неё Арха. — Или наследник. Если бумаги подпишет император, то он и будет считаться моим сюзереном. А если Адаш, то я стану его вассалом. Знаешь, чего понять не могу? С одной стороны юридические права у женщин есть. И даже, оказывается, собственность у меня теперь какая-то имеется. Вот, вассальную присягу принести должна. А с другой стороны: женская половина, право сильного и: «Ты принадлежишь мне!».

— Можно подумать, ты не в Хашране живёшь, — фыркнула шаверка, противоречиями в гражданских правах и статусах не озабоченная. — Демоны! Что с них взять. Вон мой титул никто не подтверждал и подтверждать не собирается. Хотя у нас с тобой права равные. Но я себе хаш-эда не нашла и дружбы с Его Высочеством не вожу. Ты вылезай тогда, хватить отмокать. Нам ещё надо тебе платье подобрать.

— Какое ещё платье? — в конец обессилела лекарка.

— Ну, уж точно не шаверское, раз тебя кронпринцу будут представлять! — заверила её Арруш. — У меня гардероб богатый. И, заметь, все наряды ни разу не надёванные. Правда, ты похудее будешь. Но эту проблему мы решим.

— Зачем тебе придворные платья, если ты отсюда никуда не выезжаешь? — тяжело поразила ведунья, покорно позволяя служанкам себя обтереть.

— Но за модой-то мне никто следить не запрещает. Да и деньги куда-то тратить надо.

Лекарка хотела возразить, что выписывать модные журналы гораздо проще, чем собирать ненужный гардероб. Но решила, что это, в конце концов, не её дело. Действительно, надо же куда-то братишкины деньги девать?

Арха искренне полагала, будто прошлогоднее посещение магазинов с Тхия и Шаем станет самым кошмарным знакомством с миром моды. Хотя по удобству традиционное платье арифедов могло бы и поспорить с готовыми нарядами. Так или иначе, а по-настоящему пыточных туалетов ведунья и не примеряла. В «Серебряном городе» и на достопамятном турнире ей, по крайней мере, ходить не пришлось.

О чём думали портные, для лекарки так и осталось загадкой. Но они явно не учитывали потребности женщин в дыхании, передвижении и даже в вертикальном положении. Тяжеленный шлейф ещё более неподъёмной юбки тянул назад. Центр тяжести странно сместился куда-то к коленям. И вся конструкция так и норовила опрокинуть несчастную Арху на спину. Высокие каблуки моментально натёрших ноги туфель устойчивости не добавляли. А времени на то, чтобы научиться со всем этим существовать, не оставалось. Поэтому до здоровых, щедро облитых самым натуральным золотом дверей служанки её

довели под руки.

— У тебя на удивление дурацкий вид, — мрачно сообщил Ирраш, у этих дверей девушку поджидавший.

— Спасибо, ты тоже прекрасно выглядишь, — ответила Арха с придыханием, кисло улыбнувшись.

Нет, при виде шавера у неё в зобу не спёрло. Хотя драгоценных камней и серебряной вышивки на его камзоле было столько, что бархат из-под них едва проглядывал. И при этом лорд умудрялся выглядеть весьма привлекательно и внушительно. Просто корсет так стянул рёбра, что желудок сердце к гортани прижимал. А лёгкие, за неимением другого места, нежно обняли позвоночник.

— А шаверы неплохо живут.... — добавила лекарка, разглядывая створки дверей.

Это ей только поначалу показалось, что они обиты цельными листами. На самом же деле золото покрывала очень тонкая резьба, сквозь которую проглядывало тёмное дерево.

— Всего лишь зал для приёма посетителей, — пожал плечами Ирраш и поставил Архе руку. Странно согнутую точно параллельно земле и повернутую ладонью вниз. — И чего ты на меня так уставилась?

— А чего я с твоей лапой делать должна? — ведунья указала подбородком на рукав шавера.

— Тьма! — Ирраш закатил глаза к потолку. — Ладонь на мою положи. И делай вид, что опираешься.

— А по-настоящему опираться нельзя? Я без поддержки грохнусь...

— Нельзя! — огрызнулся свежееиспечённый братик. — Значит так. Когда войдём внутрь, смотри только перед собой. Спину держи прямо, голову высоко поднятой. Не доходя три шага до кресла Адаша, останавливаешься и делаешь реверанс...

— Чего делаешь? — уставилась на лорда Арха. — Ирраш, ты в своём уме? Какой во Тьму реверанс? Я его и не видела никогда, читала только. В романах. Любовных.

Лорд Нашкас выдал сквозь стиснутые зубы что-то длинное и очень прочувствованное, хлопнув себя ладонью по лбу, словно комара придавил.

— Просто поклониться ты сумеешь? — процедил он сквозь зубы.

— Не знаю... — честно ответила лекарка.

Девушка искренне сомневалась, что пластины проклятого корсеты ей дадут согнуться. Железные они, всё-таки.

— Так, короче, делаешь всё, как я. И молчишь. Поняла? Рот не открываешь ни при каких условиях! Там главы всех семейств рода собрались. Опозоришь меня...

Что тогда будет, шавер уточнять не стал. Но свои жёлтые глазены прищурил как-то недобро.

Оставалось только надеяться, что Дан тоже там, вместе с главами семейств. Всё-таки хаш-эд был в состоянии спасти ведунью от сомнительных воспитательных мер благоприобретённого родственника.

Или нет?

* * *

В императорском дворце Архе бывать не доводилось. Но представить его убранство она,

конечно, пыталась. Так вот, такого великолепия, которое царило в «самом обыкновенном зале для приёмов» рода Нашкас, ведунья и в самых смелых фантазиях не воображала. Потолок — где-то там, высоко-высоко над головой — выложен разноцветной мозаикой. Пол — наборным паркетом из красного и чёрного дерева. Колонны то ли целиком вырезаны из голубоватой орочей кости, то ли только облицованы ей. И золото, золото, золото кругом. От его блеска даже огней светильников не видно.

Правда, собравшаяся толпа на фоне такого великолепия не терялась. У ведуньи мелькнула мысль, что если со всех присутствующих господ содрать камзолы, да продать их ювелирам, то можно с десятков бесплатных лечебниц открыть. А то и два десятка. Или три. В душе лекарки мгновенно проснулась ненависть обывателя к «зажравшимся тварям». И зависть, чего уж там.

Между прочим, женщин тут кроме неё не было. А все шаверы, позабыв вдруг так чтимые устои предков, обрядились в придворную одежду. Короче: чёрное на фоне золота и золото на фоне чёрного. И всё это густо усыпано драгоценностями.

«Кресло», на котором развалился скучающий Адаш, оказалось никаким и не креслом. Больше всего эта конструкция смахивала на небольшой диванчик, заваленный подушками. Правда, стоял он на возвышении в три широких ступеньки. И путь до него стал пыткой. С «ведьминой дорогой^[11]» Арха его сравнивать бы не стала. Но всё равно удовольствие сомнительное.

Ведунья вообще не слишком любила, когда на неё пялятся. А уж когда таращится толпа шаверов и при этом восхищения у них ты явно не вызываешь, и вовсе хочется провалиться под землю. Хорошо ещё, что полагалось на руку Иррашу опираться. Несмотря на его строжайший запрет, лекарка на лорде едва ли не повисла, ходульно перебирая негнушимися ногами.

И едва не пролетела вперёд, когда братишка остановился. Оказывается, они достигли той самой черты в три шага от кресла. Шавер изящно, будто каждое утро тренировался, поклонился. Да ещё руками изобразил нечто эдакое, и ноги по-особому скрестил. Перепуганная до икоты Арха согнула колени, будто на стул собираясь садиться. Выпрямиться ей удалось с большим трудом.

Видимо, сделал она это совершенно зря, потому что уголок губ Ирраша нервно дёрнулся.

— Вы можете встать, лорд Нашкас, — придушенно сказал Адаш, прикрывая рот ладонью.

Брови Его Высочества подрагивали. Лекарка готова была клясться, что наследник престола едва сдерживается, чтобы не заржать в голос.

— Ваше Императорское Высочество, — тягуче, в совершенно несвойственной ему манере, начал Ирраш. — Я имею честь представить вам мою сестру, Арахшу ашэр Нашкас арш Карро. Прошу подтвердить её титул, имущественные права и привилегии, положенные по праву рождения. Так же прошу назначить меня её опекуном до тех пор, пока она не выйдет замуж.

Арха дёрнулась. Об опекунстве её как-то предупредить забыли. И ни в какой опеке лекарка не нуждалась, о чём и собиралась громко заявить. Но вовремя вспомнила горячую просьбу Ирраша держать рот закрытым.

Принц, внимательно разглядывающий ведунью, хрюкнул. И быстро потёр пальцем кончик носа.

— Мы рады приветствовать леди Нашкас, — сообщил он, давась словами. — Мы изучили бумаги, которые вы передали нам. И нашли их подлинными, а заявленные требования абсолютно справедливыми. Поэтому мы закрепили все права леди документально, подтвердив их своей подписью и печатью, — Его Высочество, как фокусник, достал откуда-то свиток, перевязанный ленточкой, украшенный целой гроздью печатей, и протянул его в сторону гвардейца. — Но! — подлый Адаш буквально вырвал документы из пальцев Ирраша, подняв свиток вверх. — Поскольку у вас на попечении уже находится одиннадцать сестёр, мы сочли такую ношу неподъёмной. Поэтому права опеки передаём лорду Харрат.

— Как будет угодно Вашему Высочеству, — раздался за спиной Архи спокойный голос Дана.

— Вот и славно! — порадовался наследник. Радовался он как-то слишком активно, хотя ведунья шутки не поняла. — А теперь мы готовы принять у леди Нашкас вассальную клятву.

В зале повисла мёртвая тишина. Даже ткань не шелестела. Ведунья преданно таращилась на принца, лицо которого вдруг пошло малиновыми пятнами. Его Высочество уже не прикрывал губы ладошкой, а откровенно зажимал рот, надувая щеки.

Ирраш ткнул Арху локтём под рёбра так, что девушка покачнулась.

— Что? — выпалила ведунья от неожиданности.

Её голос в мёртвой тишине прозвучал с громкостью взрыва.

— Клятва... — напомнил Адаш, поигрывая бровями.

Лекарка сцепила зубы, чтобы лишнего не выдать. И отёрла вспотевшие ладони о подол, постаравшись сделать это как менее заметно. Правда, парча, расшитая жёстким шёлком, влагу впитывать не желала.

— Встань на колени у первой ступени и повторяй за мной... — лёгким ветерком коснулся затылка едва слышный шёпот Дана.

Попроси кто-нибудь ведунью повторить хоть предложение из вассальной присяги — она бы не сумела. Просто машинально проговаривала фразы за хаш-эдом, как попугай. Этот день, который никак закончиться не мог, вообще был щедр на провалы в памяти. Потому Арха и не поняла, почему принц всё-таки заржал.

— Хорошо, мы принимаем вашу клятву, леди Нашкас, — похрюкивая и всхлипывая, выдавил Адаш. — Хотя я первый раз слышу формулировку «безпорточной службой». Обычно говорят «непорочной». Хотя порток вы действительно не носите. Примите наши поздравления с подтверждением вашего статуса. Вас, лорд Нашкас, и вас, лорд Харрат, мы также поздравляем. И, Дан, прими мои искренние соболезнования. Как жаль, что между опекуном и опекаемым не может заключаться никаких союзов, кроме опекунского.

— Благодарю, Ваше Императорское Высочество, — голосом, способным воздух заморозить, ответил Дан. — Примите искреннее восхищение гибкостью вашего языка и знанием юридических формулировок. Я бы такое выговорить не смог. Запутался в «опекунах».

— Ну, так ты и не принц, — Адаш ухмыльнулся так, что ещё немного — и его щёки точно бы треснули.

— А уже всё? — тихо-тихо поинтересовалась Арха.

— Да-да, леди Нашкас, вы уже вполне можете вставать, — милостиво разрешил Его Высочество. — Хотя, люблю смотреть на коленопреклонённых женщин. Есть в этом нечто эдакое...

— Не могу я встать, — мрачно буркнула ведунья.

— Разрешите вам помочь? — Дан, никакого позволения не дожидаясь, подхватил девушку под локоть, одним рывком вернув ей вертикальное положение.

— Данаш, нам нужно срочно поговорить... — лихорадочно зашептала ведунья, вцепившись в рукав хаш-эда.

— Позже, леди Нашкас. Сначала разрешите представить вам моих друзей. Лорд ашэр Иварр...

Лекарка уставилась на приторно улыбающегося Адина, который, кажется, разогнался ей ручки целовать. И хотела было спросить, на кой пёс Дан ивтора представляет. Но не успела.

* * *

Чёрная линза в рост взрослого мужчины с хлопком возникла прямо посередь зала. И пошла скакать между колонн, как раскрученный волчок. Шаверы от неё ломанулись в рассыпную, словно перепуганные курицы. Чувство собственного достоинства они решили пока оставить в покое. Один даже на колонну с приглушённым мявом прыгнул — точь в точь дворовый кот.

В принципе, Арха такую реакцию вполне понимала и одобряла. И ничего не имела против, когда Дан её за спину задвинул, что-то странное выплетая руками перед собой. В принципе, такие вот линзы ведунье видеть уже приходилось. Похожие, но только почти прозрачные, появлялись, когда через Тьму шёл не слишком опытный курьер. А посыльными в ставку исключительно юнцов, кажется, и набирали.

Только вот у самых «зелёных» линзы не скакали. И даже крайне скудных познаний ведуньи хватало на понимание: если ты провалишься в чужой выход, ничего хорошего не случится.

— Стойте! — Тхия поистине леопардовым прыжком бросился вперёд, расставив руки крестом и пытаясь загородить чересчур подвижную щель во Тьму собой. — Погодите, я что-то...

— Папа! — истошно завопили из выхода. — Пап, я... А, мать!..

Линза перевернулась, встала на ребро и лопнула, как мыльный пузырь. Правда, волна от неё пошла такая, что находящихся в зале просто откатило к стенам, как ураганом. Дан каким-то чудом удержался на ногах, а вместе с ним и Арха. Но по гладкому, как каток полу с полшага проскользнуть, всё-таки пришлось. Да ещё и дурацкий шлейф решил парусом поработать. Но далеко ведунью не унесло. Ступенька ударила под щиколотки, и девушка рухнула на постамент, чувствительно приложившись лопатками.

Сзади и сверху кто-то заорал. Протяжно так, с подвыванием. Лекарка запрокинула голову, разглядывая Его Высочество, придавленного диваном. Судя по всему, спинка лежанки долбанула принца по ещё не успевшей до конца зажить сломанной ноге. Ведунья готова была ставить десять империалов против старого башмака: сиятельная конечность опять хрустнула.

Почему-то к принцу Арха не испытывала жалости — вот ни капельки.

— Ты цела? — свет загородили рога Дана.

— Вроде бы... — буркнула девушка. — Только я опять встать не могу.

Хаш-эд кротко вздохнул и уже отработанным движением вздёргнул лекарку на ноги.

— Ты цел? Да что ты молчишь? Где болит? — Тхия, кажется, и сам не замечал, что орёт на весь зал.

При этом он так тряс Данаша за плечи, умудряясь ещё и крутить мальчишку во все стороны, что голова у рыжика болталась, как у тряпичной куклы.

— Если оставить его в покое, то на вопросы он ответит гораздо быстрее, — глубокомысленно заметил Шай, разглядывая кончик своего хвоста.

Опять опалённого, кстати. А камзол демона щедро заливал начинающий твердеть воск.

— В канделябр влетел, — пояснил красавчик Архе. Подумал и добавил, — Не люблю огонь. Ведь всю жизнь растил...

— Ты цела? — спросила ведунья у Ллил, цепляющуюся за плечо блондина.

«Кажется, где-то я это уже слышал, — ехидно протянул внутренний голос. — Чрезвычайно популярный вопрос...»

— Все целы! — рывкнул Ирраш и покосился в сторону всё ещё постанывающего принца.

К счастью, хотя бы у Адина хватило ума с наследника перевёрнутый диван снять. Больше до этого никто не додумался.

— Что здесь, Тьма вас всех заberi, происходит? — негромко, но очень угрожающе прорычал лорд Нашкас, сложив руки на груди и исподлобья разглядывая изрядно потрёпанный зал.

— Тут — ничего! — Данаш вырвался-таки из чересчур заботливых отцовских объятий и для верности отбежал на пару шагов в сторону. Сшибив на пол только начавшего подниматься шавера — видимо, главу какого-то семейства славного рода Нашкас. — А вот там! Там жуть, что делается. Если не поспешить, то всем кирдык придёт. В смысле, не всем, но вот принцу точно Бездна настанет. В смысле, дяде Адашу. Ну, короче, вообще всё!

— Она уже настала, — простонал Его Высочество, с трудом поднимаясь, опираясь на плечо Адина. покалеченную ногу он на весу держал. — Что показательно, настала именно тут, а не где-то там!

— Да тут-то всё... — рыжик покосился на треснувшую вдоль колонну, помялся и всё-таки закончил, — Но там вообще жопа. В смысле, ужас! Точно, кошмар!

Адаш внимательно оглядел демонёнка сначала с макушки до пяток, а потом обратно. И повернулся к Тхия.

— У меня всего два вопроса, — сообщил кронпринц. — Ты можешь своего отпрыска заставить внятно объяснить, на кой он сюда заявился, да ещё и погром устроил? И второй: драть его не пробовал?

— Своих заведи, их и дери! — набычился арифед, загораживая собой рыжика и нагло игнорируя первый вопрос наследника престола.

— Ну, я же говорю! — растягивая слова, будто с умственно отсталыми общался, пояснил Данаш, выглядывая из-под отцовского локтя. — Там дядьки, которые ещё раньше отравы подсыпали, а потом подругу порезали да следом убийцу наняли, новую пакость задумали. И теперь такую, что у-у! Большую, в смысле. Ну чего тут непонятного?

— Действительно, чего тут непонятного? — поинтересовался Дан, выразительно глядя на кронпринца.

— Нет, я ошибся, — покаялся Адаш, покряхтывая, усаживаясь на ступеньки и руками пытаясь пристроить покалеченную ногу. — Вопросов у меня гораздо больше двух. Слышь, малой, давай по порядку. Кто куда подсыпал, кто чего подрезал, кто кого нанял? Какая пакость? Какие дядьки? И откуда ты всё это знаешь?

— Да я вообще всё знаю! — приосанился Данаш, вылезая из-за спины Тхия. Правда, арифед его тут же обратно задвинул. На всякий случай. — Вон, Арха подтвердить может. Арха подтверди, что я всё знаю!

— Так ты тоже в курсе этого бреда?

Взгляд наследника, брошенный на ведунью, дружелюбным никто бы не назвал.

— Я? — изумилась лекарка. — В курсе чего?

— Да она не знает! — встрял демонёнок. — Она знает, что я знаю! А так она ничего не знает. Даже того...

— Так, всё, стоп! — рыкнул Дан. Его тёзка послушно замотал головой, преданно глядя на хаш-эда. И всем своим видом изображая готовность подчиняться приказам. — Давай по порядку. Какая там пакость грозит принцу?

— Ну, я же говорю! — возмутился рыжик. — Дядьки подпоили колдуна из этих, армейских. И он в шатре у дяди Адаша намагичил, чтоб, значит, на него во сне палка упала. В смысле, на кровать, а потом на него. Короче, на него и на кровать. Такая толстая оглоблина, что крышу держит. У неё ещё сверху рогульки железные торчат, — демонёнок растопырил пальцы, изображая, кажется, ежа. — И вот как эта балка-то рухнет, так принцу прямо на башку. Бамц! Мозги во все стороны! Здорово, да?

— Оглобля?! — ни с того ни с сего завопил вдруг дурниной Его Высочество. — Опять балка?! Сколько можно? Да вы сговорились все, что ли?

— Ну, все не все, — протянул Дан, задумчиво потирая подбородок. — А о заговоре я тебе давно талдычу.

— Точно! — опять встрял рыжик. — Один из дядек так и говорил: «Заговор это!». И ещё чего-то про диск... дист... диспер... Дистерпцию, во!

— Может, дискрецию^[12]? — ласково поинтересовался Ирраш.

— А я как сказал? — удивился рыжик.

Арха переводила взгляд с одного мрачного демона на другого — ещё более мрачного. Как-то все гвардейцы разом посмурнели. Поэтому ведунья и решила, что в данный момент уточнять значение незнакомого слова точно не стоит.

Долгожданная радость не ждёт за поворотом. Она неожиданно шибает в лоб.

Из наблюдений профессиональной принцессы

Такого быстрого перехода через Тьму Арха припомнить не могла. Никто из демонов не задержался даже для того, чтобы «здрости!» сказать. Всё-таки, обычно они проявляли больше вежливости. А сейчас даже момента безвременья почти не было. Так, нанесло только вселенской жутью — и все уже стояли перед штабным шатром.

Естественно, незамеченным их появление не осталось. А если быть уж совсем точным, то присутствующие дружно побросали все свои дела. И уставились на прибывших, как деревенский дурачок на акробатов. Наверное, разодетая и увешенная драгоценностями группа посреди армейской ставки выглядела и впрямь эффектно.

Почему-то Его Высочество наотрез отказался идти в собственную палатку смотреть на рогульку. Вместо этого громовым голосом потребовал собрать экстренное совещание штаба. Арха подозревала, что орёт он не от переизбытка собственной значимости, а потому что нога болит. Но к новенькому перелому ведунью принц не допустил, заявив, будто дела важнее. Пропорции демонической бравады к надежде, что «всё само пройдёт» в этом заявлении лекарка определить не бралась.

Пока принц изображал собой тура в гоне, вестовые, адъютанты и денщики носились, разыскивая своих хозяев, а демоны воспроизводили скульптурную группу «Самые недобрые предчувствия», Арха тихонечко отошла в сторону и уселась прямо на траву. Парчовая юбка встала забором, цепляя хозяйку за уши. Но даже на это ведунья наплевала. Ноги её и в самом деле не держали. Слишком насыщенным день выдался. Хотелось даже не сесть, а лечь. Предварительно сняв корсет. Но пришлось ограничиться туфлями.

Ведунья устало потёрла переносицу — глаза от недосыпа жгло. Но до кровати ещё предстояло дожить.

— Ты как нас нашёл — то? — даже и не собираясь голоса понижать, спросила Арха у пристроившегося рядышком Данаша.

Гвалт вокруг стоял такой, что впору было не понижать голос, а орать на принцев манер. Почему-то если за организацию дела бралась коронованная особа, то шум поднимался до небес. Видимо исполнители воплями обозначали своё усердие.

— Ну, как-как? — недовольно буркнул демонёнок. — Попросил Тьму к отцу перенести — и всё, тут я.

— Вот просто взял и попросил? — опешила ведунья.

— Не, ну чего сразу просто-то? — рыжик шмыгнул сопливым носом и по-деревенски утёрся рукавом рубахи. — Я её очень сильно попросил.

— Это как? — переспросила лекарка, внутренне холодея.

— А то ты не знаешь, как! — фыркнул Данаш. Скорчился, суксился, скис мордашкой, подняв бровки домиком, и заскулил, — Тётенка Тьма, отнесите меня к папе, пожалуйста! Мне очень-очень нужно. А я, как вырасту, обязательно заплачу-у... Ответить-то она мне ничего не ответила. Но вот, швыранула.

— Н-да!.. — только и смогла выдавить Арха, решая, что в данной ситуации уместнее: расхохотаться или заплакать.

Но так и не решила. Образ офигевшей от такой наглости богини помешал.

— Ладно, герой. Ты лучше скажи, чего тебе в палатке Его Высочества понадобилось? — рыжик выпрямился, решительно выдвинул подбородок вперёд, преданно глядя в глаза ведуньи. Арха усмехнулась. — А вот врать не стоит. Собственно, ты уже попался.

Демонёнок сник, гневно сопя носом. Лекарка его не торопила. Она тоже никуда не спешила.

— Чего уж, — обречённо махнул рукой Данаш. — Пойдём, покажу.

— А на словах никак?

— Ты же всё равно не поверишь.

Пришлось вставать и плестись за мальчишкой, переваливаясь с боку на бок, как утка. Почему-то без туфлей платье оказалось ещё неудобнее, чем с бесконечными каблуками.

В сам шатёр, у входа в который лаялись, брызжа слюной и пытаясь выяснить, кому заклятие снимать, пара магов, все пятеро жрецов и два непонятных типа подозрительной наружности, демонёнок заходить не стал. А, воровато оглянувшись, ловко поднырнул под растяжки, поманив за собой ведунью. Арха, крихтя как старая бабка, едва сумела согнуться, пролезая под канатами. И чуть не запуталась в пологе адъютантской палатки, стоявшей почти вплотную к жилищу принца.

Кстати, адъютанта у Адаша не было. Поэтому пустующий шатёр штабные использовали как место для коротких, но страстных свиданий. Принц, почему-то, не протестовал. К счастью, сейчас палатка осталась невостребованной.

— Ну что ты там копаешься? — раздражённо прошипел Данаш. Пошарил, схватил Арху за запястье и с совсем не детской силой выдрал её из складок полога. — Застукает же кто-нибудь! Спалился не спалился, а сначала перенести надо.

— Только не говори, что ты у принца свои сокровища прячешь! — проникновенно попросила лекарка, пытаясь сгрести собственный подол в охапку.

Подола было много, а рук мало.

— Не у него, а под его шатром, — веско поправил девушку рыжик.

Ещё раз огляделся, встал на колени, осторожно отодвинул край тента в сторону. Приподнял пласт срезанного дёрна, потом дощечку. И вынул увесистый свёрток, размером с голову Архи. Заботливо подул на него, отряхнул катышки сухой земли и откинул край ткани.

От переливов колец, брошек, серёг, цепочек у ведуньи в глазах зарябило. Лекарка тяжело опустилась на землю рядом с рыжиком. Протянула руку, чтобы убедиться: сокровище и впрямь не морок. Но дотронуться так и не решилась.

— Откуда у тебя это? — почему-то шёпотом спросила Арха, таращась на мальчишку.

— Ну, откуда-откуда... — передёрнул плечами Данаш, любовно разглядывая свои богатства. — Понятно откуда. Из города. Я там с одним дядькой стакнулся. Приношу ему муку, соль там, мяса иногда. Ну и так, по мелочи. А он мне вот этим платит.

— По мелочи — это не мечи случайно? — тяжело сглотнула ведунья.

— Совсем того, да? — возмутился демонёнок. — Крупку, овощей иногда. Но с этим сложно, свежих-то нет ещё.

— И по многу таскаешь? — уточнила лекарка, пытаясь научиться заново дышать.

— Да по многу-то там не протацишь, — пригорюнился рыжик. — Мешок, ну два. Один раз три проволочок удалось, но чуть не поймали. Сначала наши, а потом ихние.

— А как ты в город-то пробираешься?

— Ой, тоже мне фунт изюму! — презрительно фыркнул Данаш. — Как все, так и я. Договариваешься с нужным караулом. Отстёгиваешь им, понятно. Потом в пригород. Там никого и нет, выжгли же весь. Хотя, конечно, жуть берёт. Ну, значит, пробираешься до развалин тюрьмы. Я тебе потом покажу. А из неё ход ведёт под крепостной стеной — и в церковь. Большую, к самой стене и привалившуюся. По нему приговорённых молиться раньше водили. Ну, перед казнью. Чтоб через весь город не волочь. А так, тихонечко, никто и не увидит.

— И что, местные про этот ход не знают?

— Почему не знают? — искренне удивился мальчишка. — Знают, конечно. Завсегда патруль рядышком пасётся. Ему, ясное дело, тоже на лапу дать надо. Но тут хитрость есть. Берут-то не все. Находятся и честные дураки. Надо так подгадать, чтобы и с этой стороны нужные дежурили, и с той. Всё не так просто!

— Непросто... — эхом повторила Арха и кивнула на свёрток. — Слушай, Данаш, а зачем тебе это всё?

Демонёнок помолчал, сопя, с усердием отколупывая с ткани присохший кусочек земли.

— Понимаешь, у папы же всё отобрали, когда он на Ю женился. А Ю — она хорошая. И братишка вот теперь есть. Я и... Того...

— Решил восстановить семейное богатство, — закончила за него ведунья, запустив пятерню в волосы.

Пальцы запутались в сложно уложенных кудрях и заколках.

Рявкнуть? Разрыдаться? Обнять дурака? Забота о семье — это хорошо. А перепродажа спекулянту продуктов в осаждённом городе? Между прочим, ворованных продуктов.

— Ладно, пойдём. Нас, наверное, там уже с фонарями ищут, — буркнула лекарка. Педагогика никогда не была её сильной стороной. — И помоги мне встать. Дурацкое платье...

* * *

Как оказалось, пропавших никто и не думал искать. Просто потому, что не всех ещё генералов собрать удалось. Это и понятно. Дело к вечеру шло, большинство военачальников успели отужинать и даже на грудь принять. Многих пришлось вытаскивать из нежных объятий боевых подруг. Те же, кто к штабу явились, не доходя до шатра и ста метров, разворачивались и отправлялись восвояси. Перетряхивать сундуки и судорожно начищать фамильные драгоценности и заслуженные — или не очень заслуженные — медали. Ударять генеральским личиком в грязь не желал ни один.

Благодаря этой суматохе Архе и удалось пробраться внутрь шатра практически незамеченной. Гвардейцы, по-прежнему стоявшие истуканами, ведунью увидели. Тхия даже перехватил демонёнка, поставив рядом с собой. Но лекарке никто и слова не сказал. Поэтому девушка решила, что формальное разрешение на её присутствие получено. Хотя и постаралась забиться в самый дальний, почти не освещённый угол.

Шатёр начал наполняться народом. И внутри мгновенно стало душно, словно каждый входящий воздух крал. И вместо кислорода штабная палатка наполнилась ароматами дорогих духов, цветных пудр и притираний. Всё по отдельности пахло, может, и не плохо. А вот

вместе рождало такой аромат, перед которым и конюшня показалась бы цветущим садом.

Наконец, когда внутрь вошёл последний сановитый господин, за тонким пологом шатра раздалось металлическое бряцанье, топот подкованных сапог и чей-то раскатистый молодецкий рывк: «На кар-раул!».

— Вы абсолютно всё правильно поняли, господа, — протянул Адаш, вольготно развалившийся в походном кресле.

Развалиться-то он развалился. Но ведунья прекрасно видела и бисер пота у него на лбу, и серость на скулах. Сапог, раздувшийся на венценосной щиколотке, как кровяная колбаса, от её внимания тоже не ускользнул. Но, как говорится, вольному воля.

— Все здесь присутствующие временно находятся под арестом, — продолжал мурлыкать кронпринц. — Этот приказ отдал я. И, как вы понимаете, отменить его могу тоже только я. А насколько быстро это произойдёт, зависит от вашей честности.

В непонимание ситуации и искреннее недоумение генералов ведунья поверила. Таких невинных лиц, честнейших глаз и даже несколько оскорблённого переглядывания не могло быть и у монашек. Только вот наследник продолжил демонстрировать оскорбительное недоверие и даже усмехнулся гадко.

— Скоты! — процедил Адаш сквозь зубы, продолжая усмехаться.

Понизить голос в голову Его Высочества и не пришло.

Тхия наклонился над сыном, старательно пытавшимся задвинуться подальше за отцовскую спину, и что-то тихо спросил. Демонёнок, явно подзабывший и те немногие манеры, которым его успели обучить, ткнул пальцем в четырёх генералов. И поспешно убрался обратно в тень. На это блистательное собрание даже его рыжей наглости не хватало.

— Ба! Знакомые всё лица! — умилился принц. — Прошу господ, на которых указал этот прелестный отпрыск, выйти вперёд.

— И вы поверите поклёпу какого-то молокососа? — гневно взвизгнул толстячок.

По мнению Архи ему только яблока в зубах не хватало и зонтиков укропа за ушами. А то сходство с жареным поросёнком стало бы полным.

— Какому поклёпу? — ласково поинтересовался принц. — Вроде я вас пока ни в чём не обвинял. Или вы готовы облегчить свою вину и усугубить наказание чистосердечным признанием?

«Свинёнок» ничего такого явно не хотел и забормотал что-то невнятно-оправдательное. Но обелиться даже перед собственными собратями по оружию у него и шанса не имелось. Вокруг несдержанного генерала пространство мгновенно очистилось. А господин, больше всего смахивающий на сонную гориллу, отчётливо выговорил: «Всегда был кретином!».

— Так что же вы кретина-то в заговор взяли, господин Лашерр? — сочувственно поинтересовался Адаш. — Только давайте договоримся сразу. Вы уже недоумение изобразили, а я оценил. Вопли: «Какой заговор?!» — выслушал. И даже объяснил подробно, что я имел в виду. Предлагаю перейти сразу к деталям.

— Послушайте, я не понимаю... — веско, но несколько вяло начал гориллоподобный.

— Тебе же сказали: переходим сразу к деталям, — негромко напомнил генералу Ирраш.

— Нынче вы не капитан городской стражи, милейший! — вскинув подбородок, прищурился офицер. — И я не намерен...

— Понижение в должности не помешает выдернуть тебе ноги, — абсолютно спокойно, скорее в манере Дана, чем в своей собственной, перебил его шавер. — И я намерен это сделать. Если ты и дальше будешь пса за причинные места тягать.

— Очень точное и ёмкое определение личной позиции, — похвалил Ирраша принц. — От себя могу добавить только одно: выдернутые лордом Нашкас ноги я лично в глотку вам вставлю. Итак, жду ответа на вопрос: на кой вам понадобилась моя смерть?

— А что нам будет, если мы во всём искренне покаемся? — пискнул «поросёнок».

— Да ничего вам не будет, — брезгливо поморщился Адаш. — Отправитесь к своей хозяйке. Заодно передадите от меня привет горячо любимой тётушке. Не хватало мне ещё о всякую падаль руки марать. Спрашиваю в последний раз: зачем вам была нужна моя смерть? Дальше начнёт спрашивать Ирраш.

— Вы слишком бурную активность развели в последнее время, Ваше Высочество, — неохотно отозвался генерал-горилла, сникнув могучими плечами. — Если дело и дальше так пойдёт, то город точно сдастся.

— И что?.. — озадачился наследник.

Видимо, суть генеральской логики не дошла ни только до Архи.

— Да то, что это проклятый город — ключ ко всему Западу! — неожиданно вызверился «поросёнок», от гнева даже подпрыгнув на месте. — Не будет его — и вы же земли светлых просто проутюжите!

— А это плохо? — осторожно поинтересовался принц.

— Конечно же плохо! Поставки! Сроки! Договора, в конце концов! Да я на взятках целое состояние раздал! — «свинёнок» так взбесился, что в уголках его губ даже пена закипела.

— Ничего не понимаю! — пожаловался Адаш.

— А я, кажется, понимаю, — негромко проговорил Дан, не сходя со своего места. — Подряды, Ад. Военные подряды. Для армии на марше нужно поставлять совсем другие товары и совсем в других объёмах, чем для армии в условиях осады. А товары-то уже наверняка на полгода вперёд закуплены. Куда их девать, если ты город возьмёшь?

— Да-с, товары! И какие товары, прошу заметить! Дорогие вина! Деликатесов почти корабль с севера привёз! Туалеты прошлогодней моды для дам! Куда я это дену?

— Вы же нас сами вздёрнете! — прогудел горилла. — Одно дело сапоги по пол империала за пару, когда солдаты в окопах прохлаждаются, а другое дело на марше. К осени бы мы их поменяли, да и по уставу положено. На хорошие.

— А рабочие для рытья укреплений и сап? — подал голос доселе молчавший генерал. — Я до осени подрядил семнадцать бригад бесов! И оплатил контракт полностью. Куда мне их девать?

— Я так понимаю, что армии вы сапоги из картона по империалу продали, а то и по полтора? — уточнил принц. — А бригады землекопов вам, господин главный инженер, с этих контрактов сколько отстегнули? Половину? Впрочем, вы это следователям расскажите. И да, я вас, получается, надул. Простите, но в столицу вам прогуляться придётся. Только не ко двору, а в тюрьму.

* * *

Без генеральской толпы в шатре сразу сделалось слишком просторно. А без гневных воплей и возмущённых криков слишком тихо. А вот воздуху, вентилирующему через откинутый клапан входа парфюмерную вонь, Арха, пожалуй, радовалась. Впрочем, сейчас

это был единственный повод для радости.

— Получается, что императрица тут ни при чем, — задумчиво протянул Дан, потирая подбородок. — Даже странно.

— А по-моему, ничего тут странного нет, — пожал плечами Шай. — Права Арха, вечнс мы всё усложняем.

— Это как посмотреть, — кронпринц сполз по сиденью кресла, опёршись затылком о подлокотник и глубокомысленно рассматривая потолок. — Меня хотели угробить из-за каких-то сапог! Тьма! В голове не укладывается.

— Не из-за сапог, а из-за денег, — хмуро уточнил Ирраш. — Самый достойный повод для убийства. Только вот способы какие-то... — шавер скривился —... дилетантские. Отравы, подруга... Убийца, который даже дорезать не сумел. Я бы...

— В твоих талантах никто и не сомневается, — хмыкнул Адин. — Только вот генералы — не ты. Об убийствах они, наверное, лишь в романах читали. Ну, оттуда же и информацию подчерпнули. А исполнители... Видимо, кого найти сумели, того и наняли. Согласись, тут не столица. Это там убийцу подрядить проблем не составляет.

— Ну, как показывает практика, и в столице к этому делу надо с умом подходить, — заметил Дан, выразительно глядя на кронпринца.

— Ты мне это до Бездны припоминать будешь? — поморщился Адаш. — Между прочим, у меня душевная травма. Я заговор против себя раскрыл. И какой! Наверное, мог стать единственным наследником престола, убитым из-за солдатских сапог. И, кстати, даже Арха меня простила. Простила же, ведунья?

— Нет! — мстительно отозвалась из своего угла лекарка. — И не прощу. Кстати, долги ты мне так и не отдал.

— Как это не отдал? — Адаш так удивился, что даже голову поднял.

— Ты его Дану вручил, а не мне.

— Так по моему же приказу тебя собственный отец признал! — возмутился архиному коварству принц.

— Только меня в тот момент забыли спросить, устраивает ли такая плата, — буркнула ведунья, поднимаясь. — Давай я тебе ногу посмотрю всё-таки. И, Дан, не уходи, пожалуйста. Нам нужно с тобой поговорить.

— Нужно, — согласился хаш-эд, явно размышляя о чём-то своём. — Я подожду, котёнок...

От такого обращения Арха аж споткнулась. «Котёнком» и «малышом» лорд Харрат её уже с месяц не величал. Оставалось только решить, к добру такие перемены или к худу.

— Лорд Нашкас, вы здесь? — раздалось от входа в палатку. — Мне сказали, что вы здесь. Но тут столько запахов, что я...

Ллил стояла, вцепившись в полог шатра, и медленно поводила головой из стороны в сторону, будто пытаясь что-то уловить. Ореховые глаза, потемневшие почти до черноты, лихорадочно блестели. И румянец со щёк слинял. Девушка вообще выглядела неважно. Но крайне решительно.

— Да, я тут, — отозвался Ирраш, косо глянув на Шая.

Блондин открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

— Хорошо, — кивнула Ллил. Но на голос шавера не пошла. Только, кажется, пальцы на тенте стиснула сильнее. — Это хорошо, что вы здесь. Надолго я вас не отвлеку. Просто хотела сказать, — девушка глубоко, судорожно вздохнула, — я вас люблю. И вы меня тоже.

Можете себе врать сколько угодно, но я правду знаю, чувствую. Вот тут чувствую.

Она положила свободную руку себе на грудь, напротив сердца. И постучала пальцами для убедительности.

— Отказаться от этого ваше решение и ваше право. Ещё когда вас выхаживала, я сказала, что вы трус. Конечно, жаль оказаться правой. Больше всего мне бы хотелось провести жизнь рядом с вами. А может и потом, в Бездне. Но заставлять не буду. Если таков ваш выбор, то...

Ллил легонько пожала плечами.

Ирраш судорожно откашлялся, окатив замерших сусликами демонов кислотным взглядом. Ухмыляющаяся во весь рот Арха заслужила даже два взгляда.

— Ллил, поверь, я очень ценю... — прохрипел шавер. — То есть мне лестно... В общем я... Но, пойми ты, дурочка блаженная, тебе нужен...

— Позвольте мне самой решать, кто нужен, а кто нет! — девушка выпрямилась, будто даже выше ростом стала. И отпустила полог шатра. — Не вам меня убеждать! Я господина Нашкаса знаю, пожалуй, лучше, чем он сам себя знает. И уж куда лучше всех ваших друзей вместе взятых. Себе вы врёте постоянно. А другие видят только то, что им показывают. Я же вообще ничего не вижу. Зато чувствую многое. Но, собственно, это всё. Больше вас беспокоить не буду. Прощайте.

— Ллил, постой, я...

Девушка послушно остановилась на пороге, обернувшись к шаверу. Но Иррашу сказать больше явно нечего было. Арха тихонько зашипела, строя демону страшные морды. Дан только брови приподнял и демонстративно отвернулся. Тхия стоял в уголке, зажимая ладонью рот Данашу. Адин и Адаш, зеркала друг друга, ухмылялись, сложив руки на груди. Только Шай сидел, разглядывая пол.

— Вы что-то хотели мне сказать? — напомнила о своём существовании слепая.

— Нет! — мотнул головой шавер, поигрывая желваками.

— Ну, тогда скажу я, — подал голос Шай, не отрываясь от изучения пола. — Или ты сейчас уходишь с ней. Или я заявлю на неё свои права.

— А я, как сюзерен, подтверждаю, — сообщил столбу Дан.

— Нет, как сюзерен подтверждаю я! — не скрывая удовольствия, протянул Адаш.

— Да прекратите вы! — Арха, едва не запутавшись в своих юбках, подскочила к побелевшей, как полотно девушке, обняв её за талию. — Она же сейчас в обморок упадёт!

— Ты тоже здесь? — просипела Ллил.

Кажется, действительно собираясь потерять сознание.

— Да, собственно, тут разве что роты почётного караула не хватает, — буркнул Адин, жуя кончик уса.

— Так что, Ирраш, надумал? — Шай головы так и не поднял. — Ну, как знаешь. Я, лорд...

Как шавер к блондину подскочил, Арха не заметила. Мелькнуло просто что-то — и всё. Зато вот чёрную лапищу, сжимающую бледное горло, разглядела хорошо. Ну а уж утробный рык не мог расслышать только глухой.

— Может ты займёшься чем-нибудь более продуктивным? — спросил Дан, кладя Иррашу руку на плечо.

Осторожно так кладя, с опаской. И правильно опасался. Кошачьи клыки разминулись с его запястьем всего на полпальца, клацнув на весь шатёр.

— Моё! — пророкотал шавер, скалясь.

— Так никто и не спорит, — пожал плечами хаш-эд, отступая на шаг. — Пока никто не спорит.

Ирраш зашипел, отшвырнув Шая, едва не снеся им кресло принца, и вылетел из палатки, по пути подхватив Ллил на руки. Кажется, сделал он это одной лапой — девушка лишь придушенно пискнула.

— Тьма... Этот день когда-нибудь закончится? — простонала Арха.

Почему-то ей никто не ответил. Только Шай молча встал и вышел из шатра. Сквозь заднюю стену. Чтобы разорвать тент ифовету даже напрягаться не пришлось.

* * *

Давать себя осматривать в штабе принц отказался категорически. Пришлось тащиться за Адашем в его палатку. Ведунья уже едва ноги передвигать могла. Пластины корсета, кажется, срослись с рёбрами. А платье весило тонну.

— Я сейчас упаду... — хмуро пожаловалась она в пространство.

— Устала? — заботливо поинтересовался Дан. — Хотя чего удивляться? День насыщенный получился.

— Да при чём тут день? — окрысилась ведунья, с трудом приподнимая подол и демонстрируя его демону. — Ты вот это поноси, а я посмотрю!

— А разве сложно? — удивился хаш-эд, пожимая плечами. — По-моему, леди такое с удовольствием носят.

Лекарка только тихонько зарычала сквозь зубы. Кажется, получилось это у неё совсем по шаверски.

Нога принца распухла до такой степени, что сапог вместе с чулком пришлось разрезать. Зато отёк уgomонил боль и Адаш чувствовал себя прекрасно. Не морщился, не потел и не вскрикивал, пока ведунья с ним возилась. Развалился на кровати и подушечку себе под голову подложил.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Дан, поигрывая прихваченным с походного стола ножом для разрезания писем.

— Знаю, — кивнул Его Высочество. — Что нам пора заканчивать играть в войну. И возвращаться в столицу.

Арха вздрогнула, подняла голову, переведя взгляд с одного рогатого на другого. Но ничего не сказала, вернувшись к сиятельной побагровевшей щиколотке.

— Рыба гниёт с головы... — вздохнул лорд Харрат и метнул нож.

Лезвие послушно воткнулось в столб, вибрируя рукоятью в виде томно изогнувшейся наяды. Хотя костяные клинки в дерево вроде втыкаться не могут.

— Наша рыба с головы до плавников прогнила, — наставительно сообщил наследник и скривилась, когда лекарка сжала ему ногу особенно сильно. — И хвост у неё отвалился.

— Это мы отвалились...

Дальше ведунья к разговору не прислушивалась. Точнее, она его просто не слышала. Совсем.

Арха, ничего не понимая, таращилась на зелёную сосульку, лежащую у неё на ладони мёртвой стекляшкой. Девушка амулет не чувствовал: ни тепла, ни отклика, ни лёгкого

покалывания в пальцах. Даже полностью разряженный кристалл всё равно к ней тянулся, будто нащёптывая: «Я здесь, я с тобой!». Сейчас же совсем ни-че-го. Словно его подменили.

Или он отказался от Архи.

— Ты же знаешь, что права опеки я обратно Иррашу передам? И император моё прошение подпишет?

— Знаю. Но видел бы ты свою физиономию!

Слова звучали где-то сзади, фоном. И не имели никакого смысла.

— Котёнок, что-то не так? Малыш, что случилось?

Лицо Дана пробилось сквозь муть перед глазами, будто из тумана всплыло.

— Всё в порядке, — мотнула головой ведунья, пряча цепочку за ворот. — Извини, просто задумалась. Сейчас, я уже заканчиваю. Смещения нет, по старому перелому треснуло. Только шину наложить — и всё.

— Точно, всё в порядке? — глаза хаш-эда недоверчиво полыхнули красным.

— Абсолютно. Устала просто.

Странно, но Архе даже удалось улыбнуться вполне естественно.

«Кстати, это вполне может оказаться правдой, — задумчиво протянул внутренний голос. — Может, действительно устала. А, может, твоё... эм!.. положение так сказывается?». Лекарка кивнула собственным, не слишком логичным, но успокаивающим мыслям. Действительно, почему это не могло быть правдой? В конце концов, её жизнь можно назвать какой угодно, но только не нормальной.

Выйдя из шатра, Дан, мнением девушки, естественно, не интересуясь, свернул не к дому, а в сторону озера. Но ведунья и не спорила. Её домой тоже как-то перестало тянуть. Наверное, такие новости действительно стоит сообщать на нейтральной территории. Ещё неизвестно, как на них демон отреагирует.

Хотя лекарке казалось: реакция хаш-эда ей не понравится. И что за ней последует тоже. Ведь Адин уже как-то сказал: «У него бастардов нет и никогда не было!».

А погода не располагала к решительным объяснениям. Звёзды щедро усыпали небо мягко мерцающим бисером. Камыш тихонько шелестел под лаской едва заметного ветерка. И вопящие во всё горло лягушки в пруду явно настраивались на романтику. В зарослях сирени переливал трели горлом соловей.

Дан резко остановился, запустив пятерню в волосы. Но к девушке не обернулся.

— Тьма! Никогда не думал, что это так сложно, — процедил демон сквозь зубы. — Целую речь ведь заготовил... Может, сначала ты скажешь, что хотела?

— Нет, давай ты, — мотнула головой ведунья.

Только сейчас сообразившая, что хаш-эд весь вечер талдычил о предстоящем разговоре. И судя по его реакции, его новости приятными тоже не назовёшь.

«Так может оно и к лучшему? — элегически протянул внутренний голос. — Тогда точно пусть первый говорит. Будет шанс гордо уйти. И унести свою тайну в сердце. Под сердцем в смысле».

— Говори! — решительно выдохнула ведунья.

— Да ты тоже хотела что-то сказать, — покачал рогами демон, медленно оборачиваясь. — Дамы вперёд. Арха, мне, правда, непросто.

Они уставились друг на друга. Пауза затягивалась. Даже лягушки в пруду настороженно притихли.

— Ладно, — решила ведунья, — Дан, я, кажется, беременная.

— Арха, ты выйдешь за меня замуж? — странно, но хаш-эд решился одновременно вместе с ней.

Молчание, плотное, как кисель.

— Что? — это они тоже выдали дуэтом.

Молчание.

— Ты серьёзно?

А, может, недаром говорят, что единение помыслов — это залог счастливой совместной жизни?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Справочник существ Света и Тьмы

Выдержки из справочника «Свет и светлые существа», выпущенного Императорским университетом г. Ахар (Империя Хаширана)

Арелимь или Истинные (Первые)

Считается, что именно они являются истинными порождениями Света и первыми вышли из него, став прародителями остальных видов арэлеев (самоназвание светлых). На данный момент Ар. являются верхушкой аристократической знати и военной элиты Империи Света (Арэйской Империи). Им же принадлежат наиболее крупные земельные владения. По традиции, Высшие Троны занимают также представители родов Истинных (на данный момент рода Хаалон, Саленель и Раакон).

Считается, что Ар., в принципе, бессмертны. Их можно убить с помощью оружия или специфических ядов. Кроме того, в последнее время они все больше подвержены различным заболеваниям. Но если исключить внешнее воздействие, то Истинные могут прожить сколь угодно долго.

Но рассказы об их вечной молодости — миф. Поскольку даже Ар. изначально являются порождением Жизни, их тела проживают положенный срок (обычно около 250–300 лет). Затем жизнь их постепенно покидает и остаётся только то, что дано Светом — истинная форма и разум. Как правило, телесная оболочка со временем стареет и уничтожается самим хозяином, т. к. согласно сложившимся устоям светлых старость и физические недуги в целом считаются признаками слабости.

В этой особенности и заключается главная демографическая проблема данной расы. Их самцы сохраняют фертильность в течение первых 150–200 лет. Самки способны к деторождению примерно в течение такого же периода. Но за всю жизнь вынашивают одного, максимум двоих детёнышей. Многоплодные беременности среди Истинных — огромная редкость.

Ар. отличаются физической силой, ловкостью, они непревзойдённые бойцы и фехтовальщики. Кроме того, большинство из них обладают так называемым даром Света — магическими способностями, для которых не требуются заклинания, обряды, амулеты и другая атрибутика для аккумуляции и фокусирования силы. Они не зависят от стихии, а оперируют напрямую со Светом. Но сила «дара Света» индивидуальна, у одних она выражена сильнее, чем у других.

Характерной чертой Ар. является вспыльчивость, нетерпимость, индивидуализм и крайний эгоцентризм. Но в их среде считается дурным тоном демонстрировать свои эмоции. Поэтому повсеместно бытует мнение, что Истинные крайне выдержаны и не способны испытывать какие-либо чувства.

Внешние отличия. Самым ярким внешним отличием Ар. являются крылья, которые они могут материализовать в так называемой промежуточной форме (средняя между обычной и истиной). Они различаются по размеру и окраске перьев. Кроме того, у большинства Истинных глаза не имеют видимого различия между радужкой и белком, а всё глазное яблоко окрашено оттенками синего или голубого. Как правило, Ар. отличаются

невысоким ростом, достаточно тонким костяком, но прекрасно и пропорционально развитой, мускулатурой.

Истинный облик. В истинном облике тело Ар. увеличивается в объёмах примерно в два раза (крылья увеличиваются пропорционально). Внешность их разглядеть сложно, так как источаемая ими аура начинает пылать навроде огненной и её белое сияние нестерпимо даже для демонических глаз.

Ишимы или Вторые

Именно Иш. являются реальными потомками арелимов. Данный вид появился вследствие связей Истинных с представителями других рас. Наиболее вероятно, что второй линией, породившей Иш., были либо офанимы, либо малахимы. Но сейчас все большую популярность приобретает теория, согласно которой данный вид порождён арелимами и людьми, хотя сами Истинные такую возможность отрицают.

Многие семьи Иш. являются побочными линиями, а то и младшими ветвями высших родов арелимов. Однако эта раса считается второй по уровню политического и экономического влияния в империи. Больше всего Иш. привлекают высшие чиновничьи должности и посты. Но поскольку именно в армии быстрее и проще сделать карьеру, то в последнее время молодые иш. Все чаще стремятся занять военные посты.

Физически эта раса одарена немногим хуже, чем их прародители. Кроме того, они часто отличаются внешней привлекательностью. А вот магические способности у них проявляются крайне редко. И по имеющимся данным ни один Иш. не обладает «даром Света».

Не унаследовал от предков данный вид и «бессмертия». Хотя их продолжительность жизни весьма велика — до 400 лет. Половой зрелости Иш. достигают к 20–25 годам.

Эмоциональные черты эти светлые также в полной мере унаследовали от своих предков. И всячески стараются копировать их поведение и психо-эмоциональные характеристики.

Внешние отличия. Как и у Истинных, у Иш. в промежуточной тоже присутствуют крылья. Но они гораздо слабее и меньше. Иш. неспособны к полноценному полёту — только планированию наподобие летучей мыши. Глазное яблоко имеет однородную окраску, часто совсем неестественных цветов, например, чисто фиолетовый или изумрудный.

Истинный облик. Форма, данная Светом, у Иш. мало отличается от облика арелимов. Различия заключаются лишь в меньших размерах и более низкой интенсивности свечения.

Выдержки из справочника «Тьма и тёмные существа», выпущенного Императорским университетом г. Солинар (Империи Света)

Хаш-эды или Истинные (Первые)

Считается, что именно они являются истинными порождениями Тьмы и первыми вышли из неё, став прародителями остальных видов демонов. На данный момент Х-эд.

являются верхушкой аристократической знати и военной элиты Империи Тьмы (Хашранской Империи). Им же принадлежат наиболее крупные земельные владения. По традиции, императорский трон также занимают представители родов Истинных (на данный момент род Итварон).

Считается, что Х-эд., в принципе, бессмертны. Их можно убить с помощью оружия или специфических ядов. Кроме того, в последнее время они все больше подвержены различным заболеваниям. Но если исключить внешнее воздействие, то Истинные могут прожить сколь угодно долго.

Но рассказы об их вечной молодости — миф. Поскольку даже Х-эд. изначально являются порождением Жизни, их тела проживают положенный срок (обычно около 250–300 лет). Затем жизнь их постепенно покидает и остаётся только то, что дано Тьмой — разум и телесная оболочка, не способная к регенерации. Именно поэтому некоторые представители этого вида похожи на мумий.

В этой особенности и заключается главная демографическая проблема данной расы. Их самцы сохраняют фертильность в течение первых 150–200 лет. Самки способны к деторождению примерно в течение такого же периода. Но за всю жизнь вынашивают одного, максимум двоих детёнышей. Многоплодные беременности среди Истинных — огромная редкость.

Х-эд. отличаются физической силой, ловкостью, они непревзойдённые бойцы и фехтовальщики. Кроме того, большинство из них обладают так называемым «даром Тьмы» — магическими способностями, для которых не требуются заклинания, обряды, амулеты и другая атрибутика для аккумуляции и фокусирования силы. Они не зависят от стихии, а оперируют напрямую с Тьмой. Но сила «дара Тьмы» индивидуальна, у одних она выражена сильнее, чем у других.

Характерной чертой Х-эд. является вспыльчивость, нетерпимость, индивидуализм и крайний эгоцентризм. Но в их среде считается дурным тоном демонстрировать свои эмоции. Поэтому повсеместно бытует мнение, что Истинные крайне выдержаны и не способны испытывать какие-либо чувства.

Внешние отличия. Самым ярким внешним отличием Х-эд. являются рога. Они различаются по цвету, форме и размеру. Кроме того, у большинства Истинных радужка глаза окрашена оттенками алого или оранжевого цвета. Нередко и белок имеет такую же розоватую или красноватую окраску. Как правило, Х-эд. отличаются высоким ростом и атлетическим телосложением.

Истинный облик. В истинном облике тело Х-эд. увеличивается в объёмах примерно в два раза. Появляются крылья, с помощью которых они могут парить или перепархивать на небольшое расстояние. Когти (как на руках, так и на ногах) так же увеличиваются. Рога могут изменить свою форму, становясь полноценным оружием. Лицо деформируется, делаясь похожим на морду летучей мыши.

Исторы или Вторые

Именно Ивт. являются реальными потомками хаш-эдов. Данный вид появился вследствие связей Истинных с представителями других рас. Наиболее вероятно, что второй линией, породившей Ивт., были либо арифеды, либо ифоветы. Но сейчас все большую

популярность приобретает теория, согласно которой данный вид порождён хаш-эдами и людьми, хотя сами Истинные такую возможность отрицают.

Как бы то ни было, но многие рода Ивт. считаются побочными линиями родов хаш-эдов. В некоторых гербах до сих пор сохранилась «bend sinister» — лента, указывающая, что начало роду дал бастард. Однако эта раса считается второй по уровню политического и экономического влияния в империи. Больше всего Ивт. привлекают высшие чиновничьи должности и посты, в армию они идут неохотно.

Физически эта раса одарена немногим хуже, чем их прародители. Кроме того, они часто отличаются внешней привлекательностью. А вот магические способности у них проявляются крайне редко. И по имеющимся данным ни один Ивт. не обладает «даром Тьмы».

Не унаследовал от предков данный вид и «бессмертия». Хотя их продолжительность жизни весьма велика — до 400 лет. Половой зрелости Ивт. достигают к 20–25 годам. Интересный факт: по внутренним (негласным) законам этой расы, самец становится совершеннолетним только к 50 годам.

Эмоциональные черты эти демоны также в полной мере унаследовали от своих предков. И всячески стараются копировать их поведение и психо-эмоциональные характеристики.

Внешние отличия. Как и у Истинных, у Ивт. тоже присутствуют рога. Точнее, небольшие сферические рожки на лобной части черепа. Помимо этого, радужка этих демонов часто окрашена в самые невероятные цвета, например, чисто фиолетовый или изумрудный.

Истинный облик. Форма, данная Тьмой, у Ивт. мало отличима от облика хаш-эдов. Различия заключаются лишь в меньших размерах и отсутствие рогов, как полноценного оружия.

Арифеды

Ар. считают первой, относительно удачной, попыткой Истинных обмануть собственную природу, подаренную им Тьмой. С помощью этой расы хаш-эды хотели обойти такую свою особенность, как конечность Жизни в себе. Вследствие евгенических опытов и селекции, они вывели эту, Равновесием проклятую, породу. За что и поплатились.

Учёные мужи по сию пору спорят, считать ли этих созданий живыми. Они рождаются и способны к размножению. Но существование их длится только до тех пор, пока они поглощают энергию Жизни извне, так как своей собственной у них нет. При этом питаться они предпочитают либо детьми Богини, например, людьми. Либо порождениями Света. Кровь темных для них является ядом.

Получают так необходимую им энергию Ар. посредством кровососания. Поскольку эти создания начисто лишены какой бы то ни было магической силы, так необходимую им Жизнь они способны выделить только естественным путём, вычленив её из кровяных составляющих в процессе переваривания. Эта особенность и обеспечивает им неограниченный (теоретически) срок существования.

В силу исторически сложившейся ситуации, Ар. лишены серьёзного влияния в Империи. Вхожест в высшие аристократические слои они восстановили относительно недавно — всего примерно 200 лет назад. И с тех пор мечтают вернуть своё былое

могущество. Но хаш-эды, опасаясь повторения прошлых ошибок, тщательно контролируют собственное чудовищное порождение.

Внешние отличия. Ар., как никто из демонов, схожи обликом с человеком (возможно, что такая похожесть и не случайна). Они бледнокожи. У них легко заметить знаки родового вырождения: тонкий костяк, удлинённые черты лица, яркие наследуемые признаки (родимые пятна, дополнительные пальцы на конечность, многососковость и т. д.), что говорит о вырождении расы в целом. Клыки на верхней и нижней челюсти удлинены и заострены. Но, не смотря на распространенные мифы, для кровососания ар. их не используют.

Истинный облик. Эти демоны в своём истинном обличье отличаются крайней худобой. При виде их можно подумать, что мышц они вовсе не имеют — лишь костяк, покрытый иссушенными кожными покровами. Но, не смотря на это, их физическая сила удваивается. В темной форме они обретают крылья, удобные для планирования и, даже, способны взлететь. Морда плоская, череп схож по своему строению с собачьим. Клыки Ар., наравне с когтями, являются куда более страшным оружием, чем схожие атрибуты хаш-эдов.

Ифове́ты

Еще одни искусственно созданные Истинными существа. В экспериментах с выводением данной породы, хаш-эды пытались решить собственную демографическую проблему. Вследствие попытки обмануть и Тьму, и Жизнь, появились эти похабные, развращённые сверх всякой меры демоны.

Продолжительность жизни данного вида схожа с ивторами — до 350–400 лет. Что косвенно свидетельствует об их сродстве. Иф. крайне плодовиты и обычно имеют потомство не менее чем в 5 детёнышей.

Они хитры и умны, поэтому среди Иф. даже почтенных и старинных родов, немало купцов и иных дельцов. Они имеют немалое влияние в экономической жизни Империи. А вот политическая карьера их привлекает редко. Но молодые демоны отличаются легкомысленностью, часто немотивированно агрессивны и озабочены только развратом всяческого вида и форм. Поэтому в элитных армейских подразделениях юных Иф. немало.

Несмотря на всю свою внешнюю распущенность, Иф. крайне закрытая и таинственная раса. Об укладе их жизни внутри родов известно крайне мало. Считается, что они предпочитают проживать большими родовыми общинами.

Многие молодые особи данного вида в возрасте 25–35 лет покидают род, для того чтобы сделать карьеру в армии или при дворе (самки). Но, как правило, остепенившись, они возвращаются, дабы заняться более серьёзными и приличествующими взрослым демонам делами.

Внешние отличия. Иф. имеют крайне привлекательный облик. Бытует мнение, что их организм способен вырабатывать особые вещества, влияющие на половую возбудимость. Причём, данные вещества воздействуют вне зависимости от вида, расы или пола. Поэтому, развращённость данных демонов опасна для всех живых существ. Кроме того, кончик их языка раздвоен, а суставы и сочленения костяка крайне подвижны. Об особенностях строения половых органов см. в «Анатомический атлас демонов».

Истинный облик. Иф. те немногие демоны, которые в тёмном обличии не

увеличиваются, а уменьшаются в размерах. Их можно с чистой совестью отнести к классу рукокрылых. Но ноги почти не подвергаются изменениям. Иф. орудуют ими как дополнительными, полноценными, хватательными конечностями. Эти демоны становятся похожи на летучих лис, с довольно опасными клыками. Иф. в истинной форме крайне быстры и проворны.

Шаверы или Боевые коты хаш-эдов

Ш. не являются демонами в полном смысле этого слова. Изначально они были животными, обитающие во Тьме. Ш. не имели разума, но надо заметить, что и сейчас многие учёные мужи заявляют, что за полноценный разум мы принимаем псевдоразумность, как у хорошо выдрессированных собак. Так или иначе, но до их приручения Ш. считались наиболее опасными хищниками в Бездне.

Этого качества они не утратили и по сей день. Они сильны, ловки, подвижны и крайне агрессивны. При этом зачастую, Ш. расчётливы, являются прекрасными тактиками и стратегами. Поэтому неудивителен тот факт, что Ш. склонны к карьере в армии и нередко занимают там ведущие посты. Но, по случайности или нет, рядом с успешным Ш. всегда оказывается предприимчивый хаш-эд.

Ш. живут большими родовыми общинами. Их внутренний уклад наиболее патриархален. И не редко нарушает действующие законы Империи. Так, например, у данного вида демонов распространено многожёнство (что подтверждает их «животный» менталитет) и рабовладение.

Продолжительность жизни Ш. невелика — 200–250 лет. При этом самки живут примерно в половину меньше, чем самцы. Бытует мнение, что Ш. сами уничтожают женских особей, не способных к деторождению. Но документального подтверждения данная теория не нашла. Котят (так Ш. сами называют своих детёнышей) у самца бывает до 10 и более. Но до половой зрелости не доживает и половина.

Но одного у Ш. не отнять. Они крайне преданы Империи. И, не смотря на то, что амбиции отдельных представителей этой расы весьма велики, Ш. непреложно соблюдают два наложенных на них хаш-эдами ограничения. В своих майоратах они не строят укреплений и не набирают собственных армий.

Внешние отличия. Как и все существа, порождённые Тьмой, Ш. имеют очень характерные отличительные признаки. Они темнокожи — оттенки варьируются от глубокого чёрного до коричневого. Глаза большие, миндалевидные, жёлтого или жёлто-зелёного оттенков. Строение зубов имеет сходство с кошачьими.

Истинное обличье. В темной форме Ш. напоминают котов, лишённых шерсти. Они сильны, быстры и очень проворны. Их когти являются поистине смертельным оружием. Крайне опасны!

Грахи

Истинное происхождение грахов покрыто завесой тайны. Одно время считалось, что они и не демоны вовсе, а порождения Жизни. Но ряд проведённых учёными мужьями

опытов доказал: подобные суждения ошибочны. Как и мнение, что Гр. — потомки арифедов. Скорее всего, эти демоны являются плодов мерзких экспериментов хаш-эдов и получены Гр. Были путём скрещивания Истинных и детей Жизни (например, обратной).

Гр. расселены исключительно по северо-западному побережью империи. Предпочитают проживать небольшими семейными общинами, которые называют «родами», присовокупляя к названию тотемное животное (хотя языческих верований официально и не придерживаются). Ведут крайне патриархальный и примитивный (общинно-родовой) уклад жизни. У данного вида демонов также распространено многожёнство, что объясняется суровыми условиями выживания и заботе о потомстве.

Продолжительность жизни Гр. невелика — 150–200 лет.

Данная раса весьма обособлена, не признает законов Империи (хотя Гр. стараются и не нарушать их). Тесно общаются исключительно с арифедями, даже заключают с ними династические союзы.

Внешние отличия. Гр. отличаются очень высоким ростом и габаритными фигурами. У них мощный костяк и очень развитая мускулатура. Кожные покровы имеют характерную бледность, а волосы и радужка глаз крайне светлая, почти белая. У мужчин черты грубые и резкие, женщины обладают более приятной внешностью.

Истинное обличье. В темной форме Гр. внешне практически не меняются. Только увеличиваются в объёмах примерно в 1,5 раза. А сила их умножается многократно.

Мельхольмы

М., как и шаверы, не являются демонами в полном смысле этого слова. Изначально они были животными, обитающими во Тьме. Хаш-эды вытащили этих мерзких существ, надеясь, что они послужат пищей для арифедов. Т. к. в Бездне М. были мелкими хищниками, добычей для более крупных агрессоров (тех же шаверов). Эксперимент не удался, и М. постепенно эволюционировали.

В иерархии Темной Империи стоят несколько выше бесов только потому, что у них есть истинный облик. Поскольку они не отличаются ни чрезмерным умом, ни силой, М. обычно занимают не слишком почётные должности, становясь офицерами низшего звена или чиновниками средней руки. Но многие из них вовсе на государственной службе не состоят, предпочитая проживать в своих поместьях, ведя размеренную жизнь земельных рантье.

Но не стоит недооценивать их опасность! М. внешним обликом схожи с ишаимами и обывателю непросто отличить одного от другого. Несколько столетий назад они предприняли попытку «тихой экспансии» и фактически заселили территории Зеленодола и устья р. Тихой (р. Лаера). После того как Высший Трон раскрыл их гнусную натуру, в этих районах открылся новый фронт войны с Тьмой.

М., не смотря на свою демоническую сущность и незначительность, можно назвать наиболее цивилизованными из темных. Они чтят законы, стремятся дать своим детям достойное образование, отличаются крайне гибким мышлением и склонны блюсти нормы морали (следствие временной ассимиляции с арэлеями).

Имеют среднюю продолжительность жизни — примерно 350–400 лет. Плодовиты, но осмотрительны. После образования пары (брака) не заводят более 3–4 детёнышей. Как правило, пары их устойчивы и партнёры остаются вместе до момента ухода во Тьму.

Внешние отличия. Как уже было сказано, облик М. очень схож с ишаймами. Самой характерной чертой являются глаза без видимого отличия белка от радужки. Глазное яблоко имеет однородную окраску, но не синего или голубого, а тёмного (темно-карего, темно-орехового, темно-вишнёвого) цветов. Кроме того, они несколько смуглее и их кожа имеет оливковый оттенок.

Истинное обличие. В темной форме Ш. напоминают очень крупных крыс, лишённых хвостов. Они достаточно сильны, быстры и проворны. Их когти наносят болезненные, трудно заживляемые рваные раны. Слюна содержит токсины со слабым паралитическим действием.

Тахары или Каменные воины

Ещё одно порождение Тьмы. Учёные мужи до сих пор спорят, являются ли Т. живыми существами, либо же их нужно считать физическими объектами, «псевдооживленцами», подобие жизни в которые вдохнули с помощью так называемого «дара Тьмы» хаш-эды.

О Т. известно крайне мало. Они немногочисленны и их встречали только в личной охране лиц, приближенных к императору. Женских особей не видел никто и никогда. Все сообщения о встречах с ними впоследствии оказывались фальшивкой.

Внешне они производят впечатление хотя и невероятно сильных, но неповоротливых и тугодумных созданий. Но, по некоторым данным, это впечатление обманчиво.

Внешние отличия. Т. отличаются непомерно габаритными фигурами с ярко выраженной мускулатурой. Черты их лиц грубы: низкий лоб, широкие скулы, глубоко посаженные глаза.

Истинный облик: неизвестен. Нет подтверждения тому, что Т. им вообще обладают.

Бесы

Бесы — это отдельная раса темных созданий, насчитывающая более 1000 видов. Они отличаются не только внешним обликом и физическим строением, но и укладом жизни. А, порой, даже языком.

Первые Б. вышли из Тьмы вместе с хаш-эдами. С тех пор разнообразие видов этих существ увеличилось за счёт смешанных, в том числе и с демонами, связей. На данный момент население империи на 2/3 состоит именно из Б. Таким образом, они являются основными жителями государства. И их стоит рассматривать как отдельных существ, а не в контексте с остальными демонами.

notes

Примечания

Корпия — нащипанные из старой льняной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал. Позднее была заменена ватой.

Каптёрка — склад имущества в воинской части.

См. «Справочник Света».

Ирраш (хашр. уменьш. — ласк.) — «миленький», «хорошенький». Ир (хашр.) — в отношении живого существа употребляется в значении «привлекательный».

Миньон — фаворит, любимчик высокопоставленной особы.

Баклер — маленький, «кулачный» щит. 20–40 см в диаметре (8-16 дюймов).

Пёргола — навес из вьющихся растений для защиты прохода или террасы от палящего солнца. Опора перголы состоит из повторяющихся секций арок, соединённых между собой поперечными брусьями.

Сераль — женская половина дома или дворца, гарем.

Горицвет, волосатка — лекарственное растение, используемое при лечении сердечно-сосудистых заболеваний.

Ламиния — дух, предсказывающий беду. Появляется перед войной, эпидемиями и т. д. в виде очень бледной девушки.

Ведьмина дорога — путь от места заключения до плахи.

Дискреция — сдача осаждённого гарнизона крепости на волю победителя.